МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 13 № 3 / 2023

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 13 № 3 / 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2023

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 30.06.2023.
Дата выхода в свет 06.07.2023. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 25,6.
Тираж 1000 экз. Заказ 28.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2023

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 30.06.2023.
Release 06.07.2023. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 25,6.
Circulation 1000 copies. Order 28.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ……10

Оригинальные статьи

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации: некоторые предложения по совершенствованию (в контексте реализации статьи 35 Стратегии) 10

Чапчиков С. Ю.

Механизм реализации национальных интересов: факторы эффективности..... 18

Беляев В. П., Беляева Г. С.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ 30

Оригинальные статьи

Обеспечение публичной достоверности данных Единого государственного реестра недвижимости: вопросы теории и практики……30

Зайцев О. В., Кравченко А. А.

Актуальные проблемы отечественного правового регулирования сбора, хранения и передачи геномной информации в условиях современных вызовов……..42

Балашов К. Г., Кравченко Н. В.

Семейные ценности в российском праве и проблема сиротства: прошлое, настоящее и будущее..... 58

Филиппов П. М., Назарова А. С.

Субъектный состав договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего..... 74

Нагалина М. В.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ..... 90

Оригинальные статьи

Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы..... 90

Алихаджиева И. С.

Эволюция института ошибки в уголовном праве России……..102

Новичков В. Е.

Противодействие легализации (отмыванию) незаконных доходов в КНР: уголовно-правовой аспект..... 118

Никитенко И. В., Исаченко Е. А.

Оптимизация применения и законодательного регулирования ареста как меры уголовно-правового воздействия……..131

Корнеев С. А.

Понятие вооруженных нападений в образовательных организациях 145

Мамедов Ш. Г.

Правовое обеспечение предупреждения киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан……156

Карабеков К. О.

ПОЛИТОЛОГИЯ..... 169

Оригинальные статьи

Принятие политических решений в контексте миграционного процесса в России на современном этапе (проблемы и перспективы)……169

Мухина Я. А.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 180

Оригинальные статьи

Развитие школьного образования в период «застоя» на территории Оренбургской области.....180

Хисамутдинова Р. Р., Никуленкова Р. А.

К вопросу о биографии первого генералиссимуса России А. С. Шеина 197

Лихобабина А. И.

Становление гостиничного дела в России (XI–XVIII века)…… ..... …..206

Горюшкина Н. Е., Ворошилова О. Л.

Жилищно-бытовая повседневность курских железнодорожников в 1920-1930-е годы 220

Коровин Р. В.

«Дела на благо развития городов»: об объединении деятелей искусства Иркутской губернии в 1880-1900-е годы…… ..... ……232

Ткачев В. В.

К сведению авторов..... 246

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES……10

Original articles

Economic Security Strategy of the Russian Federation: Some Suggestions for Improvement (in the Context of the Implementation of Article 35 of the Strategy)……10

Sergey Yu. Chapchikov

Mechanism of Realization of National Interests: Efficiency Factors……18

Valery P. Belyaev, Galina S. Belyaeva

PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE……30

Original articles

Ensuring Public Reliability of Data from the Consolidated State Register of Real Estate: Issues of Theory and Practice……30

Oleg V. Zaytsev, Aleksander A. Kravchenko

Actual Problems of Domestic Legal Regulation of the Collection, Storage and Transmission of Genomic Information in the Context of Modern Challenges……42

Konstantin G. Balashov, Natalia V. Kravchenko

Family Values in Russian Law and the Problem of Orphanhood: Past, Present and Future……58

Pyotr M. Filippov, Anna S. Nazarova

Subject Composition of the Contract of Trust Management of the Property of the Missing Person……74

Marina V. Nagalina

CRIMINAL LEGAL SCIENCE……90

Original articles

Criminological Risks of Personal Data: Main Trends and Forecasts……90

Inna S. Alikhadzhiyeva

The Evolution of the Institution of Error in the Criminal Law of Russia……102

Valery E. Novichkov

Combating Legalization (Laundering) of Illegal Proceeds in the PRC: Criminal and Legal Aspect……118

Ilya V. Nikitenko, Ekaterina A. Isachenko

Optimization of the Application and Legislative Regulation of Arrest as a Measure of Criminal Legal Impact……131

Sergey A. Korneev

The Concept and Nature of Armed Attacks in Educational Organizations……146

Shamo G. Mamedov

Legal Support for the Prevention of Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan……157

Kanatbek O. Karabekov

POLITICAL SCIENCE……169

Original articles

Political Decision-Making in the Context of the Migration Process in Russia at the Present Stage (Problems and Prospects)……169

Yana A. Muhina

HISTORICAL SCIENCES……180

Original articles

The Development of School Education During the Period of "Stagnation" in the Orenburg Region……180

Ravilya R. Khisamutdinova, Regina A. Nikulenkova

On the Question of the Biography of the First Generalissimo of Russia A. S. Shein……197

Anastasia I. Likhobabina

The Formation of the Hotel Business in Russia (XI – XVIII Centuries)…….... ….206

Natalia E. Goryushkina, Olga L. Voroshilova

Everyday Life of Kursk Railway Workers in the 1920s-1930s…….... …….220

Roman V. Korovin

"Deeds for the Benefit of the Development of Cities": About the Association of Artists of the Irkutsk Province in the 1880-1900s……..... …232

Vitaliy V. Tkachev

INFORMATION FOR AUTHORS……246

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-10-17

CC BY 4.0

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации: некоторые предложения по совершенствованию (в контексте реализации статьи 35 Стратегии)

С. Ю. Чапчиков [1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tgpkstu@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Назревающие глобальные перемены в сфере устройства мирового порядка требуют своевременного и адекватного реагирования. Год, прошедший с начала Специальной военной операции, побуждает к подведению некоторых итогов, оценке опыта, корректировке задач. Это в равной степени относится и к правотворчеству в сфере конституционного, государственного, военного строительства. Прежде всего назрела необходимость совершенствования основополагающих правовых актов, входящих в механизм обеспечения национальной безопасности, таких как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Военная доктрина и других. Данная статья – это попытка формирования основных направлений совершенствования Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года.*

Цель *исследования – разработка отдельных предложений по корректировке действующей Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года.*

Задачи*: дать общую характеристику эффективности действия Стратегии; определить основные проблемные моменты реализации на практике положений Стратегии; сформировать предложения по совершенствованию Стратегии.*

Методология. *В данной работе использовались такие методы научного исследования, как: логический, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также некоторые другие.*

Результаты *исследования отличает комплексный подход к изучению рассматриваемой проблемы, практическая ориентация теоретических обобщений по представленной теме.*

Вывод. *В этот непростой для российского государства период очень важна прогрессивная правовая основа, объективно отражающая сложившуюся ситуацию и способствующая эффективному развитию экономики. К сожалению, в одной статье сложно озвучить все предложения. Однако некоторые из них нашли своё отражение в данной научной работе.*

Ключевые слова: *национальная безопасность; Концепция внешней политики; технологический суверенитет; экономика; евроинтеграция.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Чапчиков С.Ю. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации: некоторые предложения по совершенствованию (в контексте реализации статьи 35 Стратегии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 10–17. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-10-17.

Поступила в редакцию 19.04.2023 Принята к публикации 26.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Чапчиков С.Ю., 2023

Economic Security Strategy of the Russian Federation: Some Suggestions for Improvement (in the Context of the Implementation of Article 35 of the Strategy)

Sergey Yu. Chapchikov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tgpkstu@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The emerging global changes in the world order require a timely and adequate response. The year that has passed since the beginning of the Special Military Operation encourages summing up some results, evaluating experience, adjusting tasks. This applies equally to law-making in the field of constitutional, state, and military construction. First of all, there is a need to improve the fundamental legal acts included in the mechanism of ensuring national security, such as the National Security Strategy of the Russian Federation, Military Doctrine and others. This article is an attempt to form the main directions for improving the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030 (hereinafter referred to as the Strategy).*

The purpose. *The purpose of the study is to develop separate proposals for adjusting the current Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030.*

Objectives: *to give a general description of the effectiveness of the Strategy; to identify the main problematic aspects of the implementation of the provisions of the Strategy in practice; to form proposals for improving the Strategy.*

Methodology. *In this work, such methods of scientific research as: logical, comparative legal, formal legal, as well as some other methods were used.*

The results *of the study are distinguished by an integrated approach to the study of the problem under consideration, the practical orientation of theoretical generalizations on the presented topic.*

Conclusion. *In this difficult period for the Russian state, a progressive legal framework is very important, objectively reflecting the current situation and contributing to the effective development of the economy. Unfortunately, it is difficult to voice all the proposals in one article. However, some of them are reflected in this scientific work.*

Keywords: *national security; Foreign policy concept; technological sovereignty; economy; European integration.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chapchikov S. Yu. Economic Security Strategy of the Russian Federation: Some Suggestions for Improvement (in the Context of the Implementation of Article 35 of the Strategy). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 10–17. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-10-17

Received 19.04.2023 Accepted 26.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Назревающие глобальные перемены в сфере устройства мирового порядка требуют своевременного и адекватного реагирования. Год, прошедший с начала Специальной военной операции, побуждает к подведению некоторых итогов, оценки опыта, корректировки задач. Это в равной степени относится и к правотворчеству в сфере конституционного, государственного, военного строительства. Прежде всего назрела необходимость совершенствования основополагающих правовых актов, входящих в механизм обеспечения национальной безопасности, таких как Стратегия нацио-

нальной безопасности Российской Федерации, Военная доктрина и др.

Одним из первых актуализирован программный документ в сфере внешней политики. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 утверждена обновленная Концепция внешней политики России, в которой отражен ряд принципиально новых позиций (введено понятие «государство-цивилизация», намного больше внимания уделено силовому компоненту международных отношений, мир делится на три категории: друзья, нейтральные и недружественные, к ближнему зарубежью выдвинуты конкретные требования: никакой русофобии и иностранных военных баз и т. д.). Признавая несомненную важность и актуальность этих глобальных направлений, сегодня хотелось бы остановиться на проблемах экономической безопасности.

Методология

Для достижения поставленной цели в ходе исследования использовались принципы объективности, научной достоверности. Этот подход позволяет комплексно, объективно проанализировать источники. В результате работы использовались такие научные методы исследования, как: сравнительно-правовой, логический, формально-юридический, а также некоторые иные. Сравнительно-правовой метод позволил выявить отдельные сходства Стратегии с положениями других нормативных правовых актов. Логический и формально-юридический методы в работе применялись для выявления некоторых проблемных вопросов реализации на практике положений Стратегии.

Результаты и их обсуждение

Программным документом, действующим в данной сфере, является Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия), утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. В соответствии со ст. 35 Стратегии ее корректировка осуществляется по решению Президента Российской Федерации каждые 6 лет на основании предложений, подготовленных Правительством Российской Федерации при участии Совета Безопасности Российской Федерации с учетом результатов мониторинга ее реализации и изменений, оказывающих существенное влияние на состояние экономической безопасности. И шестилетний срок, и историческая необходимость совпали по времени и побуждают нас к выработке предложений. Хотелось, чтобы материалы данной статьи носили вспомогательный характер для предложений Правительства РФ и стали приглашением ученым-юристам, экономистам, социологам для результативного дискурса. Заслуживают несомненной поддержки авторы этого коллективного труда, его общие положения, вызовы и угрозы, цели, основные направления и задачи не утратили своей актуальности (ведь стратегия разрабатывалась уже в условиях санкционного давления), но существенно обострились, противостояние приобрело открытые формы, цели Запада перестали скрываться [1, с. 6–12; 2, с. 6–13; 3, с. 6–19].

Хотелось бы порассуждать на тему, что принципиального нужно изменить в российской экономике, чтобы в условиях недружественных действий иностранных государств и их объединений обеспечить устойчивый экономический рост, повышение международной конкурентоспособности национальной экономики, снижения рисков и использование возможностей в связи с глубокими изменениями в мировой экономике и международных отношениях [4, с. 86]. Конечно же, на первое место (на первое, но не на главное) следует поставить восстановление тех частей нынешней Украины, которые вернутся к России, их скорейшая комплексная интеграция в российскую экономику и, более того, в российское общество. А главным вектором развития нашей экономики на ближайшие два де-

сятка лет должен стать поворот нашей экономики в сторону востока. Развитие восточного направления является выгодным и перспективным как с экономической, так и с геополитической точки зрения [5, с. 26–42].

Евросоюзный проект неумолимо осыпается, для продления его жизни элиты и идут на безудержную раскрутку русофобии. Она, как и санкции последнего десятилетия, нужны в качестве обручей, стягивающих распадающуюся конструкцию евроинтеграции [6, с. 20; 7, с. 125; 8, с. 57–61]. Нынешняя территория Украины будет нужна не столько как мост, соединяющий с богатыми рынками, сколько как буфер, отделяющий от нестабильности и военных угроз. Поэтому в определении понятий «национальные интересы» и «угроза экономической безопасности» все вышесказанное должно найти отражение. Над этой проблемой задумываются многие современные учёные [9, с. 250; 10, с. 102–105; 11, с. 136–139]. Кроме того, понятие «экономический суверенитет» определено в Стратегии и не требует подробной расшифровки в такого рода программном документе. Однако его важнейшая составляющая «Технологический суверенитет» должен быть упомянут и определен [12, с. 122–126; 13, с. 14–18; 14, с. 10; 15, с. 201]. Именно этот элемент, несомненно, главенствует в необходимости развития (или, по крайней мере, закладки научного и прикладного базиса) в период до 2030 г.

В апреле 2022 г. в России создана Межведомственная комиссия по обеспечению технологического суверенитета в сфере критической информационной инфраструктуры. К её непосредственным функциям относят:

– оценка отечественного суверенитета в информационной сфере;

– выявление угроз российским информационным сетям, технологиям, а также производству техники;

– анализ эффективности международного сотрудничества в сфере обеспечения на практике технологической независимости страны и др.

Особо обратим внимание на то, что в отдельную обязанность Комиссии по консультированию Совета Безопасности по вопросам формирования политики и организационных мер в области внедрения информационных технологий и обеспечения доступа к ним выделена оценка готовности существующего механизма государственного управления к разным угрозам, обеспечения развития коммуникационных и электросетей к таким угрозам и т. п.

На форуме «Технопром-2022» вице-премьер Д. Н. Чернышенко отмечал, что в настоящее время научным миром и законодателем не выработано точное определение технологического суверенитета. Более подходящей формулировкой, обозначающей сущность данного термина, вице-премьер посчитал трактовку, предложенную Институтом Фраунгофера. В ней замечалось, что технологический суверенитет – это владение государством критически важными технологиями для конкурентоспособности и благосостояния общества и государства, а также способность государства их создавать самостоятельно, без обращения к иным странам.

Проблеме технологического суверенитета посвящена большая часть форума «Технопром-2022». Назывались цели, необходимые для его достижения. Это формирование государственного технического заказа, деятельность научно-образовательных центров, образованных по нацпроекту «Наука и университеты», работа государственных и частных предприятий в рамках Концепции научно-технологического развития страны, реализация «проектов-маяков» в сфере беспилотного транспорта, электромобилей и персональных медицинских приборов, формирование «научного спецназа» – отечественных специалистов, подготовкой которых заняты три десятка инженерных школ. Данными вопросами интересовались многие современные исследо-

ватели [16, с. 98–106; 17, с. 258–261; 18, с. 36–40; 19, с. 49–53; 20, с. 149–154].

Специальный представитель президента по вопросам цифрового развития Д. С. Песков выделил компоненты технологического суверенитета. Основой технологического суверенитета должен стать когнитивный суверенитет.

Выводы

Таким образом, в настоящий период для российского государства важна прогрессивная правовая основа, объективно отражающая сложившуюся ситуацию и способствующая эффективному развитию экономики. Обсуждение предложений по совершенствованию Стратегии должно стать одной из отправных точек для формирования целостной и непротиворечивой системы экономической безопасности. Объективная оценка сложившейся обстановки и выработка конкретных мер по локализации возникающих угроз является первостепенной задачей не только государства, но и ученых.

Список литературы

1. Казанцев С. В. О стратегии экономической безопасности // Мир новой экономики. 2016. № 3. С. 6–13.

2. Клепач А. Н. Международные санкции и ответные меры: возможен ли позитив для российской экономики? Заседание диспут-клуба Ассоциации независимых центров экономического анализа // Мир новой экономики. 2015. № 1. С. 6–12.

3. Сильвестров С. Н. Выбор в условиях глобальной неопределенности // Мир новой экономики. 2015. № 2. С. 6–19.

4. Моргунов Е. В., Жуковская Л. В. Рента как основа государственных финансов // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Москва 25 октября 2016 г., / АНО «Совет по вопросам управления и развития», ИСЭПН РАН; отв. ред. В. В. Локосов. М.: Акварель, 2016. 120 с.

5. Моргунов Е. В., Мамаев С. М. Развитие городов через призму качества жизни населения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 38. С. 26–42.

6. Моргунов Е. В., Мигранова Л. А., Мамаев С. М. Уровень и качество жизни городского населения (итоговый отчет): Исследование развития городов через призму уровня и качества жизни населения. М.: ИСЭПН РАН, 2016. 30 с.

7. Моргунов Е. В., Томилина Е. Е. Фонд будущих поколений как правовой институт трансформации рентных доходов (на примере постоянного фонда Аляски) // Право и юридическая реализация / под ред. С. Г. Киселева. М.: МАКС Пресс, 2015. 332 с.

8. Моргунов Е. В., Чернявский С. В. Политика национального интереса как альтернатива либерализму // Управление. 2014. № 3. С. 57–61.

9. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. проф. В. В. Локосова. М.: Экон-Информ, 2015. 411 с.

10. Чернявский С. В. Критика «сверхприбыльной концепции» природно-ресурсной ренты // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 18. С. 102–105.

11. Чернявский С. В. Недостатки использования НДПИ с плоской шкалой и направления его совершенствования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 136–139.

12. Фомина Ж. С., Гуторов Н. А. Проблемы обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 122–126.

13. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 14–18.

14. Злобин В. В. Субъективное гражданское право и экономическая безопасность частных предпринимателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.

15. Экономическая безопасность / под ред. В. А. Богомолова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 295 с.

16. Дудин М. Н. Экономическая безопасность России: угроза национальным интересам и их отражение // МИР (Модернизация, инновации, развитие). 2014. № 20. С. 98–106.

17. Стефанова Н. А. Влияние экономических санкций на банковский сектор России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4–1. С. 258–261.

18. Джео М. Ф. Влияние санкций на экономическое развитие России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 2–7. С. 36–40.

19. Стратегическое планирование как инструмент обеспечения экономической безопасности России: достижения и проблемы современного этапа / В. А. Гуржиев, А. Ф. Пенкин, М. Г. Полозков, О. В. Рыбакова // Государственная служба. 2016. № 6. С. 49–53

20. Использование финансовых индикаторов при количественной оценке уровня финансовой безопасности коммерческой организации / М. П. Владимирова, Ю. А. Карпенко, О. В. Рыбакова, Е. Ю. Чичерова // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2016. № 4. С. 149–154.

References

1. Kazancev S. V. O strategii ekonomicheskoj bezopasnosti [On the strategy of economic security]. *Mir novoj ekonomiki = The world of the new economy*, 2016, no. 3, pp. 6–13.

2. Klepach A. N. Mezhdunarodnye sankcii i otvetnye mery: vozmozhen li pozitiv dlya rossijskoj ekonomiki? Zasedanie disput-kluba Associacii nezavisimyh centrov ekonomicheskogo analiza [International sanctions and retaliatory measures: is a positive for the Russian economy possible? Meeting of the dispute Club of the Association of Independent Centers of Economic Analysis]. *Mir novoj ekonomiki = The world of the new economy,* 2015, no. 1, pp. 6–12.

3. Sil'vestrov S. N. Vybor v usloviyah global'noj neopredelennosti [Choice in conditions of global uncertainty]. *Mir novoj ekonomiki = The world of the new economy,* 2015, no. 2, pp. 6–19.

4. Morgunov E. V., Zhukovskaja L. V. [Rent as the basis of public finance]. *Dohody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendencii i perspektivy. Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Income, expenses and savings of the Russian population: trends and prospects. Collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by V. V. Lokosov. Moscow, Akvarel' Publ., 2016. 120 p.

5. Morgunov E.V., Mamaev S.M. Razvitie gorodov cherez prizmu kachestva zhizni naseleniya [Development of cities through the prism of the quality of life of the population]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*, 2017, no. 38, pp. 26–42.

6. Morgunov E. V., Migranova L. A., Mamaev S. M. Uroven' i kachestvo zhizni gorodskogo naseleniya (itogovyj otchet): Issledovanie razvitiya gorodov cherez prizmu urovnya i

kachestva zhizni naseleniya [The level and quality of life of the urban population (final report): A study of urban development through the prism of the level and quality of life of the population.]. Moscow, ISJePN RAN, 2016. 30 p.

7. Morgunov E. V., Tomilina E. E. Fond budushchih pokolenij kak pravovoj institut transformacii rentnyh dohodov (na primere postoyannogo fonda Alyaski) [The Fund of future generations as a legal institution for the transformation of rental income (on the example of the permanent fund of Alaska)]. Pravo i yuridicheskaya realizaciya [Law and legal implementation]; ed. by S. G. Kiseleva. Moscow, MAKS Press Publ., 2015, 332 p.

8. Morgunov E. V., Chernjavskij S. V. Politika nacional'nogo interesa kak al'ternativa liberalizmu [Politics of national interest as an alternative to liberalism]. *Upravlenie = Upravlenie*, 2014, no. 3, pp. 57–61.

9. Narodonaselenie sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i razvitie [Population of modern Russia: reproduction and development]; ed. by V. V. Lokosova. Moscow, Jekon-Inform Publ., 2015. 411 p.

10. Chernjavskij S. V. Kritika "sverhpribyl'noj koncepcii" prirodno-resursnoj renty [Criticism of the "super-profitable concept" of natural resource rent]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya) = Bulletin of the University (State University of Management),* 2012, no. 18, pp. 102–105.

11. Chernjavskij S. V. Nedostatki ispol'zovaniya NDPI s ploskoj shkaloj i napravleniya ego sovershenstvovaniya [Disadvantages of using MET with a flat scale and directions for its improvement]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University,* 2013, no. 370, pp. 136–139.

12. Fomina Zh. S. Problemy obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii [Problems of ensuring economic security in the Russian Federation]. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Seriya: Yurisprudenciya = Scientific Bulletin of the Volgograd branch of RANEPA. Series: Jurisprudence,* 2015, no. 1, pp. 122–126.

13. Abalkin L. I. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ih otrazhenie [Economic security of Russia: threats and their reflection]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics,* 1994, no. 3, pp. 14–18.

14. Zlobin V. V. Sub"ektivnoe grazhdanskoe pravo i ekonomicheskaya bezopasnost' chastnyh predprinimatelej. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Subjective civil law and economic security of private entrepreneurs. Dr. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2003. 23 p.

15. Ekonomicheskaya bezopasnost' [Economic security]; ed. by V. A. Bogomolova. Moscow, JuNITI-DATA Publ., 2009. 295 p.

16. Dudin M. N. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugroza nacional'nym interesam i ih otrazhenie [Economic security of Russia: threat to national interests and their reflection]. *MIR (Modernizaciya, innovacii, razvitie) = MIR (Modernizacija, innovacii, razvitie),* 2014, no. 20, pp. 98–106.

17. Stefanova N. A. Vliyanie ekonomicheskih sankcij na bankovskij sektor Rossii [The impact of economic sanctions on the banking sector of Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences,* 2015, no. 4–1, pp. 258–261.

18. Dzheo M. F. Vliyanie sankcij na ekonomicheskoe razvitie Rossii [The impact of sanctions on the economic development of Russia]. *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij = Modern trends in the development of science and technology,* 2015, no. 2–7, pp. 36–40.

19. Gurzhiev V. A., Penkin A. F., Polozkov M. G., Rybakova O. V. Strategicheskoe planirovanie kak instrument obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti Rossii: dostizheniya i problemy sovremennogo etapa [Strategic planning as a tool for ensuring Russia's economic security:

achievements and problems of the modern stage]. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*, 2016, no. 6, pp. 49–53.

20. Vladimirova M. P., Karpenko Ju. A., Rybakova O. V., Chicherova E. Ju. Ispol'zovanie finansovyh indikatorov pri kolichestvennoj ocenke urovnya finansovoj bezopasnosti kommercheskoj organizacii [The use of financial indicators in quantifying the level of financial security of a commercial organization]. *RISK: Resursy, Informaciya, Snabzhenie, Konkurenciya = RISK: Resursy, Informacija, Snabzhenie, Konkurencija*, 2016, no. 4, pp. 149–154.

Информация об авторах / Information about the Author

Чапчиков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tgpkstu@yandex.ru,
ORCID: 0009-0008-1785-1019

Sergey Y. Chapchikov, Dr. of Sci. (Juridical), Lecturer of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tgpkstu@yandex.ru,
ORCID: 0009-0008-1785-1019

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-18-29

CC BY 4.0

Механизм реализации национальных интересов: факторы эффективности

В. П. Беляев[1]✉, Г. С. Беляева[2]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: belvp46@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В основу настоящей статьи положены смыслы, раскрывающие проблему повышения уровня эффективности механизма регулирования национальных интересов. Рассмотрены основные факторы этого плана, влияющие на функционал указанного механизма. В частности, исследованы соответствующие условия, названы критерии, в числе которых основное внимание уделено достижению целей изучаемого механизма, преодолению возникающих при этом препятствий, а также некоторые другие пути (способы) его оптимизации. Научные суждения, результаты и выводы подкреплены анализом нормативно-правовых актов, судебной практики.*

Цель. *Исследовать факторы, влияющие на эффективность механизма реализации национальных интересов: условия, критерии, требования и другие.*

Задачи: *изучить, в частности, условия, критерии, цели механизма реализации национальных интересов, а также выявить обстоятельства, препятствующие его эффективности.*

Методология. *Методологическая основа исследования включает общенаучные приемы и способы научного познания, а также специальные и частно-научные методы – формально-юридический и интерпретационный.*

Результаты. *На основе анализа научных, нормативно-правовых источников и юридической практики установлены и систематизированы факторы (в т.ч. и требования) эффективности механизма реализации национальных интересов, в числе которых: экономическая и ресурсная обоснованность; сбалансированность нормативно-правовой базы; ясность, предельная простота и понятность юридических конструкций и формулировок, обеспечивающих на практике их единообразную интерпретацию и последующее применение управомоченными субъектами; социальная обоснованность и другие.*

Вывод. *Факторами эффективности правового обеспечительного механизма в сфере реализации национальных интересов выступают: создание необходимых условий, включающие также контроль за его функционированием, выявление недостатков правового закрепления, причин неэффективности, обновление нормативной основы сообразно меняющимся обстоятельствам и существующим общественным потребностям, устранение возникающих препятствий на пути реализации национальных интересов.*

Ключевые слова: *механизм; правовое обеспечение; реализация; национальные интересы; факторы; препятствия; эффективность.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Беляев В. П., Беляева Г. С. Механизм реализации национальных интересов: факторы эффективности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 18–29. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-18-29.

Поступила в редакцию 29.04.2023 Принята к публикации 30.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Беляев В. П., Беляева Г. С., 2023

Mechanism of Realization of National Interests: Efficiency Factors

Valery P. Belyaev[1] ✉, Galina S. Belyaeva[2]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Belgorod State National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: belvp46@mail.ru

Abstract

Relevance. *This article is based on the meanings that reveal the problem of increasing the effectiveness of the mechanism for regulating national interests. The main factors of this plan affecting the functionality of the mechanism are considered. In particular, the relevant conditions are investigated, criteria are named, among which the main attention is paid to achieving the goals of the mechanism under study, overcoming the obstacles that arise in this case, as well as some other ways (methods) of its optimization. Scientific judgments, results and conclusions are supported by an analysis of regulatory legal acts.*

Purpose. *To investigate the factors influencing the effectiveness of the mechanism of realization of national interests: conditions, criteria, requirements and others.*

Objectives: *to study, in particular, the conditions, criteria, goals of the mechanism for the realization of national interests, as well as to identify the circumstances that hinder its effectiveness.*

Methodology. *The methodological basis of the research includes general scientific techniques and methods of scientific cognition, as well as special and private scientific methods - formal legal and interpretative.*

Results. *Based on the analysis of scientific, regulatory and legal sources and legal practice, the factors (including requirements) of the effectiveness of the mechanism for the implementation of national interests have been established and systematized, including: economic and resource feasibility; balance of the legal framework; clarity, utmost simplicity and intelligibility of legal constructions and formulations, ensuring in practice their uniform interpretation and subsequent application by authorized entities; social validity and others.*

Conclusion. *The factors of effectiveness of the legal security mechanism in the sphere of realization of national interests are: creation of necessary conditions, including control over its functioning, identification of shortcomings of legal consolidation, reasons for its inefficiency, updating of the regulatory framework in accordance with changing circumstances and existing public needs, elimination of emerging obstacles to the realization of national interests.*

Keywords: *mechanism; legal support; implementation; national interests; factors; obstacles; efficiency.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Belyaev V. P., Belyaeva G. S. Mechanism of Realization of National Interests: Efficiency Factors. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 18–29. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-18-29

Received 29.04.2023 Accepted 30.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Эффективность механизма (конечно же, правового. – *Авт.*) обеспечения реализации национальных интересов, включая и процесс оптимизации, направленный на ее достижение, напрямую зависит от наличия и соблюдения таких понятных и объективных факторов, как критерии, условия, требования и т. п. Их выстраивание и внедрение в правотворческую и правоприменительную практику в конечном итоге будет способствовать совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики в сфе-

ре обеспечения реализации национальных интересов.

Методология

Методологическая основа исследования включает общенаучные приемы и способы научного познания, а также специальные и частнонаучные методы – формально-юридический и интерпретационный.

К методологическим основам данного исследования следует также отнести: системно-целостный подход к политико-правовым явлениям, позволяющий рассматривать их как системы, имеющие не только внутренние, но и внешние связи; социологический подход к праву, его исследование в действии (функционировании); сравнительно-правовой подход, предполагающий обмен информацией на уровне мировой юридической науки и поиск новых параметров сопоставления явлений правовой действительности различных стран.

Результаты и их обсуждение

Настоящее исследование начнем с рассмотрения условий оптимизации механизма обеспечения реализации национальных интересов в целях повышения его эффективности. При этом заметим, что под оптимизацией в данном случае понимается, прежде всего, создание условий, как правило, позитивного характера.

Как известно, условие – это «то, от чего зависит нечто другое (обусловливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления. …Так, для прорастания семени вода, тепло и кислород составляют набор необходимых и достаточных условий; прибавив к этому набору свет и гравитацию, получим также достаточный, но уже не необходимый набор У. Совокупность конкретных У. данного явления образует среду его протекания, от которой зависит действие законов природы и общества» [1]. Таким образом, можно считать, что условия оптимизации механизма обеспечения реализации национальных интересов представляют собой среду, от наличия (отсутствия, дефектности и т. д.) которой и будут зависеть показатели эффективности данного комплексного правового образования (конструкции).

Аналитический обзор источников по предмету настоящего исследования [2–8] позволил выделить следующие условия эффективности изучаемого механизма (с включением и фактора оптимизации):

– формальное правовое закрепление целей и основных приоритетов в законодательстве, а также программах, стратегиях, концепциях, доктринах, имеющих подзаконный правовой характер;

– известность для адресатов правовых предписаний, понятность и непротиворечивость правовых норм, образующих правовую основу данного механизма;

– результативная деятельность правоохранительных органов и судов и качество правоприменительной практики, включающей в себя и судебную практику;

– достаточный уровень развития институтов гражданского общества; сформированное правосознание и высокий уровень правовой культуры;

– прямое действие принципов, положенных в основу правовой реализации национальных интересов в Российской Федерации;

– наличие системы обеспеченных государством правовых гарантий реализации национальных интересов всех уровней – личных, общественных, государственных;

– учет традиционных национальных ценностей в процессе формализации, правового закрепления и реализации национальных интересов;

– научное прогнозирование, систематический мониторинг правотворческой и правоприменительной деятельности;

– координация деятельности государственных органов, институтов гражданского общества и граждан в сфере реализации национальных интересов [9; 10];

– высокий уровень информационного обеспечения правовых процедур реализации и защиты прав и законных интересов граждан.

Безусловно, только системное и комплексное осуществление указанных условий будет способствовать эффективному функционалу механизма реализации национальных интересов, включающему в себя статическую (набор инструментов – правовых средств) и динамическую (деятельность управомоченных субъектов) составляющие (стороны).

Далее перейдем к уяснению критериев эффективности действия механизма обеспечения реализации национальных интересов.

Вначале заметим, что по словарному определению критерий [гр. kriterion] – «существенный, отличительный признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо» [11].

Полагаем, что основным критерием эффективности (включая и процесс оптимизации данного механизма), с помощью которого можно ее оценить, является степень реализации его цели (целей). При этом цель – это условие эффективности механизма реализации национальных интересов и одновременно критерий, если говорить о степени ее реализации.

Существенно то, что единой (комплексной) целью механизма обеспечения реализации национальных интересов, исходя из его правовой природы и сущности, выступает оптимальное регулирование общественных отношений, их упорядочение, а также преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения субъектами (правовыми средствами и способами) своих интересов, создание благоприятного режима для правомерных и неблагоприятного режима для противоправных действий [12]. Если говорить кратко, то основная цель этого механизма – всемерное обеспечение наиболее полного осуществления интересов личности, общества и государства, обусловленных их потребностями. И в этой связи необходимо максимально четкое закрепление целей на уровне нормативно-правовых актов, формализующих реализацию национальных интересов. Причем цели обеспечительного механизма, с одной стороны, должны быть социально обусловлены: соответствовать уровню социально-экономического и политического развития общества, адекватными его правосознанию и правовой культуре, важнейшим социальным ценностям и идеалам; с другой стороны – реальными, достижимыми, точными и четкими (однозначными).

В то же время нельзя не отметить, что соответствующая цель, к сожалению, не всегда таким образом формулируется законодателем; приведем примеры.

Так, в тексте Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»[1] не содержится формулировки целей правового регулирования в указанной сфере (в отдельной статье говорится лишь о целях международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, что не спасает ситуацию в целом). Данный пробел частично восполняется специальными нормами, определяющими национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, и закреплен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации по формуле: «Национальная безопасность обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов»[2]. Однако, по сути, законодательно

[1] О безопасности: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ: [ред. от 28.04.2023] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108564/ (дата обращения: 28.04.2023).

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента

закрепленный механизм правового обеспечения национальной безопасности (составляющий органическую часть механизма реализации национальных интересов) лишается четких целевых ориентиров, что приводит к тому, что на практике достаточно сложно установить соотношение между поставленными целями и полученными результатами, поскольку целевые показатели не формализованы на законодательном (именно, а не на ведомственном) уровне. В таких условиях практически невозможно оценить уровень эффективности соответствующего обеспечительного механизма.

Вместе с тем как положительный пример следует отметить действующий Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в котором содержится отдельная ст. 4, закрепляющая цели и задачи правового регулирования в сфере образования[1].

Подчеркнем, что отсутствие в тексте нормативно-правовых актов формулировок целевых ориентиров нередко приводит к использованию в правоприменительной практике средств телеологического толкования. Так, подобный вид разъяснения встречается достаточно часто в практике Конституционного Суда РФ. В качестве иллюстрации можно привести Определение от 9 июня 2022 г. № 1451-О, где Конституционный Суд, проанализировав положения п. 3.1 ст. 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации, отметил, что «особенности предоставления и возврата субсидии определяются уполномоченным органом, в том числе исходя из приоритетов и целей конкретных государственных программ, в рамках которых предусмотрено предоставление такой субсидии; при этом последствия различных нарушений получателем субсидии условий ее предоставления определяются с учетом характера таких нарушений, их влияния на достижение целей предоставления субсидии и могут выражаться, в частности, в расторжении соглашения о предоставлении субсидии, необходимости возврата всей суммы предоставленной субсидии или ее части, а также уплате штрафа»[2] (подчеркнуто нами. – *Авт.*).

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что законодателем подчас сформулированы и цели, которые не могут (и не должны!) быть достигнуты в ходе правового регулирования ввиду их неправового характера, например, наказание не может иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

В связи с вышесказанным представляется, что формализация правовых целей является важным направлением дальнейшего совершенствования законодательства; достаточно часто данный процесс затрудняется из-за отсутствия четких целей и стратегических приоритетов государственной правовой политики в определенных сферах общественных отношений, что не может не влиять на целеполагание в правотворческом и правоприменительном процессах, включая и правовое обеспечение реализации национальных интересов. Актуально в данном ключе мнение Ю. А. Тихомирова о пагубности недооценки целей правового регулирования: «В этом плане следовало бы тщательно готовить концепции, полнее и точнее определять преамбулы и цели закона как нормативную ориентацию

РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

[1] Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ: [ред. от 17.02.2023] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.04.2023).

[2] Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2022 года // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431628/ (дата обращения: 28.04.2023).

для перехода в новые состояния» [13, с. 4].

Примечательно, на протяжении последнего десятилетия произошел существенный позитивный сдвиг в данном направлении: начали приниматься стратегические документы (доктрины, концепции, стратегии, программы) государственной политики по «укрупненным» направлениям правового регулирования, имеющие подзаконный характер (в редакции указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации), и поэтому достаточно «гибкие», способные к модернизации в условиях социального развития. Так, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в редакции Указа Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666[1], является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации, определяющим приоритеты, цели, принципы, задачи, основные направления государственной национальной политики Российской Федерации, а также инструменты и механизмы ее реализации.

Изложенное выше обусловливает необходимость принятия и своевременной актуализации на федеральном уровне программных документов стратегического характера, закрепляющих цели, приоритеты, принципы, основные направления государственной политики Российской Федерации по укрупненным сферам правового регулирования – экономической, политической, социально-культурной, образовательной и т. д. Не менее важным является и закрепление в федеральных законах целей правового регулирования в регулируемой сфере, в нашем случае – в сфере эффективной реализации национальных интересов.

В этом плане более полувека назад В. И. Никитинский справедливо написал, что «соответствие избранных правовых средств цели – необходимая предпосылка эффективности правовой нормы, а неправильный выбор средств достижения правовых целей может исказить смысл и значение последних» [14, с. 40]. И данная мысль представляется актуальной и по сей день, в том числе применительно к уровню эффективности механизма реализации национальных интересов.

В качестве приоритетной цели всех правовых механизмов особо отметим необходимость преодоления препятствий на пути удовлетворения субъектами своих интересов разрешенными и (или) не запрещенными законом средствами и способами. Под препятствиями в самом общем виде следует понимать естественные и искусственные барьеры, мешающие достижению целей правового регулирования в целом и удовлетворению прав и законных интересов граждан и организаций в частности [15; 16]. Следовательно, их наличие непосредственно влияет на эффективность механизма обеспечения реализации национальных интересов, снижая ее, увеличивая затраты на необходимость восстановления нарушенных прав субъектов.

При этом обращает на себя внимание достаточно частое использование в правотворчестве термина «препятствие», причем не только в национальном законодательстве, но и на международном уровне. К примеру, Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 марта 2023 г. № 41 «Об утверждении Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и признания барьеров и ограничений устраненными» не просто использует понятие «препятствий» в своем названии, но и содержит раздел, посвященный интерпретации наиболее распространенных видов таковых, а именно

[1] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: [утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666: ред. от 06.12.2018] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 28.04.2023).

барьеров, изъятий, ограничений[1]. В свою очередь, на национальном уровне, например, в ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации содержится перечень обстоятельств, препятствующих заключению брака: не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке; близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами); усыновителями и усыновленными; лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным вследствие психического расстройства.

Наряду с этим в ряде законов и подзаконных актов распространение получили такие юридические конструкции, как «обязанность работодателя не препятствовать работникам в осуществлении самозащиты (ст. 380 Трудового кодекса РФ); «ответственность за создание препятствий в осуществлении деятельности сенатора Российской Федерации, депутата Государственной Думы» (Федеральный закон от 8 мая 1994 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2023), «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»); «препятствия (барьеры) для использования цифровых технологий» (приказ Росстата от 29 июля 2022 г. № 538 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий») и др., что позволяет нам сформулировать обобщенное понимание препятствий как обстоятельств, деяний (действий и бездействия), состояний, затрудняющих осуществление целей правового регулирования, не позволяющих правовым инструментам (простым и комплексным) функционировать результативно и эффективно.

В результате эффективность механизма обеспечения реализации национальных интересов будет зависеть от того, насколько соответствующие препятствия будут своевременно выявлены и качественно нивелированы (преодолены, обойдены, устранены и т. д.) [17; 18]. Иными словами, оптимизировать правовой механизм возможно, преодолевая препятствия, стоящие на пути реализации прав и законных интересов граждан, в том числе и жизненно важных, имеющих статус национальных.

В направлении повышения уровня эффективности механизма реализации национальных интересов важно то, что критерии (показатели) его эффективности в обязательном порядке должны коррелироваться с критериями эффективности деятельности органов и организаций в экономической и социальной сфере [19; 20]. В качестве примера можно сослаться на Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации»[2], который содержит перечень соответствующих показателей для оценки эффективности де-

[1] Об утверждении Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и признания барьеров и ограничений устраненными: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 марта 2023 г. № 41 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443565/ (дата обращения: 28.04.2023).

[2] Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 28.04.2023).

ятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Вместе с тем следует отметить, что полноценный правовой механизм оценки эффективности деятельности указанных органов окончательно не создан, поскольку принятое во исполнение Указа Президента РФ Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915»[1] фактически сводит опосредуемый ею контроль только к информационной составляющей.

Эффективность механизма реализации национальных интересов может быть установлена путем соответствия определенным требованиям, в числе которых:

– экономическая и ресурсная обоснованность;

– сбалансированность (отсутствие коллизионности и пробельности) нормативно-правовой базы, включая актуальность, своевременность принятия, динамичность;

– ясность, предельная простота и понятность юридических конструкций и формулировок, обеспечивающих на практике их единообразную интерпретацию и последующее применение управомоченными субъектами;

– социальная обоснованность (компромисс интересов субъектов права, соответствие корпоративным нормами, нормам морали, нравственности и т. д.) и др.

Кроме этого, для повышения эффективности механизма обеспечения реализации национальных интересов необходимо определять и закреплять необходимый набор правовых средств, способствующих достижению целей, указанных в нормативно-правовых актах, составляющих правовую основу данного механизма, а также использовать оптимальные методы и способы правового воздействия.

Указанные средства и способы правового воздействия в общем и систематизированном виде выглядят таким образом:

– первый уровень: средства и способы общенормативного регулирования; программно-установочные способы (целевые программы; тематические планы; концепции, стратегии, функциональные правила); легализующие средства (лицензирование; аккредитация; сертификация); способы нормативно-количественного измерения (стандарты; цены; нормативы; лимиты; налоги (сборы); плата; ставки (таможенные пошлины и др.); контрольно-учетные способы;

– второй уровень: средства и способы поддержания надлежащего уровня деятельности и ее стимулирования; средства и способы ограничения деятельно-

[1] Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915: постановление Правительства РФ от 03 апр. 2021 г. № 542: [ред. от 03.04.2022] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 28.04.2023).

сти и преодоления препятствий в установленных законом случаях; санкции и т. д. [20]

Вывод

Основными факторами, определяющими уровень эффективности механизма реализации национальных интересов, являются: оптимальные условия его функционирования; степень реализации нормативно-установленных целей; способность к устранению препятствий, стоящих на пути реализации национальных интересов; адекватный набор правовых средств, методы и способы их применения, а также, безусловно, совершенное и качественное законодательство, позитивно влияющее на эффективное функционирование правового механизма обеспечения реализации национальных интересов.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3535/УСЛОВИЕ (дата обращения: 27.04.2023).

2. Беляев В. П., Бидова Б. Б. Сущность национальных интересов: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 7. (116). С. 11–29.

3. Бидова Б. Б. Общетеоретическое исследование концептуальных основ правового обеспечения национальных интересов. М.: Проспект, 2022. 416 с.

4. Жуйков В. М. Роль права в защите национальных интересов // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 74–76.

5. Саидов А. Х., Кашинская Л. Ф. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 119–126.

6. Трухачев В. В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 53–65.

7. Туранин В. Ю. Государство, общество и личность как субъекты реализации национальных интересов // Государство и право. 2022. № 8. С. 167–172.

8. Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19–29.

9. Коваленко Т. С. Понятие и формы взаимодействия правоохранительных органов // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 4. С. 12–16.

10. Максуров А. А. Координация и взаимодействие в праве: взаимосвязи и различия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 41–43.

11. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/38789/КРИТЕРИЙ (дата обращения: 27.04.2023).

12. Беляева Г. С., Беляев В. П. Понятие и структура механизма обеспечения реализации национальных интересов в современной России // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 122–127.

13. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 4–6.

14. Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. 247 с.

15. Борцов А. В., Шукюрова К. В. Основы методологии исследования юридических препятствий как явлений, обнаруживающих себя в правовой реальности // Право и государство: теория и практика. 2018. № 4(160). С. 30–35.

16. Петров А. А. Коллизии в праве как нормативные юридические препятствия в реализации прав и законных интересов // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9(88). С. 95–96.

17. Беляев В. П., Чапчиков С. Ю. Оптимизация как средство повышения эффективности механизма обеспечения национальной безопасности: понятие и взаимообусловленность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 2(27). С. 7–13.

18. Коварда В. В. Анализ законодательства Российской Федерации, регламентирующего оценку эффективности деятельности органов власти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 1(18). С. 38–44.

19. Беляева Г. С. Правовые режимы, основанные на преимуществах: к вопросу о понятии // Административное и муниципальное право. 2014. № 10(82). С. 1073-1080.

20. Беляева Г. С. Правовой механизм: к вопросу об определении понятия и установлении признаков // Административное и муниципальное право. 2016. № 2(98). С. 169–177.

References

1. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]; ed. by L. F. Il'ichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1983. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ 3535/USLOVIE (accessed 27.04.2023).

2. Belyaev V. P., Bidova B. B. Sushchnost' nacional'nyh interesov: obshcheteoreticheskij aspekt [The essence of national interests: general theoretical aspect]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, vol. 15, no. 7. (116), pp. 11–29.

3. Bidova B. B. Obshcheteoreticheskoe issledovanie konceptual'nyh osnov pravovogo obespecheniya nacional'nyh interesov [General theoretical study of the conceptual foundations of the legal provision of national interests]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 416 p.

4. Zhujkov V. M. Rol' prava v zashchite nacional'nyh interesov [The role of law in the protection of national interests]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 12, pp. 74–76.

5. Saidov A. H., Kashinskaya L. F. Nacional'naya bezopasnost' i nacional'nye interesy: vzaimosvyaz' i vzaimodejstvie (opyt politiko-pravovogo analiza) [National security and national interests: interrelation and interaction (experience of political and legal analysis)]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 12, pp. 119–126.

6. Truhachev V. V. Nacional'nye interesy: teoreticheskij diskurs problemy [National interests: theoretical discourse of the problem]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2010, no. 1, pp. 53–65.

7. Turanin V. Yu. Gosudarstvo, obshchestvo i lichnost' kak sub''ekty realizacii nacional'nyh interesov [State, society and personality as subjects of realization of national interests]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 8, pp. 167–172.

8. Habrieva T. Ya. Nacional'nye interesy i zakonodatel'nye prioritety Rossii [National interests and legislative priorities of Russia]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 12, pp. 19–29.

9. Kovalenko T. S. Ponyatie i formy vzaimodejstviya pravoohranitel'nyh organov [The concept and forms of interaction of law enforcement agencies]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2017, no. 4, pp. 12–16.

10. Maksurov A. A. Koordinaciya i vzaimodejstvie v prave: vzaimosvyazi i razlichiya [Coordination and interaction in law: interrelations and differences]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*, 2015, no. 4-2, pp. 41–43.

11. Komlev N. G. Slovar' inostrannyh slov [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 2006. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/38789/KRITERIJ (accessed 27.04.2023).

12. Belyaeva G. S., Belyaev V. P. Ponyatie i struktura mekhanizma obespecheniya realizacii nacional'nyh interesov v sovremennoj Rossii [The concept and structure of the mechanism for ensuring the realization of national interests in modern Russia]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2022, no. 1(62), pp. 122–127.

13. Tihomirov Yu. A. Effektivnost' zakona: ot celi k rezul'tatu [The effectiveness of the law: from goal to result]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 4, pp. 4–6.

14. Nikitinskij V. I. Effektivnost' norm trudovogo prava [Effectiveness of labor law norms]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1971. 247 p.

15. Borcov A. V., Shukyurova K. V. Osnovy metodologii issledovaniya yuridicheskih prepyatstvij kak yavlenij, obnaruzhivayushchih sebya v pravovoj real'nosti [Fundamentals of the methodology for the study of legal obstacles as phenomena that manifest themselves in legal reality]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2018, no. 4(160), pp. 30–35.

16. Petrov A. A. Kollizii v prave kak normativnye yuridicheskie prepyatstviya v realizacii prav i zakonnyh interesov [Conflicts in law as normative legal obstacles in the realization of rights and legitimate interests]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2015, no. 9(88), pp. 95–96.

17. Belyaev V. P., Chapchikov S. Yu. Optimizaciya kak sredstvo povysheniya effektivnosti mekhanizma obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: ponyatie i vzaimoobuslovlennost' [Optimization as a means of increasing the effectiveness of the mechanism for ensuring national security: the concept and interdependence]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 7–13.

18. Kovarda V. V. Analiz zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, reglamentiruyushchego ocenku effektivnosti deyatel'nosti organov vlasti [Analysis of the legislation of the Russian Federation regulating the assessment of the effectiveness of the activities of authorities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2016, no. 1(18), pp. 38–44.

19. Belyaeva G. S. Pravovye rezhimy, osnovannye na preimushchestvah: k voprosu o ponyatii [Legal regimes based on advantages: on the question of the concept]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2014, no. 10(82), pp. 1073–1080.

20. Belyaeva G. S. Pravovoj mekhanizm: k voprosu ob opredelenii ponyatiya i ustanovlenii priznakov [The legal mechanism: on the question of the definition of the concept and the establishment of signs]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2016, no. 2(98), pp. 169–177.

Информация об авторах / Information about the Authors

Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: belvp46@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2666-9047

Valery P. Belyaev, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: belvp46@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2666-9047

Беляева Галина Серафимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерации,
e-mail: belyaeva_g@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-2494-6928

Galina S. Belyaeva, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: belyaeva_g@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0003-2494-6928

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-30-41

BY 4.0

Обеспечение публичной достоверности данных Единого государственного реестра недвижимости: вопросы теории и практики

О. В. Зайцев[1] ✉, А. А. Кравченко[1]

[1] Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
пр-т Вернадского, д. 84, г. Москва 119606, Российская Федерация

✉ e-mail: ov.zaytsev@igsu.ru

Резюме

Актуальность *статьи обусловлена тем, что государственная регистрация прав в Едином государственном реестре недвижимости, рассматриваемая в качестве бесспорного доказательства существования зарегистрированного права, судами трактуется в качестве опровержимой презумпции.*

Целью *работы является исследование судебной практики на предмет понимания значения публичной достоверности данных ЕГРН.*

Задачами *работы являются: анализ действующего законодательства о государственной регистрации недвижимого имущества, определение признаков недвижимого имущества, а также выявление правовых механизмов опровержения достоверности данных ЕГРН.*

Методы. *В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, описания, формально-юридический.*

Результаты. *Публичная достоверность данных ЕГРН обеспечивается установленными процедурами осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, а также процедурами устранения реестровых ошибок в ЕГРН. Вопрос о достоверности данных ЕГРН касается как характеристик объектов недвижимости, так и прав на них. Для обеспечения достоверности данных ЕГРН важное значение имеют организационно-технические средства.*

Выводы*. На основе анализа судебной практики авторы приходят к выводу о том, что в целом суды демонстрируют отчетливое понимание значения публичной достоверности данных ЕГРН, которая в правовом отношении обеспечивается установленными процедурами осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, включающих проведение правовой экспертизы представленных для этого документов, а также процедурами устранения реестровых ошибок в ЕГРН, которые могут реализовываться как по решению государственного регистратора прав, так и по инициативе заинтересованных лиц в административном и (или) судебном порядке.*

Ключевые слова: *кадастровый учет; государственная регистрация права; публичная достоверность; реестровые ошибки.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Зайцев О. В., Кравченко А. А. Обеспечение публичной достоверности данных Единого государственного реестра недвижимости: вопросы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 30–41. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-30-41.

Поступила в редакцию 17.04.2023 Принята к публикации 24.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Зайцев О.В., Кравченко А. А., 2023

Ensuring Public Reliability of Data from the Consolidated State Register of Real Estate: Issues of Theory and Practice

Oleg V. Zaytsev[1]✉, Aleksander A. Kravchenko[1]

Institute of Public Administration and Civil Service of the Presidentail Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadsky Ave., Moscow 119606, Russian Federation

✉ e-mail: ov.zaytsev@igsu.ru

Abstract

The relevance *of the article is determined by the fact that a state registration of rights in the Consolidated State Register of Real Estate is considered as the undoubted evidence of the existence of a registered right and is interpreted by the courts as a disputable presumption.*

The purpose *of the article is to study judicial practice in order to understand the significance of the public reliability of CSRRE data.*

The objectives *of the article are to analyze the current legislation of the state registration of real estate, determine the features of real estate, as well as identify legal mechanisms for disproving the reliability of CSRRE data.*

Methodology. *In the article authors use scientific methods, such as analysis and synthesis, induction and deduction, description, formal-legal method.*

Results*. The public reliability of a data of the CSRRE are established procedures for the implementation of state cadastral registration and (or) state registration of rights, as well as procedures for eliminating registry errors in the CSRRE. The question of the reliability of a data of the CSRRE concerns both the characteristics of real estate objects and the rights to them. For ensuring the reliability of a data of the CSRRE are also noted organizational and technical means.*

Conclusions. *Based on the analysis of judicial practice, the author comes to conclusion that the courts demonstrate a clear understanding of the value of the public reliability of the CSRRE, which is legally provided by established procedures for the implementation of state cadastral registration and (or) state registration of rights, including the legal examination of the documents submitted for this purpose, as well as procedures for eliminating registry errors in the CSRRE, which can be implemented both by the decision of the state registrar of rights and on the initiative of interested persons in an administrative and (or) judicial procedure.*

Keywords: *cadastral registration; state registration law; public reliability; registry errors.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Zaytsev O. V., Kravchenko A. A. Ensuring Public Reliability of Data from the Consolidated State Register of Real Estate: Issues of Theory and Practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 30–41. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-30-41

Received 17.04.2023 Accepted 24.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Действующее законодательство определяет Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) как свод достоверных систематизированных сведений об учтенном в соответствии с законом недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на него, основаниях их возникновения, правообладателях, а также иных установленных в соответствии с законом сведений (ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [1]; далее – Закон о госрегистрации).

При этом достоверность содержащихся в нем сведений возводится в один из основополагающих принципов, обеспечение которого является необходимым условием не только стабильности граж-

данского оборота, но и самой возможности оборота недвижимости как особой категории вещей, базирующегося на бесспорности зарегистрированных в *реестре* прав и отсутствии сомнений в наличии у зарегистрированного объекта признаков недвижимости[1].

Государственные реестры, если взять их количественную сторону, охватывают значительное число юридически значимых сфер деятельности [1, с. 81]. При этом эффективность государственных реестров зависит, прежде всего, от степени реализации в них принципа публичной достоверности сведений. Особую важность данный принцип приобретает, когда речь заходит о недвижимом имуществе и правах на него. Используя сведения из государственных реестров, участники правоотношений должны быть уверены в их достоверности и правовой надежности [2, с. 171]. Это является необходимым условием не только стабильности гражданского оборота, но и самой возможности оборота недвижимости.

Методология

При написании настоящей статьи авторами применялись общенаучные методы и специальные методы юридической науки, в том числе формально-юридический метод, при помощи которого изучались законодательство о государственной регистрации недвижимости, судебная практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, а также судебные акты арбитражных судов по делам, в рамках которых определялась значимость публичной достоверности данных Единого государственного реестра недвижимости; логический метод, использовавшийся для интерпретации теоретических и законодательных положений, а также логического изложения материала. Также был использован метод анализа, который позволил определить степень понимания судами значения публичной достоверности сведений ЕГРН.

Результаты и их обсуждение

Принцип достоверности реестра в первую очередь направлен на поддержание стабильности гражданского оборота, закрепляя презумпцию существования как объекта недвижимости, так и права на него.

Гарантиями стабильности оборота недвижимости является не только указанная выше презумпция, но и организационно-технические средства обеспечения достоверности ЕГРН. Применение достижений науки позволило человечеству ускоренными темпами развивать материальное и духовное производство, создавать материальные и духовные ценности [3, с. 66–67], что привело к значительному усложнению общественных отношений и их юридизации.

Так, важной новинкой Закона о госрегистрации явилось объединение кадастрового учета недвижимого имущества с учетом зарегистрированных прав на него [4, с. 27–30]. Взамен достаточно автономных реестров прав на недвижимое имущество и государственного кадастра недвижимости сформирован Единый государственный реестр недвижимости, объединяющий данные обоих указанных реестров.

Также была изменена и форма ведения реестра – если ранее реестр, как и кадастр, велись как в бумажном, так и в электронном виде, причем информация на бумажных носителях имела приоритет, то ЕГРН ведется преимущественно в электронном виде [5, с. 94]. В этом случае обеспечивается межведомственное информационное взаимодействие, в рамках которого могут выявляться пробелы и противоречия, свидетельствующие о наличии ре-

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2018 г. № 310-ЭС18-13357 по делу № А14-14459/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2022 г. № 15АП-2413/22 по делу № А32-38463/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023)

естровых ошибок и предоставляться необходимые для их исправления сведения. Хотя, безусловно, принципиальной новинкой Закона о госрегистрации явилось установление презумпции достоверности реестра [6, с. 26–41].

При этом важно отметить, что несмотря на наличие презумпции необходим механизм судебной защиты лиц, которые оспаривают данные реестра. Более того, иногда само по себе наличие сведений об объекте в ЕГРН как о недвижимом имуществе может нарушать права и законные интересы граждан и организаций, на что обращают внимание отечественные правоведы [7, с. 29–32], а также суды. В частности, «нахождение в государственном кадастре недвижимости сведений о спорном объекте, являющемся, по сути, движимой вещью и право на который в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) зарегистрировано как на недвижимую вещь… нарушает права общества»[1].

Кроме того, по одному из дел было отмечено нарушение прав заявителя (арендатора земельного участка), поскольку потенциально нахождение сведений об объекте в ЕГРН создает угрозу нарушения его прав арендатора: «…нахождение сведений об объекте в ЕГРН как о недвижимом имуществе нарушает права заявителя как арендатора земельного участка, на котором находится объект, в связи с возможностью последующего приобретения на объект права собственности третьим лицом и, соответственно, в таком случае у нового собственника объекта возникнут права пользования частью земельного участка, который занят объектом, в частности, путем установления сервитута на земельном участке, находящемся в пользовании заявителя, что приведет к необоснованному ограничению прав заявителя по пользованию земельным участком»[2].

То же касается и случаев ненадлежащей фиксации прав на недвижимое имущество [8, с. 7]. Так, суд признал незаконным решение об отказе в государственной регистрации прекращения записи о договоре аренды и обязании исключить из ЕГРН запись об аренде нежилого помещения, отметив, что наличие в реестре сведений об отсутствующем обременении препятствует осуществлению нормальной хозяйственной деятельности, нарушает права собственника недвижимости и приводит к недостоверности реестра[3].

Нарушение принципа достоверности реестра было усмотрено и в наличии в ЕГРН записи об ограничении права безвозмездного пользования в отношении нежилого здания при фактическом прекращении отношений между сторонами сделки.

При этом нельзя не отметить, что законодатель, провозглашая принцип достоверности реестра, подкрепляет его соответствующей презумпцией, определяя ЕГРН как свод достоверных систематизированных сведений об учтенном в соответствии с законом недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на него, основаниях их возникновения, правообладателях, а также иных установленных в соответствии с законом сведений [9, с. 355–356]. Такой подход дает основание рассматривать государственную регистрацию прав в нем в качестве бесспорного доказательства существования зарегистрированного права [10, с. 116].

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2018 г. № 310-ЭС18-13357 по делу № А14-14459/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2021 г. № 09АП-41976/21 по делу № А40-28159/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[3] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2022 № 09АП-80548/2021 по делу № А40-73642/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

Тем не менее анализ положений Закона о госрегистрации позволяет сделать вывод о том, что эта презумпция опровержима, хотя в целях обеспечения стабильности гражданского оборота для этого предусматривается только механизм судебного оспаривания [11, с. 113–114].

Необходимость подобного законодательного подхода объясняется тем, что при невозможности обеспечения абсолютной достоверности сведений о правах на имущество необходимо обеспечить должную защиту добросовестного приобретателя. По мнению Е. Ю. Самойлова, в этом случае речь идет о защите доверия, которая подчеркивает извинительность ошибки приобретателя имущества [12, с. 6] относительно актуального состояния прав на него и определения круга управомоченных лиц. Без этого существующая система государственной регистрации прав на недвижимое имущество теряет смысл, а цель обеспечения устойчивости его оборота не достигается [13, с. 127].

Очевидно, что требование достоверности касается всех данных ЕГРН, но особое значение приобретает характеристика регистрируемого объекта и правомерность возникновения или прекращения прав на него. В связи с этим судами отмечается, что при разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью независимо от осуществления кадастрового учета или государственной регистрации права собственности на нее следует устанавливать наличие у вещи признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам.

Из изложенного следует, что при осуществлении государственного кадастрового учета проведенной правовой экспертизой представленных заинтересованными лицами документов должно быть подтверждено наличие у объекта признаков недвижимости, в противном случае внесение в ЕГРН сведений об объекте, не являющемся недвижимой вещью, признается незаконным. К аналогичному выводу приходят и другие авторы научных работ [14, с. 59].

Так, по одному из дел суд обратил внимание на то, что кадастровым инженером подготовлен акт обследования, согласно которому в результате осмотра места нахождения объекта установлено, что он не является зданием, а представляет собой навес на металлических опорах, расположенный на асфальтированной площадке, без фундамента. Это обстоятельство дало основание рассматривать такой объект как движимое имущество ввиду отсутствия такого признака недвижимой вещи, как прочная связь с землей, при которой невозможно перемещение объекта недвижимости без несоразмерного ущерба его назначению. На основании этого был сделан вывод о том, что включение сведений о движимом имуществе в ЕГРН нарушает принцип достоверности реестра и является неправомерным[1].

Следует отметить, что вопрос об отнесении тех или иных объектов к категории недвижимых решается по-разному. В качестве отправного момента указываются физические свойства вещи, о чем свидетельствует признание объектами недвижимости земельных участков, участков недр, а также объектов, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно в силу прочной связи с землей (ст. 130 ГК РФ).

Однако для целей государственной регистрации, обеспечивающей их полноценное включение в гражданский оборот, также важны характеристики, позволяющие признать объект недвижимости в качестве индивидуально-определенной вещи, а равно характеристики, которые определяются и изменяются в результате образования земельных участков, уточнения местоположения их границ, строительства и реконструкции зданий, сооружений, помещений и машино-мест, пере-

[1] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2021 г. № 09АП-41976/21 по делу № А40-28159/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

планировки помещений. Указанное также было отмечено в работах Е. В. Резникова и К. В. Четвериковой [15, с. 52; 16, с. 82].

Не случайно жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места) рассматриваются в качестве объектов недвижимости, только если их границы описаны в порядке, установленном законодательством о государственном кадастровом учете [17, с. 76–77; 18, с. 8–9]. Так, согласно новому положению ГК РФ «земельным участком признается часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом» (п. 1 ст. 141.2).

Данный подход обеспечивает конкретизацию способов установления признаков объекта, позволяющих определить его в качестве индивидуально-определенной вещи, создав предпосылки для государственной регистрации.

Суды, впрочем, вносят некоторые коррективы в определение признаков объекта недвижимости, обращая внимание и на особенности его создания. В частности, отмечается, что для признания имущества недвижимым необходимо представить доказательства возведения его в установленном законом и иными нормативными актами порядке на земельном участке, предоставленном для строительства объекта недвижимости, с получением разрешительной документации и соблюдением градостроительных норм и правил.

Так, суд, установив, что спорный объект представляет собой переоборудованное металлическое судно с износом 100%, расположенное на правом берегу прибрежной территории реки, удовлетворил иск администрации г. Кемерово к ООО о признании отсутствующим зарегистрированного в ЕГРН права собственности ответчика на трехэтажное нежилое здание, обратив внимание на то, что вывод эксперта о капитальности объекта в представленном на государственную регистрацию акте экспертного исследования, основывался только на том, что теплоход стоит на нескольких буронабивных сваях, т. е. спорный объект не является объектом недвижимости, а земельный участок, на котором он расположен, был предоставлен для размещения временного сооружения, а не для строительства какого-либо объекта недвижимости. К тому же возможность реконструкции такого сооружения, как металлическое судно, в трехэтажное здание нормами действующего законодательства не предусмотрена[1].

На откуп судебной практике фактически был отдан вопрос о признании недвижимой вещью правомерно строящегося объекта, признаки которого не получили законодательно закрепления и при реформировании норм ГК РФ о недвижимости. Конституционный Суд РФ в данном случае посчитал, что необходимая степень правовой определенности может быть достигнута с помощью разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, целью которых является обеспечение однозначного истолкования и единообразного применения правовых норм[2]. Последний, в свою очередь, указал, что при разрешении вопроса о признании объекта незавершенного строительства недвижимой вещью необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы[3].

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.12.2015 по делу № 304-ЭС15-11476, А27-18141/2014. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 1022-О. URL: http://doc.ksrf.ru/decisio№/KSRFDecisio№543642.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

[3] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Так, анализ конструктивных элементов спорного объекта, состоящего из трех свай, не связанных между собой, дал основание суду признать его начальным этапом устройства фундамента (работы по его сооружению не завершены) многоквартирного дома и обязать застройщика исключить из ЕГРН запись о регистрации его права собственности на объект[1].

Наличие записи об объекте недвижимости в кадастре недвижимости является необходимой предпосылкой для внесения в ЕГРН записи о праве, ограничении права, обременении недвижимости, сделке, хотя в ряде случаев государственный кадастровый учет и государственная регистрация прав осуществляются одновременно.

Исчерпывающий перечень документов, являющихся основанием для этого, определен в ст. 14 Закона о госрегистрации, что связывает постановку вопроса о достоверности данных реестра с характеристиками представляемых для этого документов, которые не только должны соответствовать формальным требованиям, но и отражать реально складывающуюся в гражданском обороте ситуацию. Все это является предметом правовой экспертизы документов, представленных для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, на предмет наличия или отсутствия установленных законом оснований для приостановления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав либо для отказа в их осуществлении (ст. 29 Закона о госрегистрации).

Учитывая эти положения, суды отмечают, что достоверность государственного реестра, с одной стороны, означает соответствие сведений, содержащихся в ЕГРН, сведениям в документах, на основании которых вносились данные в ЕГРН, с другой – что такие сведения соответствуют объективной реальности[2].

Несмотря на то, что достоверность сведений, внесенных в Единый государственный реестр недвижимости, презюмируется[3], не исключена возможность появления в нем данных, не соответствующих действительному положению дел, что дает основание рассматривать практику устранения реестровых ошибок как одну из составляющих механизма обеспечения его достоверности. Следовательно, внесение в ЕГРН достоверных (действительных) сведений о спорном объекте взамен недостоверных сведений рассматривается судами как единственная возможность соблюсти требования действующего законодательства [4].

Действующее законодательство предусматривает два способа устранения реестровых ошибок: административный и судебный [19, с. 84–86]. Первый возможен в случае, когда такое исправление не влечет за собой прекращение, возникновение, переход зарегистрированного права на объект недвижимости. Второй реализуется, если исправление технической

[1] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.10.2021 № Ф01-4920/2021 по делу № А39-8468/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[2] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июля 2019 г. № Ф06-49546/19 по делу № А65-40513/2018. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[3] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2022 г. № 15АП-658/22 по делу № А32-42444/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 июня 2020 г. № Ф05-7145/20 по делу № А40-254997/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 марта 2020 г. № 09АП-6383/20 по делу № А40-254997/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

ошибки в записях и реестровой ошибки может причинить вред или нарушить законные интересы правообладателей или третьих лиц, которые полагались на соответствующие записи, содержащиеся в ЕГРН либо при возникновении по данному вопросу спора с регистрирующим органом (ст. 61 Закона о госрегистрации).

В связи с этим интерес представляют позиции судов по вопросу снятия с кадастрового учета объекта, ранее поставленного на учет, при отсутствии оснований для его регистрации. Было отмечено, что подход, мотивированный отсутствием оснований для снятия с кадастрового учета объекта, ранее поставленного на учет, без должной правовой экспертизы и проверки наличия у объекта признаков недвижимости, нарушает принцип достоверности сведений ЕГРН и не может в связи с этим быть признан обоснованным[1].

Отсутствие установленного законом порядка снятия с кадастрового учета ранее учтенных объектов недвижимости при отсутствии спора о правах на недвижимость не должно служить препятствием участникам гражданского оборота права на судебную защиту, гарантированного ст. 46 Конституции РФ [20, с. 62]. Из этого следует вывод о возможности снятия с кадастрового учета объекта недвижимого имущества не только по основаниям, предусмотренным Законом о госрегистрации, но и в случае, если он был поставлен на государственный кадастровый учет с нарушением действующего законодательства[2].

В частности, рассматривая подобные требования, суд должен учитывать, что постановке на кадастровый учет, государственной регистрации прав в ЕГРН должна предшествовать проверка наличия у объекта признаков недвижимого имущества[3].

Речь может идти и об исправлении отдельных данных об объектах, внесенных в реестр. Так, суды на основе анализа проектной, технической документации, а также заключения БТИ сделали вывод о том, что нежилое помещение с кадастровым номером 16:41:030201:512 находится непосредственно в здании с кадастровым номером 16:41:030201:533 и является его составной частью, что признано и сторонами. Между тем в результате ошибки, допущенной при проведении кадастровых работ, ЕГРН содержит недостоверные сведения о существовании самостоятельного здания отделения почтовой связи, что не соответствует действительности. С учетом этого суд вышестоящей инстанции признал, что суды, удовлетворяя заявленные требования, правомерно устранили реестровую ошибку, привели сведения об объекте недвижимости в соответствие, тем самым обеспечив их достоверность. Одновременно было обращено внимание на то, что требования заявителя не были направлены на оспаривание права собственности, спор о правах на недвижимое имущество отсутствует, а его материально-правовой целью являлось обеспечение достоверности публичного реестра собственности и приведение нежилого помещения в здании в соответствие с техническими данными[4].

[1] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.04.2021 № Ф01-859/2021 по делу № А43-14874/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[2] Определение Верховного Суда РФ от 06.12.2018 № 310-ЭС18-13357 по делу № А14-14459/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2020 № Ф05-20190/2020 по делу № А40-68627/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

[4] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26 апреля 2021 г. № Ф06-2969/21 по делу № А65-19602/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 03.04.2023).

Выводы

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что в целом судебная практика демонстрирует отчетливое понимание значения публичной достоверности Единого государственного реестра недвижимости, которое в правовом отношении обеспечивается:

1) установленными процедурами осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, включающих проведение правовой экспертизы представленных для этого документов;

2) процедурами устранения реестровых ошибок в ЕГРН, которые могут реализовываться как по решению государственного регистратора прав, так и по инициативе заинтересованных лиц в административном и (или) судебном порядке.

Список литературы

1. Апт Л. Ф., Токарева Ю. В. Принципы формирования и действия государственных реестров как особых регуляторов юридической деятельности // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 81–91.

2. Чесноков А. А. Публичность имущественного реестра как гарантия безопасности добросовестного приобретателя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3(47). С. 171–175.

3. Зайцев В. В., Демиева А. Г. О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 64–86.

4. Мотлохова Е. А. Объединение сведений ЕГРП и ГКН в ЕГРН: предпосылки, действия, состояние // Правовые вопросы недвижимости. 2018. № 2. С. 27–30.

5. Землякова Г. Л. Проблемы цифровизации государственных учетно-регистрационных услуг в отношении земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 7 (250). С. 93–100.

6. Ермакова А. В. Действие принципа публичной достоверности реестра прав на недвижимость при неправомерном отчуждении одним из бывших супругов недвижимой вещи, находившейся в их совместной собственности // Ex jure. 2022. № 4. С. 26–41.

7. Сиражетдинова О. Земельные споры – самые важные примеры и их анализ // Жилищное право. 2019. № 12. С. 27–34.

8. Белоглазов А. Е., Аниськина А. И., Белоглазова А. С. О некоторых особенностях исключения сведений о помещениях, прекративших свое существование, из Единого государственного реестра недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. 2020. № 1. С. 5–7.

9. Эйриян Г. Н. К вопросу о полноте и достоверности кадастровых сведений о земельных участках // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 354–360.

10. Чайковская Л. В. К вопросу о совершенствовании механизма информирования и идентификации участников долевой собственности при проведении собрания // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 111–120.

11. Бортникова Н. А. Взаимосвязанные иски, используемые для защиты прав на земельные участки // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2019. Вып. 25. С. 103-124.

12. Самойлов Е. Ю. Публичная достоверность при приобретении недвижимого имущества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.

13. Алексеев В. А. Публичная достоверность реестра прав на недвижимость: действующий принцип или дело будущего? // Закон. 2016. № 11. С. 125–132.

14. Дубова Я. Г. Снятие с регистрации «ложного» объекта недвижимости // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2019. № 5. С. 58–60.

15. Резников Е. В. Самовольная постройка: исследование законодательства и практики Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2020. № 7. С. 47–53.

16. Четверикова К. В. Признаки недвижимого имущества и его кадастровая стоимость // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9. С. 80–84.

17. Давыдова О. В. Система капельного орошения: налог на имущество // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения: учет в сельском хозяйстве. 2022. № 3. С. 74–78.

18. Майборода В. А. Депривация в индивидуализации земельного участка через его границы // Юрист. 2023. № 1. С. 7–13.

19. Гусев А. О. О некоторых особенностях судебных споров об исправлении реестровых ошибок // Арбитражные споры. 2020. № 1. С. 78–102.

20. Варушкин Н. А. Nudum jus на распоряжение ранее учтенных земельных участков // Право и экономика. 2014. № 2. С. 60–62.

References

1. Apt L. F., Tokareva Yu. V. Principy formirovaniya i dejstviya gosudarstvennyh reestrov kak osobyh regulyatorov yuridicheskoj deyatel'nosti [Principles of formation and operation of state registers as special regulators of legal activity]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2020, no. 14, pp. 81–91.

2. Chesnokov A. A. Publichnost' imushchestvennogo reestra kak garantiya bezopasnosti dobrosovestnogo priobretatelya [Publicity of the property register as a guarantee of the security of a bona fide acquirer]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3(47), pp. 171–175.

3. Zajcev V. V., Demieva A. G. O nekotoryh problemah nauchnoj novizny v civilisticheskih issledovaniyah (na primere dissertacionnyh rabot) [About some problems of scientific novelty in civil studies (on the example of dissertations)]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2019, no. 1, pp. 64–86.

4. Motlohova E. A. Ob"edinenie svedenij EGRP i GKN v EGRN: predposylki, dejstviya, sostoyanie [Combining the data of the EGRP and GKN in the EGRN: prerequisites, actions, condition]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti = Legal issues of real estate*, 2018, no. 2, pp. 27–30.

5. Zemlyakova G. L. Problemy cifrovizacii gosudarstvennyh uchetno-registracionnyh uslug v otnoshenii zemel'nyh uchastkov [Problems of digitalization of state accounting and registration services in relation to land plots]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2022, no. 7 (250), pp. 93–100.

6. Ermakova A. V. Dejstvie principa publichnoj dostovernosti reestra prav na nedvizhimost' pri nepravomernom otchuzhdenii odnim iz byvshih suprugov nedvizhimoj veshchi, nahodivshejsya v ih sovmestnoj sobstvennosti [The effect of the principle of public reliability of the register of rights to real estate in case of unlawful alienation by one of the former spouses of an immovable thing that was in their joint ownership]. *Ex jure*, 2022, pp. 26–41.

7. Sirazhetdinova O. Zemel'nye spory – samye vazhnye primery i ih analiz [Land disputes – the most important examples and their analysis]. *Zhilishchnoe pravo = Housing Law*, 2019, no. 12, pp. 27–34.

8. Beloglazov A. E., Anis'kina A. I., Beloglazova A. S. O nekotoryh osobennostyah isklyucheniya svedenij o pomeshcheniyah, prekrativshih svoe sushchestvovanie, iz Edinogo gos-udarstvennogo reestra nedvizhimosti [About some features of the exclusion of information about premises that have ceased to exist from the Unified State Register of Real Estate]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti = Legal issues of real estate*, 2020, no. 1, pp. 5–7.

9. Ejriyan G. N. K voprosu o polnote i dostovernosti kadastrovyh svedenij o zemel'nyh uchastkah [On the issue of completeness and reliability of cadastral information on land plots]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*, 2019, no. 1, pp. 354–360.

10. Chajkovskaya L. V. K voprosu o sovershenstvovanii mekhanizma informirovaniya i identifikacii uchastnikov dolevoj sobstvennosti pri provedenii sobraniya [On the issue of improving the mechanism for informing and identifying participants of shared ownership during the meeting]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2022, no. 11, pp. 111–120.

11. Bortnikova N. A. Vzaimosvyazannye iski, ispol'zuemye dlya zashchity prav na zemel'nye uchastki [Interrelated lawsuits used to protect rights to land plots]. *Kommentarij sudebnoj praktiki* [Commentary of judicial practice]; ed. by K. B. Yaroshenko. Moscow, IZiSP Publ., KONTRAKT Publ., 2019, is. 25, pp. 103–124.

12. Samojlov E. Yu. Publichnaya dostovernost' pri priobretenii nedvizhimogo imushchestva. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Public trustworthiness in the acquisition of real estate. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2010. 25 p.

13. Alekseev V. A. Publichnaya dostovernost' reestra prav na nedvizhimost': dejstvuyushchij princip ili delo budushchego? [Public reliability of the register of real estate rights: the current principle or a matter of the future?]. *Zakon = Law*, 2016, no. 11, pp. 125–132.

14. Dubova Ya. G. Snyatie s registracii "lozhnogo" ob"ekta nedvizhimosti [De-registration of a "false" real estate object]. *Zhilishchno-kommunal'noe hozyajstvo: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie = Housing and communal services: accounting and taxation*, 2019, no. 5, pp. 58–60.

15. Reznikov E. V. Samovol'naya postrojka: issledovanie zakonodatel'stva i praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii [Unauthorized construction: a study of the legislation and practice of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Sud'ya = Judge*, 2020, no. 7, pp. 47–53.

16. Chetverikova K. V. Priznaki nedvizhimogo imushchestva i ego kadastrovaya stoimost' [Signs of immovable property and its cadastral value]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2019, no. 9, pp. 80–84.

17. Davydova O. V. Sistema kapel'nogo orosheniya: nalog na imushchestvo [Drip irrigation system: property tax]. *Aktual'nye voprosy buhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya: uchet v sel'skom hozyajstve = Current issues of accounting and taxation: accounting in agriculture*, 2022, no. 3, pp. 74–78.

18. Majboroda V. A. Deprivaciya v individualizacii zemel'nogo uchastka cherez ego granicy [Deprivation in the individualization of a land plot across its borders]. *Yurist = Lawyer*, 2023, no. 1, pp. 7–13.

19. Gusev A. O. O nekotoryh osobennostyah sudebnyh sporov ob ispravlenii reestrovyh oshibok [About some features of judicial disputes on correction of registry errors]. *Arbitrazhnye spory = Arbitration disputes*, 2020, no. 1, pp. 78–102.

20. Varushkin N. A. Nudum jus na rasporyazhenie ranee uchtennyh zemel'nyh uchastkov [Nudum jus on the disposal of previously registered land plots]. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2014, no. 2, pp. 60–62.

Информация об авторах / Information about the Author

Зайцев Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы правоведения, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: ov.zaytsev@igsu.ru,
ORCID: 0009-0007-3948-2771

Oleg V. Zaytsev, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Dean of the Department "Higher School of Jurisprudence", Institute of Public Administration and Civil Service of the Presidentail Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation,
e-mail: ov.zaytsev@igsu.ru,
ORCID: 0009-0007-3948-2771

Кравченко Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, директор Центра «Юридическая клиника», Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: aa.kravchenko@igsu.ru,
ORCID: 0000-0002-3718-3002

Aleksander A. **Kravchenko**, Cand. of Sci. Associate Professor, Center's Director "Legal clinic", Institute of Public Administration and Civil Service of the Presidentail Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation,
e-mail: ov.zaytsev@igsu.ru,
ORCID: 0009-0007-3948-2771

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-42-57

(cc) BY 4.0

Актуальные проблемы отечественного правового регулирования сбора, хранения и передачи геномной информации в условиях современных вызовов

К. Г. Балашов[1], Н. В. Кравченко[2] ✉

[1] Адвокатская контора Краснoперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов)
ул. Малая Пролетарская, д. 22, г. Ярославль 150001, Российская Федерация

[2] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

Резюме

***Актуальность**. Реализация международного проекта «Геном человека» позволила расшифровать его, вместе с тем объем этой информации и возможности применения как в общечеловеческих (борьба с пандемией), так и в террористических (разработка биологического оружия, точечно ориентированного на конкретную нацию) целях, особенно в условиях политической напряженности и соперничества за лидерство, детерминируют необходимость прогнозирования потенциальных рисков и разработки адекватного правового регулирования.*

***Цель** исследования заключается в оценке текущего состояния обеспечения безопасности геномной информации, получаемой как в рамках биомедицинских исследований, так и в рамках реализации государственной политики в сфере общественной безопасности. Также необходимо изучить опыт зарубежных государств в данной области с перспективой дальнейшего его использования в юридической практике России.*

***Задачи**. Комплексное изучение правового регулирования порядка сбора, хранения, использования и уничтожения геномной информации позволило выявить пробелы законодательной регламентации. Поиски путей их решения составляют задачу настоящего исследования.*

***Методология.** Для достижения поставленной цели применялись методы научного познания: анализ, синтез, системно-аналитический, формально-логический, системно-правовой, с помощью которых авторами осуществлен аналитический обзор отечественного и зарубежного законодательства, определена специфика исследуемых правоотношений и предложены пути решения выявленных правовых проблем.*

***Результатами** исследования являются сформулированные предложения по внесению изменений в правовые акты отечественного законодательства, касающихся сбора, хранения и контроля доступа к геномной информации, с учетом изученного зарубежного опыта.*

***Вывод.** Существующие нормативные положения о геномной информации не обеспечивают защиту от обработки и передачи третьим лицам. По этой причине полученные в результате геномных исследований данные человека должны быть выделены в статус «sui generis», а правовая регламентация расширена, в том числе за счет формирования федеральных органов, ответственных за регулирование этических и правовых аспектов генетических и геномных исследований.*

***Ключевые слова**: ген; геном; геномная информация; генетическая паспортизация; геномная регистрация.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Балашов К. Г., Кравченко. В. Н. Актуальные проблемы отечественного правового регулирования сбора, хранения и передачи геномной информации в условиях современных вызовов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 42–57. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-42-57.

Поступила в редакцию 30.04.2023 Принята к публикации 29.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Балашов К. Г., Кравченко. В. Н., 2023

Actual Problems of Domestic Legal Regulation of the Collection, Storage and Transmission of Genomic Information in the Context of Modern Challenges

Konstantin G. Balashov [1], Natalia V. Kravchenko[2] ✉

[1] Krasnoperekopsk District Bar of Yaroslavl (Yaroslavl Regional Bar Association)
22 Malaya Proletarskaya Str., Yaroslavl 150001, Russian Federation

[2] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The implementation of the international project "Human Genome" made it possible to decipher it, however, the volume of this information and possibilities of its application both for universal (pandemic control) and terrorist purposes (development of biological weapons, targeted at a particular nation), especially in conditions of political tension and competition for leadership, determine the need to forecast potential risks and develop an adequate legal regulation.*

The purpose *of this study is to assess the current state of security of genomic information obtained in the framework of biomedical research, as well as within the framework of implementation of public policy in the sphere of public security. It is also necessary to study the experience of foreign countries in this field with a view to its further use in Russian legal practice.*

Objectives. *Comprehensive study of legal regulation of the collection, storage, use and destruction of genomic information allowed to identify gaps in legal regulation. Finding ways to solve them is the objective of this study.*

Methodology. *To achieve the set objective were applied methods of scientific knowledge: analysis, synthesis, system-analytical, formal-logical, system-legal methods by means of which the authors carried out an analytical review of domestic and foreign legislation, identified the specifics of legal relations under study and proposed solutions to the identified legal problems.*

Results *of the study are formulated suggestions for changes in legal acts of domestic legislation relating to the collection, storage and control of access to genomic information, taking into account the studied foreign experience.*

Conclusion. *The existing regulations on genomic information do not provide protection from processing and transfer to third parties. For this reason human genomic data should be designated as "sui generis", and legal regulation should be expanded, including formation of federal agencies responsible for regulation of ethical and legal aspects of genetic and genomic research.*

Keywords: *gene; genome; genomic information; genetic certification; genomic registration.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Balashov K. G., Kravchenko N. V. Actual Problems of Domestic Legal Regulation of the Collection, Storage and Transmission of Genomic Information in the Context of Modern Challenges*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 42–57. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-42-57

Received 30.04.2023 Accepted 29.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Правовой статус геномной информации и ее место в правовом поле не раз были предметом исследований и дискуссий на различных площадках. Несмотря на межотраслевой подход к изучению этого вопроса цивилисты приходят к однозначному выводу о том, что она является разновидностью информации огра-

ниченного доступа, конфиденциальной информацией [1, с. 24; 2, с. 67].

Баланс публичных и частных интересов, отраженный во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека и закрепляющий, с одной стороны, всеобщий доступ к достижениям науки в области биологии, генетики и медицины, касающихся генома человека (ст. 12), и с другой – законодательно установленную конфиденциальность генетических данных (ст. 7), имеет размытые границы, не определяет конкретные параметры дозволений и ограничений[1].

Изучением этой темы в доктрине и практике цивилисты занимаются постоянно[2], вместе с тем ученые разных стран обращают внимание на неопределенность понятия «геном человека», которое используется в международных правовых актах как в значении «видовой общий для всех людей геном», так и в смысле «уникальный для отдельного человека геном» [3]. Нет определенности в этой части и в отечественной доктрине [4, с. 51].

Успешное завершение международного проекта «Геном человека» позволило определить, что геном как совокупность всего генетического материала состоит из 25000 генов. Соответственно, с точки зрения биологической составляющей ген является составной частью генома (ген является локусом молекулы ДНК, геном, в свою очередь, представляет полную ядерную ДНК). Таким образом, генетическая информация как сведения об отдельных генах поглощается геномной информацией как общим массивом данных, позволяющим сформировать цельную картину состояния генов человека. Полагаем, что разграничение информации на геномную и генетическую, как общее и частное, определяет лишь ее объем и возможности использования, однако уровень обеспечения безопасности должен быть одинаково высоким. Сбор, хранение и использование геномной/генетической информации осуществляется в разных целях и находит закрепление в различных нормативно-правовых актах. Вместе с тем важность охраны информации, содержащейся в геноме, как с позиции защиты частных лиц, так и с позиции защиты государства, на наш взгляд, презюмируется, поскольку возможности и пределы использования геномной информации еще не изучены. Ее можно использовать как в целях разработки новых методов диагностики, лечения, так и в целях создания биологического оружия, способного воздействовать на определенную группу населения, например, по этническому признаку. В связи с изложенным актуализируется необходимость научного осмысления системы обеспечения правовой безопасности личности в отношении ее геномной информации.

Методология

Использование таких методов научного познания, как: анализ научной литературы, системно-аналитический, формально-логический, системно-правовой позволили осуществить аналитический обзор действующего отечественного и зарубежного законодательства, доктринальных источников, определить специфику исследуемых правоотношений и выработать пути решения выявленных правовых проблем. Применение методов анализа и синтеза позволило, опираясь на действующие федеральные законы и законопроекты, охарактеризовать современное состояние правового регулирова-

[1] Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека: [принята 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры] // ООН: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml. (дата обращения 20.04.2023).

[2] Рыжова А. А. Правовая защита геномных данных граждан России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8, № 3 (31). URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 20.04.2023).

ния защиты геномных данных, сформулировать предложения по внесению изменений в действующее законодательство.

Результаты и их обсуждение

Правовое регулирование получения геномных данных граждан можно разграничить по целевому критерию, исходя из которых определить проработанность и достаточность защитных механизмов. Геномная информация собирается:

– для обеспечения государственных правоохранительных функций (например, геномная регистрация лиц, совершивших преступления);

– для личного использования (например, с целью установления отцовства, тестирование на предмет предрасположенности к заболеваниям);

– для научных изысканий (например, проведение геномных исследований для выявления закономерностей развития человека).

Рассмотрим подробнее. Понятие геномной информации в отечественное правовое поле введено Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ о геномной регистрации) и в силу Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] ее формулировка подверглась корректировке. С 8 мая 2023 г. в новой редакции закона геномная информация представлена как биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах ДНК физического лица или неопознанного трупа.

ФЗ о геномной регистрации имеет свою сферу регулирования и отражает процесс сбора, систематизации, использования, хранения, уничтожения геномной информации в рамках федеральной базы данных в целях идентификации личности человека. Согласно энциклопедическому словарю под идентификацией личности понимается определение тождества опознаваемого субъекта конкретному лицу по характеризующим его отличительным признакам [5, с. 401]. При этом Е. П. Клипко и С. Г. Лихолетов отмечают несинонимичность с таким понятием, как «идентификация человека», имеющего более широкое значение [6, с. 63]. В ст. 14 ФЗ о геномной регистрации, которой придан статус государственной, зафиксировано целевое назначение полученной геномной информации. Она используется для раскрытия преступлений, розыска пропавших без вести граждан, установления личности неопознанного трупа, установления родственных отношений разыскиваемых лиц. Законом в зависимости от вида геномной регистрации (добровольной или обязательной) определен круг субъектов, правовые основания. В первом случае основой является добровольное волеизъявление, выраженное в письменном заявлении; биологический материал, содержащий геномную информацию вправе сдать граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства; проводится платно. Ответственным за сбор, использование и хранение геномной информации определено подразделение органов внутренних дел. Вместе с тем на сегодняшний день процедура прохождения

[1] О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федер. закон от 3 дек. 2008 г. № 242-ФЗ: [ред. от 06.02.2023] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82263/ (дата обращения: 27.04.2023).

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 8-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439120/ (дата обращения: 27.04.2023).

добровольной государственной геномной регистрации не утверждена.

Обязательной геномной регистрации подлежат неопознанные трупы и лица:

– осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы;

– неустановленные, биоматериал которых получен в ходе следственных мероприятий;

– подозреваемые, обвиняемые в совершении преступления;

– подвергнутые административному аресту (с 01.01.2025 г.).

Наглядно просматривается тенденция к увеличению круга субъектов, к которым она применяется.

В проведении обязательной государственной геномной регистрации в пределах своих полномочий участвуют: учреждения, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы; подразделения органов внутренних дел РФ и Следственного комитета Российской Федерации; учреждения судебно-медицинской экспертизы, входящие в государственную систему здравоохранения. В настоящее время процедура детализирована в Положении о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828[1]. Вместе с тем на практике наличествуют нарушения как процедуры забора биоматериала[2], так и выполнения федерального законодательства (например, ввиду отсутствия медицинских работников, обладающих необходимыми знаниями и навыками, достаточного количества геномных наборов)[3].

С 22.03.2023 по 05.04.2023 г. на федеральном портале проектов нормативных правовых актов проходило общественное обсуждение проекта Постановления Правительства РФ «О некоторых вопросах реализации Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и признании утратившим силу Постановления Правительства Российской Федерации от 11 октября 2011 г. № 828»[4], который призван установить Порядок проведения как обязательной, так и добровольной государственной геномной регистрации и Правила получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и обработки геномной информации (далее – Порядок геномной регистрации). Оператором федеральной базы данных геномной информации назначено федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», в структуре которого действует отдел учета геномной информации.

[1] Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы: Постановление Правительства РФ от 11 окт. 2011 г. № 828 // Правительство Рос. Федерации: сайт. URL: https://www.archive.government.ru/gov/results/16756/ (дата обращения: 27.04.2023).

[2] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2020 по делу № 88а-6626/2020 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 29.04.2023).

[3] Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 22.09.2016 по делу N 33-12021/2016 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 29.04.2023).

[4] Проект Постановления Правительства РФ «О некоторых вопросах реализации Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и признании утратившим силу Постановления Правительства Российской Федерации от 11 октября 2011 г. № 828» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7 (дата обращения: 29.04.2023).

Отметим, что положения ФЗ о геномной регистрации и предполагаемого Порядка геномной регистрации относительно процедуры использования данных, полученных от граждан по их волеизъявлению, носят неопределенный характер. Нормативными актами не установлен срок их хранения, возможность использования геномной информации, предоставленной добровольно, в рамках производства иных процессуальных действий правоохранительных органов при расследовании иного преступления, не связанного с поиском родственников. Представляется, что формирование федеральной единой базы данных должно быть разграничено по признаку обязательности и добровольности предоставленных геномных сведений по волеизъявлению граждан, с императивным определением порядка и правовых оснований обращения к таковым. С. С. Бородин и А. А. Инюшкин справедливо замечают, что результаты геномной регистрации и иных генетических исследований должны быть использованы с соблюдением баланса личных неимущественных прав и моральных интересов общества [7, с. 26].

Интенсивное развитие технологий «bigdata», позволяющих обрабатывать и использовать массивы данных, способствует развитию науки и технологий, ускоряет исследовательские процессы благодаря виртуальному моделированию ситуаций и облачным вычислениям, минимизации ошибок, связанных с человеческими факторами. Однако развитие компьютерных технологий приводит также к упрощению доступа третьих лиц к большим объемам информации, в том числе для использования ее в корыстных целях. Возможности редактирования данных, полученных в результате геномного исследования, способны привести к возникновению ситуаций, представляющих риск обвинения людей, не имеющих отношения к административным нарушениям или преступлениям, а также к попыткам получения злоумышленниками личной выгоды посредством шантажа, угроз и манипуляций.

Проблема обеспечения информационной безопасности минимизируется путем применения хранилищ с высокой степенью шифрования и защиты, а также переводом особо ценных данных в системы вне облачного доступа. Тем не менее конфиденциальность по-прежнему остается под угрозой, что связано в первую очередь с высоким уровнем затрат, необходимых для сохранения режима ограниченной доступности и обеспечения достаточной вычислительной мощности для работы с массивами данных. В результате применяются более упрощенные технологии защиты конфиденциальности либо используется меньший объем данных, что снижает точность осуществляемых вычислений.

Общие положения об ответственности должностных лиц за нарушения правил получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и обработки геномной информации установлены ст. 10 ФЗ о геномной регистрации. Однако детализации мер ответственности и вида ответственности (гражданская, административная, уголовная), в том числе и за несанкционированный доступ к базе данных, отсутствует.

Информация о генах человека используется также в генодиагностике, генотерапии, которые легализованы Федеральным законом от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»[1] (далее – Закон о генно-инженерной деятельности). Отсутствие детальной регламентации правового положения субъектов правоотношений, их прав, обязанностей и ответственности,

[1] О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: федер. закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ: [ред. от 02.07.2021] // КонсультантПлюс. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_10944/ (дата обращения: 27.04.2023).

порядка сбора, хранения и использование генетической информации в процессе генодиагностики и генотерапии как вида медицинской деятельности уже были предметом исследования [8]. Следует отметить, что с 1 сентября 2024 г. вступают в силу ожидаемые научным сообществом изменения, закрепленные Федеральным законом от 29 дек. 2022 г. № 643-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженер-ной деятельности»[1], которые устраняют некоторые пробелы правового регулирования и устанавливают правовые основы функционирования государственной информационной системы «Национальная база генетической информации». Так, в понятийный аппарат вводятся понятия: генетическая информация, определяемая как последовательность нуклеотидов в полимерах нуклеиновых кислот; генетические данные, представляющие собой сведения о генетической информации различных биологических объектов, пригодной для получения (сбора), систематизации, накопления, хранения, уточнения (обновления, изменения), использования, распространения (в том числе передачи) и уничтожения такой информации. Но самое важное, на наш взгляд, из сферы действия закона выводятся генодиагностика и генотерапия, соответственно, закон с 1 сентября 2024 г. не будет касаться генетической информации человека.

Поскольку генодиагностика и генотерапия осуществляются в рамках оказания медицинской помощи, было бы логичнее закрепить соответствующие положения в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2] (далее – ФЗ об охране здоровья). С 1 сентября 2024 г. после исключения их из Закона о генно-инженерной деятельности генодиагностика и генотерапия окажутся нелегализованными, соответственно, отсутствие порядка сбора, хранения, использования геномной/генетической информации, которую используют медицинские работники, не обеспечивают их надлежащую защиту.

Таким образом, на повестке дня остается открытым вопрос правового регулирования безопасности генетической/геномной информации в целях защиты прав на частную и семейную жизнь [9, с. 134]. Тем более что набирают развитие так называемые генетические исследования и тестирования на наличие наследственных заболеваний и генетических предрасположенностей, выполняемые как государственными, так и частными медицинскими организациями.

Всё большую популярность приобретают методики ДНК-анализов, позволяющие на основании генетического тестирования получить ряд сведений о психологическом, физическом здоровье человека, его расовой и этнической принадлежности, определении родства и пр. Клиники и частные медицинские центры предлагают услуги по исследованию генетических данных в формате так называемого генетического паспорта, формируемого на основании оценки генома человека. В результате клиент получает информацию об особенностях своего организма, возможных реакциях на продукты или лекарственные средства, рисках возникновения и развития заболеваний, способностях к развитию спортивных, умственных и творческих наклонностей. Кроме того, некоторые организации в качестве дополнительной услуги предлага-

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»: Федер. закон от 29 дек. 2022 г. № 643-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436209/ (дата обращения: 28.04.2023).

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: [ред. от 28.04.2023] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 28.04.2023).

ют поиск родственников, которые также могли принять участие в геномном исследовании.

Анализируя историю развития частных биобанков в России, мы может отметить тенденцию к их стабильному росту[1]. Невозможно однозначно оценить необходимость использования коммерческих процедур ДНК-тестирования. С одной стороны, это эффективный способ быстро собрать объемный пласт информации о своём здоровье и происхождении, с другой – результаты анализа могут значительным образом отличаться от ожидаемых, ставя под угрозу не только внутрисемейные отношения, но и вторжение в частную жизнь и здоровье совершенно незнакомых донору ДНК-материалов людей. Кроме того, практически все базы данных, собранные на основании коммерческого анализа генома, являются частными информационными ресурсами. Следовательно, существует риск несанкционированного доступа к информации о тысячах людей, которые давали согласие исследовательскому центру на обработку, хранение и передачу личных данных третьим лицам, ввиду отсутствия надлежащего протокола защиты. Такую информацию могут использовать как злоумышленники в корыстных целях, так и спецслужбы иностранных государств для разработки биологического оружия.

Российская Федерация признает опасности, связанные с разработкой и дальнейшим использованием биологического оружия, а также оружия на основе геномных исследований. Противодействие данному виду оружия на современном этапе определяется совокупностью следующих факторов: присутствием потенциальной угрозы применения биологического оружия, необходимостью наличия знаний для ее предотвращения и ликвидации; развитием новых биотехнологий, обладающих возможностями вызывать массовое распространение инфекционных заболеваний; маскировкой террористических актов под естественно возникшие вспышки или эпидемии различных болезней; развитием молекулярной биологии, микробиологии, генной инженерии, получением новых видов биологических агентов; ориентированием научных достижений, связанных с разработкой биотехнологий в отдельных странах, на антигуманные цели; наличием случаев «несанкционированной утечки» биологических компонентов с территории научно-исследовательских учреждений; созданием высокотехнологичной методологии производства биологического оружия нового поколения; необходимостью разработки комплексных мер противодействия биотерроризму как угрозе национальной безопасности [10, с. 112].

Опасения также основаны на отсутствии соответствующего законодательного регулирования деятельности негосударственных лабораторий, их ответственности. Как пишет М. Н. Малеина, геномная информация сосредотачивается в государственных и частных биобанках, правовой режим которых не имеет единой основы [11].

В настоящее время исполнение требований по обеспечению защиты биометрических данных осуществляется в рамках Федерального закона от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных»[2] (далее – ФЗ о персональных данных). Понятие геномной информации законодатель не раскрывает, относит ее к биометрическим персональным данным, что не раз подвергалось критике. Некоторые авторы для определения гражданско-правового режима генетической инфор-

[1] Российская ассоциация развивает сеть биобанков в России // Генофонд.рф: сайт. URL: http://генофонд.рф/ ?page_id=33499 (дата обращения: 26.04.2023).

[2] О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ: [ред. от 06.02.2023] // КонсультантПлюс. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 29.04.2023).

мации предлагают разграничить генетические сведения (персонифицированная генетическая (геномная) информация) и генетические данные (неперсонифицированные (анонимизированные) генетические данные, которые часто содержатся в информационной системе) [12, с. 110].

Е. Е. Богданова утверждает, что невозможно расценивать генетическую информацию исключительно в качестве персональных данных. Это связано в первую очередь с тем, что сведения, получаемые в результате анализа ДНК-материалов, содержат также информацию о родственниках донора биологических образцов. Таким образом, считает автор, генетическая информация представляет собой понятие, относящееся к тайне частной жизни, следовательно, подлежит защите Гражданским кодексом РФ в качестве нематериального блага [13, с. 26]. В соответствии с ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации, сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица недопустимы без его согласия. При этом к категории частной жизни относятся и такие понятия, как «личная тайна» и «семейная тайна».

Е. М. Тужилова-Орданская и Е. В. Ахтямова также указывают на необходимость определения особого правового статуса генетической информации человека в связи с наличием сведений о третьих лицах, являющихся родственниками носителю исследуемого генома [14, с. 275]. Даже при условии, что обработка, хранение и передача третьим лицам персональных данных юридически предусмотрены лишь при условии наличия письменного согласия субъекта данных, подобные операции с генетической информацией недопустимы, поскольку влекут за собой распространение сведений и об иных обладателях персональных данных.

В 2019 г. Правительством РФ на рассмотрение Государственной Думы были представлены поправки в ФЗ о персональных данных, предусматривающие отделение сведений, которые характеризуют генетические особенности человека, от биологических данных. Однако в апреле 2023 г. принятый в первом чтении законопроект снят с рассмотрения ввиду внесенных в ФЗ о геномной регистрации изменений, исследованных нами выше, которые не в полной мере защищают геномную информацию[1].

Норма об ответственности за нарушение ФЗ о персональных данных носит отсылочный характер, в частности в одной из редакций ч. 1 ст. 24 изменена формулировка и вместо «несут гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную и иную» используется выражение «несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность». Кроме того, ч. 2 ст. 24 отражает обязательность возмещения морального вреда в результате нарушения правил обработки и защиты персональных данных со ссылкой на Гражданский кодекс РФ, но также не содержит конкретного перечня мер наказания за совершенные правонарушения.

Для детализации правового регулирования в области защиты геномной информации видится возможным имплементация положительного зарубежного опыта. В частности, некоторые российские исследователи отмечают, что в настоящее время в судебной практике России в делах, связанных со сбором, обработкой и хранением геномной информации, приоритет при вынесении решения отдается общественной безопасности, а не этическим вопросам и обеспечению личных прав человека [15, с. 34].

[1] Правительство внесло в Госдуму законопроект об особенностях обработки персональных данных человека, полученных из его генетического материала // Правительство Рос. Федерации: сайт. URL: http://government.ru/activities/selection/301/37216/# (дата обращения 29.04.2023).

Так, несмотря на то, что Российская Федерация до 2022 г. входила в Совет Европы и относилась к юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), единственный международный документ в сфере генетических и геномных исследований – Конвенцию о правах человека и биомедицине (Конвенцию Овьедо) – Россия не ратифицировала. П. А. Калиниченко считает, что консервативная позиция многих стран-участников Совета Европы, проигнорировавших ратификацию указанного правового акта, обусловлена опасениями, что действие Конвенции Овьедо пресечет дальнейшую свободу исследований, связанных с изучением и редактированием генома [16, с. 110]. В. В. Лапаева добавляет также, что отсутствие единых международных договоренностей в отношении геномных исследований связано с высоким уровнем научной, экономической и политической конкуренции между государствами и, как следствие, соперничеством за первенство в технологическом развитии, которое в значительной степени основывается и на генной инженерии [17, с. 56].

Одним из примеров юридической защиты генетических данных выступает Великобритания. В Законе «О защите данных» генетическая информация упоминается в ч. 3 ст. 3 как один из факторов, позволяющих прямо или косвенно идентифицировать человека, а также в ч. 8 ст. 4, где генетические и биометрические данные выделяются в отдельную категорию чувствительных данных, подлежащих особой обработке. В целом законодательство Великобритании также находится на стадии становления в отношении регулирования геномных данных: запрещено редактирование генома человека, но при определенных условиях допускаются исследования в отношении человеческого эмбриона [18, с. 49].

Аналогичные требования к обеспечению конфиденциальности геномной информации как особого вида данных предъявляются законодательством Италии. Согласно Итальянскому кодексу защиты данных контроль над осуществлением любого рода исследований генома человека возложен на ряд государственных органов: Высший совет здравоохранения, Министерство здравоохранения и Итальянское управление по защите данных. Обработка генетических данных допускается исключительно при наличии разрешения от указанных инстанций. Это обеспечивает необходимый уровень защиты информации и защищает право человека на частную жизнь, а также позволяет своевременно находить ответственных в случае возникновения факта утечки информации.

Показательным видится и опыт Испании с созданием комитетов, регулирующих направления исследовательской деятельности в сфере геномики. Среди прочих функционируют комитеты по биомедицинским исследованиям, комитеты по этике исследований, контролирующие правовую, методологическую, этическую стороны реализуемых в стране биомедицинских исследований, а также оценивающие социальные и этические последствия проектов, связанных с геномом человека. В рамках Закона о биомедицинских исследованиях осуществление генетического тестирования и проведение консультаций, связанных с исследованием генома человека, должно проводиться только в аккредитованных медицинских организациях. Указанный Закон определяет перечень организаций, имеющих право на осуществление генетического анализа, а также устанавливает механизм обеспечения защиты личных данных, полученных в результате диагностики или исследования. Определены правовой статус хранилищ биологических материалов и биобанков и обязательная процедура включения всех биобанков страны в Национальный реестр биобанков. Кроме того, законодательно установлен запрет на дискриминацию по генетическому признаку [19, с. 143].

Вопрос генетической дискриминации остро стоит во многих государствах, в частности в Государстве Израиль и Соединенных Штатах Америки. Согласно исследованию Д. В. Пономаревой, в судебной практике существует ряд вопросов, связанных с определением еврейского происхождения методом ДНК-анализа и установления гражданства на его основе, поскольку возникают противоречия между юридическим и этическим взглядами на проблему. Так, в случае вынашивания и рождения ребенка, зачатого из половых клеток женщины и мужчины еврейского происхождения, суррогатной матерью может быть женщина-нееврейка и тогда, по нормам иудаизма, ребенок также не является евреем. Вместе с тем генетический анализ с полной достоверностью покажет его еврейское происхождение. Возможна и обратная ситуация, когда суррогатная мать-еврейка родит ребенка, зачатого с использованием биоматериала доноров, не являющихся евреями: с религиозной точки зрения статус национальности передается от матери к ребенку, тогда как медико-биологическая экспертиза подтвердит отсутствие еврейского происхождения. Приведенные ситуации могут говорить не только о наличии сложностей с получением гражданства Государства Израиль и доступа к правам и преимуществам граждан, но и о двусмысленности социально-политической ситуации в стране, что в некотором роде предполагает наличие евгенического посыла [20, с. 138].

Что касается законодательства США, дискриминация по генетическим признакам юридически запрещена законом GINA (Genetic information nondiscrimination act of 2008). Его первая часть регулирует равные права граждан в отношении медицинского страхования независимо от генетического происхождения, вторая часть распространяется на трудовые отношения и запрещает работодателям учитывать национальные, расовые и иные генетические признаки при трудоустройстве или карьерном развитии сотрудника. Несмотря на это закон не покрывает все возможные ситуации, к примеру, гарантирует тайну истории заболеваний в семье, но не распространяется на проявившееся заболевание или на страхование жизни. Некоторые исследователи предполагают, что указанные ограничения нормативно-правового акта могли быть пролоббированы медицинскими страховыми компаниями [21, с. 1100]. Примечателен и тот факт, что в ряде штатов США принимаются локальные законы, апеллирующие к GINA и в некоторых случаях расширяющие соответствующие права граждан. Контроль за применением тех или иных механизмов реализации генетических исследований и геномных технологий в США осуществляется Управлением по контролю пищевых продуктов и лекарственных средств, федеральным органом регулирования исследований и их оценки на достоверность (как аналитическую, так и медицинскую) и востребованность. В полномочия Управления также входит разработка нормативной документации, конкретизирующей политику государства в отношении биомедицинских исследований генома человека. Как пишет Э. В. Алимов, в России в настоящее время правоприменительная практика по вопросам геномных отношений еще не сформирована по причине недостаточного правового регулирования [22, с. 24]. Возникающий правовой вакуум необходимо заполнить, учитывая современные реалии технологического и экономического развития страны, а также опыт иностранных государств.

Очевидно, что выход Российской Федерации из Совета Европы и из-под юрисдикции стандартов, принятых ЕСПЧ, отразится и на правовом регулировании геномных исследований. Подвергнутся изменениям и стандарты и нормы российского права, выстраиваемые ранее на базе некоторых международных актов, следовательно, изменится

порядок их применения в судопроизводстве. Исчезнут многие инструменты государственного влияния и регулирования, а вместе с тем и появится дополнительная свобода действий для многих коммерческих организаций, занимающихся исследованием и редактированием генома. Следует признать, что существующие в российском законодательстве нормативные положения о защите частной жизни и персональных данных распространяются и на геномную информацию, однако не обеспечивают в полной мере её защиту от обработки и передачи третьим лицам. По этой причине данные, полученные в результате геномных исследований, должны быть выделены в статус «suigeneris», а правовая регламентация расширена, в том числе за счет формирования федеральных органов, ответственных за регулирование этических и правовых аспектов генетических и геномных исследований.

Выводы

На основании вышеперечисленного мы приходим к выводу, что в настоящий момент правовое регулирование сбора, хранения и передачи геномной информации находится на недостаточном уровне. Для преодоления существующих проблем мы предлагаем внесение следующих изменений в действующее законодательство, позволяющих соблюсти оптимальный баланс между интересами личности и государства.

1. В Федеральном законе № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» четко определить срок хранения, а также границы использования геномной информации, предоставленной гражданами добровольно.

2. Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дополнить статьями о геномной диагностике и генотерапии, в которых не только раскрыть через формирование понятийного аппарата, но и зафиксировать порядок их проведения, требования к медицинским организациям.

3. За утечку или неправомерный доступ к данным, содержащим геномную информацию, а также требования к систематизации данных, полученных без согласия граждан, следует ужесточить меру административной ответственности (ст. 13.14 КоАП РФ) за разглашение информации лицам, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. Размер штрафа для граждан должен составлять от двадцати до сорока тысяч рублей, для должностных лиц – от пятидесяти до восьмидесяти тысяч рублей.

4. Необходимо принять закон о создании комитетов, регулирующих направления исследовательской деятельности в сфере геномики. Опираться при разработке данного закона, в первую очередь, можно на опыт Испании. В этой стране среди комитетов, регулирующих направления исследовательской деятельности в сфере геномики, функционируют также комитеты по биомедицинским исследованиям, комитеты по этике исследований, контролирующие правовую, методологическую, этическую стороны реализуемых в стране биомедицинских исследований, а также оценивающие социальные и этические последствия проектов, связанных с геномом человека. В рамках разрабатываемого закона следует предусмотреть норму о проведении геномных исследований только в аккредитованных медицинских организациях. Указанный закон установит перечень организаций, имеющих право на осуществление генетического анализа, а также механизм обеспечения защиты личных данных, полученных в результате диагностики или исследования. Кроме того,

необходимо будет определить нормами закона правовой статус хранилищ биологических материалов и биобанков и обязательная процедура включения всех биобанков страны в Национальный реестр биобанков.

5. Кроме того, важно регламентировать критерии деятельности для частных медицинских организаций, занимающихся расшифровкой генома в коммерческих целях.

Список литературы

1. Болтанова Е. С., Трынченков Н. А., Пшеничникова К. Ю. Место геномной информации среди существующих в законодательстве Российской Федерации видов информации // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 20–25.

2. Рассолов И. М., Чубукова С. Г. Защита генетических данных при генетическом тестировании и генотерапевтическом лечении: информационно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5 (114). С. 65–72.

3. Монтгомери Дж. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 3. С. 73–81.

4. Малеина М. Н. Понятие и классификации геномной (генетической) информации // Lex russica. 2020. Т. 73, № 7. С. 50–58.

5. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х т. Т. 1: А-Йореса способ / гл. ред. Б. В. Петровский. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 464 с.

6. Клипко Е. П., Лихолетов С. Г. Идентификация человека в криминалистике и судебной медицине // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. № 30–2. С. 61–63.

7. Бородин С. С., Инюшкин А. А. Геномные исследования и геномное редактирование в аспекте формирования эффективного правового режима // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С.19–31. https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.2.3.

8. Кравченко Н. В. Правовое регулирование генетических исследований и технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 29–37.

9. Дубов А. Б., Дьяков В. Г. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 127–137. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.127-137.

10. Холопова Е. Н., Масальская В. О. Биологическое оружие как угроза национальной безопасности России // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 112–122.

11. Малеина М. Н. Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 98–117.

12. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex russica. 2019. № 6. С. 110–119.

13. Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 6. С. 18–29. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029.

14. Тужилова-Орданская Е. М., Ахтямова Е. В. Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 52. С. 263–284. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-52-263-284.

15. Калиниченко П. А. Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // Lex Russica. 2019. № 6 (151). С. 30–36. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036.

16. Калиниченко П. А., Косилкин С. В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 4 (56). С. 108–118. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.108-118.

17. Лапаева В. В. От Всеобщей декларации о геноме человека к международно-правовому регулированию геномных исследований и технологий: идея и реальность // Государство и право. 2020. № 7. С. 53–61. https://doi.org/10.31857/S102694520010680-9.

18. Алимов Э. В., Лещенков Ф. А. Правовые основы проведения геномных исследований в Российской Федерации и странах англосаксонской правовой семьи // Журнал российского права. 2019. № 11. С.43–57. https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.3.

19. Крысенкова Н. Б., Чурсина Т. И. Правовое регулирование геномных исследований в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 140–153. https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.5.9.

20. Пономарева Д. В. Правовые аспекты использования результатов генетического тестирования для доказательства этнической принадлежности в правоприменительной практике Государства Израиль // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 9(97). С. 131–141. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.97.9.131-141.

21. Даллакян Л. Запрет дискриминации по генетическим признакам в законодательстве и судебной практике Соединенных Штатов Америки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 2, вып. 44. С. 1095–1108. https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.418.

22. Алимов Э. В. Запрет на дискриминацию по генетическому признаку: опыт США и России // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021. № 1. С. 19–25.

References

1. Boltanova E. S., Trynchenkov N. A., Pshenichnikova K. Yu. Mesto genomnoj informacii sredi sushchestvuyushchih v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii vidov informacii [The place of genomic information among the types of information existing in the legislation of the Russian Federation]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 20–25.

2. Rassolov I. M., Chubukova S. G. Zashchita geneticheskih dannyh pri geneticheskom testirovanii i genoterapevticheskom lechenii: informacionno-pravovye aspekty [Protection of genetic data in genetic testing and gene therapy treatment: information and legal aspects]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 5 (114), pp. 65–72.

3. Montgomeri Dzh. Modifikaciya genoma cheloveka: vyzovy so storony sfery prav cheloveka, obuslovlennye nauchno-tekhnicheskimi dostizheniyami [Modification of the human genome: challenges from the human rights sphere caused by scientific and technical achievements]. *Precedenty Evropejskogo suda po pravam cheloveka = Precedents of the European Court of Human Rights*, 2018, no. 3, pp. 73–81.

4. Maleina M. N. Ponyatie i klassifikacii genomnoj (geneticheskoj) informacii [The concept and classification of genomic (genetic) information]. *Lex russica*, 2020, vol. 73, no. 7, pp. 50–58.

5. Enciklopedicheskij slovar' medicinskih terminov [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms]; ed. by B. V. Petrovskij. Moscow, Sov. Enciklopediya Publ., 1982, vol. 1. 464 p.

6. Klipko E. P., Liholetov S. G. Identifikaciya cheloveka v kriminalistike i sudebnoj medicine [Human identification in criminology and forensic medicine]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2019, no. 30–2, pp. 61–63.

7. Borodin S. S., Inyushkin A. A. Genomnye issledovaniya i genomnoe redaktirovanie v aspekte formirovaniya effektivnogo pravovogo rezhima [Genomic research and genomic editing in the aspect of the formation of an effective legal regime]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of Law: theory and practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 19–31. https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.2.3

8. Kravchenko N. V. Pravovoe regulirovanie geneticheskih issledovanij i tekhnologij [Legal regulation of genetic research and technologies]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2020, vol. 10, no. 4, pp. 29–37

9. Dubov A. B., D'yakov V. G. Bezopasnost' genomnoj informacii: pravovye aspekty mezhdunarodnogo i nacional'nogo regulirovaniya [Genomic information security: legal aspects of international and national regulation]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSLA),* 2019, no. 4, pp. 127–137. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.127-137

10. Holopova E. N., Masal'skaya V. O. Biologicheskoe oruzhie kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii [Biological weapons as a threat to the national security of Russia]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of Law: theory and practice*, 2020, no. 2, pp. 112–122.

11. Maleina M. N. Pravovoj status biobanka (banka biologicheskih materialov cheloveka) [The legal status of the biobank (human biological materials bank)]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 1, pp. 98–117.

12. Boltanova E. S., Imekova M. P. Geneticheskaya informaciya v sisteme ob"ektov grazhdanskih prav [Genetic information in the system of objects of civil rights]. *Lex russica*, 2019, no. 6, pp. 110–119.

13. Bogdanova E. E. Pravovye problemy i riski geneticheskoj revolyucii: geneticheskaya informaciya i diskriminaciya [Legal problems and risks of the genetic revolution: genetic information and discrimination]. *Lex Russica (Russkij zakon)*, 2019, no. 6, pp. 18–29. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029.

14. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Ahtyamova E. V. Problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v sfere zashchity prav grazhdanina v Rossijskoj Federacii pri ispol'zovanii geneticheskoj informacii [Problems of civil law regulation in the sphere of protection of citizen's rights in the Russian Federation when using genetic information]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2021, no. 52, pp. 263–284. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-52-263-284

15. Kalinichenko P. A. Razvitie sudebnoj praktiki po delam v sfere genomiki cheloveka: mirovoj opyt i Rossiya [Development of judicial practice in cases in the field of human genomics: world experience and Russia]. *Lex Russica*, 2019, no. 6 (151), pp. 30–36. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036

16. Kalinichenko P. A., Kosilkin S. V. Genomnye issledovaniya: standarty Soveta Evropy i pravovoe regulirovanie v Rossii [Genomic research: Council of Europe standards and legal regulation in Russia]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2019, no. 4 (56), pp. 108–118. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.108-118

17. Lapaeva V. V. Ot Vseobshchej deklaracii o genome cheloveka k mezhdunarodno-pravovomu regulirovaniyu genomnyh issledovanij i tekhnologij: ideya i real'nost' [From the Universal Declaration on the Human Genome to the international legal regulation of genomic

research and technology: Idea and reality]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 7, pp. 53–61. https://doi.org/10.31857/S102694520010680-9

18. Alimov E. V., Leshchenkov F. A. Pravovye osnovy provedeniya genomnyh issledovanij v Rossijskoj Federacii i stranah anglosaksonskoj pravovoj sem'i [Legal bases of genomic research in the Russian Federation and the countries of the Anglo-Saxon legal family]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 43–57. https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.3

19. Krysenkova N. B., Chursina T. I. Pravovoe regulirovanie genomnyh issledovanij v zarubezhnyh stranah [Legal regulation of genomic research in foreign countries]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2019, no. 5, pp. 140–153. https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.5.9

20. Ponomareva D. V. Pravovye aspekty ispol'zovaniya rezul'tatov geneticheskogo testirovaniya dlya dokazatel'stva etnicheskoj prinadlezhnosti v pravoprimenitel'noj praktike Gosudarstva Izrail' [Legal aspects of using the results of genetic testing to prove ethnicity in the law enforcement practice of the State of Israel]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2022, no. 9(97), pp. 131–141. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.97.9.131-141

21. Dallakyan L. Zapret diskriminacii po geneticheskim priznakam v zakonodatel'stve i sudebnoj praktike Soedinennyh Shtatov Ameriki [Prohibition of discrimination on genetic grounds in the legislation and judicial practice of the United States of America]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*, 2021, vol. 2, is. 44, pp. 1095–1108. https://doi.org/10.21638/ spbu14.2021.418

22. Alimov E. V. Zapret na diskriminaciyu po geneticheskomu priznaku: opyt SSHA i Rossii [Prohibition of discrimination on genetic grounds: the experience of the USA and Russia]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Right*, 2021, no. 1, pp. 19–25.

Информация об авторах / Information about the Authors

Балашов Константин Геннадьевич, помощник адвоката Адвокатской конторы Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), г. Ярославль, Российская Федерация,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6148-0365

Konstantin G. Balashov, Assistant Lawyer at the Krasnoperekopsk District Bar of Yaroslavl (Yaroslavl Regional Bar Association), Yaroslavl, Russian Federation,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6148-0365

Кравченко Наталья Владимировна, преподаватель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6378-5074

Natalia V. Kravchenko, Lecturer of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6378-5074

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-58-73

CC BY 4.0

Семейные ценности в российском праве и проблема сиротства: прошлое, настоящее и будущее

П. М. Филиппов[1], А. С. Назарова[1] ✉

[1]Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Гагарина, д. 8, г. Волгоград 400066, Российская Федерация

✉ e-mail: nazarova.anya2012@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Концепция государственной семейной политики, утвержденная Правительством Российской Федерации до 2025 года, направлена на сохранение и поддержание традиционных семейных ценностей, уважение и всемерную поддержку семьи, детства, материнства и отцовства. Вместе с тем проблема сиротства в нашей стране, в том числе социального, не разрешена, что актуализирует проведение научных исследований и научных дискуссий в рассматриваемой сфере.*

Цель статьи *состоит в формировании научного подхода к определению семейных ценностей в российском праве через проблему сиротства.*

Задачи: *проследить историю формирования семейных ценностей, определить основные традиционные семейные ценности, сформировать понятие традиционных семейных ценностей и формы их правового регулирования.*

Методология. *Основу методологии проводимого исследования составляют достижения общей истории и теории права, частно-правовой и публично-правовой науки, с помощью которых были систематизированы имеющиеся теоретические и эмпирические данные о традиционных семейных ценностях и выстроена надлежащая концепция.*

Результаты. *В ходе проведения исследования сформировано понятие семейных ценностей в российском праве и предложены эффективные правовые механизмы, направленные на закрепление традиционных семейных ценностей в российском праве.*

Вывод*. Семейные ценности в российском праве в силу различных факторов подвергаются трансформации, поэтому следует определить основные традиционные ценности российской семьи, внедрять эффективные правовые механизмы, которые позволят сохранить традиционные семейные ценности и, соответственно, престиж формирования и создания семьи. Определение, внедрение и пропаганда указанных ценностей будет являться эффективным методом борьбы с сиротством в России.*

Ключевые слова*: семья; семейные ценности; дети-сироты; сиротство.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Филиппов П. М., Назарова А. С. Семейные ценности в российском праве и проблема сиротства: прошлое, настоящее и будущее // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 58–73. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-58-73.

Поступила в редакцию 24.04.2023 Принята к публикации 22.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Филиппов П. М., Назарова А. С., 2023

Family Values in Russian Law and the Problem of Orphanhood: Past, Present and Future

Pyotr M. Filippov[1], Anna S. Nazarova[1] ✉

[1]Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
8 Gagarina Str., Volgograd 400066, Russian Federation

✉ e-mail: nazarova.anya2012@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The concept of state family policy, approved by the Government of the Russian Federation until 2025, is aimed at preserving and maintaining traditional family values, respect and full support for family, childhood, motherhood and fatherhood. At the same time, the problem of orphanhood in our country, including social, is not resolved, which actualizes the conduct of scientific research and scientific discussions in this area.*

The purpose *of the article is to form a scientific approach to the definition of family values in Russian law through the problem of orphanhood.*

Objectives*: to trace the history of the formation of family values, to determine the main traditional family values, to form the concept of traditional family values and the forms of their legal regulation*

Methodology*. The methodology of the research is based on the achievements of the general history and theory of law, private law and public law science, with the help of which the available theoretical and empirical data on traditional family values were systematized and an appropriate concept was built.*

Results*. In the course of the study, the concept of family values in Russian law was formed and effective legal mechanisms aimed at consolidating traditional family values in Russian law were proposed*

Conclusion*. Family values in Russian law are undergoing transformation due to various factors, therefore, it is necessary to determine the main traditional values of the Russian family, introduce effective legal mechanisms that allow preserving traditional family values and, accordingly, the prestige of forming and creating a family. The definition, implementation and promotion of these values will be an effective method of combating orphanhood in Russia.*

Keywords*: family; family values; orphans; orphanhood.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Filippov P. M., Nazarova A. S. Family Values in Russian Law and the Problem of Orphanhood: Past, Present and Future*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 58–73. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-58-73

Received 24.04.2023 Accepted 22.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Современное общество XXI в. претерпевает много изменений, во всех сферах жизни: социальной, экономической, политической, духовной. Меняются идеологии, ценностные установки, кумиры, появляются новые и уходят в небытие «старые» неактуальные профессии. Но что остается неизменным, так это сам человек, а точнее его основные инстинкты, которые двигают им на протяжении всей жизни. Даже в условиях развития сверхтехнологий человек XXI в. по-прежнему употребляет пищу, стремится к продолжению рода, самореализации и самоутверждению. Конечно, изменилась и сама пища и ее качество, способы и формы самореализации также значительно отличаются от первобытно-общинного строя и средневековья, не исключением

стал и такой основной инстинкт, как воспроизводство себе подобных. Так появился институт суррогатного материнства, экстракорпорального оплодотворения, которые вызвали волну споров, пробелов в законодательстве и разделили общество на «за» и «против» таких нестандартных форм продолжения человеческого рода. Как следствие таких преобразований стало изменяться и отношение к семье, ее формам, составу и участникам. Именно поэтому особый интерес здесь возникает к традиционным семейным ценностям, которые должны лежать в основе формирования и жизни российской семьи, российского брака, исключая те формы семейных отношений, которые признаются в некоторых государствах, а для современного российского общества являются неприемлемыми.

Методология

В число научных задач в области правового регулирования семейных ценностей входит формирование четкого понятия семейных ценностей, перечня семейных ценностей, на основании которых формируется нравственный идеал российской семьи и активно пропагандируется не только в нормативно-правовых актах, но и в СМИ. В целях получения достоверных результатов и выводов использовались общенаучные методы, прежде всего диалектический и исторический, которые позволили изучить хронологию становления и развития семейных ценностей от славянских племен до наших дней. При помощи анализа, индукции и дедукции были сформированы основные тезисы о правовом регулировании семейных ценностей, традиций и обычаев. Системный метод и метод сравнения позволили структурировать полученный материал о традиционных семейных ценностях, а при помощи метода моделирования и формально-юридического были сформированы выводы и предложения по правовому регулированию семейных ценностей в России.

Результаты и их обсуждение

Вопрос о традиционных семейных ценностях в современном российском праве мало изучен. Хотя на протяжении веков вопросам брака и семьи посвящали свои научные труды исследователи различных областей знания, например И. П. Сахаров «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (1836) [1], Л. Г. Морган «Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877) [2], Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) [3], М. М. Ковалевский «Закон и обычаи на Кавказе» (1890) [4], К. Каутский «Возникновение брака и семьи» (1895) [5], Я. В. Абрамов «Брак и семья» (1900) [6], Б. Рассел «Брак и мораль» (1929) [7], П. Сорокин «Кризис нашего времени» (1941) [8] и ряд других.

Так как же формировались эти традиционные семейные ценности, которые до сих пор лежат в основе современного семейного права? Ведь, несомненно, традиции любого народа прежде всего связаны с его историей, в том числе традиции создания семьи, заключения брака, рождения и воспитания детей. Знаменитый английский философ, политический деятель, публицист и политический теоретик Эдмунд Бёрк справедливо по данному поводу отмечал: «История – это союз между умершими, живыми и еще не родившимися» [9]. И действительно, если говорить о семейных ценностях, присущих российской семье, все они зародились давно, еще в допетровский период, и, хотелось бы верить, продолжат свое существование еще не одно тысячелетие в последующих поколениях.

Говоря о традиционных семейных ценностях и их изучении учеными-правоведами, особо внимание, на наш взгляд, следует уделить исследованиям, посвященным изучению семьи и брака в Древнем Риме, нормы права которого были рецепированы многими странами романо-германской правовой семьи, где

исключением не стала и Россия. Первые исследования, которые направлены были на детальное изучение римской семьи, это «Римская история» (от нем. «RömischeGeschichte») [10] немецкого историка, юриста и политика, лауреата Нобелевской премии за указанный труд К. М. Т. Моммзена, который указал, что древнеримская семья имела патриархальный характер.

Исследований, посвященных римскому праву, в настоящее время большое количество, почти каждое из которых хотя бы кратко затрагивает историю римской семьи, условия вступления в брак и расторжения брака, правовое положение детей. Проанализировав их, можно прийти к выводу, что утверждения Моммзена о патриархальности семьи подтверждаются в исследованиях других ученых. Во главе римской семьи всегда стоял paterfamilias. Как указали А. И. Бортенев, О. И. Сергачева, «категория paterfamilias в Риме использовалась для обозначения граждан, которые не подчинены ничьей семейной власти, выступают в системе общественных отношений как homosuijuris» [11, с. 75]. Так называемая отеческая власть распространялась и на детей, которые были рождены в законном римском браке или усыновлены. Вместе с тем такая безграничная отеческая власть делала бесправными всех членов семьи, в том числе детей, которых paterfamilias мог лишить жизни или продать в кабалу. Справедливо по данному поводу отмечает Е. А. Флейшиц: «В глубочайшей древности вся совокупность прав paterfamilias означалась одним словом: manus, кулак, которое в дошедших до нас памятниках означает уже только власть мужа над женой» [12].

Жестокое отношение paterfamilias ко всем членам семьи, в том числе и к детям, в Древнем Риме позволяет сделать вывод о том, что такие ценности, как материнство и детство, как в законодательстве, так и в обычаях и традициях Древнего Рима, на начальных этапах существования указанного государства отсутствовали. Более того, убийство ребенка даже закреплялось на законодательном уровне, так известный исторический памятник Законы XII Таблиц, гласил: «С такой же легкостью был лишен жизни, как по XII таблицам, младенец (отличавшийся) исключительным уродством» (таблица IV) [13, с. 21–33].

Указанные обстоятельства подтверждены были в том числе нахождением на территориях бывших римских поселений в 2011 и 1988 гг. захоронений младенцев, от одного до трех дней от роду, что подтверждало не только жестокое обращение с детьми, но и таким образом избавление от так называемых «нежелательных» детей. Римлянине на тот момент развития цивилизации не задумывались о ценности жизни каждого ребенка, в том числе и из-за высокой рождаемости на фоне высокой детской смертности. Долгое время не просто не существовало каких-либо детских учреждений для брошенных детей, но и самого правового статуса таких детей, ведь понятие «сирот» долгое время в Риме отсутствовало. Ненужных детей, как правило, убивали еще в младенчестве, тем самым исключая сиротство как социальное явление в государстве. Однако с расцветом цивилизации государство все же начало осознавать, прежде всего, ценность жизни и гуманного отношения к таким детям. При императоре Константине в IV н.э. было запрещено детоубийство на законодательном уровне, однако это совсем не улучшило положение таких детей. Система опеки и защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по-прежнему отсутствовала. Так называемых «ненужных» детей оставляли возле колонны Columnna Lactaria на овощном рынке, что в переводе означало молочная колонна. Об этих детях там никто не заботился, они либо погибали, либо их забирали в рабство, кто того желал, или, что совсем редко, забирали на воспитание бездетные пары. За оставление детей в опасности биологиче-

ские родители никакой ответственности не несли.

Примечательно и то, что в древнем Риме различали агнатическое и когнатическое родство, в первом случае предполагалась подчиненность главе семьи – paterfamilias, в его подчинение входила супруга, его дети, в том числе усыновленные, супруги и дети его сыновей. Таким образом, можно сказать, что еще в архаичный период древнеримская семья была многопоколенна, что, несомненно, наряду с жестокостью, которая была присуща paterfamilias, имело и положительные черты: существовала преемственность традиций и обычаев, укрепление семейных связей, разделение обязанностей, взаимопомощь, жесткий контроль за воспитанием детей, уход за старшим поколением и, что самое главное, понятие чести рода.

Однако с развитием римской цивилизации власть домовладыки стала утрачивать свое прежнее значение, на смену агнатического родства пришло когнатическое (кровное родство). Поэтому на смену брака cum many, где безграничная власть находилась в руках мужа, приходит другой вид брака – sine many, в котором жена после вступления в такой брак оставалась под властью прежнего домовладыки, к ней лишь переходило сословное положение супруга. Однако даже переход к такому виду брака не означает исключение патриархата, ведь женщина по-прежнему находилась под властью, но уже не супруга, а прежнего домовладыки, как правило, это был ее отец, а в случае его смерти – ее старший брат.

Перед падением Римской империи все же государство и общество стало осознавать, что одной из высших семейных ценностей является прежде всего материнство и детство, каждый ребенок имеет свое право на жизнь и никто не может этим правом распоряжаться, даже родители. Появились первые учреждения, которые можно назвать прообразом учреждений для детей сирот, они носили название «Alimenta» и «Stipendium», данные учреждения полностью финансировались из государственной казны. Однако существование и содержание таких учреждений было непостоянно – все зависело от императора, который приходил к власти.

Вместе с тем система защиты прав несовершеннолетних детей, в особенности детей-сирот, оставалась в зачаточном состоянии. Жестокое обращение к детям продолжалось, четко сформулированные правовые нормы, которые бы ограждали от такого отношения к детям, в том числе со стороны родителей, отсутствовали. Причем следует отметить, что ближе к падению Римской империи не только жизнь ребенка, но и семья как цель существования, как ценность человеческой жизни потеряла свое значение. Молодые люди (особенно это касается юношей) не были заинтересованы в создании семьи и рождении детей. Даже введение в 9 в. до н.э. «Закона Папия и Поппея», по которому бездетные и неженатые граждане должны были уплачивать налог государству, не привел к высокой рождаемости. Браку, детям и обязательствам римляне предпочитали свободную жизнь, праздники, домашних животных. Не случайно ряд исследователей наряду с другими причинами падения Западной Римской империи называют падение рождаемости и ценности семьи и семейной жизни.

На основании вышеприведенного анализа можно прийти к выводу, что основные семейные ценности, которые существовали в древнеримском обществе, – это патриархат, многопоколенность, единобрачие, честь рода и родительство, материнство, детство, которые как ценность появились позже, после осознания важности и нужности семьи как ячейки общества и детей, как будущего поколения, на котором будет держаться существование всей цивилизации.

Примечательно, что аналогичные семейные ценности постепенно сформировались и в жизни древнерусского об-

щества, причем анализируя семью и семейные ценности древней Руси, можно разделить период их развития на дохристианский и христианский. Принятие христианства коренным образом стало менять отношение к браку, семейным ценностям, воспитанию детей. Однако первоисточников современников, которые характеризовали бы семейную жизнь славянских племен, достаточно немного, это во многом связано с неграмотностью и отсутствием книгопечатания. А интересовавшиеся жизнью славянских племен византийские авторы стремились к изучению экономического и политического устройства славянских поселений, нежели к изучению семейных традиций и обычаев древних славян.

И все же, проанализировав ряд источников, можно прийти к выводу, что в дохристианский период царила полигамия и жестокие обычаи, продиктованные языческими верованиями, целью семьи было выживание и рождение детей. Здесь, как и в Древнем Риме, во главе семьи стоял, как правило, старший мужчина, часто и брака как такового вообще не было. Так, монах Киевско-Печерского монастыря Нестор в известном памятнике славянской культуры «Повести временных лет» отмечает, что «древляне жили звериным образом, жили поскотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не бывало, но умыкали девиц у воды» [14, с. 65]. От ненужных детей могли спокойно избавиться, убив их, кроме того, у славян процветали обряды жертвоприношений, и особенно востребованными жертвами были именно дети. Это было связано с тем, что в дохристианской Руси существовало поверие о том, что дети являются «берегинями», так называемыми проводниками в мир мертвых, которые должны сопровождать усопших. Проведение обрядов жертвоприношения также подтверждается летописцем Нестором, например когда он описывает княжение Владимира в Киеве: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргала и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам и осквернили землю жертвоприношениями своими» [14]. Соответственно указанный период по семейным ценностям и положению детей-сирот во многом повторяет период архаичного Рима: ценность жизни каждого ребенка еще пока не признана на законодательном уровне, понятие сирот не существует, от ненужных детей избавляться могут сами родители, что законом или иными социальными нормами не запрещалось.

Отношение к семье и детям, а также к семейным ценностям резко меняется в 988 г., после события, которое в научной литературе получило распространенное название как «Крещение Руси». Принятие христианства, несомненно, повлияло на все сферы жизни общества, и прежде всего, на жизненный уклад семьи, семейные ценности, отношение к рождению и воспитанию детей. Кроме того, именно в это знаменательное время в истории России появляются первые законодательные источники, регулирующие в том числе семейные отношения. Принятие указанных источников играет очень важную роль на дальнейшее развитие семейных ценностей в Древней Руси, т. к. ряд деяний не только влечет за собой общественное порицание, но и определенные санкции, налагаемые государством.

Один из таких источников русского права – Устав князя Владимира Святославовича о Церковных судах, составленный в конце X – начале XI в. – упоминает такие противоправные деяния, рассматриваемые церковным судом, как: «блуд», «внебрачная связь», «искусственное производство девушкой выкидыша плода» [15]. Поэтому закрепляя указанные деяния в Уставе как противоправные, князь Владимир подчеркивает

целомудрие семьи и ценность жизни каждого ребенка. Также церковный суд рассматривал дела о расторжении брака, подчеркивая ценность и важность сохранения семьи.

Еще одним известным источником русского права, который закрепляет правовое регулирование семейной жизни, является Русская Правда, первый писаный свод русских законов, принятый в 1016 г. в период правления Ярослава Мудрого. Русская православная церковь находилась под влиянием константинопольской, поэтому многие нормы были заимствованы из греческого семейного права, а также уже здесь прослеживается рецепция некоторых норм семейного права Древнего Рима. Так соблюдались обряды обручения, допускался развод, устанавливался минимальный брачный возраст, требовалось согласие родителей при заключении брака, за невесту полагалось приданное.

Что примечательно, несмотря на тяжелый быт русских крестьян, уже здесь закрепляется судьба детей-сирот, которые по каким-то причинам остались без попечения своих родителей. Так п. 99 Русской Правды гласит: «Если остаются в доме малолетние дети, которые еще не в состоянии заботиться о себе сами, а мать их пойдет замуж, то ближайший родственник берет их вместе с имением под опеку до совершеннолетия. А товар отдавать в присутствии посторонних людей, и что тем товаром наживет, продавая или отдавая в рост, то опекун берет себе, а самый товар полностью возвращает опекаемым; прибыль он потому берет себе, что кормил и заботился о них. Приплод от челяди и скота сдает весь в наличности детям, также в случае утраты чего-либо за все им платит. Если же примет детей вместе с наследством отчим, то условия опеки те же»[1].

Как справедливо отметил И. Разумов, «одной из насущных проблем, которые приходилось решать церкви, была борьба за детскую жизнь» [16, с. 75]. Ведь, с одной стороны, церковь учила целомудрию, единобрачию, уважению мужа, любви, справедливости к детям, с другой стороны, само давление церкви очень часто становилось причиной детской смертности: от детей, рожденных вследствие прелюбодеяния, матери пытались избавиться всеми возможными способами, скрывая беременность до последнего, лишь бы избежать позора. Именно поэтому часто церковь и становилась пристанищем для брошенных детей, где их обучали грамоте и ремеслу, младенцев могли подбросить под порог или приводили детей родители, которые в силу жизненных обстоятельств не могли их прокормить.

Христианство, несмотря на ряд строгих требований к семейной жизни, в силу своих основных постулатов запрещало детоубийство и призывало к помощи нуждающимся, что и положило основу призрения детей-сирот на Руси. В первую очередь сирот забирали родственники, ведь многодетность даже считалась благополучием семьи. Возможно, такие дети жили не в лучших условиях, но прослеживалась многопоколенность семьи, ответственность за всех ее членов, в том числе и дальних родственников, преемственность семейных обычаев и традиций. В подтверждение этому уже в 1072 г. Ярославом Мудрым открывается первое училище для детей-сирот, где проживало и обучалось около трехсот детей.

Еще одним историческим памятником, который подробно описывает основные семейные ценности на Руси, является Домострой [17] в редакции протопопа Сильвестра в XVI в. Домострой является сборником правил во многих сферах жизни человека, и прежде всего в семейной жизни. Он призывает к четкому

[1] Русская правда XI-XIII века // Музей истории Российских реформ имени П.А. Столыпина: официальный сайт. URL: https://www.музейреформ.рф/node/13621/ (дата обращения: 19.02.2023).

распределению обязанностей в семье, воспитании детей в строгости, уважении и почитании родителей, что еще раз подчеркивает непоколебимый авторитет старшего поколения и преемственность семейных традиций и обычаев.

Стоит отметить, что в России долгое время сохранялась большая семья и ее преемственность, состоявшей из семейной пары, их сыновей, которые обзавелись своими семьями, внуков, правнуков, овдовевших дочерей, племянников, родителей и других родственников. Это обусловлено было во многом тяжелым бытом, занятием земледелием и скотоводством, что требовало большого количества рабочей силы. Существование такой большой многопоколенной семьи, несомненно, влияло на так называемый «фундамент» семейных ценностей, который передавался из поколения в поколение. И на основании вышеприведенного анализа можно прийти к выводу, что в основе такого «фундамента» стояли такие ценности, как: целомудрие, уважение старших, многодетность, многопоколенность, взаимопомощь, а также забота о тех членах семьи, которые в силу определенных причин этого не могли сделать самостоятельно, прежде всего о детях и старшие поколении. Поэтому закрепление указанных принципов, в том числе на законодательном уровне, предопределяло судьбу детей-сирот, однако еще раз подчеркнем, что положение с незаконнорожденными детьми-сиротами оставалось критичным, матери или другие родственники часто лишали таких детей жизни еще в младенчестве, раскрыть каждый факт такого убийства было практически невозможно, хотя и каралось законом.

С развитием общества, экономическим и техническим прогрессом, а также начавшимся процессом урбанизации в XIX в., начинается активный распад больших семей, молодые люди уезжают в города, что влечет за собой ряд последствий: многопоколенность в том виде, в котором она существовала, прерывается, дети продолжают поддерживать отношения с родителями, но уже не в том виде и не в той форме, часто бабушки и дедушки уже не участвуют в воспитании внуков, а также пожилое поколение лишается того должного ухода, поддержки и просто общения, которое существовало в многопоколенной семье. Отмена крепостного права, которое сдерживало большие многоуровневые семьи, теперь служит причиной их распада. На данном этапе развития института семьи это, конечно, не значит, что большая семья полностью прекратила свое существование, скорее, теперь общество начинает понимать, что параллельно с большими семьями могут вполне успешно существовать малые семьи. Однако это сильно влияет на преемственность семейных традиций и обычаев, старшее поколение все чаще не занимается воспитанием внуков и семейные ценности, честь рода в том виде, в котором существовали раньше, перестают существовать, крепкие семейные узы ослабевают. В XIX в. только начинается этап распада большой семьи, однако попрежнему сохраняется многодетность и престиж семейной жизни, отсутствие семьи и детей при достижении возраста вступления в брак общественно порицается. Параллельно активно развивается система защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, открываются школы-интернаты и приюты.

В XX в. особо ярким периодом в изменении семейной жизни и традиционных семейных ценностей играет период существования с 1922 по 1991 год Союза Советских Социалистических Республик. В период советской власти был принят ряд законодательных актов, которые подробно регламентировали семейную жизнь, порядок вступления в брак и расторжения брака, а также была сформирована особая идеология воспитания и развития будущего поколения. Так, например преамбула принятого в 1968 г. Кодекса о браке и семье РСФСР гласила: «Забота о советской семье, в которой

гармонически сочетаются общественные и личные интересы граждан, является одной из важнейших задач Советского Союза»[1]. Таким образом, семья признавалась не чем то индивидуальным, а ячейкой общества, которую государство охраняет, защищает и пропагандирует как важный элемент успешной самореализации молодых людей.

Каждый ребенок признается как ценность. В подтверждение этому в 1936 г. выходит Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах»[2], согласно которому аборты в СССР были запрещены. Это было связано во многом с желанием государства повысить рождаемость, за незаконное производство аборта уголовному преследованию подвергалось как лицо, производившее аборт, так и сама роженица, однако, как показало время, решить такими запретами демографическую ситуацию не удалось, это привело лишь к большому количеству незаконного прерывания беременности и большой смертности молодых женщин. Поэтому в 1955 г. Президиумом Верховного Суда РФ аборты были декриминализированы[3].

Большое внимание уделялось воспитанию детей, моральному и нравственному облику подрастающего поколения. Так в указанной выше преамбуле Кодекса о браке и семье РСФСР закреплялось следующее: «Коммунистическое воспитание подрастающего поколения, развитие его физических и духовных сил являются важнейшей обязанностью семьи. Государство и общество всемерно помогают семье в воспитании детей, широко развертывается сеть детских садов, яслей, школ-интернатов и других детских учреждений»[1]. Как отметил Д. А. Костькин: «…несомненным плюсом советского нравственного воспитания является наличие четкого нравственного идеала» [18]. В советский период велась активная пропаганда правильного воспитания детей и семейной жизни, например, можно было встретить плакаты с такими лозунгами, как: «Выполняйте правильное кормление детей», «Ты друг другого уважай, сам насорил, сам убирай!», «Все умеем делать сами, помогаем нашей маме!», «Учись все делать сам!», «Не растить барчуков!», «Не лги никогда!», «За радостное цветущее детство, за счастливую, крепкую семью!»

Большие семьи практически прекращают свое существование, встречаются крайне редко, теперь молодые семьи утрачивают потребность в старшем поколении по воспитанию и развитию внуков, открывается сеть детских дошкольных учреждений, помогающих молодым женщинам с детьми дошкольного возраста активно участвовать в жизни коллектива и осуществлять трудовую деятельность. Такие ценностные установки, несомненно, положительно влияют и на положение детей-сирот, по-прежнему продолжает развиваться сеть интернатов

[1] Кодекс о браке и семье РСФСР: [утв. ВС РСФСР 30.07.1969] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3261/ (дата обращения 01.03.2023)

[2] О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах: Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 // КонсультантПлюс. URL: https:// www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 01.03.2023).

[3] Об отмене запрещения абортов: указ Президиума ВС СССР от 23 нояб. 1955 г. // Гарант. URL: https://base.garant.ru/70486510 (дата обращения: 01.03.2023)

для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Особое внимание здесь уделялось перевоспитанию малолетних преступников, где первостепенную роль играл А. С. Макаренко и его методика воспитания и перевоспитания [19]. Величайший педагог сделал, казалось бы, невозможное: он перевоспитал и приучил к труду более 600 детей, родители которых многие самостоятельно и добровольно привозили их в учреждение в несостоянии с ними совладать. В основе советского перевоспитания лежали такие неизменные принципы, как: труд, коллективизм, достижение ближних и дальних целей. Но что самое важное, А. С. Макаренко формировал коллектив детей как огромную дружную семью, со своими обязанностями и, что немаловажно, обычаями и традициями, ценностными установками, которые переходили от младших детей к старшим и нарушение которых прежде всего каралось общественным порицанием.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что советское семейного законодательство заключается в том, что семья воспринимается как ценность, как неотъемлемый элемент жизни каждого советского человека, проводилась активная пропаганда семейной жизни и воспитания детей. Соответственно, основными ценностями семейной жизни советского периода можно назвать такие, как: материнство, детство, ранний брак, ценность жизни каждого ребенка, взаимоуважение.

Вход истории в XXI столетие ознаменован не только большим количеством величайших открытий, но и, как подчеркивают многие исследователи, к сожалению, кризисом семьи. Так Ю. Ф. Беспалов отмечает: «В наши дни формы семейных отношений переживают также определенное “стрессовое” и “судьбоносное” состояние». Синельников также по данному поводу пишет: «Кризис семьи проявляется не только в частых разводах, но и в том, что число самих законных браков уменьшается» [20, с. 11].

На наш взгляд, во многом это связано с отсутствием традиционных семейных ценностей, обычаев и традиций, которые на протяжении веков лежали в основе семейной жизни и переходили из поколения в поколение. Отсутствие нравственного идеала, пропаганды семейной жизни, распад большой семьи и культ саморазвития и самореализации личности приводит к отрицательным последствиям: все чаще средний возраст вступления в брак доходит до тридцати лет, ребенка воспринимают как помеху карьере и часто даже после заключения брака молодые родители не стремятся к рождению детей. Родители, страдающие инфантильностью, отказываются воспитывать собственных детей, что, конечно, отрицательным образом влияет на ситуацию с сиротством в России. Ведь если даже биологические родители с легкостью отказываются от воспитания собственных детей, не желая прилагать усилия, чтобы сохранить семью, например, бороться с пагубными привычками или устроиться на работу, то тем меньше возникает желающих взять на воспитание чужих детей.

Современное российское законодательство провозглашает защиту и поддержку семьи, материнства и детства. Так ст. 38 Конституции РФ гласит, что материнство и детство, семья находится под защитой государства[1]. Согласно п. 4 ст. 67 Конституции РФ, дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, граждан-

[1] Конституция РФ: [принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.03.2023).

ственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

В современном российском праве, кроме Основного закона государства, действует достаточно большое количество законов и подзаконных актов, которые регламентируют семейные правоотношения, к ним можно отнести прежде всего такой кодифицированный нормативно-правовой акт, как Семейный кодекс РФ[1] (далее – СК РФ), который состоит из 8 разделов, 22 глав и 170 статей, подробно рассматривающих различные семейные институты.

Однако, как показывает практика, все же действующее семейное законодательство по-прежнему несовершенно, требует внесения корректив и поправок. Прежде всего, четко не дано понятие традиционных семейных ценностей, которые должны лежать в основе построения семейного законодательства, хотя данная категория иногда и встречается в нормативно-правовых актах. В данном случае справедливо заметила А. А. Елисеева, что «проблема определения семейных ценностей состоит в том, что есть общее представление о семейных идеалах, но имеется еще и частное понимание таких ценностей» [22]. О. Ю. Ситкова отмечает: «Исторически сложилось так, что регулирование семейных отношений осуществлялось в основном религиозными и моральными нормами. В то же время праву в этой сфере отводилось очень скромное место» [23].

И действительно, идеал семейной жизни редко закрепляется в нормативно-правовых актах, но при этом прочно формируется в сознании общества. Именно поэтому на настоящем этапе возникла необходимость закрепления на законодательном уровне четкого понятия традиционных семейных ценностей. Вот что по этому поводу в своей монографии пишет Ю. Ф. Беспалов: «Большая полярность во взглядах уводит людей от традиционных нравственных ориентиров, культа ценности семьи и поддержки семейных ценностей. Поэтому сегодня остро назрела необходимость укрепления института семьи и семейных ценностей (нравственных, духовных, культурных, социальных), то есть обычаев и традиций, которые передаются из поколения в поколение сквозь тысячелетия и века» [24, с. 150].

Говоря о кризисе семьи, практически все ученые подчеркивают упадок традиционных семейных ценностей, например М. В. Гурджия отмечает, что «современная российская семья подверглась многочисленным трансформациям под влиянием изменений в социуме смены ценностных парадигм, которые, как правило, имеют негативные характеристики. В их числе разрушение традиционных семейных устоев, упадок института сложных многолинейных семей, деформация брачного выбора, благосклонное отношение социума к разводам, развитие института неполных семей, безусловное общественное одобрение “гражданского брака”» [25].

На основании вышеприведенного анализа становления традиционных семейных ценностей от древней Руси к современности необходимо выделить и четко закрепить в СК РФ следующие основные семейные ценности, которые должны лежать в основе нравственного идеала российской семьи: 1) уважение старшего поколения; 2) честь рода; 3) материнство и детство; 4) семейная многопоколенность; 5) многодетность; 6) культ зарегистрированного брака органами ЗАГС; 7) борьба с инфантилизмом детей и приучение к труду, в том числе культ среди молодежи семейной жизни. Это,

[1] Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. №223-ФЗ: [ред. от 28.04.2023] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.03.2023)

конечно, неисчерпывающий перечень, но тем не менее достаточно емкий, который позволит сформировать крепкую российскую семью, исключив инфантильность, такое явление, как «чайлдфри», нетрадиционные формы семейных отношений, которые в настоящее время в России на законодательном уровне не признаются, но все чаще становятся «модными» среди молодежи. Указанные традиционные семейные ценности помогут передавать семейные обычаи и традиции из поколения в поколение и, что особенно важно для нашего исследования, приведут к минимизации сиротства в России. Ведь такие ценности, как честь рода и семейная многопоколенность, просто не позволят родственникам отдать осиротевшего ребенка в дом для детей-сирот. Это должно быть величайшим позором для семьи, такое бездействие должно привести к резонансному общественному порицанию, как и порицание холостой жизни, типичной фразы молодых людей «пожить для себя», незарегистрированных браков (сожительство).

Типичным примером такого общественного порицания могут служить семьи Кавказа, где очень крепки семейные узы, количество сирот здесь сведено к минимуму, потому что сожительство здесь неприемлемо, дети рождаются в браке и даже в случае смерти родителей детей на воспитание забирают близкие или дальние родственники. Многодетность здесь считается нормой и даже признаком благополучия.

К сожалению, российская семья XXI в., пришла к потере тесных семейных уз, часто дети не общаются не только с бабушками и прабабушками, дядями и тетями, двоюродными братьями и сестрами и другими родственниками, но и с собственными родителями. Поэтому, к сожалению, отсутствие должной поддержки со стороны родственников и, как следствие, понятия «чести рода» приводит к тому, что многодетность и усыновление скорее обществом порицается, чем поощряется. Так многодетность часто ассоциируется либо с аморальным поведением, либо с альтруизмом нежели с нормой. А ведь как указано было выше, исконно русская семья была многодетной, причем это касалось не только крестьянских семей, но и знатных особ, типичный пример – многодетная семья императора Николая II. То же самое обстоит и с усыновлением. Современное российское общество не готово воспринимать усыновление как обыденное явление, как правило, у общественности оно ассоциируется с бездетностью и тем же альтруизмом, нежели не просто обычным благим делом, а обязанностью (особенно среди родственников осиротевшего ребенка).

В данном случае, если мы обратимся к наследственному праву, увидим, что ГК РФ[1] закрепляет семь очередей наследников. Проведя аналогию в семейное законодательство, можно предложить такие изменения, согласно которым органы опеки и попечительства должны, подобно нотариусу, установить наследников после смерти биологических родителей или иных законных представителей, которые будут иметь преимущественное право на усыновление (удочерение ребенка) или его опеку (по выбору самих наследников) и только в случае их отказа передавать ребенка в учреждения для детей-сирот и приемную семью. В данном случае важно не только закрепить указанную норму в нормативно-правовых актах, но и проводить активную пропаганду усыновления, а также случаи, позорящие честь семьи, согласно которым при наличии трудоспособных родственников осиротевший ребенок отдается в социальное учреждение для детей-сирот. Примечательно, но аналогичная норма уже была когда-то закреплена в законодательстве Руси еще в XI в., в таком ис-

[1] Гражданский кодекс. Часть 3: Федер. закон от нояб. 2001 г. №146-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_34154/ (дата обращения: 01.03.2023).

точнике русского права, как Русская правда, о которой мы говорили выше.

Кроме того, на наш взгляд, одним из эффективных методов пропаганды семейных ценностей является внедрение в общеобразовательные школы дополнительных общеобразовательных программ, которым можно дать название: «Семейные ценности и основы семейного права». Примечательно, что в некоторых регионах России в школах проводят по согласованию с родителями курсы «Семьяведения», однако в школах Волгограда и области такие занятия отсутствуют. Разговоры о семье лишь кратко затрагиваются в «Разговорах о важном» и в курсе «Обществознания».

Таким образом, большое значение при формировании и пропаганде традиционных семейных ценностей имеет российская наука, результаты исследований которой должны лежать в основе действующего семейного законодательства. К сожалению, на данном этапе вопрос традиционных семейных ценностей и их правового регулирования в семейном праве достаточно не изучен. Более того, современных ученых-правоведов, которые занимались были изучением семейных ценностей достаточно немного: Ю. Ф Беспалов, А. Ю. Беспалов, А. Ю. Касаткина, А. М. Рабец, П. А. Якушев и некоторые другие, что еще раз подчеркивает недостаточную разработанность указанной проблемы.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что основной первопричиной сиротства в России, наряду с экономическими, политическими и социальными факторами, является отсутствие нравственного идеала и традиционных семейных ценностей, на которых должно основываться образование семьи и воспитание детей. Еще в I в. до н. э. Гай Юлий Цезарь отметил, что «величайший враг прячется там, где вы меньше всего будете его искать». Так, говоря о проблеме сиротства в России и семейных ценностях, можно вспоминать о кризисной экономической ситуации, недостаточном социальном обеспечении малоимущих и многодетных семей, но ведь главная проблема, которую многие не замечают, это потеря нравственного ориентира и традиционных семейных ценностей, без которых все остальные причины становятся лишь следствием. Ведь еще в допетровский период, несмотря на все тяготы быта крестьянских семей, неустойчивость социально-политического строя, сирот не бросали, о них заботились родственники, т. к. честь семьи и христианские постулаты предопределяли жизнь и быт русской семьи и просто не позволяли оставить без попечения осиротевшего ребенка.

Поэтому по результатам проведенного исследования идеалом русской семьи является моногамная, многопоколенная, многодетная семья (особый престиж должен отдаваться институту усыновления), где старшее поколение имеет непоколебимый авторитет, где уважают друг друга, совместно решают семейные проблемы, вопросы заключения брака и воспитания детей, где честь семьи и рода является несокрушимым фундаментом, попрание которой общественно порицается. Именно такая семья как нравственный идеал должна быть закреплена в семейном законодательстве и проведена активная пропаганда указанного нравственного идеала семьи в СМИ.

Список литературы

1. Сахарова И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб.: Гуттенбергова тип., 1836. 799 с.

2. Морган Л. Г. Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК, 1935. 352 с.

3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Эксмо, 2022. 288 с.

4. Ковалевский М. М. Закон и обычаи на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова, 1890. 306 с.

5. Каутский К. Возникновение брака и семьи. СПб.: Тip. М. Стасюлевича, 1895. 120 с.

6. Абрамов Я. В. Брак и семья. М.: Книга по требованию, 2021. 77 с.

7. Рассел Б. Брак и мораль. М.: Изд-во АСТ, 2020. 285 с.

8. Сорокин П. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с.

9. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции... / пер. с англ. Сима Векслер; под ред. А. Бабича. London: Overseas publ. Interchange ltd., 1992. 411 с.

10. Моммзен Т. История Древнего Рима. М.: Эксмо: Яуза, 2022. 416 с.

11. Бортенев А. И., Сергачева О. А. Римское право. Изд. 3-е, испр. и доп. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2020. 99 с.

12. Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004. 448 с.

13. Струве В. В. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III: Рим / под ред. В. В. Струве. М.: Учпедгиз, 1953. 280 с.

14. Повесть временных лет: откуда есть пошла русская земля /сост.: А. Г. Кузьмин, В. В. Фомина; отв. ред. О. А. Платонов М.: Изд-во Института русской цивилизации, 2014. 536 с.

15. Зуев Ю. П. История государственно-конфессиональных отношений в России: XX – начало XXI века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. Т. 27, № 1. С. 20–34.

16. Разумов И. Семья в Древней Руси. О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII – 1-й половины XIII в. М.: Ridero, 2016. 156 с.

17. Колесова В. В. Домострой. Поучения и наставления всякому христианину. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 449 с.

18. Костькин Д. А. Нравственное воспитание: советское прошлое и современность // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. № 6(10). С. 138–140.

19. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 1: Методика организации воспитательного процесса. М.: Педагогика, 1983. 365 с.

20. Беспалов Ю. Ф. Несовершенство российского законодательства о семье, семейных ценностях и пути его преодоления: монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.

21. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, №1. С. 95–113.

22. Елисеева А. А. Семейные ценности: проблемы определения // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю. Ф. Беспалова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 96–100.

23. Ситкова О. Ю. Семейные ценности и семейный интерес в объективном праве // Семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю. Ф. Беспалова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 298–305.

24. Беспалов Ю. Ф Актуальные проблемы семейного права в современной России: монография. М.: Проспект, 2021. 160 с.

25. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 59–62.

References

1. Saharova I. P. Skazaniya russkogo naroda o semejnoj zhizni svoih predkov [The tales of the Russian people about the family life of their ancestors]. St. Petersburg, Guttenbergova tip., 1836. 799 p.

2. Morgan L. G. Drevnee obshchestvo. Issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii [Ancient society. Exploring the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization]. Leningrad, Izd-vo Instituta narodov Severa CIK, 1935. 352 p.

3. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the State]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 288 p.

4. Kovalevskij M. M. Zakon i obychai na Kavkaze [Law and customs in the Caucasus]. Moscow, Tip. Mamontova Publ., 1890. 306 p.

5. Kautskij K. Vozniknovenie braka i sem'i [The emergence of marriage and family]. St. Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha, 1895. 120 p.

6. Abramov Ya. V. Brak i sem'ya [Marriage and family]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2021. 77 p.

7. Rassel B. Brak i moral' [Marriage and morality]. Moscow, AST Publ., 2020. 285 p.

8. Sorokin P. Krizis nashego vremeni. Rossiya i Soedinennye Shtaty [The crisis of our time. Russia and the United States]. Syktyvkar, Anbur Publ., 2018. 640 p.

9. Byork E. Razmyshleniya o revolyucii vo Francii... [Reflections on the revolution in France...]; ed. by A. Babich. London, Overseas publ. Interchange Itd., 1992. 411 p.

10. Mommzen T. Istoriya Drevnego Rima [The History of Ancient Rome]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2022. 416 p.

11. Bortenev A. I., Sergacheva O. A. Rimskoe pravo [Roman law]. 3th ed. Volgograd, Volgograd. in-t upravleniya-filial RANHiGS Publ., 2020. 99 p.

12. Rimskoe chastnoe pravo [Roman Private law]; ed. by I. B. Novickii, I. S. Pereterskii. Moscow, Yurist Publ., 2004. 448 p.

13. Struve V. V., Hrestomatiya po istorii Drevnego mira. T. III. Pim [A textbook on the history of the Ancient World. Vol. 3. Pom]; ed. by V. V. Struve. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1953. 280 p.

14. Kuz'min A. G., Fomin V. V. Povest' vremennyh let: Otkuda est' poshla russkaya zemlya [A tale of bygone years. Where did the Russian land come from]; ed. by O. A. Platonov. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2014. 536 p.

15. Zuev Yu. P. Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Rossii: XX – nachalo XXI veka [History of State-confessional relations in Russia: XX – the beginning of the XXI century]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, church in Russia and abroad*, 2009, vol. 27, no. 1, pp. 20–34.

16. Razumov I. Sem'ya v Drevnej Rusi. O semejnyh otnosheniyah u vostochnyh slavyan i rusov VIII – 1-j poloviny XIII v. [Family in Ancient Russia. About family relations among Eastern Slavs and Russ VIII – 1st half of XIII century]. Moscow, Ridero Publ., 2016. 156 p.

17. Kolesova V. V. Domostroj. Poucheniya i nastavleniya vsyakomu hristianinu [Domostroy. Teachings and instructions to every Christian]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2014. 449 p.

18. Kost'kin D. A. Nravstvennoe vospitanie: sovetskoe proshloe i sovremennost' [Moral education: the Soviet past and modernity]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 2008, no. 6(10), pp. 138–140.

19. Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochineniya. T. 1. Metodika organizacii vospitatel'nogo processa [Pedagogical essays. Vol. 1. Methods of organizing the educational process]. Moscow, Pedagogika Publ., 1983. 365 p.

20. Bespalov Yu. F. Nesovershenstvo Rossijskogo zakonodatel'stva o sem'e, semejnyh cennostyah i puti ego preodoleniya [Imperfection of Russian legislation on family, family values and ways to overcome it]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 192 p.

21. Sinel'nikov A. B. Sem'ya i brak: krizis ili modernizaciya? [Family and marriage: crisis or modernization?]. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 95–113.

22. Eliseeva A. A. [Family values: problems of definition]. *Sem'ya i semejnye cennosti v RF: social'no-pravovoj aspect. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, priurochennoj k yubileyu doktora yuridicheskih nauk, professora Yu. F. Bespalova* [Family and family values in the Russian Federation: socio-legal aspect. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the anniversary of Doctor of Law, Professor Yu. F. Bespalov]. Moscow, RG-Press Publ., 2019, pp. 96–100.

23. Sitkova O. Yu. [Family values and family interest in objective law]. *Semejnye cennosti v RF: social'no-pravovoj proekt. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii priurochennoj k yubileyu doktora yuridicheskih nauk, professora Yu. F. Bespalova* [Family values in the Russian Federation: socio-legal project. Materials of the International scientific and Practical conference dedicated to the anniversary of Doctor of Law, Professor Yu.F. Bespalov]. Moscow, RG-Press Publ., 2019, pp. 298–305.

24. Bespalov Yu. F Aktual'nye problemy semejnogo prava v sovremennoj Rossii [Actual problems of family law in modern Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 160 p.

25. Gurdzhiyan M. V. Krizis sem'i v sovremennoj Rossii i puti ego preodoleniya [Family crisis in modern Russia and ways to overcome it]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*, 2017, no. 1, pp. 59–62.

Информация об авторах / Information about the Authors

Филиппов Петр Мартынович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, почетный работник высшего профессионального образования, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: civillaw34@yandex.ru

Назарова Анна Сергеевна, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: nazarova.anya2012@yandex.ru

Pyotr M. Filippov, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education, Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: civillaw34@yandex.ru

Anna S. Nazarova, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines, Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: nazarova.anya2012@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-74-89

(cc) BY 4.0

Субъектный состав договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего

М. В. Нагалина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: marina_kesheva@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Безвестное отсутствие человека не является основанием для прекращения правоотношений, в которых он участвовал. Следует сохранить имущество без вести пропавшего, защитить от притязаний третьих лиц. Для этого целесообразно заключить договор доверительного управления имуществом. Однако законодательство содержит пробелы в отношении порядка его заключения, что приводит к необоснованным отказам, успешно обжалуемым заинтересованными лицами в суде. Их устранение позволит чаще применять эту конструкцию на основании положений единого правового акта, закрепляющего порядок заключения договора и его типовую форму.*

Цель *исследования состоит в обосновании необходимости совершенствования законодательства, регулирующего правовое положение субъектов договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего, в том числе при его заключении.*

Задачи*: выявить особенности правового регулирования договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего; определить критерии, предъявляемые к доверительным управляющим исследуемого соглашения; обосновать и сформулировать предложения по совершенствованию гражданского законодательства в анализируемой сфере.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, сравнения, метод восхождения от абстрактного к конкретному, формально-юридический метод.*

Результаты *исследования носят теоретико-прикладной характер и содержат предложения по совершенствованию законодательства в части доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего для устранения пробелов в праве и повышения частоты его использования органами опеки и попечительства.*

Вывод. *Выявлены противоречия гражданскому законодательству правил доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего в субъектах РФ, для устранения которых предложено разработать единый регламент определения кандидатуры доверительного управляющего имущества без вести пропавшего и порядка заключения соответствующего договора. Определено, что при выборе кандидата в управляющие органу опеки следует учитывать наличие необходимых знаний, навыков, подтвержденных документально; отсутствие негативной истории опекунства ранее и налоговой задолженности. Предложено создать единую базу доверительных управляющих имуществом безвестно отсутствующего.*

Ключевые слова: *доверительное управление; безвестно отсутствующий; объект управления; недвижимое имущество; органы опеки; доверительный управляющий.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Нагалина М. В. Субъектный состав договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 74–89. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-74-89.

Поступила в редакцию 15.04.2023 Принята к публикации 22.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Нагалина М. В., 2023

Subject Composition of the Contract of Trust Management of the Property of the Missing Person

Marina V. Nagalina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: marina_kesheva@mail.ru

Abstract

Relevance. *A missing person is not a ground for terminating the legal relationship in which he or she was involved. The missing person's property should be preserved and protected from the claims of third parties. For this purpose it is advisable to conclude a property trust agreement. However, the legislation contains gaps with regard to the procedure of its conclusion, which leads to unjustified refusals successfully appealed by the persons concerned in court. Their elimination will make it possible to apply this construction more often on the basis of the provisions of a single legal act enshrining the procedure for concluding an agreement and its standard form.*

The purpose *is to substantiate the need to improve the legislation regulating the legal position of the subjects of the contract of trust management of the property of the missing person, including when it is concluded.*

Objectives *are to identify the features of the legal regulation of the contract of trust management of the property of the missing person; to determine the criteria for the trustees of the studied agreement; to substantiate and formulate proposals for the improvement of civil legislation in the analyzed sphere.*

Methodology. *The methods of analysis and synthesis, comparison, the method of ascending from the abstract to the concrete and the formal-legal method were used in the study.*

Results *are of a theoretical and applied nature and contain suggestions for improving the legislation in terms of trust management of the property of the missing person in order to eliminate gaps in the law and increase the frequency of its use by the guardianship and trusteeship authorities.*

Conclusion. *Contradictions to the civil legislation of rules of trust management of property of the missing person in subjects of the Russian Federation are revealed, for elimination of which it is offered to develop uniform regulations of definition of the candidate of the trustee of property of the missing person and order of the conclusion of the corresponding contract. It has been determined that when selecting a candidate for a trustee, a guardianship authority should take into account the necessary knowledge and skills, confirmed by documents; absence of a negative history of guardianship before and tax debts. It is proposed to create a unified database of trustees of the property of the missing person.*

Keywords: *trust management; missing person; object of management; immovable property; guardianship authorities; trustee.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nagalina M. V. Subject Composition of the Contract of Trust Management of the Property of the Missing Person. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 74–89. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-74-89

Received 15.04.2023 Accepted 22.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Доверительное управление применяется собственником, если он не может самостоятельно профессионально управлять имуществом с сохранением и преумножением его стоимости. По общему правилу этот договор заключается по инициативе собственника с управляющим-предпринимателем или с коммерческой организацией, что обусловлено целью договора – извлечением выгоды для

учредителя управления или указанного им выгодоприобретателя.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) также предусматривает случаи, когда доверительное управление возникает в силу закона. К ним относятся:

– управление наследственным имуществом;

– управление имуществом подопечного;

– иные основания, свидетельствующие о необходимости учреждения управления, в частности управление имуществом безвестно отсутствующего или ценными бумагами должностных лиц для предотвращения конфликта интересов (ст. 1026 ГК РФ).

При этих обстоятельствах доверительное управление используется как правовой инструмент обеспечения сохранности имущества граждан, пока те, например, отсутствуют по известному месту жительства или не способны им владеть и распоряжаться в силу психических расстройств [1, с. 137].

Нормы, регламентирующие порядок доверительного управления по закону, не отражают всех особенностей этого вида общественных отношений. Об этом свидетельствует противоречивая судебная практика и проблемы, с которыми сталкиваются субъекты управления при реализации этой конструкции. В частности, доверительному управлению имущества безвестно отсутствующих посвящена лишь ст. 43 ГК РФ, которая не раскрывает особенности этого подвида управления. На местах органы опеки и попечительства разрабатывают свои правила по назначению доверительного управляющего имуществом безвестно отсутствующего, но их содержание отличается в разных регионах и порой не соответствует нормам ГК РФ. Поэтому договор редко применяется органами опеки на практике, что нарушает интересы не только самого безвестно отсутствующего, но и его иждивенцев, которые не могут получать выплаты при распоряжении имуществом такого гражданина [2, с. 79].

Методология

Основу научного исследования составили общие методы, позволяющие решить поставленную познавательную задачу. Так, при помощи сравнения осуществлялось сопоставление положений федерального и местного законодательства, имеющихся в научной литературе позиций различных авторов в отношении объекта исследования, выявление их сходства и различия. Посредством анализа вычленялись отдельные признаки доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего. В процессе объединения отдельных признаков в целое применялся синтез.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, свойственный диалектике, позволил описать общую характеристику субъектного состава договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего при помощи множества понятий и характеристик, а затем перейти к конкретному – изучению особенностей правового положения учредителя управления и доверительного управляющего, а также порядка заключения исследуемого договора.

Использование формально-юридического метода позволило осмыслить нормы права на уровне индивидуального правового регулирования порядка определения учредителем управления доверительного управляющего имуществом безвестно отсутствующего и заключения соответствующего договора, посредством чего удалось выявить пробелы в праве при реализации таких действий, а также предложить пути совершенствования законодательства в исследуемой сфере.

Результаты и их обсуждение

По данным поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт», каждый год в Рос-

сии пропадает около 180 тыс. человек[1]. Как правило, каждый из них владеет имуществом, которое нужно сохранить на время отсутствия без вести пропавшего. Также следует продолжить погашать обязательства без вести отсутствующего и защитить интересы его несовершеннолетних детей, которые вправе получать денежные средства от него в качестве содержания [3, с. 87]. Для этого без вести пропавший признается в судебном порядке безвестно отсутствующим, если в течение года по месту его жительства или пребывания нет сведений о его нахождении согласно ст. 42 ГК РФ. Имущество такого гражданина, требующее постоянного управления, передается в доверительное управление (ст. 43 ГК РФ). Буквальное толкование этой нормы не позволяет дать однозначного ответа на вопрос, требуется ли выносить отдельное решение об учреждении управления или указание на таковое в судебном акте о признании гражданина безвестно отсутствующим считается достаточным.

В судебной практике нет единства по этому вопросу. Граждане могут самостоятельно обратиться с иском о передаче имущества безвестно отсутствующего в доверительное управление после того, как суд в отдельном решении признал его таковым[2]. В другой ситуации суд при признании лица безвестно отсутствующим разъясняет заявителю его право по обращению в органы опеки и попечительства, которые обязаны заключить с ним соответствующий договор в силу требований ст. 43 ГК РФ[3]. Иногда суд непосредственно в резолютивной части решения о признании гражданина без вести пропавшим указывает, что судебный акт является основанием для органов опеки и попечительства по заключению договора о доверительном управлении имуществом[4].

При этом ст. 279 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) предусматривает, что решение суда о признании гражданина безвестно отсутствующим автоматически является основанием для передачи его имущества в управление при необходимости, т. е. вынесения отдельного судебного акта по этому вопросу не требуется. Думается, что гражданское законодательство необходимо уточнить в целях приведения норм материального и процессуального права в соответствие. Следует ст. 43 ГК РФ после слов «передается на основании решения суда…» дополнить словами «о признании гражданина безвестно отсутствующим». Это будет способствовать выработке единообразной судебной практики и предотвращению неудобств (временных и денежных) для заинтересованного лица по подаче двух исков для управления имуществом безвестно отсутствующего.

[1] «ЛизаАлерт»: в России ежегодно пропадает около 180 тыс. человек // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5194888 (дата обращения: 01.04.2022).

[2] См.: Решение Чеховского городского суда (Московская область) от 6 октября 2015 г. по делу № 2-4719/2015; Решение Чаплыгинского районного суда Липецкой области от 24 ноября 2015 г. по делу № 2-а480/2015; Решение Шахтинского городского суда Ростовской области от 1 июня 2017 г. по делу № 2-1784/17 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.03.2023).

[3] См.: Решение Центрального районного суда города Твери от 21 ноября 2019 г. по делу № 2-2502/2019; Решение Советского районного суда г. Владикавказ РСО-Алания от 14 мая 2019 г. по делу № 2-1876/19 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.03.2023).

[4] См.: Решение Центрального районного суда города Твери от 10 октября 2014 г. по делу № 2-3681/2014; Решение Чаплыгинского районного суда Липецкой области от 24 ноября 2015 г. по делу № 2а-480/2015 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.03.2023).

Объектом исследуемого вида управления является имущество, которым необходимо управлять. В законе не закреплены признаки, наличие которых позволило бы передавать определенные вещи без вести отсутствующего доверительному управляющему. Исходя из того, что решение этого вопроса возложено на орган опеки и попечительства, выполняющего сходные функции в отношении имущества подопечного, то имущество безвестно отсутствующего по аналогии со ст. 38 ГК РФ должно быть недвижимым или ценным движимым. Последний критерий содержит следующие характеристики: стоимостную (от 50 000 руб.), важное нематериальное значение, а также объективную необходимость в управлении, когда без профессионального вмешательства имущество может быть повреждено, уничтожено или уменьшена его стоимость [4].

Цивилисты также предлагают относить к имуществу безвестно отсутствующего следующее:

– если в отношении него имеется высокий риск гибели или порчи, в том числе со стороны третьих лиц;

– если отсутствие управления будет способствовать ухудшению свойств имущества безвестно отсутствующего;

– если из доходов от использования имущества безвестно отсутствующего его иждивенцы будут получать содержание [5, с. 68].

В силу того, что общие правила о доверительном управлении применяются к управлению по закону как общая и специальная норма, то имущество безвестно отсутствующего также должно соответствовать правилам ст. 1013 ГК РФ. Например, в качестве таких объектов не могут выступать денежные средства, имущество безвестно отсутствующего должно быть обособлено от другого имущества, не находиться в хозяйственном ведении или оперативном управлении [6, с. 252].

Субъектами доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего являются:

– учредитель управления – орган опеки и попечительства;

– доверительный управляющий – гражданин, назначаемый органом опеки и попечительства, за исключением государственных органов и власти на местах, унитарных предприятий и учреждений; им могут стать супруг (супруга), родственники без вести пропавшего;

– выгодоприобретатели – безвестно отсутствующий гражданин и (или) иждивенцы, которых он обязан содержать.

Доверительное управление имуществом безвестно отсутствующего практически не урегулировано на уровне федерального законодательства, поскольку ст. 43 ГК РФ не раскрывает особенности порядка заключения исследуемого договора, сроки или требования к кандидатуре управляющего. Отдельного подзаконного акта, регулирующего процедуру заключения договоров доверительного управления безвестно отсутствующих граждан, также не принято [7, с. 79].

На уровне регионального нормотворчества правила о передаче имущества без вести пропавших в доверительное управление в субъектах РФ отсутствуют практически везде, а там, где они приняты, имеются противоречия с федеральным законодательством, или особенностям управления посвящено всего лишь несколько статей, ограниченных общими фразами о необходимости постоянного управления имуществом безвестно отсутствующего, продублированные из ст. 42, 1026 ГК РФ [8, с. 307].

Например, ст. 7^1 Закона Курской области от 22 ноября 2007 г. № 117-ЗКО «Об организации деятельности органов опеки и попечительства в Курской области» предусматривает полномочия органов опеки и попечительства по рассмотрению заявлений граждан об установлении доверительного управления в отношении имущества безвестно отсутству-

ющих и определению доверительного управляющего этими объектами.

В некоторых регионах утверждены административные регламенты, устанавливающие правила по определению кандидатуры доверительного управляющего имуществом безвестно отсутствующего и (или) порядка заключения такой сделки органом опеки и попечительства[1]. В них размещена следующая информация:

– продублированы требования к доверительному управляющему из ст. 1015 ГК РФ;

– установлены сроки для обращения в межведомственные органы и организации при определении имущества безвестно отсутствующего и размещении извещения о необходимости постоянного управления им на официальном сайте соответствующего органа;

– указаны документы, предъявляемые кандидатами в доверительные управляющие, для их отбора;

– предоставлена примерная форма договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего и др.

При этом административные регламенты не раскрывают всех особенностей исследуемого вида доверительного управления. Например, в них не раскрыто обязательное для управляющего требование об отсутствии негативного опыта как опекуна, не указаны полномочия органов опеки и попечительства по контролю за действиями управляющего, например, при проверке отчетов о своей деятельности, не регламентирован порядок исполнения таких договоров [9, с. 55].

Из анализа некоторых актов, в частности, в Курской области или Забайкальском крае видно, что заключение договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего понимается не с точки зрения сделки, а оказания государственной услуги. Потому при учреждении управления органы опеки будут руководствоваться общими положениями ст. 43 ГК РФ, в части, не урегулированной – ст. 1026 и главой 53 ГК РФ. Однако учредителем не будут учтены, в частности, особый перечень документов для кандидатов в доверительные управляющие или сроки их предоставления, порядок назначения этих лиц и основания для отказа для учреждения доверительного управления имуществом с определенным кандидатом [3, с. 78].

В своем исследовании В. В. Рубашкин обнаружил ряд недостатков правового регулирования доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего в Положении об организации опеки и попечительства над совершеннолетними гражданами, утвержденном Постановлением главы администрации Нестеровского района Калининградской области от 16 ноября 2004 г. № 807 «Об утверждении Положения и состава комиссии по вопросам опеки и попечительства над совершеннолетними гражданами». Так, текст этого документа аналоги-

[1] См.: Приказ Министерства социальной политики Красноярского края от 9 марта 2021 г. № 24-Н «Об утверждении Порядка определения доверительного управляющего и заключения с ним договора о доверительном управлении при необходимости постоянного управления имуществом граждан, признанных безвестно отсутствующими»; Приказ комитета социального обеспечения, материнства и детства Курской области от 22 июля 2021 г. № 291 «Об утверждении Административного регламента предоставления органами местного самоуправления Курской области государственной услуги при осуществлении переданного полномочия в сфере деятельности органов опеки и попечительства в Курской области «Определение доверительного управляющего имуществом подопечного (безвестно отсутствующего гражданина)»; Приказ Министерства труда и социальной защиты Забайкальского края от 7 августа 2013 г. № 409 «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги «Организация управления имуществом граждан, признанных судом безвестно отсутствующими, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации».

чен ст. 42 ГК РФ, что юрист признал недопустимым. Обязанности доверительного управляющего касаются лишь управления в соответствии с условиями договора и выдачи из его доходов содержания иждивенцам, погашения иных задолженностей безвестно отсутствующего. При этом другие обязательства управляющего, например, предоставление отчета о своей деятельности органу опеки и попечительства или оплата налогов и сборов за переданное в управление имущество в положении не раскрываются. Также не дан ответ на вопрос, какую ответственность несет управляющий в случае недобросовестного исполнения своих обязанностей как перед учредителем управления, так и выгодоприобретателями. Полномочия органов опеки и попечительства указаны не в полном объеме. Упоминается только контроль за деятельностью управляющего в виде предварительного одобрения совершения сделок с имуществом безвестно отсутствующего. Но нет данных о необходимости проверки отчетов о деятельности управляющего или состояния вверенного имущества [7, с. 79].

Кроме того, несмотря на различные виды региональных правил по доверительному управлению имуществом безвестно отсутствующего в них имеются противоречия ГК РФ. Так, согласно п. 26 административного регламента предоставления государственной услуги «Организация управления имуществом граждан, признанных судом безвестно отсутствующими, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации», утвержденного Приказом Министерства труда и социальной защиты населения Забайкальского края от 9 июля 2019 г. № 888, для учреждения доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего заявитель обязан предоставить два решения суда: о признании гражданина таковым и о передаче имущества в управление. Из-за отсутствия последнего Министерство труда и социальной защиты населения Забайкальского края отказало М. в учреждении договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего, в связи с чем ей пришлось обратиться в суд[1]. Но обязательность предоставления решения суда о передаче имущества в управление противоречит положениям ст. 276 ГПК РФ и ст. 43 ГК РФ, что было обосновано нами выше, потому п. 2.6 исследуемого административного регламента не соответствует действующему законодательству.

Выявленные пробелы и недостатки могут быть устранены посредством разработки и утверждения Правительством РФ регламента определения доверительного управляющего имуществом безвестно отсутствующего и порядка заключения соответствующего договора. Такой подход позволит создать документ, единый для органов опеки и попечительства любого субъекта РФ. После ознакомления с ним учредитель сможет по приложенной форме заключить договор доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего с учетом его особенностей, что предотвратит возможные судебные разбирательства в дальнейшем.

В регламент определения доверительного управляющего имуществом безвестно отсутствующего и порядка заключения соответствующего договора должны быть включены следующие положения:

1. Общие положения о цели учреждения договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего – обеспечение охраны и защиты имущественных интересов без вести пропавшего и иных заинтересованных лиц; о соответствии положений регламента нормам ГК РФ.

[1] См.: Решение Центрального районного суда г. Читы от 3 февраля 2020 г. по делу № 2-860/2020 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.03.2023).

2. Перечень объектов, передаваемых в доверительное управление, с учетом требований ст. 38, 1013 ГК РФ.

3. Субъектный состав договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего с указанием возможности стать доверительным управляющим как физическому, так и юридическому лицу, согласно ст. 1026 ГК РФ.

4. Основание для учреждения доверительного управления – наличие вступившего в законную силу решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим независимо от того, указана ли в нем одновременно необходимость постоянного управления имуществом или нет.

5. Порядок определения имущества безвестно отсутствующего, требующего управления, что осуществляется посредством направления запроса в регистрирующие органы, органы опеки и попечительства, органы местного самоуправления. Главной целью последнего субъекта является выяснение вопроса о наличии ценного движимого имущества, которым необходимо управлять, поскольку данные о недвижимости предоставляются в соответствующие органы государственной власти и получить информацию по ним не так сложно и не требует опроса заинтересованных лиц.

6. Перечень сведений, подлежащих размещению на официальном сайте учредителя управления, касающихся доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего: реквизиты суда о признании гражданина безвестно отсутствующим; перечень имущества, требующего управления; сроки и место для подачи заявления для рассмотрения кандидатуры управляющего; сроки рассмотрения заявок, принятия по ним решений и уведомления об этом желающих стать управляющими; срок заключения договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего.

7. Перечень документов, предоставляемых кандидатами в доверительные управляющие, и сроки для совершения этого действия. При этом документы различаются по типу лица – юридические лица и индивидуальные предприниматели представляют в том числе учредительные документы, примерный план управления с указанием желаемого размера вознаграждения, сведения об отсутствии налоговой задолженности и др.; а физические лица – паспорт, характеристику с места работы и иные документы.

8. Порядок рассмотрения заявок и срок для принятия решения, с кем из заявителей заключить договор.

9. Основания для отказа в заключении договора, в частности непредоставление полного пакета документов, пропуск установленного учредителем срока и др.

10. Срок заключения договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего, не превышающий пяти лет.

11. Указание на то, что права и обязанности сторон, порядок обособления имущества, привлечения к ответственности учредителя и управляющего за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора предусмотрено в соответствующем договоре, примерная форма которого является приложением к регламенту.

12. Основания для прекращения договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего, например, отмена решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим, отказ доверительного управляющего от исполнения своих обязанностей в целях предотвратить возможное причинение вреда имущественным интересам без вести пропавшего гражданина.

13. В качестве приложения к регламенту – типовая форма договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего в целях единообразного учреждения этой гражданско-правовой конструкции и др.

До учреждения доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего орган опеки и попечительства как учредитель должен проверить обоснованность заключения такого договора. Согласно ст. 43 ГК РФ, к этим условиям относятся: вступившее в законную силу решение суда о признании гражданина безвестно отсутствующим и наличие имущества, требующего постоянного управления [10, с. 41].

Считается, что установление этих обстоятельств не является достаточным основанием для учреждения управления имуществом без вести пропавшего. Органу опеки и попечительства требуется найти управляющего, который будет соответствовать необходимым критериям и обладать специальными знаниями, благодаря которым имущество будет сохранено. Также необходимо определить круг лиц, которые вправе получать от безвестно отсутствующего содержание, выплачиваемое за счет имущества, передаваемого в доверительное управление [11, с. 135].

Из правил об условиях действительности договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего, установленных ст. 43 ГК РФ, имеется исключение. Оно состоит в праве органа опеки и попечительства заключить его досрочно без вынесения судебного акта о признании гражданина безвестно отсутствующим, если необходимо предпринять действия по управлению его имуществом под угрозой его повреждения, уменьшения стоимости, ухудшения свойств или невозможности осуществления выплат из него на содержание иждивенцев без вести пропавшего. Предоставление заинтересованным лицом доказательств наличия одного из указанных обстоятельств станет основанием для учреждения управления [12, с. 295]. Но совершение этих действий является не обязанностью, а правом органа опеки и попечительства. Следовательно, интересы безвестно отсутствующего или его иждивенцев могут быть нарушены необоснованным отказом органа опеки и попечительства, поскольку только они обладают инициативой по заключению договора.

Из анализа судебной практики за 2013–2022 гг. видно, что органы опеки и попечительства отказывали в учреждении договоров доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего по следующим причинам:

– недостаток бюджетного финансирования, материальных средств для заключения договора по управлению имуществом безвестно отсутствующего[1];

– отсутствие у заявителя правоустанавливающих документов на имущество, которым необходимо постоянно управлять из-за риска его утраты[2];

– непредоставление сведений и доказательств, указывающих на необходимость постоянного управления[3];

– отсутствие решения о признании гражданина безвестно отсутствующим, т. к. органы опеки не вправе самостоятельно определять необходимость управления имуществом и состав такого имущества. Решение указанных вопросов не отнесено законодательством к его обязанностям[4].

[1] См.: Решение Шахтинского городского суда Ростовской области от 1 июня 2017 г. по делу № 2-1784/2017 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.03.2023).

[2] См.: Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 14 декабря 2016 г. по делу № 2-4192/2016 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.03.2023).

[3] См.: Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда от 15 августа 2013 г. по делу № 2-5979/2013 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.03.2023).

[4] См.: Решение Пушкинского городского суда Московской области от 9 апреля 2014 г. по делу № 2-2173/2015; Решение Королевского городского суда Московской области от 25 февраля 2016 г. по делу № 2а-95/16 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.03.2023).

В каждом из решений судами было установлено, что органы опеки и попечительства отказывали заявителям в заключении договоров доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего, не имея на то законных оснований. Ведь у лица, пропавшего без вести, имелось недвижимое и особо ценное движимое имущество, требующее постоянного управления до того, как истечет годичный срок для признания его безвестно отсутствующим. Потому мы согласны с мнением В. В. Рубашкина о необходимости закрепления обязанности органа опеки и попечительства в части учреждения управления без решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим [7, с. 79], для чего следует в п. 2 ст. 43 ГК РФ заменить слово «может» на «обязан».

Следующим субъектом доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего является доверительный управляющий. Критерии его выбора органами опеки и попечительства в административных регламентах отсутствуют, имеются только ссылки на п. 3 ст. 1015 ГК РФ о запрете совмещения в одном лице кандидатуры доверительного управляющего и выгодоприобретателя (например, п. 5 приказа Министерства социальной политики Красноярского края от 9 марта 2021 г. № 24-Н «Об утверждении Порядка определения доверительного управляющего и заключения с ним договора о доверительном управлении при необходимости постоянного управления имуществом граждан, признанных безвестно отсутствующими»). Тогда лица, претендующие на получение определенных благ от безвестно отсутствующего, например, кредиторы или законные представители его иждивенцев, не могут быть назначены в качестве доверительных управляющих [13, с. 39].

В качестве дополнительного критерия к доверительному управляющему имуществом безвестно отсутствующего можно назвать отсутствие негативной истории опекунства ранее. Так, Гагаринский районный суд (Московская область) отказал в удовлетворении требований истца об обязании заключить с ним органом опеки и попечительства договор доверительного управления квартирой безвестно отсутствующей сестры. Основанием для этого стал факт недобросовестного поведения истца в качестве опекуна пропавшей в прошлом: он не известил надлежащим образом орган опеки и попечительства об изменении места жительства подопечной, совершил сделку купли-продажи её жилого помещения без разрешения органов опеки, впоследствии признанной по решению суда недействительным. Эту позицию поддержала и апелляционная, и кассационная инстанция, ведь в противном случае будут нарушены интересы безвестно отсутствующей[1].

Также доверительный управляющий должен обладать необходимыми знаниями, навыками и умениями для управления имуществом безвестно отсутствующего, чтобы должным образом защитить его интересы [14, с. 199]. Этот критерий субъективен, определить профессионального доверительного управляющего представителю органа опеки и попечительства может быть затруднительно. Думается, что при предоставлении документов кандидатами в управляющие следует обращать внимание на направление деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя, отсутствие налоговой задолженности, место работы физического лица, характеристики по месту его жительства. Это позволит снизить риски для органа опеки и попечительства из-за уменьшения стоимости имущества без вести пропавшего или вовсе его потери при доверительном управлении лицом, не имеющим ранее дела с

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2020 г. № 88-1884/2020 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 26.03.2023)

определенными вещами безвестно отсутствующего.

Так или иначе органам опеки и попечительства трудно сделать правильный выбор в отношении доверительного управляющего имуществом безвестно отсутствующего. Для эффективного подбора кандидатуры следует разработать единую базу доверительных управляющих имуществом безвестно отсутствующего, в которой будут учтены: род их деятельности, специальность, опыт работы как по профессии, так и в качестве управляющего ранее. В базу данных подлежат загрузке копии свидетельств о государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя, учредительных документов, дипломов, сертификатов, подтверждающих уровень знаний и способности кандидата в доверительные управляющие, справок из налогового органа, свидетельствующих об отсутствии задолженности, характеристик с места жительства, работы и др., имеющие значение для учредителя, документы. Также в этой системе могут быть размещены отзывы заявителей о проделанной работе в качестве доверительного управляющего имуществом пропавшего без вести, что позволит всесторонне оценить кандидата и выбрать достойного управляющего.

Выгодоприобретателями по договору доверительного управления имуществом могут стать как сам безвестно отсутствующий, так и его иждивенцы, имеющие намерение получать содержание от него, а также иные лица, заинтересованные в выплатах пропавшим, например, кредиторы. Этот участник не является стороной сделки по управлению имуществом безвестно отсутствующего, но считается третьим лицом, в пользу которого заключен договор [15, с. 81].

В юридической литературе также не решен вопрос по поводу отнесения договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего к возмездным или безвозмездным. Одни юристы утверждают, что в силу охранительного интереса родственники без вести пропавшего обеспечивают сохранность его имущества без оплаты[1] [16, с. 23; 17, с. 33], другие настаивают на возмездности исследуемого соглашения. Ведь закон не ограничивает право лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, стать доверительным управляющим имуществом безвестно отсутствующего[2] [19, с. 39; 20, с. 31]. Это утверждение подтверждает содержание административных регламентов, разработанных для органов местного самоуправления. Например, в п. 8 приказа Министерства социальной политики Красноярского края от 9 марта 2021 г. № 24-Н «Об утверждении Порядка определения доверительного управляющего и заключения с ним договора о доверительном управлении при необходимости постоянного управления имуществом граждан, признанных безвестно отсутствующими» указано, что кандидат в доверительные управляющие предоставляет бизнес-план использования имущества с указанием размера причитающегося ему вознаграждения. Думается, что условиями договора может быть предусмотрено как бесплатное управление, так и исполнение обязанностей управляющим на возмездной основе. Такая позиция соответствует как положениям федерального, так и регионального законодательства.

Выводы

Выявлено, что правовое регулирование договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего осуществляется на федеральном и регио-

[1] Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. Комментарий законодательства // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2022)

[2] Гришаев С. П. Доверительное управление имуществом // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2022).

нальном уровнях. В некоторых субъектах разработаны свои правила по передаче имущества без вести пропавшего в управление. Установлено, что в них содержится ряд недостатков: дублирование ст. 42 ГК РФ; отсутствие правомочий органа опеки и попечительства по контролю за деятельностью управляющего и состоянием вверенного ему имущества, обязанностей управляющего по предоставлению отчета о своей деятельности и положений об его ответственности перед учредителем и выгодоприобретателями при недобросовестности своих действий и др. Также обнаружено противоречие положениям ст. 276 ГПК РФ и ст. 43 ГК РФ, поскольку отдельного решения суда о передаче имущества безвестно отсутствующего в доверительное управление не требуется, хотя этот документ в отдельных субъектах РФ признается в качестве обязательного. Для их устранения было предложено создать единый регламент, предусматривающий порядок заключения исследуемого договора, требования к его сторонам, примерную форму соглашения, что позволит учесть выявленные проблемы и однородно регулировать исследуемые отношения.

Определены критерии к кандидатуре доверительного управляющего имуществом безвестно отсутствующего, которые позволят органу опеки и попечительства сделать правильный выбор в вопросе учреждения управления. К ним относятся: наличие необходимых знаний, навыков и умений для управления имуществом безвестно отсутствующего, чтобы должным образом защитить его интересы; запрет совмещения в одном лице кандидатуры доверительного управляющего и выгодоприобретателя; отсутствие негативной истории опекунства ранее, налоговой задолженности; наличие положительных характеристик с места работы и жительства кандидата. Для облегчения поиска и эффективного подбора органом опеки и попечительства доверительного управляющего необходимо создать единую базу этих субъектов, в которой отразить основные направления деятельности каждого управляющего с подтверждением знаний и опыта соответствующими документами и приложить отзывы заявителей, которые воспользовались услугами такого кандидата ранее.

Обоснована необходимость дополнения п. 1 ст. 43 ГК РФ после слов «передается на основании решения суда…» словами «о признании гражданина безвестно отсутствующим» для устранения неудобств (временных и денежных) заинтересованного лица по подаче двух исков для управления имуществом безвестно отсутствующего, а также изменения слов «может» на «обязан» в п. 2 ст. 43 ГК РФ при определении обязанности органа опеки и попечительства в части учреждения управления без решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим.

Список литературы

1. Тищенко Н. Е. Договор доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего лица: проблемы правоприменения // Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, 10 февраля 2016 г. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 136–139.

2. Останина Е. А. Институт законного представительства с точки зрения защиты гражданского оборота // Закон. 2020. № 10. С. 77–94.

3. Цыбизова Н. А. Безвестное отсутствие граждан по российскому гражданскому праву. Томск: НТЛ, 2017. 112 с.

4. Нагалина М. В. Доверительное управление имуществом подопечного: вектор правового развития в условиях современных вызовов // Байкальские чтения. Актуальные вопросы цивилистики и международного частного права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Бурятского государственного университета имени Джорджи Банзарова / науч. ред. С. В. Доржиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. С. 149–156.

5. Рубашкин В. В. Перспективы совершенствования административно-правового регулирования института доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего гражданина // Современное право. 2021. № 4. С. 66–71.

6. Радайде Д. С., Залоило М. А. Доверительное управление имуществом лица, признанного безвестно отсутствующим // Государство, право и общество: материалы второй Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В. И. Скрябин. Ростов н/Д: Инд. предприниматель Нефедов Д. В., 2020. С. 251-253.

7. Рубашкин В. В. Полномочия органов местного самоуправления по заключению договоров доверительного управления имуществом безвестно отсутствующих граждан: спорные аспекты правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 77–80.

8. Грецова А. Е. Доверительное управление имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим // Актуальные вопросы развития юридической науки и практики в современных условиях: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / [под ред. М. Н. Рахваловой]. Новосибирск: НГТУ, 2017. С. 306–308.

9. Пашков Д. А. Некоторые тенденции совершенствования законодательства в области признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим // Colloquium-Journal. 2019. № 19-7 (43). С. 53–56.

10. Валентов Д. В., Гусаренко Я. Р., Шумский А. А. Последствия признания гражданина безвестно отсутствующим // Modern Science. 2020. № 1-3. С. 40–42.

11. Салихова А. А. Проблемы института признания гражданина безвестно отсутствующим и перспективы его реформирования // Наука России: цели и задачи: сборник научных трудов по материалам XXVII Международной научной конференции. Екатеринбург: Л-Журнал, 2021. С. 133–138.

12. Правовые особенности заключения договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / З. Х. А. Умарова, О. В. Малыхина, К. С. Юсупова, Э. С. Юсупова. Стерлитамак: АМИ, 2019. С. 295–296.

13. Беспалов Ю. Ф. Безвестное отсутствие и объявление гражданина умершим: некоторые теоретические и практические аспекты // Нотариус. 2018. № 7. С. 38–40.

14. Ситникова А. А. Доверительное управление имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим // Конституционализм и правовые реалии России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и

аспирантов высших учебных заведений. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2014. С. 198–202.

15. Кириченко О. В. Доверительное управление имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим // Современное право. 2014. № 1. С. 80–83.

16. Самигулина А. В. Правовой аспект инвестиционных отношений на рынке ценных бумаг // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 22–28.

17. Пьяных Е. С. Сущность и социальная значимость доверительного управления имуществом, возникающего по основаниям, предусмотренным законом // Юрист. 2016. № 1. С. 33–41.

18. Нарозников Н. К. Безвозмездное оказание услуг // Налоги. 2006. № 17.

19. Лихачева Ю. А. Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление его умершим // Синергия наук. 2021. № 55. С. 38–46.

20. Кошелева М. В. Некоторые проблемы, связанные с признанием гражданина безвестно отсутствующим // Молодой юрист. 2016. № 4. С. 30–32.

Reference

1. Tishchenko N. E. [Contract of trust management of property of a missing person: problems of law enforcement]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiiskogo i mezhdunarodnogo zakonodatel'stva. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current state and prospects of development of Russian and international legislation. Collection of articles on the materials of the International Scientific-Practical Conference]; ed. by A. A. Sukiasyan. Ufa, Aeterna Publ., 2016, pp. 136–139. (In Russ.)

2. Ostanina E. A. Institut zakonnogo predstavitel'stva s tochki zreniya zashchity grazhdanskogo oborota [Institute of legal representation from the point of view of civil turnover protection]. *Zakon = Law*, 2020, no. 10, pp. 77–94.

3. Tsybizova N. A. Bezvestnoe otsutstvie grazhdan po rossiiskomu grazhdanskomu pravu [The unknown absence of citizens under Russian civil law]. Tomsk, NTL Publ., 2017. 112 p.

4. Nagalina M. V. [Trust management of ward property: vector of legal development in conditions of modern challenges]. *Baikal'skie chteniya: aktualnye voprosy tsivilistiki i mezhdunarodnogo chastnogo prava. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Dzhordzh Banzarova* [Baikal readings: topical issues of civilistics and private international law. Collection of articles on materials of International scientific and practical conference devoted to the 90th anniversary of the Buryat State University named after Georgi Banzarov]. Ulan-Ude, Buryat St. Univ. Publ., 2022. (In Russ.)

5. Rubashkin V. V. Perspektivy sovershenstvovaniya administrativno-pravovogo regulirovaniya instituta doveritel'nogo upravleniya imushchestvom bezvestno otsutstvuyushchego grazhdanina [Prospects of improvement of administrative-legal regulation of institute of trust management of property of the unknown citizen]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2021, vol. 4, pp. 66–71.

6. Radayde D. S., Zaloilo M. A. [Trust management of property of a person recognized as missing]. *Gosudarstvo, pravo i obshchestvo. Sbornik statei po materialam vtoroi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [State, law and society. Collection of articles on materials of

the second All-Russian scientific-practical conference]; ed. by V. I. Skryabin. Rostov-on Don, Individual entrepreneur Nefedov D. V., 2020, pp. 251–253. (In Russ.)

7. Rubashkin V. V. Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya po zaklyucheniyu dogovorov doveritel'nogo upravleniya imushchestvom bezvestno otsutstvuyushchih grazhdan: spornye aspekty pravovogo regulirovaniya [Powers of local authorities to conclude contracts of trust management of property of missing citizens: disputable aspects of legal regulation]. *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, vol. 3, pp. 77–80.

8. Gretzova A. E. [Trust management of the property of a citizen recognized as missing]. *Aktual'nye voprosy razvitiya yuridicheskoi nauki i praktiki v sovremennyh usloviyah. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of development of legal science and practice in modern conditions. Collection of articles on the materials of the International Scientific-Practical Conference]. Novosibirsk, NGTU Publ., 2017, pp. 306–308. (In Russ.)

9. Pashkov D. A. Nekotorye tendentsii sovershenstvovaniya zakonodatelstva v oblasti priznaniya grazhdanina bezvestno otsutstvuyuschim i ob"yavleniya umershim [Some trends in improving the legislation in the field of declaring a citizen missing and declared dead]. *Colloquium-Journal*, 2019, vol. 19-7 (43), pp. 53–56.

10. Valentov D. V., Gusarenko Ya. R., Shumskiy A. A. Posledstviya priznaniya grazhdanina bezvestno otsutstvuyuhschim [Consequences of declaring a citizen missing]. *Modern Science*, 2020, vol. 1-3, pp. 40–42.

11. Salikhova A. A. [Problems of the Institute of the recognition of a citizen missing and the prospects for its reform]. *Nauka Rossii: tseli i zadachi. Sbornik statei po Materialam XXVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Science of Russia: goals and objectives. Collection of articles on the materials of the XXVII international scientific conference]. Ekaterinburg, L. Zhurnal Publ., 2021, pp. 133–138. (In Russ.)

12. Umarova Z. H. A., Malykhina O. V., Yusupova K. S., Yusupova E. S. [Legal features of conclusion of the contract of trust management of property of the missing person]. *Sovremennye problemy i perspektivnye napravleniya innovatsionnogo razvitiya nauki. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferetscii* [Modern problems and perspective directions of innovative development of science. Collection of articles on materials of the International scientific and practical conference]. Sterlitamak, AMI Publ., 2019, pp. 295–296. (In Russ.)

13. Bespalov Y. F. Bezvestnoe otsutstvie i ob"yavlenie grazhdanina umershim: nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The unknown absence and declaration of the citizen dead: some theoretical and practical aspects]. *Notarius = Notary*, 2018, vol. 7, pp. 38–40.

14. Sitnikova A. A. [Trust management of property of the citizen recognized as missing]. *Konstitutsionalizm i pravovye realii Rossii. Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov visshyh uchebnyh zavedenii* [Constitutionalism and legal realities of Russia. Collection of articles on materials of the All-Russian scientific-practical conference of students, undergraduates and postgraduates of higher educational institutions]. Ulyanovsk, Ulyanovsk St. Ped. Univ. named after I. N. Ulyanov, 2014, pp. 198–202. (In Russ.)

15. Kirichenko O. V. Doveritel'noe upravlenie imuschestvom grazhdanina, priznannogo bezvestno otsutstvuyushchim [The trust management of the property of a citizen recognized as missing]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2014, vol. 1, pp. 80–83.

16. Samigulina A. V. Pravovoi aspekt investitsionnih otnoshenii na rynke tsennyh bumag [The legal aspect of investment relations in the securities market]. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of arbitration practice*, 2017, vol. 1, pp. 22–28.

17. P'yanyh E. S. Sushchnost' i social'naya znachimost' doveritel'nogo upravleniya imushchestvom, voznikayushchego po osnovaniyam, predusmotrennym zakonom [The essence and social significance of trust management of property, arising on the grounds provided by the law]. *Yurist = Lawyer*, 2016, no. 1, pp. 33–41.

18. Naroznikov N. K. Bezvozmezdnoe okazanie uslug [Gratuitous rendering of services]. *Nalogi = Taxes*, 2006, vol. 17.

19. Likhacheva Y. A. Priznanie grazhdanina bezvestno otsutstvuyushchim i ob"yavlenie ego umershim [Recognition of a citizen missing and declaration of his death]. *Sinergiya nauk = Synergy of sciences*, 2021, vol. 55, pp. 38–46.

20. Kosheleva M. V. Nekotorye problemy, svyazannye s priznaniem grazhdanina bezvestno otsutstvuyushchim [Some problems associated with the recognition of a citizen missing]. *Molodoi yurist = Young Lawyer*, 2016, vol. 4, pp. 30–32.

Информация об авторе / Information about the Author

Нагалина Марина Викторовна, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: marina_kesheva@mail.ru,
OPCID: 0000-0002-5573-6037

Marina V. Nagalina, Post-Graduate Student of the Department Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: marina_kesheva@mail.ru,
OPCID: 0000-0002-5573-6037

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-90-101

CC BY 4.0

Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы

И. С. Алихаджиева[1] ✉

[1]Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
г. Москва 117624, Российская Федерация

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Резюме

Актуальность *статьи обусловлена глобальным ростом во всем мире преступлений, совершаемых в отношении персональных данных человека или с их использованием. По количеству утечек в Глобальную сеть личной конфиденциальной информации Россия занимает второе место в мире, а потому одной из серьезных проблем в нашей стране может стать преступность, связанная с незаконным оборотом персональных данных. В статье представлен оригинальный анализ основных тенденций и криминологических рисков этого вида преступности как нового сегмента российской преступности. На примерах следственно-судебной практики, статистических данных, экспертных оценок показаны основные тренды этого вида преступности и строится прогноз ее дальнейшего развития.*

Цель *исследования состоит в выявлении и формулировании основных тенденций и криминологических рисков, связанных с незаконным получением и (или) использованием личной конфиденциальной информации.*

Задачи*: на основе материалов криминологических исследований, статистических данных, следственно-судебной практики выявить и подвергнуть последующему осмыслению основные тенденции и криминологические риски незаконного оборота персональных данных.*

Методология*. В процессе работы использовались методы теоретического исследования (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также статистический, документальный и формально-логический методы.*

Результаты*. На основе экспертных оценок, статистических данных и следственно-судебной практики установлены основные тренды развития преступности с персональными данными, оказывающие влияние на качественную и количественную трансформацию всей российской преступности в целом. Восполнен определенный пробел криминологической науки в части формулирования криминологических рисков, развитие которых может привести к росту латентного криминального насилия, мошеннических действий, коррупции, вымогательства, нарушения прав и свобод человека и др.*

Вывод*. До настоящего времени государством и законодателем до конца не осмыслены социально опасные последствия совершения преступлений с персональными данными. Их незаконный оборот обладает значительным криминогенным потенциалом, минимизировать который способны меры предупреждения, разработанные наукой и законодателем.*

Ключевые слова*: персональные данные; преступность; криминологические риски; конфиденциальная информация; хакерские атаки.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 90–101. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-90-101.

Поступила в редакцию 10.04.2023 Принята к публикации 12.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Алихаджиева И.С., 2023

Criminological Risks of Personal Data: Main Trends and Forecasts

Inna S. Alikhadzhiyeva[1] ✉

[1]Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow 117624, Russian Federation

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Abstract

Relevance *of the article is due to the global growth worldwide of crimes committed against or using human personal data. In terms of the number of leaks to the Global Network of Personal Confidential Information, Russia ranks second in the world, and therefore one of the serious problems in our country can be crime associated with the illegal trafficking of personal data. The article presents an original analysis of the main trends and criminological risks of this type of crime as a new segment of Russian crime. Using examples of investigative and judicial practice, statistical data, expert assessments, the main trends of this type of crime are shown and a forecast of its further development is based.*

The purpose *of the study is to identify and formulate the main trends and criminological risks associated with the illegal receipt and/or use of personal confidential information.*

Objectives: *on the basis of materials of criminological research, statistical data, investigative and judicial practice, to identify and subject to subsequent comprehension the main trends and criminological risks of illegal trafficking in personal data.*

Methodology*. In the process of work, methods of theoretical research (analysis, synthesis, induction and deduction), as well as statistical, documentary and formal-logical methods were used.*

The results*. Based on expert assessments, statistical data and investigative and judicial practice, the main trends in the development of crime with personal data have been established, which affect the qualitative and quantitative transformation of all Russian crime as a whole. A certain gap in criminological science has been filled in terms of the formulation of criminological risks, the development of which can lead to an increase in latent criminal violence, fraudulent actions, corruption, extortion, violation of human rights and freedoms, etc.*

Conclusion*. Until now, the state and the legislator have not fully understood the socially dangerous consequences of committing crimes with personal data. Their illegal trafficking has significant criminogenic potential, which is minimized by the prevention measures developed by science and the legislator.*

Keywords*: personal data; crime; criminological risks; confidential information; hacker attacks.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Alikhadzhiyeva I. S. Criminological Risks of Personal Data: Main Trends and Forecasts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 90–101. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-90-101

Received 10.04.2023 Accepted 12.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

В мировых масштабах утечек цифровых данных пользователей Россия занимает второе после США место в мире. За 2022 г. доля нашей страны составляет 2 млрд из 3 млрд «слитых» записей в Глобальную сеть во всем мире. В прошлом году в России случилось более 40 крупных цифровых инцидентов с персональными данными. Самые значимые из них по количеству были связаны с утечкой конфиденциальной информации из баз ретейлеров, крупных транспортных агрегаторов, масс-маркета и сервисов доставки. Масштабная компрометация личных данных была зафиксирована в приложениях следующих компаний: «Яндекс.Еда» и «Delivery Club» (соответственно 50 млн и 2,2 млн персональных данных пользователей (фамилии, номер телефона, адрес доставки, суммы чеков,

адреса электронной почты, IP-адреса)); Гемотест (две базы данных, состоящие из 554 млн заказов и 31 млн строк с фамилиями, датами рождения, адресами, номерами телефонов, серией и номером паспорта и результатами анализов); Туту.ру (2,6 млн заказов, 2,29 млн телефонных номеров, ФИО и e-mail). В открытые источники попала и клиентская база ГИБДД, СДЭК, Wildberries, «Билайн», ВТБ, «ВКонтакте», РЖД, авиакомпании «Победа», телекоммуникационных компаний «Ростелеком» и «ВымпелКом», сервисов «Мир Тесен», Fotostrana.ru, развлекательного ресурса Pikabu, школы управления «Сколково» и др.

«Лаборатория Касперского» приводит следующие показатели потери персональных данных пользователей: в 2022 г. было скомпрометировано почти 300 млн пользовательских данных, из которых 16%, или около 48 млн строк. В открытом доступе, помимо ФИО и номеров телефонов, оказывались домашние адреса, банковские сведения и сканы паспортов, логины и пароли. Преступники раскрыли 168 значимых баз данных российских компаний1. Эксперты считают, что в 2023 г. число утечек может вырасти еще на 20%2. Эти прогнозы уже подтверждает компания DLBI, специалисты которой раскрывают статистику крупных утечек баз данных за январь-февраль 2023 г. Их количество по сравнению с аналогичным периодом прошлого года выросло в три раза – с 7 до 21. Приведенные цифры отражают общий тренд на активное использование персональных данных преступниками, что обусловливает необходимость проведения научных исследований по этой проблематике.

Методология

Тематика работы предопределила совокупность методов исследования. Его основу составили такие методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция, применяемые для выделения и описания новых тенденций преступности, связанной с персональными данными, криминологических рисков персональных данных и формирования прогнозов относительно ее дальнейшего развития. Статистический и документальный методы были использованы для обоснования актуальности исследования, изучения научных публикаций, показателей уголовной статистики, судебной практики, а также данных, характеризующих количество инцидентов по утечке личных данных в публичное пространство. Формально-логический метод позволил описать результаты, комплексно и логически верно систематизировать материал и сформулировать выводы исследования.

Результаты и их обсуждение

В России оценка качественно-количественных параметров преступлений, совершаемых в отношении персональных данных или с их использованием, не представляется объективной ввиду отсутствия персональных данных как самостоятельного предмета уголовно-правовой охраны, за исключением ст. 1732 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица». На основании анализа материалов уголовных дел, приговоров, вступивших в законную силу, и сообщений средств массовой информации установлены основные ситуации утраты персональных данных:

1. Владелец сам сообщает личную информацию о себе посредством обмана

[1] 300 млн данных пользователей. Названы лидеры по масштабу утечек в России. Ими оказались сервисы доставки и ритейлеры // РБК. URL: https://www.rbc.ru/life/news/63fc38ef9a79474882d03e46 (дата обращения: 09.04.2023).

[2] Эксперт Новикова: Более 1,5 млрд записей с персональными данными попали в сеть в 2022 году // РГ. URL: https://rg.ru/2022/12/08/bolee-15-mlrd-zapisej-s-personalnymi-dannymi-popali-v-set-v-2022-godu.html (дата обращения: 09.04.2023).

злоумышленниками с использованием методов социальной инженерии. Располагая номинативными персональными данными, полученными из социальных сетей и других общедоступных источников, «слитых» баз в теневом сегменте Интернета, преступники устанавливают с предполагаемой жертвой доверительный контакт. В результате психологического манипулирования они чаще всего представляются сотрудниками банков или правоохранительных органов, выманивая у владельца пароли к банковским картам, аккаунтам интернет-магазинов, брокерским счетам и другим приложениям с целью хищения денежных средств.

2. Персональные данные находятся в прямом доступе у злоумышленника в силу его служебного положения. Речь идет о сотрудниках банков, других микрокредитных организаций, специалистах офисов мобильной связи, представителях правоохранительных органов и др. В прошлом году в интернет попало около 100 млн строк личных сведений, основными причинами утечек тогда стали сливы от сотрудников организаций – обычных работников (61%) и руководства компании (9,1%), которые решили подзаработать[1].

3. Хакерские атаки. Глобальные экономические и политические трансформации не могли не повлиять на киберпреступность с персональными данными. В исследовании компании-разработчика решений для обеспечения информационной безопасности InfoWatch говорится, что по всему миру за прошлый год количество утечек выросло на 93%, а в России – на 45%. Геополитическая обстановка в мире и вооруженный конфликт в Украине способствовали смене мотивов и философии хакерских атак на конфиденциальную информацию. По данным аналитиков Group-IB, если раньше преступники стремились извлечь прибыль, то теперь действуют из идейных соображений, стараясь вызвать резонанс[2].

Имеющиеся аналитические материалы и научные труды [1, с. 24; 2, с. 53; 3, с. 158; 4, с. 38; 5, с. 291] позволяют обозначить некоторые тренды в развитии этого нового сегмента преступности. К прогнозируемым криминологическим рискам следует отнести модернизацию качественно-количественных параметров всей преступности как следствие последовательного увеличения посягательств в отношении персональных данных и (или) с их использованием:

1. Количественный прирост показателей преступности, обусловленный высоким уровнем развития технических средств обработки информации, в том числе конфиденциальной. Новейшие биометрические технологии позволяют провести распознавание физического лица, имеющего профиль в Глобальной сети[3]. Например, фотоизображение любого человека, размещаемое в социальной сети или в другом открытом сетевом ресурсе даже без указания номинативных персональных данных, может быть идентифицировано [6, с. 109]. Еще в 2016 г. в средствах массовой информации сообщалось о появлении программы Findface. Опираясь на данные нейросети, ее разработчиками сканировались фото- и видеоизображения из базы данных «ВКонтакте», а далее автоматически систематизировались данные о конкретном лице с подборкой его двойников и клонов. Отсюда следует прогнозировать проблему обеспечения безопасности конфиденциальной

[1] Соломкина Е. В России за полгода в интернет «утекло» более 300 млн. строк персональных данных // Readovka. URL: https://readovka.news/news/109821 (дата обращения: 09.03.2023).

[2] Текучая ситуация: эксперты назвали лидеров по слитым данным в этом году // Известия. URL: https://iz.ru/1477710/ivan-chernousov/tekuchaia-situatciia-eksperty-nazvali-l (дата обращения: 06.04.2023).

[3] Питерский фотограф сравнил пассажиров метро с их профилями «ВКонтакте» // Geektimes. URL: https://geektimes.ru/post/274356/ (дата обращения: 06.04.2023).

информации участников киберпространства [7, с. 769].

В современных реалиях, когда произошла стремительная модификация Интернета в платформу для криминальной деятельности, деанономизация личных данных, размещаемых самими пользователями в открытом доступе, может быть использована, к примеру, для мошенничества, вымогательства, хищения денежных средств и др. Интернет-ресурсы с открытыми персональными данными используются в качестве инструмента распространения клеветы, для оскорблений, буллинга, мести, а виновные в них в большинстве случаев избегают уголовного преследования. Изложенное приводит к выводу о том, что фактические значения динамики и уровня преступлений с персональными данными в разы выше зафиксированных уголовной статистикой.

2. Качественная трансформация общеуголовной преступности и других ее видов. Обладая существенным криминогенным потенциалом, персональные данные как информация уже используются при совершении:

2.1. Тяжких преступлений против личности, в том числе посягательств на жизнь. Примером тому является недавнее резонансное убийство в г. Санкт-Петербурге военного корреспондента Владлена Татарского (Максима Фомина). Его персональные данные были внесены в базу данных «Миротворца» – украинского сайта-деанонимизатора[1]. В ней находятся подробные личные данные и других граждан Российской Федерации, среди которых военнослужащие ФСБ, МВД, Росгвардии, судьи, прокуроры, следователи, работники налоговых органов, журналисты, приговоренные киевским режимом к уничтожению. В СМИ сообщалось и о причастности украинских боевиков к убийству политического обозревателя Международного евразийского движения Дарьи Дугиной, конфиденциальные данные которой также содержит открытый украинский ресурс[2]. После взрыва двух журналистов на странице сайта с их личными данными появилась запись «Ликвидирован», о чем с распечаткой скриншота сообщил на заседании ООН представитель от России Василий Небензя[3].

Учитывая сложную геополитическую обстановку, увеличивается в разы угроза физической расправы над лицами, обеспечивающими государственную безопасность страны. Например, в 2022 г. ФСБ России были задержаны участники организованной группы, состоящей из сотрудников налоговых органов и частного сыска. Имея доступ к специальным базам данных, они незаконно собирали и передавали через посредника третьим лицам, в том числе иностранным гражданам, личную информацию о тридцати потерпевших, включая их персональные данные (источники дохода, счета в банках, адреса регистрации, имущество)[4]. Как феномен с высоким индексом деструктивности этот вид криминальной активности может способствовать совер-

[1] Захарова указала на роль одиозного сайта «Миротворец» в убийстве Татарского // 5-TV. URL: https://www.5-tv.ru/news/426677/zaharo-va-ukazala-narol-odioznogo-sajta-mirotvorec-vubijstve-tatarskogo (дата обращения: 06.04.2023).

[2] Досье на Дугина и его дочь было размещено на «Миротворце» // Известия. URL: https://iz.ru/1382662/2022-08-21/dose-na-dugina-i-ego-doch-bylo-razmeshcheno-na-mirotvortce (дата обращения: 06.04.2023).

[3] Небензя показал в ООН распечатку скриншота с украинского сайта «Миротворец», на котором фото Дугиной перечеркнуто надписью «ликвидирована» // Российская газета. URL: https://rg.ru/2022/08/24/postpred-rossii-pri-oon-vasilij-nebenzia-ne-znaiu-pochemu-ssha-pri (дата обращения: 06.04.2023).

[4] ФСБ РФ разоблачила сливавших иностранцам данные о военнослужащих // Известия. URL: https://iz.ru/1352429/2022-06-20/fsb-rf-razoblachila-slivavshikh-inostrantcam-dannye-o-voennosluzhashchikh (дата обращения: 06.04.2023).

шению преступлений против общественного порядка – чужие персональные данные с подменой личности могут обеспечивать анонимность террористам, экстремистам и другим международным преступникам.

2.2. *Должностных и коррупционных преступлений.* Высокий спрос на персональные данные породил криминальный рынок услуг, которые оказывают сотрудники правоохранительных органов на коммерческой основе. Мониторинг судебной практики показывает, что коррумпированными сотрудниками полиции осуществляется продажа персональных данных конкурентам по бизнесу, оппонентам в судебных тяжбах. Например, оперуполномоченный отдела «К» Бюро специальных технических мероприятий МВД по Республике Башкортостан передавал через интернет-мессенджер родственника своей супруги коммерсанту персональные данные его коллег-бизнесменов. Заказчика интересовали их адреса, телефоны, государственные номера автомобилей, сведения о недвижимом имуществе и другие данные[1].

В случае, когда персональные данные получены из специальных баз МВД РФ, они могут быть использованы и в других преступных целях. Так, Кузьминским районным судом г. Москвы был постановлен приговор четырем подсудимым – сотрудникам МВД РФ. Они были признаны виновными по ст. 290 УК РФ за получение незаконного денежного вознаграждения за передачу данных умерших и погибших людей третьим лицам. Как установило следствие, фигуранты уголовного дела, имея доступ к базе данных по происшествиям и фактам смерти людей, в течение двух лет через различные мессенджеры продавали персональные данные представителям фирм, оказывающих ритуальные услуги. Деньги в сумме более 6 млн руб. переводились на карты, принадлежащие родственникам и знакомым полицейских[2].

Практика российских судов показывает и неординарные случаи использования правоохранителями чужих персональных данных. Так, в ходе компьютерной игры Radmir RP с участием инспектора ДПС по Буздякскому району Башкирии, старшего лейтенанта М., произошла ссора с другим ее игроком. Пользователи с никами Khabib Ufimskiy, инспектор, и Fernando Carrasco, житель г. Грозного Чеченской Республики, обменялись оскорблениями. Конфликт между ними был продолжен во «ВКонтакте» и мессенджере Discord. Используя служебное положение в целях мести за оскорбление, М. с помощью бота и базы МВД РФ установил имя, адрес, телефон и другие персональные данные обидчика. Затем сотрудник МВД РФ разместил персональные данные оппонента в игровой чат, после чего ему стали поступать угрозы и спам-рассылки. После проведения проверки Следственным комитетом России действия сотрудника МВД РФ были квалифицированы по ст. 137, 272, 285 УК РФ[3].

2.3. *Мошенничества, ставшего наиболее активно применяемой формой незаконного завладения и использования персональных данных.* Персональные данные клиентов онлайн-банкинга используются различного рода мошенниками для хищения денежных средств на

[1] СК РФ проверяет полицейского, который продавал персональные данные граждан // Российская газета. URL: https://rg.ru/2022/10/25/reg-pfo/ (дата обращения: 16.03.2023).

[2] Сотрудники полиции продали данные граждан и попали под суд // Версия. URL: https://versia.ru/sotrudniki-policii-prodali-dannye-grazhdan-i-popali-pod-sud (дата обращения: 23.03.2023).

[3] Ссора в ходе компьютерной игры привела инспектора ГИБДД Башкирии к нескольким уголовным делам // Ufacity News.ru. URL: https://ufacitynews.ru/news/2023/01/19/ ssora-v-hode-kompyuternoj-igry-privela-inspek-tora-gibdd-bashkirii-k-neskolkim-ugolovnym-delam/ (дата обращения: 12.03.2023).

банковских счетах. Один из современных способов интернет-мошенничества в криминалистической литературе получил название «фишинг». Его суть заключается в заманивании жертвы по фишинговой ссылке на фейковую страницу банков или онлайн-магазинов для ввода персональных данных, которыми воспользуются мошенники для вывода чужих денежных средств [8, с. 132; 9, с. 179]. Фактически здесь происходит подмена личности или ее «кража», когда преступник при совершении определенных транзакций действует от имени другого человека, выдает себя за него при помощи похищенных личных данных [10, с. 20; 11, с. 50].

2.4. *Вымогательства.* Сюда относятся случаи распространения материалов с персональными данными, компрометирующими потерпевшего (как правило, сексуального характера). Из фабулы уголовных дел этой категории следует, что, шантажируя размещением в публичном пространстве интимных фото- или видеоизображений жертвы, преступник требует у нее передачи денег. В одной из своих опубликованных работ нами отмечался риск утечки личных данных секс-работников, подыскивающих в сети Интернет клиентов для оказания коммерческих услуг, и вебкам-моделей, занимающихся секс-позированием [12, с. 164]. Многие их профили с фотоизображением были идентифицированы с помощью специальных программ и помещены на спецресурсы о лицах, занимающихся проституцией, что повлекло репутационные потери и групповой буллинг в Интернете [13, с. 106]. К примеру, в одной из социальных сетей был размещен откровенный ролик с изображением новосибирской студентки. Несколько лет назад она занималась веб-камингом, т. е. являлась виртуальной моделью закрытого ресурса в Интернете. Кибервымогатели по изображению идентифицировали ее аккаунт в социальной сети и стали требовать передачи денежных средств. Жертва отказалась платить и написала заявление в полицию. Преступников не нашли, а в сеть попали порносъемки потерпевшей с указанием ее имени, фамилии, места жительства, работы и др.[1] Очевидно, что такой комплекс преступлений, направленных к единой цели – получить денежные средства жертвы – и обеспечивающих ее достижение, требует консолидации организованной групповой деятельности.

В иных случаях мотивом использования изображения жертвы может быть месть, в том числе порноместь [14, с. 62]. Здесь установлены факты опубликования в социальных сетях, приложениях для обмена сообщениями, онлайн-форумах экс-супругами и сожителями фотографий сексуального характера без согласия изображенных на них партнёров. Для мести за расставание один из бывших возлюбленных довольно часто прибегает к помощи хакеров, осуществляющих несанкционированный доступ к чужим персональным данным, их похищение и передачу заказчику за денежное вознаграждение.

2.5. *Неправомерного доступа к компьютерной информации*. Большую популярность среди злоумышленников приобретают хищения персональных данных для целей последующей продажи. Эксперты говорят о высоком спросе на базы персональных данных, которые продаются в теневом секторе сети Интернет – Даркнете и Tor. При этом в Даркнете 30% слитой информации – это базы данных компаний США, на втором месте количество данных из России – 13%. Данные для продажи могут дробиться по количеству деанонимизированных записей и даже строк. По оценкам специалистов, в 2022 г. хакеры украли 970,5 млн строк записей о персональных данных. Только в февральской утечке 2022 г. базы дан-

[1] «С тебя 15 тысяч»: вебкам-девушку шантажировали «голым» видео из приват-чата, а потом выложили его в сеть // Комсомольская правда. URL: https://www.nsk.kp.ru/daily/27088/4161402/ (дата обращения: 12.03.2023).

ных службы доставки СДЭК было предано огласке 823 млн строк с персональными данными[1]. Эти показатели косвенно подтверждают ожидание возрастания интенсивности атак хакеров в 2023 г. Злоумышленники будут разрабатывать новые схемы и решения, которые сложно будет обнаружить, что приведет к многократному росту преступлений, связанных с персональными данными. Не случайно правоведы предлагают в отдельной норме криминализировать хищение баз персональных данных [15, с. 36].

В криминологическом плане обращает на себя внимание тенденция расширения спектра новых криминальных форм использования персональных данных. Исследователи отмечают увеличение запросов на неправомерный доступ к компьютерной информации, взлом аккаунтов в социальных сетях для получения персональных данных и личной переписки человека [16, с. 26]. Правоприменительная практика подтверждает, что эти сведения используются в целях слежки за конкурентами и для сталкинга. Нарушая личную свободу преследуемого лица, сталкер осуществляет навязчивое преследование жертвы, в том числе посредством нежелательных коммуникаций (звонки, сообщения в соцсетях и мессенджерах), угроз применения насилия, оскорблений, распространения клеветы и сведений конфиденциального характера, рождающих у жертвы страх [17, с. 279], дистресс (истощение от напряжения). Зафиксированы случаи, когда сталкер незаконно проникал в жилище, размещал в сети Интернет материалы сексуального характера без согласия потерпевшего и т.п. Учеными в этой связи поднимается проблема кибersталкинга как девиантной формы поведения [18, с. 29] и уголовной ответственности за него как нарушающего неприкосновенность частной жизни человека [19, с. 58].

Новой криминологической реальностью становится совершение преступлений для завладения именно персональными данными для их последующего использования в преступных целях – получения микрозаймов и кредитов по поддельным паспортам с настоящими персональными данными. Статистика преступлений с персональными данными не ведется, однако имеющиеся экспертные оценки позволяют говорить о том, что в 80% случаев преступники используют их для совершения новых общественно опасных деяний. Так, получила широкое распространение криминальная практика хищений мобильных телефонов для получения хранящихся в них персональных данных. М. А. Бугера, отмечая их рост, пишет, что «сегодня хищения сотовых телефонов совершаются не для их последующей продажи, а в целях получения персональных данных граждан (фамилия, имя, отчество; номер и серия паспорта; адрес электронной почты; номер банковской карты и т. д.), которые нужны для доступа к их картам и банковским счетам» [20, с. 120].

Этот вывод ученого подтверждает и следственно-судебная практика. Например, при помощи персональных данных, полученных из похищенного у И. телефона, злоумышленники не только перевели денежные средства из его мобильного банка, но и, получив доступ к учетной записи на «Госуслугах», изменили контактную информацию и оформили электронную цифровую подпись. С ее помощью и с использованием ИНН, СНИЛС и паспортных данных с портала «Госуслуги» преступниками в нескольких банках были получены микрозаймы и кредиты на общую сумму более 1 млн руб.[2]

[1] Черноусов И. Урожай сливов: утечки персональных данных россиян выросли в 40 раз // Известия. URL: https://iz.ru/1457616/ivan-chernousov/urozhai-slivov-utechki-personalnykh-dan (дата обращения: 12.03.2023).

[2] Потерял телефон – отдавай миллион // Финансовая культура: [сайт]. URL: https://fincult.info/rake/poteryal-telefon-otdavay-million (дата обращения: 12.03.2023).

Выводы

В криминологическом плане для предупреждения преступлений с персональными данными имеет значение научное знание о совершении других, в том числе тяжких преступлений, с использованием незаконно полученных персональных данных. В ходе исследования установлено, что их совокупность может включать: убийства, причинение различного вреда здоровью, посягательства против свободы, чести и достоинства, собственности, политических, экономических прав граждан, интересов службы, нарушение неприкосновенности частной жизни, переписки и иных сообщений и др.

Негативная трансформация преступности, связанной с незаконным оборотом персональных данных, с высоким уровнем ее латентной части во многом объясняется тем, что в России не в полной мере осознаны возможные масштабы угрозы, которую представляет их незаконный оборот. Об этом свидетельствует и отсутствие специальной уголовной ответственности за посягательства в отношении персональных данных или с их использованием на фоне сообщений средств массовой информации и пресс-служб правоохранительных ведомств о беспрецедентном количестве утечек личных данных в публичное пространство. А потому и наука не приступила к серьезному изучению основных криминологических рисков деанонимизации персональных данных и ведущих трендов преступности, связанной с использованием конфиденциальной информации о человеке.

Список литературы

1. Ефимова Е. А., Семенов С. А. Персональные данные как объект преступного посягательства // StudNet. 2021. Т. 4, № 12. С. 23–25.

2. Пикуров Н. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // Уголовное право. 2019. № 2. С. 51–58.

3. Стяжкина С. А. Информация как объект уголовно-правовой охраны: понятие, признаки, виды // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2015. № 2. С. 157–161.

4. Филатова М. А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35–43.

5. Халиулина Э. Т. Преступления, совершаемые с использованием персональных данных: характеристика состояния // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 289–294.

6. Чукреев В. А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3 (91). С. 107–116.

7. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 767–775.

8. Чупрова А. Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 131–134.

9. Сафонов В. Н., Андреев Д. В. «Мошенничество от пандемии»: новые способы хищений // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. l, № 2 (101). С. 177–184.

10. Атагимова Э. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. «Кража личности» как самостоятельное преступление или разновидность мошенничества // Правовая информатика. 2017. № 3. С. 14–22.

11. Кузьмин Ю. А. Кража персональных данных (криминологический аспект) // Oeconomia et Jus. 2020. № 3. С. 48–57.

12. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4. С. 160–173.

13. Ильницкий А. С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 106–109.

14. Соловьев В. С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64.

15. Баринов С. В. О криминализации преступного нарушения неприкосновенности частной жизни, совершаемого в форме распространения баз персональных данных // Российский следователь. 2017. № 4. С. 35–38.

16. Алихаджиева И. С. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни // Конституционные чтения: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9, ч. 2. Саратов: Поволжская акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2009. С. 25–29.

17. Сторублёнкова Е. Г., Самуткин В. Л. Сталкинг: синдром навязчивого преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 278–281.

18. Кобец П. Н. Противодействие угрозам кибersталкинга – важнейшей проблеме, исследуемой в рамках совершенствования аспектов информационной безопасности регионов в условиях глобализации информационного пространства // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 1 (76). С. 27–35.

19. Юрченко И. А. Сталкер как субъект уголовной ответственности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). С. 53–61.

20. Бугера М. А. Борьба с хищениями сотовых телефонов и персональных данных, содержащихся в них: проблемы и пути решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 109–111.

References

1. Efimova E. A., Semenov S. A. Personal'nye dannye kak ob"ekt prestupnogo posyagatel'stva [Personal data as an object of criminal encroachment]. *StudNet = StudNet*, 2021, vol. 4, no. 12, pp. 23–25.

2. Pikurov N. Problemy kvalifikacii prestupnyh posyagatel'stv na chastnuyu zhizn': teoriya i sudebnaya praktika [Problems of qualification of criminal encroachments on privacy: theory and judicial practice]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2019, no. 2, pp. 51–58.

3. Styazhkina S. A. Informaciya kak ob"ekt ugolovno-pravovoj ohrany: ponyatie, priznaki, vidy [Information as an object of criminal law protection: concept, signs, types]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Economics and law*, 2015, no. 2, pp. 157–161.

4. Filatova M. A. Personal'nye dannye kak predmet prestupnogo posyagatel'stva [Personal data as a subject of criminal encroachment]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2021, no. 1, pp. 35–43.

5. Haliulina E. T. Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem personal'nyh dannyh: harakteristika sostoyaniya [Crimes committed using personal data: characteristics of the state]. *Voennoe pravo = Military law*, 2021, no. 2 (66), pp. 289–294.

6. Chukreev V. A. Personal'nye dannye, v tom chisle biometricheskie dannye, kak predmety ugolovno-pravovoj ohrany [Personal data, including biometric data, as subjects of criminal law

protection]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2022, no. 3 (91), pp. 107–116.

7. Begishev I. R., Hisamova Z. I. Kriminologicheskie riski primeneniya iskusstvennogo intellekta [Criminological risks of the use of artificial intelligence]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2018, no. 6, pp. 767–775.

8. Chuprova A. Yu. Problemy kvalifikacii moshennichestva s ispol'zovaniem informacionnyh tekhnologij [Problems of qualification of fraud using information technologies]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2015, no. 5, pp. 131–134.

9. Safonov V. N., Andreev D. V. "Moshennichestvo ot pandemii": novye sposoby hishchenij ["Fraud from a pandemic": new methods of theft]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*, 2022, vol. 1, no. 2 (101), pp. 177–184.

10. Atagimova E. I., Potemkina A. T., Copanova I. G. "Krazha lichnosti" kak samostoyatel'noe prestuplenie ili raznovidnost' moshennichestva ["Identity theft" as an independent crime or a type of fraud]. *Pravovaya informatika = Legal informatics*, 2017, no. 3, pp. 14–22.

11. Kuzmin Yu. A. Krazha personal'nyh dannyh (kriminologicheskij aspekt) [Identity theft (criminological aspect)]. *Oeconomia et Jus = Economia et Jus*, 2020, no. 3, pp. 48–57.

12. Alikhadzhieva I. S. O novyh tendenciyah sovremennoj seks-industrii i ee kriminologicheskih riskah [On new trends in the modern sex industry and its criminological risks]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 160–173.

13. Il'nickij A. S. Kriminologicheskie riski intimnoj kommunikacii v seti Internet [Criminological risks of intimate communication on the Internet]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 9, pp. 106–109.

14. Solov'ev V. S. Pornomest': sushchnost' yavleniya i problemy ego ugolovno-pravovoj ocenki [Porn revenge: the essence of the phenomenon and the problems of its criminal law assessment]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2017, no. 6, pp. 60–64.

15. Barinov S. V. O kriminalizacii prestupnogo narusheniya neprikosnovennosti chastnoj zhizni, sovershaemogo v forme rasprostraneniya baz personal'nyh dannyh [On the criminalization of a criminal violation of privacy committed in the form of distribution of personal data databases]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2017, no. 4, pp. 35–38.

16. Alikhadzhieva I. S. [Some problems of criminal and legal protection of privacy]. *Konstitucionnye chteniya. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Constitutional readings. Intercollegiate collection of scientific works]. Saratov, Povolzhskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby im. P. A. Stolypina Publ., 2009, vol. 9, pt. 2, pp. 25–29. (In Russ.)

17. Storublyonkova E. G., Samutkin V. L. Stalking: sindrom navyazchivogo presledovaniya [Stalking: obsessive persecution syndrome]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 6, pp. 278–281.

18. Kobec P. N. Protivodejstvie ugrozam kiberstalkinga – vazhnejshej probleme, issleduemoj v ramkah sovershenstvovaniya aspektov informacionnoj bezopasnosti regionov v usloviyah globalizacii informacionnogo prostranstva [Countering cyber stalking threats is the most important problem investigated as part of improving information security aspects of regions in the context of globalization of the information space]. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta = Bulletin of the Prikamsk Social Institute*, 2017, no. 1 (76), pp. 27–35.

19. Yurchenko I. A. Stalker kak sub"ekt ugolovnoj otvetstvennosti [Stalker as a subject of criminal liability]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*, 2018, no. 12 (52), pp. 53–61.

20. Bugera M. A. Bor'ba s hishcheniyami sotovyh telefonov i personal'nyh dannyh, soderzhashchihsya v nih: problemy i puti resheniya [The fight against theft of cell phones and personal data contained in them: problems and solutions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (94), pp. 109–111.

Информация об авторе / Information about the Author

Алихаджиева Инна Саламовна, доктор юридических наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Alins1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6998-930X

Inna S. Alikhadzhiyeva, Dr. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Alins1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6998-930X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-102-117

CC BY 4.0

Эволюция института ошибки в уголовном праве России

В. Е. Новичков[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

***Актуальность**. Анализ юридической литературы показывает, что при определении ошибки в уголовном праве юристы используют различные понятийные категории, что вносит путаницу в понимание и квалификацию юридической или фактической ошибки. В связи с чем в статье рассмотрен генезис института ошибки в уголовном праве России, в частности классический подход к пониманию, определению и систематизации ошибки, закрепляющий положение о том, что единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего признаки всех элементов состава преступления. В статье проблема ошибки в действующем уголовном законе Российской Федерации раскрывается с позиции необходимости установления внутреннего отношения субъекта и к действиям (бездействию), и к последствиям, к каждому юридически значимому объективному признаку конкретного деяния.*

***Цель исследования** заключается в анализе института ошибки в уголовном праве России.*

***Задачи:** провести анализ специальной исторической и современной литературы о генезисе ошибки в отечественном уголовном праве и, основываясь на достижениях отечественной науки уголовного права, обобщить имеющиеся определения понятий «ошибки» и иных логико-языковых феноменов.*

***Методология.** Исследования строились на применении философских методов изучения категорий, составляющих понятие уголовно-правовой ошибки, а также на общенаучных методах: анализе и синтезе; конкретно-юридическом, системно-структурном, сравнительно-правовом анализе документов, контент-анализ текстов и др.*

***Результаты исследования** отличает теоретико-прикладная направленность генезиса института ошибки в отечественном уголовном праве и выделение наиболее полных характеристик понятия уголовно-правового заблуждения.*

***Вывод.** На основе полученных результатов исследования констатируется, что современное понимание института ошибки учитывает исторические подходы к рассмотренному феномену в российском уголовном праве, базируется на них и соответствует уголовной политике Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** уголовный закон; юридическая ошибка; преступление; объективная сторона; вина; квалификация преступления.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Новичков В. Е. Эволюция института ошибки в уголовном праве России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 102–117. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-102-117.

Поступила в редакцию 27.04.2023 Принята к публикации 26.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Новичков В. Е., 2023

The Evolution of the Institution of Error in the Criminal Law of Russia

Valery E. Novichkov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. *An analysis of the legal literature shows that when defining an error in criminal law, lawyers use different conceptual categories, which confuses the understanding and qualification of a legal or factual error. In this connection, the article considers the genesis of the institution of error in the criminal law of Russia, in particular, the classical approach to understanding, defining and systematizing errors, fixing the position that the only basis for criminal liability is the commission of an act that contains signs of all elements of a crime. In the article, the problem of an error in the current criminal law of the Russian Federation is revealed from the standpoint of the need to establish the internal attitude of the subject both to actions (inaction) and to the consequences in real life, to each legally significant objective sign of a particular act.*

The purpose *of the study is to analyze the improvement of the institution of error in the criminal law of the Russian Federation.*

Objectives: *to analyze the special historical and modern literature on the genesis of errors in domestic criminal law and, based on the current law, the achievements of the domestic science of criminal law, to summarize the experience of defining and logic-linguistic concepts of criminal law error.*

Methodology. *The research was based on the application of philosophical methods for studying the categories that make up the concept of a criminal law error, as well as on general scientific methods: system-structural, analysis and synthesis; specific legal, comparative legal analysis of documents, content analysis of texts, etc.*

The results *of the study are distinguished by the theoretical and applied orientation of the genesis of the institution of error in domestic criminal law and the identification of the most complete characteristics of the concept of criminal law error.*

Conclusion. *Based on the results of the study, it is stated that the modern understanding of the institution of error takes into account historical approaches to the considered phenomenon in Russian criminal law, is based on them and corresponds to the criminal policy of the Russian Federation.*

Keywords: *criminal law; legal error; crime; objective side; guilt; crime qualification.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Novichkov V. E. The Evolution of the Institution of Error in the Criminal Law of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 102–117. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-102-117

Received 27.04.2023 Accepted 26.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации нет указания на какие-либо условия, при наличии которых преступность деяния устранялась либо лицо, его совершившее, освобождалось от уголовной ответственности в связи с допущением таким лицом юридической ошибки. Тем не менее правоприменительная практика показывает, что граждане Российской Федерации, совершая те или иные общественно опасные деяния, систематически допускают подобные ошибки, вследствие которых они становятся непосредственными субъектами уголовно-правовых отношений. Отметим, что такие ошибочные действия (бездействие) граждан, в свою очередь, могут повлечь так называемые квалификационные ошибки со стороны субъекта

правоприменения. В любом случае допускаемая ошибка с чьей либо стороны может существенным образом влиять на содержание вины субъекта преступления, возможность объективного вменения, обоснованность привлечения данного лица к уголовной ответственности и ошибочную квалификацию общественно опасного деяния, осуществляемую субъектами, обладающими соответствующими государственно-властными полномочиями. По этим же причинам могут изменяться пределы уголовной ответственности, виды и размеры назначаемого наказания. В широком смысле слова здесь речь может идти об ошибке как в отношении социальных свойств деяния в целом, отдельных его сторон, так и в отношении его правовой значимости (ошибках квалификации общественно опасных деяний всеми субъектами уголовно-правовых отношений). Если учесть и то, что в уголовном праве содержится достаточно норм, предусматривающих ответственность за систематическое нарушение административно-правовых режимов, то ошибки субъекта подобных административных правонарушений также могут быть отнесены к уголовно-правовой проблеме субъективных ошибок. Последнее утверждение касаемо субъективной ошибки в уголовно-правовых отношениях справедливо ещё и потому, что ошибки совершают лишь субъекты общественно опасных деяний в связи с их интеллектуальными представлениями и волевыми качествами.

Постоянный процесс изменения, дополнения и конкретизации уголовного закона, усиление зависимости ряда его положений от предписаний иных нормативно-правовых актов, отсутствие четких понятийных определений в некоторых уголовных нормах и другое только способствуют недопониманию гражданами отдельных уголовно-правовых требований, что только актуализирует проблему ошибок в уголовном праве.

Уголовно-правовой интерес представляют не сами по себе и не все ошибки, а лишь те из них, которые дают представление: а) о содержании субъективной стороны субъекта совершения общественно опасного деяния, б) об интеллектуальных и волевых моментах субъекта совершения преступления, которые, в свою очередь, специалисты определяют как «особую форму заблуждения», в силу «неведения» или вследствие «неверного представления» либо «неверной оценки» собственного поведения, в) о соотношении ошибки и субъективного вменения в уголовном праве России, а также о возможности лиц, допустивших ошибки уголовно-правового свойства, не только нести уголовную ответственность и наказание, но и быть освобожденными от них; г) об определении субъективной ошибки и её понятий, а также употребления понятия ошибки со сходными значениями иных понятий в уголовном праве; д) о реакции правоприменителя в ходе квалификации на ошибку при совершении общественно опасного деяния; е) о «возможности – невозможности» законодательного закрепления ошибки в уголовном кодексе.

Наиболее общее понятие ошибки выражается в том, что ошибка в уголовном праве – это ситуация, когда лицо, совершившее деяние, не имело намерения, знания или возможности осознать недопустимость своих действий. Также ошибка может быть связана с неправильным истолкованием фактических обстоятельств совершения деяния или неправильным применением закона. В зависимости от характера ошибки она может приводить к снижению степени вины или отсутствию ее вообще, что, в свою очередь, может иметь влияние на назначение наказания.

Несмотря на то, что в науке уголовного права подчеркивается значимость проблемы субъективной ошибки, а также обосновываются некоторые логико-языковые и понятийные феномены, относя-

щиеся к учению об ошибке, тем не менее данный аспект ни на теоретическом, ни на законодательном уровне до сих пор не получил ясной трактовки.

Методология

При написании статьи исследования института уголовно-правовой ошибки строились на применении философских методов изучения категорий, а именно применялись общенаучные и частные методы: диалектический, исторический, позволившие изучить ошибку в уголовном законодательстве различных исторических эпох с позиции перехода развития ошибки в качественные правоотношения; системно-структурный и сравнительно-правовой анализ документов, способствовавшие построить стройную структуру генезиса ошибки, а также другие методы исследования ошибки в уголовном праве, дающие возможность анализировать и синтезировать информацию в конечные выводы об эволюции института ошибки, в том числе с помощью конкретно-юридических методов определиться с противоположными сторонами изучаемого явления и с единством количественного состояния уголовно-правовой ошибки в различных правовых отношениях.

Результаты и их обсуждение

Проблема заблуждения лица, совершившего общественно опасное деяние, или ошибки, а также её значения для квалификации деяния и вменения субъекту его в вину в истории уголовного права исследовалась многими юристами, но одно из первых исследований в этой части провел И. З. Геллер в 1910 г. Ученый определил ошибку в уголовном праве как неправильное представление лица или его рассуждений о реальных объектах или закономерных связях между этими объектами [1, с. 5].

И. З. Геллер настаивал, что в соответствии с теорией вины подлежит вменению лишь то деяние, которое можно считать оконченным, в силу ещё и того, что субъективный момент способствует отграничению оконченного общественно опасного деяния от неоконченного, охватывающего признаки иного оконченного преступления. Другой аспект теории вины способствовал ограничению понятия причинной связи на основании субъективных признаков состава преступления. Как отмечал исследователь: «Действие само по себе опасное, но не обусловившее, однако, наступления преступного результата, не вменяется в вину в качестве оконченного преступления… при наступлении преступного результата непредвидимым образом результат должен считаться как бы не наступившим, а потому и деяние не может быть вменено в вину в виде оконченного преступления, хотя бы действие учинителя и было само по себе опасно, кроме того преступный результат иногда обусловливается не тем деянием лица, которое было направлено на его достижение, а другим, предпринятым позже, при наличии ошибочного предположения, что последствие уже наступило» [1, с. 79]. Таким образом, можно считать, что ошибка в причинной связи представляет собой конфликт между сознанием субъекта преступления и обусловленностью преступного результата.

Общее правило разрешения таких ситуаций было предложено Н. Д. Сергиевским: «Если последствие, хотя бы и задуманное, производится такой комбинацией, которую субъект не предусматривал и не мог предусмотреть, то это последствие вне пределов вменения» [2, с. 62].

В специальной литературе того времени при определении влияния ошибки на вменение деяния в вину рассматривались, как правило, два аспекта. Первый аспект акцентировал два момента (вопроса): каков должен быть необходимый минимум соответствия между сознанием действительности и действительностью, какие признаки общественно опасного деяния охватывались сознанием лица,

чтобы «его деяние» могло считаться совершенным с прямым или косвенным умыслом, и отсутствие каких элементов состава преступления (деяния) в сознании лица устраняет умышленную вину? В обоих случаях речь шла об ошибке как «неведении».

Второй аспект сводится к тому, как влияют на вменение в вину неточные, неверные представления лица, совершившего общественно опасное деяние, или представления его о признаках, отсутствующих во внешней стороне деяния. Данный аспект рассматривался тогда, когда сознание лица охватывает черты, которых нет в объективных признаках состава преступления. В этом случае вопрос идет об ошибке в тесном смысле, как о заблуждении.

Подобная двуединая парадигма считалась правильной, и вот почему. Когда речь шла о первой ситуации совершения общественно опасного деяния, в нем содержались все основные признаки объективной стороны преступления. Следовательно, в подобной ситуации состав преступления определялся всегда как материальный. Если речь шла о втором аспекте, то при квалификации деяния рассматривалась возможность «так называемых негодных посигновений», таких как: покушения с негодными средствами и покушения на негодный объект.

При таком подходе ошибка при умысле может относиться к любому элементу объективной стороны состава преступления, как к необходимому наличию причинной связи между деянием и преступным результатом, так и к самому преступному результату.

Исследователи называли и рассматривали несколько видов ошибок. Так, П. П. Пусторослев, например, писал о двух видах ошибок в уголовном праве – ошибке факта и ошибке права. По его мнению, ошибка факта возникает в случае, когда виновный совершает действие, не зная реальных обстоятельств ситуации. Ошибка права – это неправильная трактовка виновным нормы права. Исследователь утверждал, что в случае ошибки факта виновный должен нести уголовную ответственность, а в случае ошибки права – нет [3, с. 341].

В научных трудах Н. С. Таганцева также выделяются два вида ошибок, на которые указывал П. П. Пусторослев: ошибку факта и ошибку права. Однако Н. С. Таганцев считал, что в обоих случаях лицо, совершившее преступное деяние, должно нести уголовную ответственность, так виновный должен был обеспечить достоверность информации и правильно понимать нормы права [4, с. 462, 464].

В свою очередь, Л. С. Белогриц-Котляровский отмечал, что ошибка – это только неправильная трактовка нормы права. По его мнению, виновный несет уголовную ответственность, если он знал о запрещенности своих действий в соответствии с юридическими нормами права [5, с. 229–230].

А. Ф. Кистяковский, давая понятие ошибки, считал, что она сводится к неправильному представлению виновного о социальной опасности своих действий и, следовательно, если виновный не осознал свою социальную опасность, он несет ограниченную уголовную ответственность [6, с. 407–414].

А. Ф. Кони под ошибкой понимал ситуацию, когда лицо действует не настолько осознанно, чтобы было возможно говорить о преступной воле. Он отмечает, что ошибка может быть фактической (неверное представление о фактических обстоятельствах) или юридической (неверное осмысление правовых последствий своих действий) [13, с. 430].

Таким образом, П. П. Пусторослев, Н. С. Таганцев, Л. С. Белогриц-Котляровский, А. Ф. Кистяковский и другие ученые полагали, что одну группу образуют так называемые ошибки фактические (ошибки относительно фактов); другую – ошибки относительно уголовно-правовых норм действующего права, они же –

ошибки в уголовном праве или юридические ошибки.

Разница в приводимых понятиях заключается в том, что Л. С. Белогриц-Котляревский и А. Ф. Кони упоминают как фактическую, так и юридическую ошибки, в то время как И. З. Геллер подчеркивает, что ошибку можно рассматривать только как результат обмана. В то же время А. Ф. Кони отмечал, что ошибка должна быть связана с отсутствием преступной воли. Л. С. Белогриц-Котляревский и И. З. Геллер не делают такого упора на волевое начало субъекта акции.

Следует отметить, что российские ученые, исследуя институт ошибки и поразному характеризуя детали её свойств, тем не менее стремились к компромиссному определению признаков и видов ошибки в уголовном праве. Поэтому, по мнению большинства правоведов того времени, ошибка юридическая есть ошибка относительно норм действующего уголовного права (в том числе и относительно общих юридических понятий), а ошибка фактическая считалась ошибкой лица, относительно фактических обстоятельств дела и конкретных юридических и иных отношений. Это деление совпадает, таким образом, с общим делением ошибок на материальные и логико-правовые.

Теоретические разработки уголовно-правовой ошибки и её видов нашли своё отражение в законодательстве того исторического периода, в частности, в Уголовном уложения 1903 г. В нём к группе ошибок фактических относились ошибки в причиненной связи и ошибки в преступном результате. К группе же юридических ошибок принадлежали: ошибка относительно тех или иных норм уголовного и не уголовного закона, незнание уголовного закона, запрещенности деяния уголовным законом и его нормами и т. д. Всего же в Уложении 1903 г. можно выделить следующие виды (подвиды) уголовно-правовых ошибок.

1. Несоответствие закона факту дела. Эта ошибка связана с тем, что субъекты уголовно-правовых отношений при совершении конкретных действий учитывали не фактические обстоятельства дела, а нормы закона, которые не соответствовали действительности.

2. Неправильное толкование закона. В этом случае субъекты неправильно толкуют закон, что ведет в том числе к неправомерному привлечению или освобождению от ответственности.

3. Превышение властных полномочий со стороны правоприменителя, что приводит к принятию решения, которое не соответствует установленным законом правилам.

4. Ошибки в оценке доказательств. Эта ошибка связана с неправильной оценкой доказательств, что может приводить к неправомерному привлечению или освобождению от ответственности.

5. Нарушение процедуры судебного разбирательства. Эта ошибка связана с нарушением процедуры судебного разбирательства, что может привести к незаконному привлечению к ответственности или освобождению от нее.

Учение об ошибке в классической школе уголовного права дореволюционной России состояло, как минимум, из трех основных частей: 1) учения о значении фактической ошибки; 2) учения о значении юридической ошибки и 3) учения о негодном покушении.

При этом первая часть, в свою очередь, включала не менее трех отделов: 1) учения о фактической ошибке вообще, 2) учения об ошибке в объекте и «случаях выполнения действия не над предполагаемым объектом (уклонение действия)» и 3) учения о значении ошибок в объективной стороне состава преступления.

Уголовно-правовое значение этих ошибок различно, даже в рамках одной и той же группы ошибок может и должно быть дифференцированное отношение к ним в процессе субъективного вменения, т. е. когда следует выяснять, была ли та

или иная ошибка: а) в отношении конструктивного признака состава преступления; б) ошибка в отношении конструктивно разграничительного признака; в) ошибка в отношении квалифицирующих признаков; г) ошибка в отношении смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств; д) ошибка в отношении обстоятельств (признаков), которые не имеют уголовно-правового значения.

Отметим, что вид ошибки в непосредственном объекте приближается уже к ошибке в общем объекте состава преступления. Разница только в том, что при ошибке в непосредственном объекте имеется ошибка материальная, в случаях же ошибки в абстрактном объекте – логическая, иначе логико-правовая.

Ошибка в абстрактном объекте подходит под понятие ошибки в запретах уголовного права, а последняя часто (но не всегда) соединяется с презумпцией незнания запрещенности деяния уголовным законом [8, с. 7–8]. Логическая ошибка в данном случае российскими правоведами XIX в. рассматривалась как неправильное понятие об общем объекте, т. е. о том благе, которое охраняется действующим уголовным правом от посягательства. Считалось, что подобная ошибка может состоять или в неправильном понимании какого-либо юридического термина, входящего в законное определение состава преступления, или в незнании уголовно-правовых последствий деяний (наказуемости или меры наказания), или же в незнании запрещенности деяния уголовным законом.

По Уголовному уложению 1903 г. ошибку относительно преступного результата можно было признать одной из причин, смягчающих ответственность виновного. Кроме того, ошибка представлялась, в частности, ошибкой в родовом, а также в конкретном объекте состава преступления и дополнительных либо факультативных моментах таких объектов.

Несмотря на то, что Уголовное уложение 1903 г. не вступило в силу в полном объёме, тем не менее оно действовало в той или иной степени и после Октябрьской революции 1917 года – до 1918–1920 гг.

Б. В. Волженкин писал, что Уложение 1903 г. – «выдающийся памятник уголовного права России, по глубине проработанности правовых институтов и качеству законодательной техники стоявший на уровне лучших образцов мирового законодательства того времени. Давая ему оценку с точки зрения соперничества классической и социологической школ, можно сказать в целом, что в этом нормативном акте преобладали концепции классического направления» [9, с. 857].

Анализ уголовных законов советской России показывает, что, по сути, в них предусматривались следующие формы вины: умышленная, неосторожная, преступная и групповая. Умышленная вина подразумевает сознательное и добровольное совершение преступления. Неосторожная вина является формой вины, которая возникает в случае, когда преступление совершается по неосторожности или неаккуратности. Преступная вина возникает в тех случаях, когда деяние не соответствует закону, но было совершено неосознанно. Групповая вина предусматривает ответственность не только лица, совершившего преступление, но и всех участников совершения преступления[1].

[1] Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591; Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25 дек. 1958 г. (вместе с Основами законодательства) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1, ст. 6; Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: [утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г.] // Собрание законов СССР. 1924. № 24, ст. 205; О введении в действие

Логично, что в УК РСФСР тех лет, которые характеризовались объективным вменением, вопрос о влиянии ошибки субъекта преступления на ту или иную форму вины не находил явного разрешения. Он должен был разрешаться, как указывалось в специальной литературе тех лет, исходя из общих постановлений уголовного законодательства о формах вины [10; 11].

А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, В. Ф. Кириченко, Б. С. Утевский и другие ошибку в уголовном праве России рассматривали как неправильное применение норм уголовного права, в результате чего обвиняемый был неправильно признан виновным или, наоборот, был неправильно оправдан. Ученые советского времени полагали, что возможны различные виды ошибок, такие как ошибочное обвинение, ошибочное назначение наказания, ошибочная квалификация действия и т. д., а ошибки в уголовном праве могут возникать по различным причинам, включая неполное или неправильное понимание норм уголовного права, ошибки в доказательстве, неправильное применение предписаний закона и т. д. Кроме того, также подчеркивалось, что ошибки в уголовном праве РСФСР могут привести к серьезным последствиям, таким как неправильный вывод о действиях обвиняемого в условиях необходимой обороны или в отсутствии таковой, нарушение принципа индивидуальной ответственности и т. п. Ученые исходили из того, что правильное применение норм уголовного права и избежание ошибок является крайне важным для обеспечения справедливости и защиты прав и свобод граждан в суде [10, с. 336; 12, с. 10; 13, с. 322; 14, с. 201].

В теории советского уголовного права ошибку принято было различать как ошибку фактическую (error facti) и ошибку юридическую (error juris). Считалось, что всякая фактическая ошибка должна трактоваться в пользу виновного и сводиться к следующему: 1) незнание (неведение) уголовного закона (обстоятельств, существенного для бытия преступления) или объективных признаков преступления (что обязательно должно исключать вину) либо Конституции РСФСР; 2) незнание (неведение) того, что совершаемое деяние на самом деле подпадает под признаки квалифицирующего состава преступления. Как и наука, судебная практика того времени признавала наличие именно таких двух видов ошибки и соответствующего их понимания и реализации [10, с. 254–256; 13, с. 322].

В юридической литературе исследовались и проблемы, связанные с ошибками, не исключающими виновности, в том числе и умышленной. Речь идет об ошибке, относящейся к обстоятельствам, безразличным для состава преступления. Например, виновный полагал, что совершает преступление, уголовное дело по которому возбуждается в порядке частного обвинения и для его возбуждения обязательно наличие жалобы потерпевшего в правоохранительный орган (ошибка относительно условия уголовного преследования). Таким образом, несмотря на законодательное закрепление объективного вменения, правоведы советского периода, через проблему уголовно-правовой ошибки, исходили из анализа вины как одного из основополагающих моментов составов преступления: «момента сознания или предвидения и момента воли» [12, с. 10].

В одном из ранних учебников по советскому уголовному праву ошибка фор-

Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153; О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») в редакции 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600; Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: Постановление Наркомюста Р.С.Ф.С.Р. от 12 дек. 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. С. 590.

мулируется как «неправильное представление лица о действительном юридическом и фактическом характере совершаемых действий» [15, с. 278–282]. Отсюда с очевидностью можно сказать, что уголовно-правовая ошибка возможна в форме либо фактической, либо юридической ошибок, т. е. ошибка в фактах в первом случае и ошибка в праве во втором случае.

В другом советском научном труде под ошибкой предлагалось понимать такие ситуации, «когда для обвиняемого было абсолютно невозможно узнать о запрещенности деяния уголовным законом и когда ошибка в праве не проистекала из небрежности», иными словами, речь идет о юридических и фактических ошибках одновременно [10, с. 75].

В Курсе советского уголовного права 1970 г. указывалось, что «ошибка есть неправильное представление лица о юридических или фактических свойствах или последствиях совершаемых действий». Здесь же констатировалось, что «ошибка может быть двух видов: юридическая и фактическая. Различие между ошибкой в установлении определенных фактических обстоятельств и ошибкой в их правовой квалификации помогает уяснению вопроса о влиянии ошибки лица на форму его вины» [16, с. 336].

Отметим, что юридическая ошибка в советском уголовном праве рассматривалась не только с позиции степени общественной опасности деяния, но ещё и его противоправности. Исходя из этого советские юристы различали: ошибки, относящиеся к общественной опасности деяния, и ошибки, относящиеся к противоправности преступного деяния. Утверждалось, что фактическое заблуждение касалось ошибочного представления субъекта о фактическом характере или фактических последствиях своих действий, тогда как при умысле: а) наличествует предвидение фактических обстоятельств, относящихся к объективным признакам преступного результата; б) существует предвидение развития причинной связи между действиями и наступившими преступными последствиями. Следовательно, и фактическая ошибка может выражаться ошибкой: а) относящейся к признакам объективной стороны состава преступления; б) относящейся к свойствам непосредственного объекта преступного посягательства; в) в причинности, т. е. относящейся к развитию причинной связи между деянием и наступившим преступным результатом [10, с. 75–76; 12, с. 35–36; 13, с. 321–322].

А. А. Пионтковский, П. С. Дагель, Д. П. Котов и др., соглашаясь с этим утверждением, определяли, что в первом случае фактическая ошибка может быть или ошибкой, относящейся к основным признакам объективной стороны состава преступления, или ошибкой, относящейся к обстоятельствам, квалифицирующим преступление, а во втором случае фактическая ошибка может заключаться в заблуждении отсутствия объективных элементов того или иного состава преступления или в ошибочном представлении об их наличии [16, с. 336; 17, с. 210].

Из вышеприведённых позиций ученых того времени можно сделать вывод о том, что все определения ошибки сводились к двум основным подходам. Первый подход заключался в признании ошибки как неправильном представлении субъектом реальных фактических или правовых признаков или свойств совершенного общественно опасного деяния и его вредных последствий (например, В. Ф. Кириченко, А. А. Пионтковский и др.).

Второй подход формулировал ошибку как заблуждение лица относительно фактических и юридических признаков содеянного (например, В. А. Якушин) [18, с. 33, 58.].

На наш взгляд, подобная дискуссия, по сути, заключалась в искусственном создании «конкуренции» двух видов уголовно-правовых ошибок – фактической и правовой, юридической, что и влияло на справедливую квалификацию того или

иного общественно опасного деяния. Кроме того, представляемые доводы советских правоведов не учитывали того, что и при покушении на преступление объект, как правило, может не пострадать, а вопрос, собственно, и состоит в наличии в подобных обстоятельствах оснований ответственности, например, при неоконченной преступной деятельности.

Современному российскому уголовному законодательству и практике его применения знакомы положения и нормы об ошибках, возникающих в процессе соответствующей деятельности, в том числе и всеми субъектами уголовно-правовых отношений – от дознавателей и следователей до субъекта совершения преступления. Кроме того, сюда же относятся также ошибки соблюдения права при наличии определенных условий для отдельных категорий граждан, которые также могут нести тот или иной вид социальной ответственности. Все виды ошибок специалисты связывают с различными видами деятельности субъектов уголовных правоотношений и по-разному называют их. Например, юридическая ошибка, по мнению правоведов, представляет собой «не соответствующий истинным знаниям момент (применимо к конкретной ситуации). Иными словами, юридическая ошибка – это результат интеллектуальной или волевой деятельности человека, противоположный правильному, совершенный непреднамеренно, но с возможностью и способностью предвидения» [19, с. 3–7].

Рассматриваемое понятие в полной мере отражает как ошибки в правотворчестве, так и ошибки правоприменительного характера. В широком смысле слова под правотворческими ошибками учеными предлагается понимать «несоответствие правовых актов или отдельных юридических норм требованиям социальной среды» [20, с. 53]. Ошибки или заблуждения правоприменителя рассматриваются как невозможность точного определения нарушения какого-то общественного отношения, зафиксированного в уголовном законе, т. е. сопоставления юридического факта и состава преступления, сконструированного в уголовном законе.

Л. Д. Гаухман, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев, М. Б. Фаткуллина, В. А. Якушин и другие ученые определяют понятие ошибки в современном уголовном праве России как неправильное представление лица о фактических обстоятельствах, по которым оно действует, и которое могло повлиять на его умышленность или неосторожность при совершении преступления. Так, например, Л. Д. Гаухман в своих работах по уголовному праву России дает определение ошибки как неправильного понимания обстоятельств или фактов, имеющих значение для квалификации преступления, а также как неверного применения норм уголовного права к конкретному делу [21, с. 167].

По мнению Л. Д. Гаухмана, ошибки в уголовном праве могут быть следующих видов: 1) ошибки в законодательстве – это ошибки, которые совершаются при создании норм уголовного права; это может быть некорректное определение понятий, неправильное формулирование норм, несоответствие норм между собой и т. д.; 2) ошибки в применении норм – ошибки, которые совершаются при применении уголовного закона к конкретному делу; это может быть неправильное определение квалификации преступления, неправильное определение уголовной ответственности, ошибки в определении сроков давности и т. д.; 3) ошибки субъектов уголовного процесса – ошибки, которые допускают судьи, следователи, прокуроры, адвокаты и другие участники уголовного процесса (ошибки в процессуальных действиях); 4) ошибки со стороны защищаемого – ошибки, которые допускают обвиняемые или их защитники; это может быть неправильное поведение в суде, отказ от защиты, ошибки в постановлении вопросов и т. д.; 5) ошибки из-за непонимания – ошибки,

которые связаны с непониманием понятий, определений или процессуальных норм участниками уголовного процесса; это может быть связано с неразберихой в терминах, неправильным пониманием процедур и т. д.

В Сборнике очерков по актуальным проблемам теории и практики под редакцией В. В. Лунеева ошибка определяется как «неправильное понимание субъектом объекта преступления, его качества, количества, отношения к другим объектам и т. д.» [22, с. 241–244]. В этом же труде выделяются следующие виды ошибок в уголовном праве России: а) ошибка в оценке обстановки; б) ошибка в объекте; в) ошибка в личности потерпевшего; г) ошибка в правовой квалификации (лицо совершает деяние, полагая, что оно не является преступлением либо что преступление имеет более лёгкую квалификацию); д) легальная ошибка, т. е. те случаи, когда субъект преступления действует в соответствии с допустимым уголовным законом, но впоследствии выясняется, что его действия были несоответствующими закону. Сюда же в качестве ошибки включены и обстоятельства, исключающие преступность деяния, например необходимая оборона. Это случаи, когда субъект преступления совершает действия в целях защиты себя или других лиц от незаконных посягательств, но ошибочно полагает, что существует угроза для жизни либо здоровья их самих или других лиц.

В. В. Лунеев утверждает, что ошибка может быть учтена судом при вынесении приговора, если она была объективной и снижает степень вины субъекта. Однако если ошибка была вызвана небрежностью или грубым нарушением правил, это не освобождает лицо от уголовной ответственности.

В учебнике по Общей части уголовного права понятие ошибки описывается как неосознанное или неверное понимание фактических обстоятельств, правовых правил и норм поведения, что может привести к неверному оцениванию ситуации и, как следствие, к совершению преступления или незаконного деяния и выделяет ошибки следующих видов: фактическая ошибка – это неосознанное неверное понимание фактических обстоятельств, приводящее к нелегальному поведению; правовая ошибка – это неосознанное неверное понимание действующих норм права, приводящее к деянию, которое с точки зрения закона является преступным; другие виды ошибок, такие, например, как ошибки в процессе правовой оценки действия, ошибки в квалификации преступления и др. [23, с. 353–364]

В современной уголовно-правовой литературе имеются различные понятийные характеристики «ошибки» в уголовном праве, однако «их общим недостатком является то, что в этих дефинициях акцент делается на каком-то одном из аспектов, присущих ошибке» [18, с. 35; 23, с. 193]. Соответственно, представленные в различных исследованиях формулировки ошибки рассматриваются «в самом обобщенном виде» как «заблуждение» лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление.

Формулировки понятия ошибки в уголовном праве отличаются некоторыми деталями, однако основное понимание ошибки в уголовном праве остается одинаковым. Напомним, что Л. Д. Гаухман подчеркивает, что ошибка может быть как фактической, так и юридической, и что она может влиять на квалификацию деяния, обстоятельства назначения наказания и т. д. Н. Ф. Кузнецова также разделяет ошибку на фактическую и юридическую, при этом акцентирует внимание на том, что ошибка должна быть непосредственно связана с ситуацией совершения преступления.

В. В. Лунеев отмечает, что ошибка может возникать как у преступника, так и у правоохранительных органов и что она может привести к нелегальности принятых мер по делу.

М. Б. Фаткуллина определяет ошибку как неверное знание, полученное под влиянием заблуждения лица о юридических или фактических обстоятельствах совершаемого им деяния [24, с. 8–9]. Автор утверждает, что ошибка может быть инициирована как некриминальными факторами (например, некорректные доказательства), так и криминальными и что она может повлиять на ход уголовного процесса.

Отметим, что в представленном М. Б. Фаткуллиной определении сразу же бросается в глаза тавтология: «заблуждения» как «неверное знание», «по незнанию», «незнание», а в остальном понятийная конструкция рассматриваемого понятия схожа с приведенными дефинициями ошибки, сформулированными другими исследователями.

Представители иных точек зрения связывают ошибку, во-первых, с заблуждением лица, во-вторых, с фактическими и юридическими признаками, в-третьих, общественно опасным деянием или содеянным. Разница, как правило, наблюдается в «игре» слов, словосочетаний, языковых феноменах и их различиями филологического порядка, таких как: «ошибка», «заблуждение», «незнание», «неведение», «обман», «искажение», «аберрация» и т. п.).

На наш взгляд, одним из упущений в теории вопроса можно считать то, что многие авторы не связывают юридическую ошибку, допущенную человеком, с его общей и правовой культурой, правосознанием, правопониманием, менталитетом, правовым нигилизмом и правоотношениями, являющимися компонентами правовой действительности. В этой связи А. Ю. Прохоров справедливо замечает, что «ущербность правосознания, дефекты правовой культуры выступают основой формирования как криминальной активности лица, так и ошибок, с ней связанных. Юридическая ошибка видится как порождение, главным образом, названных факторов. Незнание закона свидетельствует о заниженном уровне правосознания и правовой культуры, нередко о приверженности лица правовому нигилизму. Само собой разумеется, что и фактическая ошибка сопряжена с названными явлениями, коль скоро возникает в рамках преступной деятельности» [25, с. 114–115].

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что, во-первых, ошибку в уголовном праве необходимо именовать не иначе как «субъективная ошибка», тем самым утвердить положение теории уголовного права и закрепить суть действующего уголовного закона о субъективном вменении; во-вторых, представленные доктринальные подходы к определению в уголовном праве понятия ошибки, на наш взгляд, базируются на смешении основных признаков понятий (и понимания) преступления и состава преступления, где вина играет главную роль и как основания уголовной ответственности, и как определяющий момент той или иной ошибки, а поэтому при таких подходах к понятию ошибки она показывает лишь итог, констатирует результат – влияет или не влияет та или иная ошибка на общественную опасность и противоправность, но не показывает механизм этого влияния. Мы полагаем, что механизм этого влияния зависит от того, в отношении какого из признаков, влияющих на основание уголовной ответственности, имелось заблуждение.

Ошибка в современном уголовном праве России – это ситуация, когда лицо, совершившее деяние, не имело намере-

ния, знания или возможности осознать недопустимость своих действий. Также ошибка может быть связана с неправильным истолкованием фактических обстоятельств совершения деяния или неправильным применением закона. В зависимости от характера ошибки она может приводить к снижению степени вины или отсутствию ее вообще, что, в свою очередь, может иметь влияние на назначение наказания.

Выводы

Таким образом, изучив институт ошибки в уголовном праве России, можно сделать следующие выводы:

1. Институт ошибки в уголовном праве дореволюционной России был достаточно слаб и находился в стадии развития. Он был нужен для правильного определения вины человека в совершении преступления.

2. Основными проблемами института ошибки были отсутствие четкой и однозначной формулировки понятий ошибки и непреднамеренности, различные толкования судей и отсутствие единой методики исследования данного института.

3. Существовали затруднения в определении, является ли действие лица ошибочным или нет и кто может быть признан виновным в совершении преступления, если была допущена ошибка.

4. Вопросы института ошибки требовали дополнительного рассмотрения и уточнения, но их понимание и регулирование стали более точными и совершенными в советское и настоящее время, т. к. в последующие десятилетия были приняты значительные меры для уточнения его применения и совершенствования института уголовно-правовой ошибки.

В целом генезис ошибки в уголовном праве России связан с недостатками в сборе и анализе доказательств, в правовой осведомленности и профессиональной квалификации со стороны правоохранительных органов и судов, политическими интересами и влияниями, недостатками законодательства и даже коррупцией в правоохранительной сфере.

Список источников

1. Геллеръ И. З. Ошибка человека и ее значение, при вменении деяния этого лица ему в вину. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910. 144 с.

2. Сергиевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. [Вып. 1-2]. Вопрос о причинной связи в литературе уголовного права. Ярославль: Типо-лит. Г. Фальк, 1880. 179 с.

3. Пусторослев П. П. Русское уголовное право: Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1907. 546 с.

4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 798 с.

5. Белогриць-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев; Петербург; Харьков: Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.

6. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд., печ. без перемен со 2-го. Киев: Ф. А. Иогансон, 1891. 413 с.

7. Кони А. Ф. Об ошибке в области уголовного права // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1866. № 6. С. 419–444.

8. Горячев И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2010. 210 с.

9. Волженкин Б. В. Российская наука уголовного права и её развитие // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 969 с.

10. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Части общая и особенная. 2-е изд., испр. и доп. Одесса: Одесполиграф, 1926. 368 с.

11. Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть общая. М.: Изд-во МГУ, 1929. 511 с.

12. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву / отв. ред. Б. С. Маньковский. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 94 с.

13. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.

14. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 318 с.

15. Уголовное право. Общая часть / А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев [и др.]. 2-е изд., перераб. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 408 с.

16. Курс советского уголовного права. Часть общая: в 6 т. Т. 2 / ред. коллегия: заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А. А. Пионтковский [и др.]; АН СССР, Ин-т государства и права. М., 1970. 432 с.

17. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление / науч. ред. Г. Ф. Горский. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974, 243 с.

18. Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 126 с.

19. Казгериева Э. В. Общенаучная постановка проблемы ошибок и необходимость теоретического обоснования в правоведении // Юридическое образование и наука. 2006. № 3. С. 3–7.

20. Захарова М. В. Экзегетический и социологические методы толкования как способы выявления и преодоления правотворческих ошибок: французский опыт решения проблемы // Юридический мир. 2009. № 7. С. 53.

21. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр Юринфор, 2003. 446 с.

22. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. М.: Юрайт, 2010. 779 с.

23. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова и И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 560 с.

24. Фаткуллина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.

25. Прохоров А. Ю. Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 222 с.

References

1. Geller" I. Z. Oshibka cheloveka i ee znachenie, pri vmenenii deyaniya etogo lica emu v vinu [A person's mistake and its significance, when imputing the act of this person to him]. Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1910. 144 p.

2. Sergievskij N. D. O znachenii prichinnoj svyazi v ugolovnom prave. [Vyp. 1-2]. Vopros o prichinnoj svyazi v literature ugolovnogo prava [On the meaning of causation in criminal law. [Issue 1-2]. The question of causality in the literature of criminal law]. Yaroslavl', Tipo-lit. G. Fal'k, 1880. 179 p.

3. Pustoroslev P. P. Russkoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Russian Criminal Law. General part]. Is. 1. Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1907. 546 p.

4. Tagancev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya [Russian criminal law. The general part]. Tula, Avtograf Publ., 2001, vol. 1. 798 p.

5. Belogric"-Kotlyarevskij L. S. Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti [Textbook of Russian criminal law. General and special parts]. Kiev, Petersburg, Har'kov, Yuzhno-Russkoe kn-vo F. A. Iogansona, 1903. 618 p.

6. Kistyakovskij A. F. Elementarnyj uchebnik obshchego ugolovnogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnogo zakonodatel'stva [Elementary textbook of general criminal law with a detailed description of the principles of Russian criminal law]. Chast' obshchaya. 3th ed. Kiev, F. A. Ioganson Publ., 1891. 413 p.

7. Koni A. F. Ob oshibke v oblasti ugolovnogo prava [About a mistake in the field of criminal law]. *Zhurnal Ministerstva yusticii = Journal of the Ministry of Justice*. St. Petersburg, 1866, no. 6, pp. 419–444.

8. Goryachev I. N. Prezumpciya znaniya zakona i princip nesushchestvennosti yuridicheskoj oshibki v ugolovnom prave Rossii. Diss. kand. yurid. nauk [Presumption of knowledge of the Law and the Principle of immateriality of a Legal Error in Russian Criminal Law. Cand. legal sci. diss.]. Yaroslavl', 2010. 210 p.

9. Volzhenkin B. V. Rossijskaya nauka ugolovnogo prava i eyo razvitie [The Russian science of criminal law and its development]. Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.) [Selected works on criminal law and criminology (1963-2007)]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2008. 969 p.

10. Nemirovskij E. YA. Sovetskoe ugolovnoe pravo. Chasti obshchaya i osobennaya [Soviet criminal law. Parts general and special]. 2th ed. Odessa, Odespoligraf Publ., 1926. 368 p.

11. Trajnin A. N. Ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya [Criminal law. The general part]. Moscow, MGU Publ., 1929. 511 p.

12. Kirichenko V. F. Znachenie oshibki po sovetskomu ugolovnomu pravu [The meaning of an error in Soviet criminal law]; ed. by B. S. Man'kovskij. Moscow, AN SSSR Publ., 1952. 94 p.

13. Trajnin A. N. Sostav prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu [The composition of a crime under Soviet criminal law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1951. 388 p.

14. Utevskij B. S. Vina v sovetskom ugolovnom prave [Guilt in Soviet criminal law]. Moscow, Gos. Izd-vo yurid. lit., 1950. 318 p.

15. Gercenzon A. A., Durmanov N. D., Isaev M. M., eds. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. The general part]. 2th ed. Moscow, Yurid. izd-vo NKYU SSSR, 1938. 408 p.

16. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast' obshchaya [The course of Soviet criminal law. The general part]; ed. by A. A. Piontkovskij, eds. Moscow, AN SSSR, In-t gosudarstva i prava, 1970, vol. 2. 432 p.

17. Dagel' P. S., Kotov D. P. Sub"ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie [The subjective side of the crime and its establishment]; ed. by G. F. Gorskij. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1974. 243 p.

18. Yakushin V. A. Oshibka i ee ugolovno-pravovoe znachenie [Error and its criminal legal significance]. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1988. 126 p.

19. Kazgerieva E. V. Obshchenauchnaya postanovka problemy oshibok i neobhodimost' teoreticheskogo obosnovaniya v pravovedenii [General scientific statement of the problem of errors and the need for theoretical justification in jurisprudence]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal education and Science*, 2006, no. 3, pp. 3–7.

20. Zaharova M. V. Ekzegeticheskij i sociologicheskie metody tolkovaniya kak sposoby vyyavleniya i preodoleniya pravotvorcheskih oshibok: francuzskij opyt resheniya problemy [Exegetic and sociological methods of interpretation as ways to identify and overcome law-making errors: the French experience of solving the problem]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2009, no. 7, pp. 53.

21. Gauhman L. D. Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika [Qualification of crimes: law, theory, practice]. Moscow, Centr Yurinfor Publ., 2003. 446 p.

22. Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Sbornik ocherkov [Criminal law. Actual problems of theory and practice. Collection of essays]; ed. by V. V. Luneev. Moscow, Yurajt Publ., 2010. 779 p.

23. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' [Criminal law of Russia. The general part]; ed. by F. R. Sundurov, I. A. Tarhanov. 2th ed. Moscow, Statut Publ., 2016. 560 p.

24. Fatkullina M. B. Yuridicheskie i fakticheskie oshibki v ugolovnom prave: problemy kvalifikacii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Legal and factual errors in criminal law: problems of qualification. Cand. legal sci. abstract diss.]. Ekaterinburg, 2001. 24 p.

25. Prohorov A. Yu. Institut oshibki v romano-germanskom ugolovnom prave: komparativistskij i teoretiko-prikladnoj aspekty. Diss. kand. yurid. nauk [Institute of Error in Romano-Germanic Criminal Law: comparative and theoretical-applied aspects. Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2014. 222 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valery.novichkovn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Valery E. Novichkov, Dr. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valery.novichkovn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-118-130

CC BY 4.0

Противодействие легализации (отмыванию) незаконных доходов в КНР: уголовно-правовой аспект

И. В. Никитенко[1] ✉, Е. А. Исаченко[1]

[1]Дальневосточный юридический институт МВД России
пер. Казарменный, д. 15, г. Хабаровск 680020, Российская Федерация

✉ e-mail: dfvnii@mail.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена сложностями правовой квалификации, а соответственно, выявления и раскрытия преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Кроме того, известно, что такие преступления нередко носят транснациональный и (или) трансграничный характер. В условиях глобализации, информатизации и интернационализации многих сфер и процессов общественной жизни видится необходимость выхода за пределы междисциплинарных и внутринациональных исследований по теме уголовно-правового противодействия легализации преступных доходов.*

Целью *исследования является выяснение особенностей уголовного законодательства КНР в области противодействия легализации (отмыванию) незаконных доходов и возможностей использования положительного опыта сопредельного государства в отечественном уголовном праве и правоприменительной деятельности.*

Задачи: *исследовать уголовное законодательство КНР в части противодействия легализации (отмыванию) незаконных доходов и сопоставить полученные сведения с отечественными законодательными и доктринальными источниками; сформулировать и обосновать предложения по совершенствованию теории и практики противодействия легализации преступных доходов в России.*

Методология *исследования основывается на диалектических методах познания сложных социально-правовых явлений. Среди общенаучных способов познания использовались индукция и дедукция. Частнонаучные методики исследования представлены: структурно-функциональным и сравнительно-правовым способами.*

Результаты. *Статья содержит результаты компаративного исследования статьи 191 Уголовного кодекса КНР, проведенного по критериям сравнения вносимых поправок в Уголовный кодекс КНР, и сравнения на уровне подходов уголовно-правового противодействия отмыванию преступных доходов, сложившихся в России и Китае. В ходе исследования установлен последовательный и эволюционный характер подхода китайского законодателя к совершенствованию нормы об ответственности за легализацию преступных доходов, оперативно учитывающем общественные и технологические изменения окружающей действительности.*

Выводы. *Результаты исследования могут иметь как теоретическое, так и прикладное значение для отечественного уголовного права и криминологии при разработке и совершенствовании механизмов противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, а также в законотворческой деятельности.*

Ключевые слова: *отмывание преступных доходов; уголовно-правовые меры; Китай; Россия; сравнительное правоведение.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Никитенко И. В., Исаченко Е. А. Противодействие легализации (отмыванию) незаконных доходов в КНР: уголовно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 118–130. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-118-130.

Поступила в редакцию 29.04.2023 Принята к публикации 25.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Никитенко И. В., Исаченко Е. А., 2023

Combating Legalization (Laundering) of Illegal Proceeds in the PRC: Criminal and Legal Aspect

Ilya V. Nikitenko[1] ✉, Ekaterina A. Isachenko[1]

[1]Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
15 per. Kazarmennyj, Khabarovsk 680020, Russian Federation

✉ e-mail: dfvnii@mail.ru

Abstract

The relevance *of the study is due to the theoretical and real complexity of the actions that make up the "legalization (laundering) of proceeds from crime." Globalization, informatization and internationalization of public relations implies the need to go beyond interdisciplinary and domestic research on the topic of criminal law counteraction to the legalization of proceeds from crime.*

The purpose *of the study is to identify areas for improving the provisions of domestic criminal law science, criminology and law enforcement in the field of combating money laundering based on studying the similar experience of a neighboring state - China.*

Objectives: *to identify legal sources of criminal law counteraction to money laundering in the PRC; establish the content of the signs of the considered corpus delicti; compare the data obtained with domestic legislative and doctrinal sources; propose measures to improve the theory and practice of combating money laundering in Russia.*

Methodology. *Dialectical, structural-functional, comparative-legal methods of scientific knowledge, methods of analysis, synthesis, induction and deduction.*

Results. *The article reflects the results of a comparative analysis of article 191 of the PRC Criminal Code, carried out according to two criteria - a comparison of amendments to the PRC Criminal Code, a comparison of criminal law approaches to combating money laundering developed in Russia and China. The conclusion is made about an evolutionary approach to improving the mechanisms for regulating money laundering in China.*

Conclusions. *The results obtained may be of applied importance for domestic criminal and criminological science and law enforcement practice.*

Keywords: *money laundering; criminal law measures; China; Russia; comparative law.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nikitenko I. V., Isachenko E. A. Combating Legalization (Laundering) of Illegal Proceeds in the PRC: Criminal and Legal Aspect. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 118–130. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-118-130

Received 29.04.2023 Accepted 25.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Одной из серьезных криминальных угроз национальной, международной безопасности и стабильности функционирования экономических систем общества является преступная деятельность, связанная с легализацией или отмыванием доходов, полученных преступным путём. Характерными особенностями указанного вида преступной деятельности является, во-первых, ее двухуровневая структура – обязательное наличие предикатного преступления для возникновения основного состава, во-вторых, ее глобальный характер, который не имеет государственных границ.

Изучение опыта противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, в КНР представляет научный и практический интерес по нескольким взаимосвязанным причинам.

Во-первых, большинство регионов Дальнего Востока России и Северо-

востока Китая являются сопредельными приграничными территориями. Вторая причина обусловлена разными обстоятельствами подобного географического соседства, которые связаны с особенностями межгосударственного взаимодействия в экономических, культурных, образовательных и других областях. Однако возможности позитивного сотрудничества между сопредельными государствами могут осложняться таким негативным явлением, как трансграничная преступность, которая заключается в преступной деятельности граждан соседствующих государств на приграничных территориях. Очевидно и то, что одно из наиболее опасных проявлений трансграничной преступности выражается в организованных формах этого явления.

В отечественной юридической науке вопросы противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов освещены в работах Т. Я. Хабриевой [1], Ю. В. Трунцевского, А. К. Сухаренко [2], И. Б. Лагутина, М. Н. Урда, Ю. В. Арбатской, Т. В. Васильевой, [3], П. Н. Кобеца [4], Г. А. Русанова [5]. Опыт Китайской Народной Республики по регулированию трансграничных валютных операций, изучению уголовно-правовых и организационных аспектов противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, является предметом исследования в трудах С. П. Савинского, П. В. Трощинского и А. Е. Молотникова [6], Д. Б. Юсуфовой [7], Сюй К. [8] и других авторов [9; 10]. Необходимость проведения современных исследований в сфере уголовно-правовой борьбы с отмыванием денежных средств существует и в научном сообществе Китая [11–15]. Такая необходимость вызвана принятием Поправок № 11 к Уголовному кодексу КНР в 2020 г.

Методология

Проблематика и актуальность предмета исследования сформулированы в результате применения диалектического метода научного познания при изучении связанных и непосредственно образующих легализацию преступных доходов явлений и процессов.

Метод анализа позволил определить временные границы исследования, группы источников: нормативно-правовая база Российской Федерации и КНР, рецензируемые отечественные и китайские издания, а также их содержание. Структурно-функциональный метод применялся при изучении содержания состава преступления, являющегося предметом настоящего исследования, и репрезентации промежуточных результатов в таблице. Сравнительно-правовой метод применялся в двух плоскостях, а именно сравнение норм уголовного законодательства КНР по временному критерию, выполненное посредством перевода источников с китайского языка на русский язык, и сравнение норм уголовного законодательства Российской Федерации и КНР между собой.

Определение результатов исследования и формулирования выводов стало возможным в результате применения методов синтеза, дедукции и индукции.

Результаты и их обсуждение

Уже в 2000-х гг. в зарубежных исследованиях подчеркивалась важность противодействия отмыванию денежных средств и отмечалось, что такая деятельность будет способствовать обеспечению охраны финансово-экономического порядка государства и гарантировать финансово-экономическую безопасность, а это, в свою очередь будет способствовать выходу банковских организаций на международный рынок, создаст возможность их равного участия в международном финансовом сотрудничестве и конкуренции, что в конечном итоге повысит степень доверия к ним [16, с. 98].

Китайские исследователи отмечают, что легализация преступных доходов главным образом выражается в обращении финансовых средств. В связи с непрерывным углублением торгово-экономического сотрудничества между госу-

дарствами барьеры для передвижения финансовых средств постепенно уменьшаются, осуществлять транснациональное отмывание денежных средств становится все проще. Легализация преступных доходов постепенно приобретает «признак интернационализации». Лица, занимающиеся отмыванием преступных доходов, не просто с каждым днем совершенствуются в своей «специализации», очень часто они осуществляют эту деятельность на территории разных государств, вплоть до создания групп по отмыванию денежных средств международного характера. Пользуясь ограничениями и условиями юрисдикции других государств, они таким образом достигают цели по уклонению от уголовного преследования [17, с. 56].

Установлено, что под легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, следует понимать придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления[1].

Отмывание денежных средств является последним этапом контрабанды, незаконного оборота наркотиков, коррупции, организованной преступной деятельности и других экономических и общеуголовных преступлений. Таким образом, отмывание денежных средств осуществляется во взаимосвязи со многими другими преступлениями.

Очевидная и понятная цель легализации преступных доходов заключается в действиях по обращению незаконно полученных доходов в законно полученные. Ю. Сунь отмечает: «Этот способ часто используют наркопреступники, коррупционеры, контрабандисты – они фальсифицируют доходы, используя сведения о “безымянных” посетителях и клиентах ресторанов, туристических фирм, игорных домов, автомоек и других коммерческих организаций подобного вида. Еще одна цель заключается в преобразовании “чистых денег в преступные”, то есть использование доходов, имеющих обычный источник происхождения, для финансирования терроризма. Несмотря на меньший объем таких преступных денежных средств, их общественная опасность очень высока. Это создает серьезную угрозу стабильности и безопасности государства, имущественной безопасности граждан» [18, с. 46].

Ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем в современном Китае денег, установлена ст. 191 Уголовного кодекса, в названии которой используется сочетание «Отмывание денежных средств». Впервые уголовная ответственность за отмывание денежных средств введена в Уголовный кодекс КНР сразу с его принятием – 14 марта 1997 г., далее статья была изменена в связи с событиями 11 сентября 2001 г. в рамках Поправок № 3 к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики, принятых 29 декабря 2001 г. Спустя пять лет в ст. 191 УК КНР были внесены изменения в рамках Поправок № 6 к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики, принятых 29 июня 2006 г. На этом реформирование механизма уголовно-правовой охраны государства и его финансовой системы, общества, человека и гражданина в КНР не остановилось. В рамках Поправок № 20 к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики, принятых 26 декабря 2020 г. рассматриваемый состав преступления также претерпел изменения. Эволюция перечисленных изменений отражена в таблице (Категория «предикатное преступление» не используется в тексте УК КНР, однако вводится в повествование авторами настоящего исследования по результатам проведенного анализа).

[1] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ: [ред. от 28.04.2023] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 28.04.2023).

Таблица. Признаки объективного состава преступления, установленного статьёй 191 УК КНР

Table. Signs of the objective corpus delicti of the crime established by Article 191 of the Criminal Code of the People's Republic of China

Сведения о законодательных актах Information about legislation	Виды предикатного преступления Types of predicate offense	Способы легализации преступных доходов Ways of laundering the proceeds of crime
УК КНР в ред. закона, принятого 14 марта 1997 г. [19] The Criminal Code of the People's Republic of China, as amended by a law passed on March 14, 1997	1. Преступление, связанное с наркотиками. 2. Преступление, совершенное организованной преступной группой. 3. Контрабанда	1. Предоставление финансового счета. 2. Содействие в преобразовании имущества в наличные денежные средства или финансовые векселя. 3. Содействие в перемещении денежных средств путем перевода денежных средств или других способов расчета. 4. Содействие в переводе денежных средств за границу. 5. Маскировка, сокрытие источников происхождения и характера незаконно полученных доходов и их производных иными способами
УК КНР в ред. Поправок № 3 от 29.12.2001 г. [20, с. 97] PRC Criminal Procedure Code, ed. Amendment No. 3 of 29.12.2001	4. Террористическое преступление	–
УК КНР в ред. Поправок № 6 от 29.06.2006 г. [20, с. 96–97] PRC Criminal Procedure Code, ed. Amendment No. 6 of 29.06.2006	5. Преступление, связанное с коррупцией и взяточничеством. 6. Преступление против порядка управления в сфере финансов. 7. Преступление, связанное с финансовым мошенничеством	В способ 2 добавлен вариант преобразования имущества в ценные бумаги. В способе 5 категория «незаконно полученные доходы» изменена на категорию «преступные доходы»
УК КНР в ред. Поправок № 11 от 29.12.2020 г. [1] PRC Criminal Procedure Code, ed. Amendment No. 11 of 29.12.2020	–	В способах 2, 3 исключена категория «содействие». В способ 3 добавлена категория «средств платежа», которая относится к путям перемещения денежных средств. Способ 4 подвергся полному изменению и представлен в форме «трансграничное перемещение имущества»

[1] Поправки № 11 к УК КНР : [приняты на 24-м заседании Постоянного комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей тринадцатого созыва 26 декабря 202 года] // Управление по контролю и регулированию рынка провинции Хунань. URL: http://amr.hunan.gov.cn/ztx/spaqx/ssawx/sawzyfwx/202012/t20201229_14092834.html (дата обращения: 04.04.2023).

Сравнительный анализ признаков составов преступлений, установленных за отмывание денег в ст. 191 УК КНР в 1997 г., 2001, 2006 и 2020 гг. позволяет определить следующие особенности.

На протяжении существования уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за отмывание денежных средств, постепенно увеличивалось количество признаков объективной стороны, а именно тех, которые выражаются в увеличении видов преступлений, могущих быть предикатными для отмывания денег – преступления, связанные с наркотиками, преступления, совершенные организованными преступными группами, террористические преступления, контрабанда, преступления, связанные с коррупцией и взяточничеством, преступления против порядка управления в сфере финансов, преступления, связанные с финансовым мошенничеством.

Данная особенность позволяет не только сделать вывод о том, что китайский законодатель старается учитывать изменения окружающей действительности и своевременно принимать все возможные меры по противодействию общественно опасным проявлениям человеческой деятельности и преступным результатам такой деятельности, но и обратить внимание на то, что, хотя и формально, конструкция предикатного преступления не закреплена в рассматриваемой норме, ее содержательная сущность и неделимая связь с конструкцией состава «отмывание денежных средств» находит прямое закрепление в нормах Уголовного кодекса КНР.

Несмотря на отсутствие категории «предикатное преступление» в отечественной уголовно-правовой практике, ученые и эксперты прямо указывают на подобную взаимосвязь легализации преступных доходов с другими преступлениями, к числу которых относятся и вышеперечисленные китайским законодателем составы преступлений. Так, освещая вопросы противодействия крупным коррупционным проявлениям, П. Н. Кобец указывает, что коррупционные действия, совершаемые должностными лицами, часто имеют сложные механизмы для сокрытия материальных средств, полученных преступным путем, а также дальнейшей легализации незаконных средств [21, с. 408].

Вместе с тем предикатному преступлению как самостоятельному криминогенному явлению, применительно к ст. 174 и 174[1] УК РФ, не уделяется должного внимания ни в отечественной уголовно-правовой доктрине, ни в правоприменительной практике. Представляется, что эффектное противодействие легализации денежных средств, полученных преступным путем, возможно только при наличии и реализации механизмов противодействия тем самым предикатным преступлениям. Возможно, в большей степени это касается механизмов выявления преступлений, которые позволят отслеживать движение денежных средств или прогнозировать маршруты такого движения и устанавливать основной элемент отмывания – действия, направленные на придание правомерного вида источнику происхождения и характеру преступных денежных средств.

Следующая особенность заключается в том, что китайский законодатель перечисляет конкретные действия, образующие состав легализации, причем действия сформулированы достаточно четко. Однако в силу проведения настоящего исследования в уголовно-правовом аспекте не станем отдельно останавливаться на содержании каждого закреплённого законодателем способа. Обратим внимание на отдельные особо актуальные аспекты.

Указание на осуществление перемещения денежных средств «с помощью иных средств платежа и расчета» свидетельствует о достаточной степени адаптивности китайского законодателя к современным реалиям. Например, одной из современных научно-технических разработок, внедренных в экономическую си-

стему государства, является цифровой юань. В исследованиях отмечается, что с непрерывным преобразованием Центральным банком Китая цифрового юаня его охват и каналы применения также увеличиваются день ото дня. Цифровой юань может выступать средством платежа и расчета для оплаты долгов или проведения транзакций.

Цифровой юань поддерживает контролируемую анонимность и может централизовать всю информацию о пользователях и данные о транзакциях в фоновом режиме, что помогает быстро выявлять и отслеживать незаконную и преступную деятельность, такую как отмывание денег и финансирование терроризма, что оказывает важное влияние на существующие усилия по борьбе с отмыванием денег. Это также выдвигает новые требования к работе по борьбе с отмыванием денег, такие как идентификация личности клиентов, представление крупных и подозрительных транзакций и сохранение записей транзакций [22]. Таким образом, законодательное допущение вариативности способов перемещения денежных средств, полученных преступным путем, в диспозиции ст. 191 УК КНР, не только позволяет охватить как можно больше вариантов преступных действий, которые практически необходимо выявлять, расследовать и предупреждать, а терминологически рассматривать в качестве криминогенных явлений, но и обеспечивает правоприменителя возможностью использовать в своей деятельности те механизмы, средства и методы, которые соответствуют реалиям и этапу развития общества, правовой, экономической систем, и технологий.

Далее остановимся на изменении, связанном с международным или транснациональным характером преступной деятельности по легализации денежных средств. В 2020 г. изменения в этой части выразились в том, что теперь ответственность за отмывание денежных средств образует трансграничное перемещение имущества, а не только содействие в переводе денежных средств за границу. Более конкретно это значит, что отмывание денежных средств образует и перемещение имущества из КНР за границу, и перемещение имущества в КНР, кроме того, это охватывает и область действия теневого банкинга [23]. Здесь же обратим внимание на то, что предметом перемещения теперь являются не только денежные средства, но и любое другое преступное имущество.

Изменения затронули и такой элемент состава преступления, как субъект. Последние изменения ст. 191 УК КНР определили субъектом отмывания денег не третьих лиц, которые, как видно из диспозиции нормы, существовавшей в редакциях до 2020 г., предоставляли финансовый счет или оказывали содействие иными способами, но и непосредственного преступника, совершившего предикатное преступление. Таким образом, субъектом отмывания денежных средств могут быть как третьи лица, так и лицо, получившее доход и производные от него в результате совершения им преступления. Проводя параллель с отечественным законодательством, отметим, что способ установления уголовной ответственности за отмывание денег по УК КНР, охватывающий всех возможных субъектов совершения этого деяния, представляется достаточно емким. Г. А. Русланов отмечает: «На данный момент в наличии двух самостоятельных видов легализации преступных доходов, согласно российскому уголовному законодательству, нет никакой необходимости. Как и в разделении видов легализации в зависимости от того, легализуется ли имущество, добытое самим лицом в результате совершения преступления или другими лицами. Данные деяния представляют равную степень общественной опасности, а после изменений, связанных с устранением различий в законодательном описании объективной стороны каждого из составов, вполне могут быть объединены в единый

состав преступления, предусмотренный ст. 174 УК РФ» [24, с. 73–74]. Позиция Г. А. Русанова представляется правильной.

В заключение отметим еще одну особенность, которая затрагивает объективную сторону отмывания денежных средств, закрепленную в ст. 191 УК КНР. Китайский законодатель определяет две категории имущества, являющегося предметом отмывания: 1) доходы, полученные в результате совершения преступления; 2) производные от доходов, полученных в результате совершения преступления. Представляется, что к первой категории, т. е. непосредственно к доходам, полученным в результате совершения преступления, следует относить денежные средства и любое имущество. Не менее интересной представляется вторая категория предмета отмывания. Так, говоря о разграничении доходов, полученных в результате совершения преступления и производных от доходов, полученных в результате совершения преступления, Хэ П. и Ин Х. обращаются к Разъяснению Верховного народного суда КНР от 11 мая 2015 г. «О некоторых вопросах, возникающих в ходе судебного разбирательства по уголовным делам о маскировке, сокрытии преступных доходов и выгод от преступных доходов», а именно к статье 10 УК КНР.

Целесообразно отметить, что нормативное положение анализируемой нормы весьма конкретно определяет суть преступных доходов, а именно: «незаконно присвоенные деньги, а также похищенное имущество, полученные непосредственно в результате совершения преступления, для целей ст. 312 УК КНР надлежит считать «преступными доходами», а «доходы, плату за аренду и другое имущество, полученное в результате распоряжения преступными доходами субъектом *предикатного* преступления, для целей ст. 312 УК КНР надлежит считать производными от доходов, полученных в результате совершения преступления». Несмотря на то, что указанные разъяснения касаются ст. 312 УК КНР, она соотносится со ст. 191 УК КНР как общее и частное, и в соответствии с системным способом толкования статья «доходы, полученные в результате совершения преступления» и «производные от доходов, полученных в результате совершения преступления» в ст. 191 УК КНР надлежит толковать так же, как и в ст. 312 УК КНР [23].

Выводы

Подводя итог проведенного сравнительно-правового исследования, перечислим аспекты уголовно-правового противодействия отмыванию денежных средств, полученных преступным путем, отсутствующие в отечественной системе уголовно-правового противодействия данному виду преступлений:

1. Законодательно перечислен круг предикатных по отношению к отмыванию (легализации) криминальных доходов преступлений, к которым относятся преступления, связанные с наркотиками, преступления, совершенные организованной преступной группой, террористические преступления, контрабанда, преступления, связанные с коррупцией и взяточничеством, преступления против порядка управления в сфере финансов и преступления, связанные с финансовым мошенничеством.

2. Законодательно перечислены действия, которые образуют состав отмывания денежных средств, в число которых отдельно входит и трансграничное перемещение имущества.

3. Ответственность за преступление, образующее состав отмывания денежных средств, совершенное как лицом, совершившим предикатное преступление, так и иными лицами, совершающими легализацию доходов, полученных в результате преступной деятельности иных лиц, устанавливается одной уголовно-правовой нормой.

4. Законодательно разграничиваются две категории преступных доходов: до-

ходы, полученные в результате совершения преступления; производные от доходов, полученных в результате совершения преступления.

Представляется правильным рассматривать перечисленные особенности в качестве направлений развития и совершенствования отечественного уголовно-правового механизма противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Обратим внимание, что в сложившемся в КНР уголовно-правовом подходе противодействия отмыванию денежных средств, полученных преступным путем, прямо учитываются возможные угрозы таких преступлений: например, связь с финансированием терроризма, коррупцией и организованной преступностью, трансграничный характер преступной деятельности.

Список литературы

1. Хабриева Т. Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 459−467. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4).459-467.

2. Трунцевский Ю. В. Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях: состояние и перспективы // Международное публичное и частное право. 2019. № 1. С. 41−45.

3. Ответственность в сфере денежных отношений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / И. Б. Лагутин, М. Н. Урда, Ю. В. Арбатская, Н. В. Васильева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 313−323. https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(2).313-323.

4. Кобец П. Н. Факторы специального характера, детерминирующие преступления в виде легализации (отмывания) криминальных доходов // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий : сборник научных статей по итогам IV Международной научно-практической конференции. М.: ООО "КОНВЕРТ", 2021. С. 87−88.

5. Русанов Г. А. Пути модернизации уголовного законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в России // Российский юридический журнал. 2019. № 1(124). С. 65−68.

6. Трощинский П. В. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае / П. В. Трощинский, А. Е. Молотников // Правоведение. 2019. Т. 63, № 2. С. 309−326. https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207. EDN YDOOHH

7. Юсуфова Д. Б. Уголовная ответственность за совершение преступлений в сфере легализации денежных средств и имущества, добытых преступным путем, в Китайской Народной Республике: сравнительно-правовое исследование // Евразийская адвокатура. 2017. № 3(28). С. 90−94.

8. Сюй Кай. Китайско-российское сотрудничество в противодействии отмыванию денег: необходимость и перспектива // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4. С. 204−209.

9. Кривов А. В. Зарубежный опыт противодействия легализации криминальных активов // Российское правосудие. 2022. № 6. С. 78−82. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2022.6.78-82.

10. Иванов А. В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов по законодательству некоторых зарубежных стран // Заметки ученого. 2022. № 1-1. С. 388–393.

11. 吴立志, 张慧君. 洗钱罪适用研究——以《刑法修正案(十一)》的实施为背景. 西南石油大学学报:社会科学版. 2021年23卷5期. 第93-99页. [У Личжи, Чжан Хуэйцзюнь. Исследование применения статьи, предусматривающей уголовную ответственность за отмывание преступных доходов в условиях Поправок № 11 к УК КНР] // Ученые записки Юго-западного нефтяного университета : издание общественных наук. 2021. Т. 5, № 1. С. 93–99]. https://doi.org/10.11885/j.issn.1674-5094.2021.04.24.02.

12. 李姣, 蔡宁伟. 洗钱罪认定与上游犯罪领域拓展研究. 金融监管研究. 2021年2期. 第103-114页. [Ли Цзяо, Цхай Нинвэй. Исследование вопросов определения легализации доходов, полученных преступным путем и расширения круга предикатных преступлений // Исследования в области финансового контроля. 2021. № 2. С. 103-114].

13. 赵庆德. 积极推动落实“自洗钱”定罪 提升打击惩治洗钱犯罪工作质效. 黑龙江金融. 2021年2期. 第10-11页. [Чжао Циндэ. Повышение эффективности работы по борьбе с отмыванием преступных доходов посредством использования признака состава преступления «самостоятельное» отмывание преступных доходов» // Финансы провинции Хэлунцзян. 2021. № 2. С. 10–11].

14. 卫磊. 《刑法修正案(十一)》对洗钱犯罪刑法规制的新发展. 青少年犯罪问题. 2021年2期. 第67-76页. [Вэй Лэй. Развитие уголовного законодательства об ответственности за отмывание денежных средств в связи с принятием Поправок № 11 к УК КНР // Вопросы преступности несовершеннолетних. 2021. № 2. С. 67–76].

15. 张斌. 洗钱罪主观要素司法证明的形塑—基于《刑法修正案(十一)》的分析. 江汉论坛. 2022年 2 期. 第139-144页. [Чжан Бин. Доказывание элементов субъективной стороны легализации преступных доходов (на основе анализа Поправок № 11 к УК КНР) // Трибуна Цзянханя. 2022. № 2. С. 139–144].

16. 汪毓瑋. 中共反洗錢作為與相關法令之探討 //展望與探索月刊. 2003 年 1卷 5期. 第94-99页. [Ван Юйвэй. О действиях КПК по противодействию отмыванию денег и соответствующих законах // Перспективы и исследования. 2003. Т. 1, № 5. С. 94–99].

17. 孙静松, 冯伟, 陈宛林. 洗钱罪扩大适用的司法标准与根据——以《刑法修正案(十一)》删除"明知"要素为中心. 广西政法管理干部学院学报. 2021年36卷3期. 第55-62页. [Сунь Цзинсун, Фэн Вэй, Чэн Ваньлинь. Юридические стандарты и основа расширенного применения состава преступления «легализация преступных доходов», основанного на исключении признака «заведомости» // Вестник Института подготовки политических и юридических кадров провинции Гуанси. 2021. Т. 36, № 3. С. 55–62].

18. 孙园青. 洗钱的形式、特征及监管建议 . 甘肃金融. 2019年9期. 第46-48页. [Сунь Юаньцин. Формы, особенности отмывания денежных средств и предложения по контролю и регулированию этой деятельности // Финансы провинции Ганьсу. 2019. № 9. С. 46–48].

19. 福建法律咨询网:中华人民共和国刑法(1997年) [Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // Сеть юридических консультаций провинции Фуцзянь (1997 год)]. URL: http://www.chinalaws.org/Article/Article_4817_14.html (дата обращения: 04.04.2023).

20. 中华人民共和国刑法：中国法制出版社编. – 2版. – 北京：中国法制出版社, 2015.8. 第96-97页. [Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. 2-е изд. Пекин: Китайская система правопорядка, 2008. С. 96−97].

21. Кобец П. Н. Основы эффективности использования международных правовых механизмов по противодействию крупным коррупционным проявлениям // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. М.: Печатный цех, 2023. С. 406−412.

22. Егорова М. А., Ван Г., Шмелева Д. В. Уголовно-правовое регулирование валютных преступлений в контексте цифрового юаня // Право и цифровая экономика. 2022. № 3. С. 43−61.

23. 何萍, 殷海峰. 《刑法修正案(十一)》视域下自洗钱入罪的理解与适用. 青少年犯罪问题. 2022年1期.55页. [Хэ Пин, Ин Хайфэн. Содержание и применение нормы о личном отмывании денег в аспекте Одиннадцатых поправок к УК КНР // Вопросы преступности несовершеннолетних. 2022. № 1. С. 55.]

24. Русанов Г. А. Противодействие легализации преступных доходов: теоретико-практический анализ : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 158 с.

References

1. Khabrieva T. Ya. Protivodeistvie legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: strategicheskie zadachi i pravovye resheniya [Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism in the context of the digitalization of the economy: strategic tasks and legal solutions]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2018, vol. 12, no. 4, pp. 459−467. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4)

2. Truntsevsky Yu. V., Sukharenko A. N. Protivodeistvie ispol'zovaniyu kriptovalyuty v nezakonnykh tselyakh: sostoyanie i perspektivy [Countering the use of cryptocurrency for illegal purposes: state and prospects]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*, 2019, no. 1, pp. 41−45.

3. Lagutin I. B., Urda M. N., Arbatskaya Yu. V., Vasilieva N. V. Otvetstvennost' v sfere denezhnykh otnoshenii: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika [Responsibility in the sphere of monetary relations: criminal law and criminological characteristics]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 313−323. https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(2). 313-323

4. Kobets P. N. [Factors of a special nature determining crimes in the form of legalization (laundering) of criminal income]. *Mir v epokhu globalizatsii ekonomiki i pravovoi sfery: rol' biotekhnologii i tsifrovykh tekhnologii. Sbornik nauchnykh statei po itogam IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [World in the era of globalization of the economy and the legal sphere: the role of biotechnologies and digital technologies. Collection of scientific articles following the results of the IV international scientific and practical conference]. Moscow, KONVERT LLC, 2021, pp. 87−88.

5. Rusanov G. A. Puti modernizatsii ugolovnogo zakonodatel'stva v sfere protivodeistviya legalizatsii (otmyvaniyu) prestupnykh dokhodov v Rossii [Ways of modernization of criminal legislation in the field of counteracting the legalization (laundering) of criminal proceeds in Russia]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Journal of Law*, 2019, no. 1(124), pp. 65−68.

6. Troshchinsky P. V., Molotnikov A. E. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya tsifrovoi ekonomiki i tsifrovykh tekhnologii v Kitae [Features of the legal regulation of the digital economy and digital technologies in China]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 309−326. https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207

7. Yusufova D. B. Ugolovnaya otvetstvennost' za sovershenie prestuplenii v sfere legalizatsii denezhnykh sredstv i imushchestva, dobytykh prestupnym putem, v Kitaiskoi Narodnoi Respublike: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Criminal liability for committing crimes in the field of money laundering and property obtained by criminal means in the People's Republic of China: a comparative legal study]. *Evraziiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2017, no. 3(28), pp. 90−94.

8. Xu Kai. Kitaisko-rossiiskoe sotrudnichestvo v protivodeistvii otmyvaniyu deneg: neobkhodimost' i perspektiva [Sino-Russian cooperation in combating money laundering: necessity and prospects]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*, 2009, no. 4, pp. 204−209.

9. Krivov A. V. Zarubezhnyi opyt protivodeistviya legalizatsii kriminal'nykh aktivov [Foreign experience in countering the legalization of criminal assets]. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*, 2022, no. 6, pp. 78−82. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2022.6.78-82

10. Ivanov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za legalizatsiyu (otmyvanie) prestupnykh dokhodov po zakonodatel'stvu nekotorykh zarubezhnykh stran [Criminal liability for the legalization (laundering) of criminal proceeds under the laws of some foreign countries]. *Zametki uchenogo = Notes of a scientist*, 2022, no. 1-1, pp. 388−393.

11. Wu Lizhi, Zhang Huijun. Xǐ qián zuì shì yòng yán jiū — yǐ “xíng fǎ xiū zhèng àn (shí yī)” de shí shī wéi bèi jǐng [Research on the application of the crime of money laundering − with the implementation of the "Criminal Law Amendment (Eleven)" as the background]. *Xī nán shí yóu dà xué xué bào : shè huì kē xué bǎn = Journal of Southwest Petroleum University: Social Science Edition*, 2021, vol. 23, no. 5, pp. 93–99. (In Chinese) https://doi.org/10.11885/j.issn.1674-5094.2021.04.24.02

12. Li Jiao, Cai Ningwei. Xǐ qián zuì rèn dìng yǔ shàng yóu fàn zuì lǐng yù tuò zhǎn yán jiū [The identification of money laundering and the expansion of predicate crimes]. *Jīn róng jiān guǎn yán jiū = Financial Supervision Research*, 2021, is. 2, pp. 103−114. (In Chinese)

13. Zhao Qingde. Jī jí tuī dòng luò shí “zì xǐ qián” dìng zuì tí shēng dǎ jī chěng zhì xǐ qián fàn zuì gōng zuò zhì xiào [Actively promote the implementation of the conviction of "self-laundering" to improve the quality and efficiency of combating and punishing money laundering crimes]. *Hēi lóng jiāng jīn róng = Heilongjiang Finance*, 2021, is. 2, pp. 10−11. (In Chinese)

14. Wei Lei. Xíng fǎ xiū zhèng àn (shí yī) duì xǐ qián fàn zuì xíng fǎ guī zhì de xīn fā zhǎn [The new development of criminal regulations on money laundering in the criminal law amendment (eleventh)]. *Qīng shǎo nián fàn zuì wèn tí = Juvenile Crime Issues*, 2021, is. 2, pp. 67−76. (In Chinese)

15. Zhang Bin. Xǐ qián zuì zhǔ guān yào sù sī fǎ zhèng míng de xíng sù − jī yú “xíng fǎ xiū zhèng àn (shí yī)” de fēn xī [The shaping of the judicial proof of the subjective elements of the crime of money laundering − Based on the analysis of the "Criminal Law Amendment (Eleven)"]. *Jiāng hàn lùn tán = Jianghan Forum*, 2022, is. 2, pp. 139−144. (In Chinese)

16. Wang Yuwei. Zhōng gòng fǎn xǐ qián zuò wéi yǔ xiāng guān fǎ líng zhī tàn tǎo [Discussion on the CCP’s anti-money laundering actions and related laws]. *Zhǎn wàng yǔ tàn suǒ yuè kān = Prospect and Exploration Monthly*, 2003, vol. 1, is. 5, pp. 94−99. (In Chinese)

17. Sun Jingsong, Feng Wei, Chen Wanlin. Xǐ qián zuì kuò dà shì yòng de sī fǎ biāo zhǔn yǔ gēn jù − yǐ “xíng fǎ xiū zhèng àn (shí yī)” shān chú "míng zhī" yào sù wéi zhōng xīn [Judicial standards and basis for expanding the application of money laundering − centering on the deletion of "knowledge" element in "criminal law amendment (eleven)"]. *Guǎng xī zhèng fǎ*

guǎn lǐ gān bù xué yuàn xué bào = Journal of Guangxi Political and Legal Management Cadre College, 2021, vol. 36, is. 3, pp. 55−62. (In Chinese)

18. Sun Yuanqing. Xǐ qián de xíng shì tè zhēng jí jiān guǎn jiàn yì [Forms, characteristics and supervision suggestions of money laundering]. *Gān sù jīn róng = Gansu Finance*, 2019, is. 9, pp. 46–48. (In Chinese)

19. Fú jiàn fǎ l锟斤拷 zī xún wǎng : zhōng huá rén mín gòng hé guó xíng fǎ (1997 nián) [Criminal Code of the People's Republic of China. Fujian Province Legal Advice Network (1997)]. Available: http://www.chinalaws.org/Article/Article_4817_14.html (accesses 04.04.2023).

20. Zhōng huá rén mín gòng hé guó xíng fǎ : zhōng guó fǎ zhì chū bǎn shè biān . 2 bǎn . běi jīng : zhōng guó fǎ zhì chū bǎn shè , 2015.8. dì 96-97 yè [Criminal Code of the People's Republic of China. 2th ed. Beijing, Chinese Law Enforcement System, 2008, pp. 96–97].

21. Kobets, P. N. [Fundamentals of the effectiveness of the use of international legal mechanisms to counter major corruption manifestations]. *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov. Sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of science and education in the context of modern challenges. Collection of materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Print Shop Publ., 2023, pp. 406−412.

22. Egorova M. A., Van G., Shmeleva D. V. Ugolovno-pravovoe regulirovanie valyutnykh prestuplenii v kontekste tsifrovogo yuanya [Criminal law regulation of currency crimes in the context of the digital yuan]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*, 2022, no. 3, pp. 43−61.

23. He Ping, Yin Haifeng. Xíng fǎ xiū zhèng àn (shí yī) shì yù xià zì xǐ qián rù zuì de lǐ jiě yǔ shì yòng [The understanding and application of the criminalization of money laundering from the perspective of the amendment to the criminal law (eleventh)]. *Qīng shǎo nián fàn zuì wèn tí = Juvenile Delinquency*, 2022, is. 1, pp. 55. (In Chinese)

24. Rusanov G. A. Protivodeistvie legalizatsii prestupnykh dokhodov: teoretiko-prakticheskii analiz [Anti-money laundering: theoretical and practical analysis]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 158 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Никитенко Илья Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск, Российская Федерация,
e-mail: dfvnii@mail.ru,
ORCID: 0009-0006-7406-7998

Ilya V. Nikitenko, Dr. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russian Federation,
e-mail: dfvnii@mail.ru,
ORCID: 0009-0006-7406-7998

Исаченко Екатерина Александровна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск, Российская Федерация,
e-mail: isachenko.katya@mail.ru,
ORCID: 0009-0005-9853-7117

Ekaterina A. Isachenko, Researcher of the Research Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russian Federation,
e-mail: isachenko.katya@mail.ru,
Orcid: 0009-0005-9853-7117

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-131-144

(cc) BY 4.0

Оптимизация применения и законодательного регулирования ареста как меры уголовно-правового воздействия

С. А. Корнеев[1] ✉

[1]Академия права и управления ФСИН России
ул. Сенная, д. 1, г. Рязань 390000, Российская Федерация

✉ e-mail: kornei_lam@mail.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена отсутствием реализации наказания в виде ареста в правоприменительной деятельности, что сужает вариативность средств уголовно-правового воздействия государства в борьбе с преступностью и не раскрывает истинный потенциал заявленной меры государственного принуждения.*

Цель: *формулирование предложений, касающихся оптимизации применения и законодательного регулирования ареста как меры уголовно-правового воздействия.*

Задачи: *исследовать правовую природу ареста в соответствии с нормами национального законодательства; раскрыть сущность ареста в целом и ареста как вида уголовного наказания в частности; определить отличительные признаки ареста и лишения свободы как изоляционных мер государственного принуждения; обобщить полученные результаты.*

Методология. *Методологическая основа настоящего исследования представлена диалектическим методом научного познания. В процессе исследования использовались также применяемые в гуманитарных науках частнонаучные методы познания, позволившие исследовать арест в качестве оптимальной меры уголовно-правового воздействия.*

Результаты. *На основании анализа действующего законодательства, статистических данных, теоретических исследований сформулировано предложение в части назначения и исполнения ареста как вида уголовного наказания.*

Выводы. *Арест является эффективной альтернативной лишению свободы мерой государственного принуждения. Ввиду повышенной строгости ареста по отношению к иным наказаниям, связанным с изоляцией лица от общества, а также вектора развития современной уголовной политики, представляется целесообразным пересмотреть основания его назначения, исключив его реализацию за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. Думается, что рациональным основанием применения ареста является юридический факт в виде совершения тяжкого преступления впервые.*

Ключевые слова: *уголовная политика; гуманизация; уголовно-правовое воздействие; уголовная ответственность; наказание; арест.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Корнеев С. А. Оптимизация применения и законодательного регулирования ареста как меры уголовно-правового воздействия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 131–144. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-131-144.

Поступила в редакцию 05.04.2023 Принята к публикации 18.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Корнеев С.А., 2023

Optimization of the Application and Legislative Regulation of Arrest as a Measure of Criminal Legal Impact

Sergey A. Korneev[1] ✉

[1]Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia
1 Sennaya Str., Ryazan 390000 Russian Federation

✉ e-mail: kornei_lam@mail.ru

Abstract

The relevance of the study *is due to the lack of implementation of the punishment in the form of arrest in law enforcement activities, which narrows the variability of the means of criminal legal influence of the state in the fight against crime and does not reveal the true potential of the declared measure of state coercion.*

Purpose: *to formulate proposals concerning the optimization of the application and legislative regulation of arrest as a measure of criminal legal impact.*

Objectives: *to investigate the legal nature of arrest in accordance with the norms of national legislation; to reveal the essence of arrest in general and arrest as a type of criminal punishment in particular; to identify the distinctive features of arrest and deprivation of liberty as isolation measures of state coercion; to summarize the results obtained.*

Methodology. *The methodological basis of this study is presented by the dialectical method of scientific cognition. In the course of the research, private scientific methods of cognition used in the humanities were also used, which made it possible to investigate arrest as an optimal measure of criminal legal impact.*

Results. *Based on the analysis of the current legislation, statistical data, theoretical research, a proposal has been formulated regarding the appointment and execution of arrest as a type of criminal punishment.*

Conclusions. *Arrest is an effective alternative to imprisonment as a measure of State coercion. In view of the increased severity of arrest in relation to other punishments related to the isolation of a person from society, as well as the vector of development of modern criminal policy, it seems advisable to reconsider the grounds for his appointment, excluding its implementation for the commission of crimes of small or medium gravity. It seems that the rational basis for the application of arrest is a legal fact in the form of committing a serious crime for the first time.*

Keywords: *criminal policy; humanization; criminal legal impact; criminal liability; punishment; arrest.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Korneev S. A. Optimization of the Application and Legislative Regulation of Arrest as a Measure of Criminal Legal Impact. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 131–144. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-131-144.

Received 05.04.2023 Accepted 18.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Представители высших органов государственной власти неоднократно констатировали факт чрезмерной репрессивности уголовного законодательства Российской Федерации. В этой связи вектор развития современной уголовной политики, несмотря на частные изменения положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), обусловленные социально-экономическими, политическими потребностями общества и государства, сводится к гуманизации действующего законодательства. Данный процесс находит свое непосредственное выражение в экономии мер уголовной репрессии к лицу, совершившему пре-

ступление, декриминализации ряда деяний, утративших свою общественную опасность, расширении института иных мер уголовно-правового характера, укрупнении видов освобождения от уголовной ответственности, реализации мер государственного принуждения, не связанных с изоляций от общества и, как следствие, частичном отказе от наказания в виде лишения свободы.

Несмотря на заявленную тенденцию, полагаем, что чрезмерный уклон в сторону назначения наказаний без изоляции от общества вряд ли способствует восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного, общей и частной превенции совершения новых преступлений. Считаем, что для достижения задач УК РФ, целей уголовного наказания система мер государственного принуждения нуждается в альтернативном лишению свободы наказании. Речь идет о краткосрочной, но в то же время репрессивной мере уголовно-правового воздействия в виде ареста.

Думается, что в настоящее время в теории уголовного права накоплен достаточный эмпирический материал для переосмысления заявленного вида наказания и принятия властного решения о его исключении из системы уголовных наказаний либо дальнейшей «реанимации».

Методология

Методологическая основа настоящего исследования представлена диалектическим методом научного познания. В процессе исследования использовались также применяемые в гуманитарных науках частнонаучные методы познания, а именно: сравнительно-правовой – в процессе исследования норм уголовно-процессуального, уголовного и административного законодательства в части регламентации меры государственного принуждения в виде ареста; индуктивный, дедуктивный, системно-структурный и контент-анализа – при определении сущности ареста как вида уголовного наказания и формулирования предложений по оптимизации его применения и законодательного регулирования.

Результаты и их обсуждение

Арест – регламентированная действующим национальным законодательством изоляционная мера государственного принуждения, назначаемая на основании решения суда. Правовую природу ареста составляют нормы уголовно-процессуального, уголовного и административного законодательства.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством под арестом понимается мера пресечения, которая избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого (домашний арест). Сущность ареста сводится к лишениям и ограничениям, выражающимся в изоляции лица, предположительно совершившего преступление, от общества в жилом помещении (лечебном учреждении) сроком до двух месяцев с возможностью его продления в установленном законом порядке (ст. 107 УПК РФ).

Приведенные на рисунке 1 статистические данные[1] свидетельствуют о пятикратном увеличении количества случаев избрания меры пресечения в отношении лица, предположительно совершившего преступление, в виде домашнего ареста за последние десять лет и её широкой востребованности в настоящее время. Данный факт полностью корреспондирует концепции гуманизации действующего законодательства. Так, ежегодно сокра-

[1] См.: Форма №1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 11.03.2023).

щается количество лиц, имеющих судимость, значительная доля обвиняемых освобождается от уголовной ответственности в рамках досудебного и судебного производств, ограничивается применение строгих мер государственного принуждения.

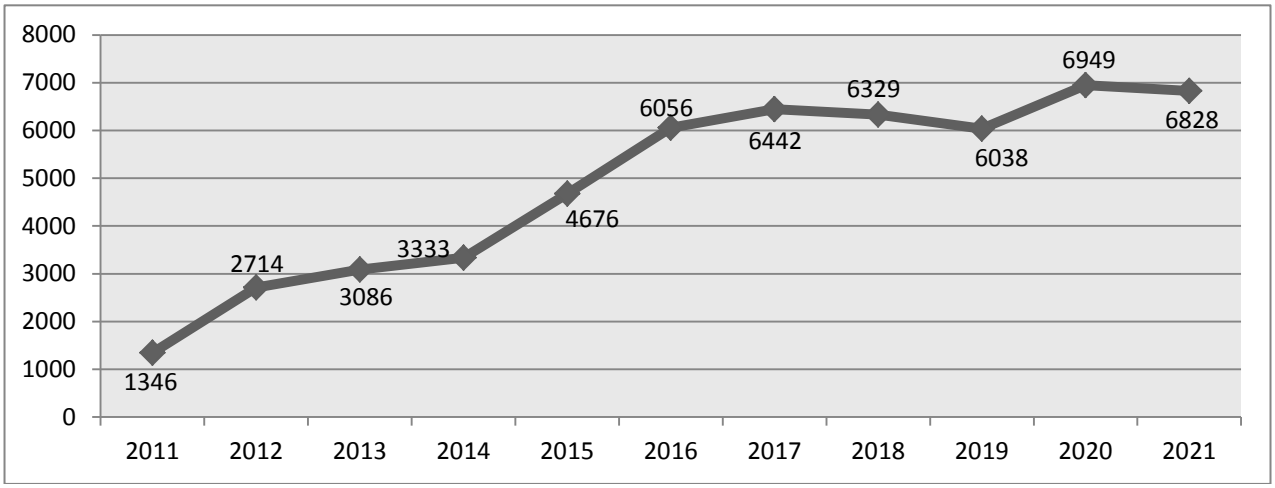


Рис. 1. Количество удовлетворённых ходатайств, рассмотренных в ходе досудебного производства, об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста с 2011 по 2021 г.

В унисон сказанному следует отметить, что правоприменительная популярность меры пресечения в виде домашнего ареста обусловлена снижением случаев избрания более строгой меры уголовно-процессуального принуждения – содержание под стражей, на что неоднократно обращалось внимание главы Верховного суда Российской Федерации. «Суды не в полной мере реализуют возможность избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу» – отмечает В. М. Лебедев [1].

Таким образом, домашний арест как альтернативная мера пресечения лаконично вписывается в общую канву гуманизации действующего законодательства, вследствие чего можно лишь прогнозировать дальнейший рост случаев его реализации в практической деятельности компетентных органов.

Нормы административного законодательства определяют арест в качестве установленной государством меры ответственности, назначаемой в связи с нарушением административно-правового запрета в целях общей и частной превенции совершения новых правонарушений. Сущность ареста сводится к лишениям и ограничениям, которые выражаются в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества на срок до пятнадцати суток, а в определенных законом случаях – до тридцати суток (ст. 3.9 КоАП РФ).

Анализируя показатели[1], приведенные на рисунке 2, стоит выделить общую тенденцию снижения избрания ареста в качестве меры административно-правового воздействия. Представляется, что причиной данного спада может служить репрессивная сущность рассматриваемой меры государственного принуждения в сравнении с иными формами реагирования государства на факт совершения правонарушения, что не в полной мере коррелирует с политикой государства.

[1] См.: Форма №1-АП. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел за 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 11.03.2023).

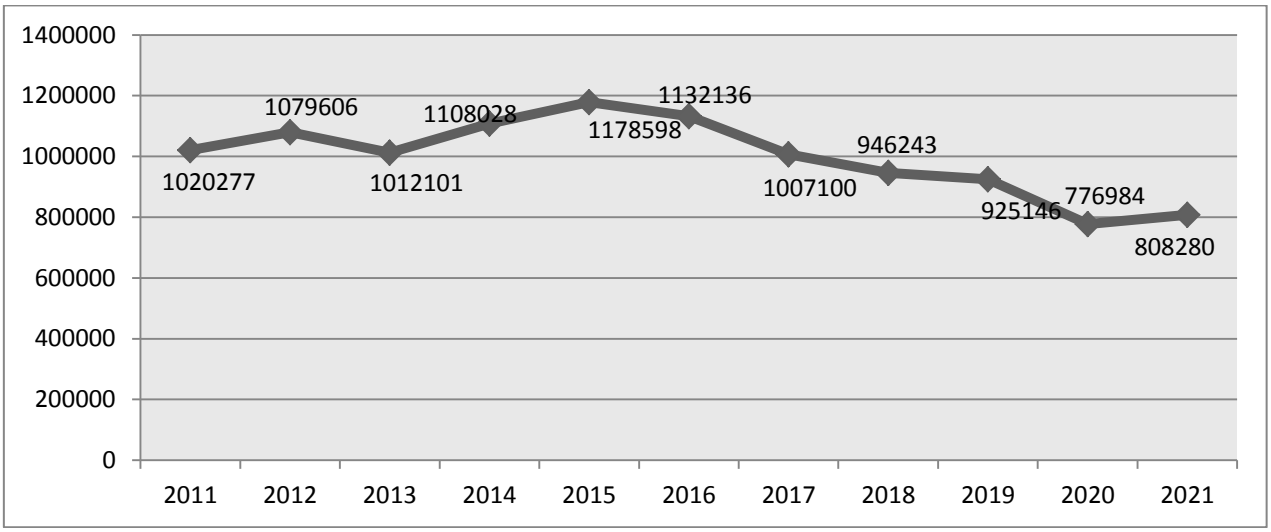


Рис. 2. Количество случаев избрания ареста в качестве меры административно-правового воздействия в период с 2011 по 2021 гг.

Итак, домашний арест как мера уголовно-процессуального принуждения, а равно административный арест как вид наказания одноименной отрасли права являются весьма востребованными в правоприменительной деятельности. Однако в теории уголовного права по этому поводу нет единого или превалирующего мнения.

Оценка их эффективности неоднократно являлась предметом ряда исследований, в том числе фундаментального характера [2; 3]. Несмотря на прикладную популярность ареста, отдельные специалисты подвергают критике нормы законодательства, регламентирующие рассматриваемые меры государственного принуждения. Так, небезупречность домашнего ареста вызвана отсутствием должного контроля за подозреваемым (обвиняемым) [4, с. 32]; отсутствием нормативно-правового акта, закрепляющего механизм исполнения меры пресечения, порядок соблюдения запретов, установленных судом, и меры ответственности за их нарушение [5, с. 10]; сложностью его порядка избрания и применения [6, с. 19] и т. д.

Критика административного ареста обусловлена непродуманностью регламентирующих его норм в части баланса между публичными и частными интересами [7, с. 120]; отсутствием необходимого воздействия на определенную категорию правонарушителей [8, с. 79] и т. д.

В унисон имеющимся скептическим точкам зрения, основанным на пробелах в законодательстве, сложностях, возникающих в процессе правоприменения, отдельные авторы склонны констатировать эффективность и действенность ареста в качестве уголовно-процессуальной и административной меры государственного принуждения в современном обществе. Так, Д. В. Воронов при анализе современного состояния и перспектив развития домашнего ареста подчеркивает его социально-правовую ценность для практической деятельности. При этом положительный эффект от его реализации приравнивает к результатам меры пресечения в виде заключения под стражу [9, с. 28].

И. В. Тимошенко, исследуя административный арест в общей системе административных наказаний, констатирует его продуктивность, строгость и необходимость, аргументируя свою позицию нормативными факторами установления,

назначения и исполнения данной меры государственного принуждения [10, с. 43].

Подчеркивая важность и значимость ареста в национальном законодательстве, стоит акцентировать внимание на более строгой одноименной мере государственного принуждения, регламентированной уголовным законодательством и назначаемой на основании приговора суда.

В УК РФ арест представлен в виде наказания, назначение которого связано с юридическим фактом в виде совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления. Сущность ареста-наказания аналогичным образом видится в строгой изоляции лица от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев.

К сожалению, стоит констатировать, что в отличие от домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ), административного ареста (ст. 3.9 КоАП РФ) арест как мера уголовно-правового воздействия не реализуется в практической деятельности правоприменительных органов[1]. Следствием данного факта явились объективные причины в виде отсутствия возможности его исполнения.

Нормы действующего уголовного закона с момента его принятия определили положение об аресте, однако его практическая реализация была отсрочена до 2006 г., что было обусловлено вступлением в силу УИК РФ и созданием необходимых условий для исполнения[2]. Правительству же Российской Федерации, после устранения заявленных причин, было поручено в течение 1997 г. подготовить и утвердить Положение об арестных домах и норматив их штатной численности[3].

Спустя восемь лет, в 2005 г., вопреки заявленному поручению, в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, исключающий положения о наказании в виде ареста. В качестве обоснования данного решения в пояснительной записке к законопроекту содержались умозаключения, касающиеся:

– достаточности расширения мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества;

– сложностей дифференциации уголовной ответственности;

– репрессивности и строгости ареста в сравнении с наказанием в виде лишения свободы;

– констатации утопичности сохранения ареста в уголовном законодательстве из экономических соображений[4].

Законопроект был принят в I чтении 10 марта 2006 г. и направлен Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, комитеты и комиссии Государственной Думы, депутатские объединения в Государственной Думе, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Рос-

[1] См.: Форма №10.1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www. cdep.ru (дата обращения: 20.03.2023).

[2] О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150730/ (дата обращения: 24.03.2023).

[3] См.: О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 2-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150730/ (дата обращения: 24.03.2023).

[4] См.: О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации, связанных с исключением положений о наказании в виде ареста: Законопроект № 241727-4 от 30 нояб. 2005 г.// Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/241727-4 (дата обращения: 30.03.2023).

сийской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации для подготовки поправок. Однако спустя двенадцать лет, 4 июля 2018 г., был отклонен Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

В целом поддерживая инициативу исключения ареста из уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, уполномоченные представители государственной власти пришли к выводу о невозможности реализации данного решения. Причиной этому явился факт возможного назначения ареста в отношении военнослужащих (ч. 3 ст. 54 УК РФ), признанных виновными в совершении преступлений, что не учитывалось в тексте заявленного законопроекта. Таким образом, «…исключение ареста из системы наказаний создаст сложности военным судам в части индивидуализации наказания при его назначении». В дальнейшем вопрос исключения ареста из перечня наказаний документального отражения не имел.

Представляется, что вопрос относительно исключения или «реанимирования» наказания в виде ареста окончательно не решен, вследствие чего трудно переоценить его актуальность теоретико-прикладного характера в настоящее время. Полагаем, что решение данной проблемы возможно лишь с учетом доктринальных исследований, представленных на страницах юридических изданий.

Во многих научных трудах, предметом которых выступает арест, авторами поднимается вопрос о его эффективности, рациональности и востребованности как на законодательном уровне, так и в правоприменительной деятельности. При этом следует подчеркнуть отсутствие единства мнений среди ученых по обозначенным позициям. В то же время в теории уголовного права достигнут консенсус относительно карательной, репрессивной составляющей ареста в системе уголовных наказаний [11, с. 131].

Все имеющиеся подходы к определению сущности ареста, его целесообразности в системе уголовных наказаний, социально-правовой востребованности можно условно разделить на две группы.

Сторонники рассматриваемой меры государственного принуждения, указывая на недостатки правовой регламентации, подчеркивают ее необходимость в современном обществе. Представители данной группы аргументируют свою позицию констатацией факта жизнеспособности и эффективности ареста в отечественной (дореволюционный период) и зарубежной правоприменительной практике, исполнения ареста в отношении военнослужащих, вероятностью дальнейшего государственного финансирования и, как следствие, строительства арестных домов, возможным изменением вектора уголовно-исполнительной политики [12, с. 58].

Другая группа исследователей, имея сугубо противоположные взгляды относительно рассматриваемой меры государственного принуждения, не наполняют ее смыслом и тем самым полагают, что исключение ареста из системы уголовных наказаний является обоснованным и закономерным решением. Данная позиция основывается на следующих доводах:

– отсутствие финансирования на строительство арестных домов или перепрофилирование уже имеющихся учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [13, с. 66];

– несоответствие ареста вектору развития уголовно-исполнительной политики [14, с. 68], принципам уголовного права [15, с. 64], целям наказания [16, с. 276];

– конкуренция ареста с краткосрочным лишением свободы, что в целом дестабилизирует систему наказаний [11, с. 131];

– отсутствие воспитательного и трудового воздействия на осужденного к наказанию в виде ареста и, как следствие, профилактики преступности [17, с. 136].

Полагаем, что большинство из представленных воззрений носит дискуссион-

ный характер. Действительно, тенденцией развития уголовного судопроизводства в России является его либерализация (гуманизация). Заявленный процесс находит свое выражение в экономии мер уголовной репрессии в отношении лица, совершившего преступление. Так, прерогатива отдается мерам уголовно-процессуального принуждения и наказаниям, не связанным с изоляцией лица от общества и, как следствие – отказ, в той степени, в которой это возможно, от содержания под стражей и наказания в виде лишения свободы соответственно. Однако представляется, что чрезмерный уклон в сторону назначения наказаний без изоляции от общества вряд ли способствует достижению целей наказания. Очевидно, что полное исключение изоляционных мер лица, признанного виновным в совершении преступления, невозможно. В этой связи полагаем, что арест, сущность которого заключается в краткосрочных изоляционных лишениях и ограничениях, вписывается в общую канву гуманизации действующего уголовного законодательства.

Проблема, касающаяся законодательно определенных целей уголовного наказания, их достижимости или утопичности относится, на наш взгляд, к разряду философских и широко обсуждаемых в теории уголовного права с момента опубликования текста современного уголовного закона. Не вдаваясь в научную полемику по существу данного вопроса, полагаем, что ввиду четкой законодательной регламентации конечных результатов наказания в целом и ареста в частности назначение краткосрочной изоляционной меры государственного принуждения в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, направлено на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Сложно опровергнуть позицию относительно конкуренции наказаний в виде ареста и краткосрочного лишения свободы. По справедливому мнению А. Н. Тарбагаева, снижение минимального срока лишения свободы до двух месяцев способствовало утрате практического значения ареста как альтернативного изоляционного наказания [18, с. 77]. В то же время следует отметить принципиальное отличие рассматриваемых мер государственного принуждения – карательный (репрессивный) потенциал.

Арест занимает девятое место в системе уголовных наказаний. Данный факт свидетельствует о его повышенной строгости по отношению к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества и мягкостью в сравнении с лишением свободы и смертной казнью, что, по мнению отдельных исследователей, является не совсем верным [13, с. 66].

Сопоставляя заявленные наказания, обозначим их принципиальные отличия. Во-первых, это сроки реализации. Как известно, арест назначается сроком от одного до шести месяцев (ст. 54 УК РФ), в то время как минимальный срок лишения свободы равен двум (ч. 2 ст. 56 УК РФ).

Изучение официальных статистических данных, касающихся назначения наказания в виде лишения свободы сроком до одного года включительно в период с 2011 по 2021 г., позволило констатировать отсутствие положительной или отрицательной динамики. Реализация рассматриваемой меры государственного принуждения статична и за последние десять лет в среднем составляет 35 821 случай в год[1].

Во-вторых, условия отбывания меры государственного принуждения. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством лица, осужденные к

[1] См.: Форма № 10.1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2011–2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 13.04.2023).

аресту, отбывают наказание в арестных домах в запираемых камерах (по аналогии с общим режимом в тюрьме) (ст. 69 УИК РФ). Указанной категории не предоставляются свидания (кроме встреч с адвокатом), не разрешено получение образования, посылок, передач и бандеролей, передвижение без конвоя, в то время как осужденные к лишению свободы пользуются указанными правами в установленном законом порядке (ст. 89–90, 108, 125 УК РФ) и т. д.

В-третьих, соразмерность наказания характеру и степени общественной опасности содеянного. Так, реализация наказания в виде лишения свободы возможна в случае нарушения уголовно-правового запрета, в независимости от тяжести совершенного деяния, что положено в основу законодательной классификации преступлений (ст. 15 УК РФ).

Арест же назначается за совершение преступления небольшой или средней тяжести, что, по мнению отдельных исследователей, не в полной мере соответствует отдельным принципам уголовного права (ст. 6 УК РФ) [13, с. 66]. Стоит отметить, что данная концепция также не соответствует современным реалиям, т. е. политике гуманизации уголовного судопроизводства и уголовного законодательства в целом. В настоящее время, как утверждает Глава Верховного Суда РФ, совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые, учитывая факт компенсации вреда, является условием для прекращения уголовного преследования [19]. В иных случаях уполномоченные органы государственной власти придерживаются позиции назначения наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества.

Безусловно, факт совершения преступления рассматриваемой тяжести (в том числе повторно) не исключает возможность реализации лишения свободы (рис. 3). Представленные данные свидетельствуют о существенном сокращении случаев избрания уполномоченными органами государственной власти лишения свободы в качестве меры государственного принуждения за преступления небольшой тяжести и увеличении данного процесса по отношению к преступлениям средней тяжести[1]. Обобщая статистические показатели, следует сказать, что лишение свободы за преступления небольшой тяжести в 2011 г. составило 28% от общего числа лиц, осужденных к данной изоляционной мере, за преступления средней тяжести – 22%. В 2021 г. этот показатель составил 11% и 33% соответственно.

С учетом вектора современной уголовной политики, отличительными репрессивными свойствами ареста как вида уголовного наказания в сравнении с лишением свободы, полагаем необходимым пересмотр отдельных положений уголовного закона в части основания его назначения. Представляется, что рассматриваемая мера государственного принуждения должна назначаться за тяжкие преступления впервые. При этом требуется предусмотреть судебное толкование понятия лица, совершившего преступление впервые, по аналогии с положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Думается, что повторность совершения преступления лицом, отбывшим наказание в виде ареста, свидетельствует о невозможности его исправления иными мерами уголовно-правового воздействия, кроме как наказания в виде лишения свободы.

И наконец, в-четвертых, порядок замены. Как известно, арест, в отличие от

[1] См.: Форма № 10.1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2011-2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 13.04.2023).

лишения свободы, заменить ничем нельзя (ст. 80 УК РФ).

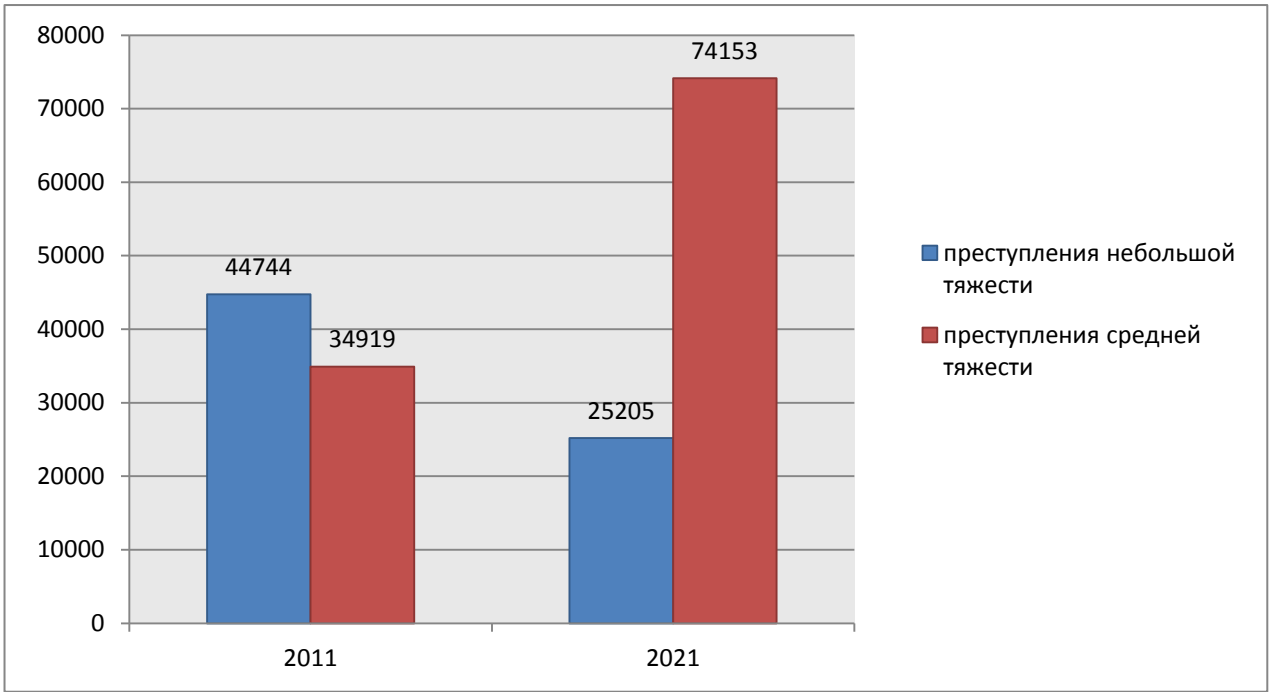


Рис. 3. Назначение наказания в виде лишения свободы за преступления небольшой или средней тяжести в период с 2011 по 2021 г.

Таким образом, арест является кратковременной изоляционной мерой государственного принуждения, отличающейся повышенной строгостью в сравнении с лишением свободы на определенный срок, что, по нашему мнению, является вполне обоснованным и закономерным. Полагаем, что арест служит эффективным средством в борьбе с преступностью. Его назначение в качестве наказания обусловлено устрашением преступника. Лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет, находится в полной, но при этом кратковременной изоляции от общества. В этой связи исключается воздействие специального контингента, тюремной субкультуры, достигаются цели наказания и задачи уголовного законодательства.

На основании изложенного идея об исключении ареста из системы уголовных наказаний выглядит небезупречной. Во-первых, как было отмечено ранее, арест может быть назначен в отношении военнослужащих. При этом нет необходимости строительства арестных домов, т. к. данная мера государственного принуждения отбывается на гауптвахте.

Во-вторых, исключение ареста сужает вариативность уголовно-правового воздействия государства в лице компетентных органов в борьбе с преступностью. Действительно, система уголовных наказаний включает в себя достаточное количество действующих мер государственного принуждения, обеспечивая необходимую дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности. Однако полагаем, что количество изоляционных мер, отличающихся существенными лишениями и ограничениями прав и свобод лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, является недостаточным. В этой части арест выступает действенной, эффективной и реальной альтернативой наказания в виде лишения свободы.

Безусловно, вопрос исполнения ареста в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления, до настоящего времени не решен в связи с отсутствием арестных домов, а равно финансирования на их строительство. Полагаем, что выходом из сложившейся ситуации является перепрофилирование следственных изоляторов федеральной службы исполнения наказания.

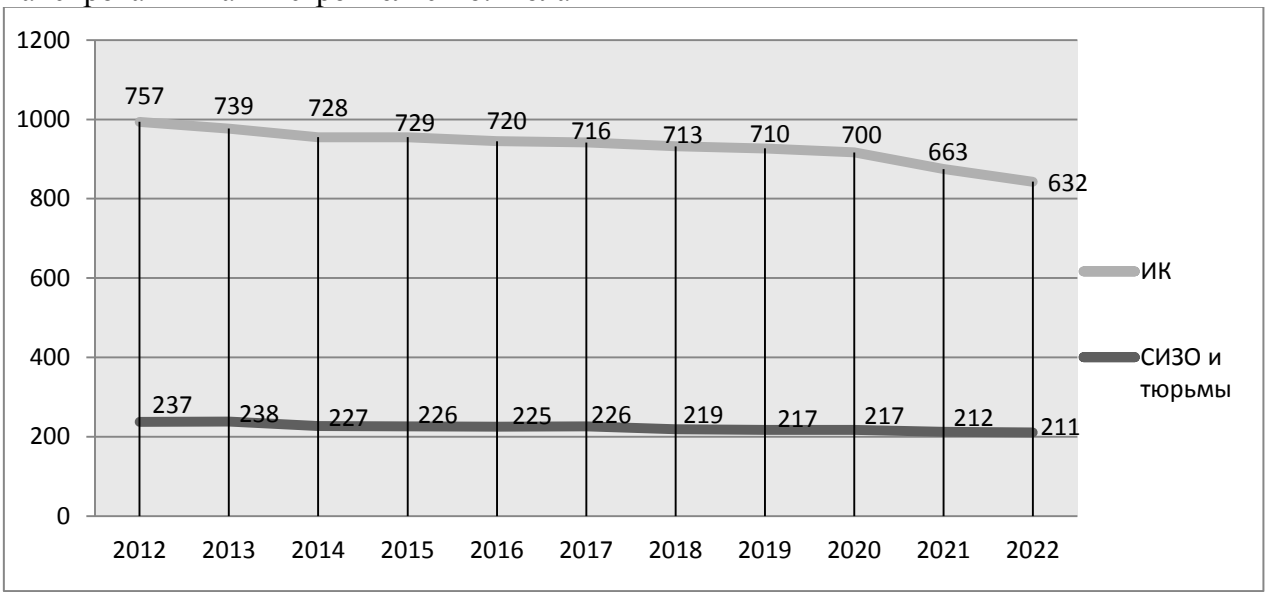


Рис. 4. Количество следственных изоляторов, тюрем и исправительных колоний ФСИН России в период с 2012 по 2022 г.

Отметим, что планомерное сокращение случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, экономия уголовной репрессии в части назначения наказания в виде лишения свободы, уменьшение количества осужденных в стране явились причиной и условием запуска параллельного механизма в Федеральной службе исполнения наказаний. Так, наполовину опустевшие учреждения уголовно-исполнительной системы были преобразованы в исправительные центры, а часть вовсе ликвидированы[1] (рис. 4). На 1 января 2023 г. на территории Российской Федерации функционируют 563 исправительные колонии, что на 194 учреждения меньше, чем в 2012 г., и 210 следственных изоляторов и тюрем, что на 28 единиц меньше, чем в 2013 г. Таким образом, полагаем, что упраздненные учреждения ФСИН России вполне могли бы быть перепрофилированы в арестные дома с наименьшими экономическими затратами.

В целом стоит отметить, что для реализации процесса по «реанимации» ареста как вида уголовного наказания необходимо властное решение высших органов государственной власти. Положительный исход данного вопроса позволит спрогнозировать его широкую правоприменительную востребованность, сопоставимую с иной мерой уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а равно наказания в виде принудительных работ в настоящее время.

Выводы

Подводя итог исследованию ареста, оптимизации его применения и законодательного регулирования, отметим следующее.

[1] См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS (дата обращения: 14.04.2023).

Арест – краткосрочная изоляционная мера государственного принуждения, характеризующаяся строгими условиями содержания осужденных. Реализация заявленного наказания соответствует современной уголовной политики и не вступает в противоречие с концепцией гуманизации действующего уголовного законодательства. Очевидно, что полное исключение изоляционных мер лица, признанного виновным в совершении преступления, невозможно. В этой связи считаем, что арест является наиболее эффективной, реальной альтернативой наказания в виде лишения свободы.

Ввиду повышенной строгости ареста по отношению к иным наказаниям, связанным с изоляцией лица от общества, а также вектора развития современной уголовной политики, полагаем целесообразным пересмотреть основания его назначения, исключив его реализацию за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. Думается, что рациональным основанием применения ареста является юридический факт в виде совершения тяжкого преступления впервые.

Список литературы

1. Правосудное будущее: 5 важных тенденций развития: обзор Верховного Суда РФ от 30 мая 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://вс.рф/press_center/mass_media/31167/ (дата обращения: 29.03.2023).

2. Васильев В. Н. Административный арест как мера административного наказания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 22 с.

3. Колоскова С. В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 33 с.

4. Воронов Д. В. Домашний арест: современное состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). С. 28–32.

5. Дьяконова Л. Мера пресечения – домашний арест // Законность. 2010. №10 (912). С. 7–10.

6. Пилюшин И. П. Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2(69). С. 17–19.

7. Степанова О. А. Административный арест в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2008. № 12 (144). С. 116–120.

8. Моисеева О. В. О целесообразности применения административного ареста как вида административного наказания // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 75–80.

9. Воронов Д. В. Домашний арест: современное состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4(51). С. 28–32.

10. Тимошенко И. В. Административный арест в общей системе административных наказаний // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2015. № 2. С. 43–47.

11. Степашин В. М. Арест как вид уголовного наказания // Вестник Омского университета. Серия: право. 2011. № 4. С. 130–134.

12. Теохаров А. К., Честнов А. В. Уголовное наказание в виде ареста: проблемы и перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6(4). С. 52–60.

13. Гусев А. С., Астахина А. И. Уголовное наказание «арест»: перспективное наказание или ошибка нормотворчества // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 3(25). С. 62–67.

14. Подройкина И. А. О перспективе ареста как уголовного наказания // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3. С. 65–69.

15. Завьялова Н. А., Старшиков Ю. В. Перспективы правоприменения ареста как вида уголовного наказания в современной России // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Международной научной конференции. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2017. С. 60–64.

16. Дзигарь А. Л. Уголовная политика и ее отражение в теории, законодательстве и практике. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2005. 368 с.

17. Трахов А. И. Еще раз об аресте как виде наказания // Северо-Кавказский юридический вестник. 1999. № 11. С. 133–138.

18. Тарбагаев А. Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 75–82.

19. Несудимы по суду // Российская газета. 2020. 24 февраля.

References

1. Pravosudnoe budushchee: 5 vazhnyh tendencij razvitiya: obzor Verhovnogo Suda RF ot 30 maya 2022 g [The Future of Justice: 5 Important Development trends: Review of the Supreme Court of the Russian Federation of May 30, 2022]. Available at: http://vs.rf/press_center/mass_media/31167/ (accessd 29.03.2023).

2. Vasil'ev V. N. Administrativnyj arest kak mera administrativnogo nakazaniya. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Administrative arrest as a measure of administrative punishment. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2005. 22 p.

3. Koloskova S. V. Domashnij arest kak mera presecheniya v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: doktrina, yuridicheskaya tekhnika i pravoprimenitel'naya praktika. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [House arrest as a preventive measure in modern criminal proceedings in Russia: doctrine, legal technique and law enforcement practice. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2014. 33 p.

4. Voronov D. V. Domashnij arest: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [House arrest: current state and prospects]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 4 (51), pp. 28–32.

5. D'yakonova L. Mera presecheniya – domashnij arest [Preventive measure – house arrest]. *Zakonnost' = Legality*, 2010, no. 10 (912), pp. 7–10.

6. Pilyushin I. P. Effektivnost' domashnego aresta v ugolovnom sudoproizvodstve [The effectiveness of house arrest in criminal proceedings]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2(69), pp. 17–19.

7. Stepanova O. A. Administrativnyj arest v svete reshenij Konstitucionnogo Suda RF [Administrative arrest in the light of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 12 (144), pp. 116–120.

8. Moiseeva O. V. O celesoobraznosti primeneniya administrativnogo aresta kak vida administrativnogo nakazaniya [On the expediency of applying administrative arrest as a type of administrative punishment]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tyumen State University*, 2013, no. 3, pp. 75–80.

9. Voronov D. V. Domashnij arest: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [House arrest: current state and prospects]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 4(51), pp. 28–32.

10. Timoshenko I. V. Administrativnyj arest v obshchej sisteme administrativnyh nakazanij [Administrative arrest in the general system of administrative penalties]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2015, no. 2, pp. 43–47.

11. Stepashin V. M. Arest kak vid ugolovnogo nakazaniya [Arrest as a type of criminal punishment]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2011, no. 4, pp. 130–134.

12. Teoharov A. K., Chestnov A. V. Ugolovnoe nakazanie v vide aresta: problemy i perspektivy [Criminal punishment in the form of arrest: problems and prospects]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*, 2020, no. 6(4), pp. 52–60.

13. Gusev A. S., Astahina A. I. Ugolovnoe nakazanie "arest": perspektivnoe nakazanie ili oshibka normotvorchestva [Criminal punishment "arrest": a promising punishment or a rule-making error]. *Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika = Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*, 2020, no. 3(25), pp. 62–67.

14. Podrojkina I. A. O perspektive aresta kak ugolovnogo nakazaniya [On the prospect of arrest as a criminal punishment]. *Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii = Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*, 2015, no. 3, pp. 65–69.

15. Zav'yalova N. A., Starshikov Yu. V. [Prospects of law enforcement of arrest as a type of criminal punishment in modern Russia]. *Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Problems and prospects of development of the penal enforcement system of Russia at the present stage. Materials of the International Scientific Conference]. Samara, Samarskij yurid. in-t FSIN Rossii, 2017, pp. 60–64. (In Russ.)

16. Dzigar' A. L. Ugolovnaya politika i ee otrazhenie v teorii, zakonodatel'stve i praktike [Criminal policy and its reflection in theory, legislation and practice]. Rostov-on-Don, Rostov Univ. Publ., 2005. 368 p.

17. Trahov A. I. Eshche raz ob areste kak vide nakazaniya [Once again about arrest as a form of punishment]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 1999, no. 11, pp. 133–138.

18. Tarbagaev A. N. Problemy effektivnosti sistemy nakazanij v rossijskom ugolovnom prave [Problems of the effectiveness of the punishment system in Russian criminal law]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 75–82.

19. Nesudimy po sudu [We are not judged by the court]. *Rossijskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2020, 24 fevralya.

Информация об авторе / Information about the Author

Корнеев Сергей Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kornei_lam@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9555-1195

Sergey A. Korneev, Cand. of Sci. (Juridical), Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation,
e-mail: kornei_lam@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9555-1195

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-145-155

(cc) BY 4.0

Понятие вооруженных нападений в образовательных организациях

Ш. Г. Мамедов[1] ✉

[1]Омская академия Министерства внутренних дел России
пр. Комарова, д. 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: mamedovshamo@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Статья посвящена характеристике содержания такого явления, как «вооруженные нападения в образовательных организациях». На основе рассмотрения преступлений прошлых лет выделяются основные элементы, характеризующие исследуемое противоправное деяние, и дается его определение, способствующее разграничению актов вооруженных нападений в образовательных организациях и иных насильственных преступлений в учебных заведениях. В исторической ретроспективе исследуется происхождение понятия «скулшутинг», изучается терминологическое наполнение этого понятия. На основе анализа мнений ряда ученых, современных реалий и особенностей российского законодательства выводится понятие вооруженных нападений в образовательных организациях.*

Цель. *Разработка современного понятия вооруженного нападения в образовательных организациях, содержащего в себе признаки, отграничивающие данное деяние от иных насильственных преступлений в образовательных организациях.*

Задачи. *На основе известных случаев актов массового насилия в образовательных организациях выделить главные признаки вооруженных нападений в образовательных организациях и провести их систематизацию для формулирования точного понятия.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались методы теоретического исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование), сравнительно-правовой подход.*

Результаты. *В ходе исследования предложено понятие вооруженного нападения в образовательных организациях как заранее спланированного акта вооруженного нападения в образовательной организации, совершенного лицами, прямо или опосредованно связанными с учебным заведением, с целью причинения смерти неопределенному кругу лиц.*

Выводы. *Исследование позволило прийти к выводу, что признаки, содержащиеся в понятии вооруженного нападения в образовательных организациях, позволят четко разграничивать исследуемое противоправное деяние и иные насильственные деяния, совершаемые в образовательных организациях.*

Ключевые слова: *безопасность; скулшутинг; вооруженные нападения; образовательные организации; колумбайн; массовые убийства.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования Мамедов Ш. Г. Понятие вооруженных нападений в образовательных организациях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 145–155. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-145-155.

Поступила в редакцию 19.04.2023 Принята к публикации 24.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Мамедов Ш. Г., 2023

The Concept and Nature of Armed Attacks in Educational Organizations

Shamo G. Mamedov[1] ✉

[1]Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7 Komarova Str., Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: mamedovshamo@gmail.com

Abstract

Relevance. *The article is devoted to characterizing the content of such a phenomenon as "armed attacks in educational organizations." Based on the study of the considered crimes of past years, the main elements characterizing the investigated illegal act are distinguished and its definition is given, which contributes to the distinction between acts of armed attacks in educational institutions from other violent crimes in educational institutions. In a historical retrospective, the origin of the concept of school shooting is investigated, the terminological content of this concept is studied. Based on an analysis of the opinions of a number of scientists, modern realities and features of Russian legislation, the concept of armed attacks in educational organizations is deduced.*

The purpose. *The development of a modern concept of armed attack in educational organizations, containing signs delimiting this act from other violent crimes in educational organizations.*

The objectives. *Based on known cases of acts of mass violence in educational organizations, highlight the main signs of armed attacks in educational organizations and systematize them to formulate an exact concept.*

Methodology. *In the process of working on the study, theoretical research methods were used (analysis and synthesis, induction and deduction, mental modeling), a comparative legal approach.*

Results. *In the course of the study, the concept of armed attack in educational organizations was proposed as a pre-planned act of armed attack in an educational organization committed by persons directly or indirectly associated with an educational institution in order to cause death to an indefinite circle of persons.*

Conclusions. *The study made it possible to come to the conclusion that the signs contained in the concept of armed attack in educational organizations will clearly distinguish the investigated illegal act from other violent acts committed in educational organizations.*

Keywords: *security; school shooting; armed attacks; educational institutions; columbine; massacres.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Mamedov S. G. The Concept and Nature of Armed Attacks in Educational Organizations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 145–155. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-145-155.

Received 19.04.2023 Accepted 24.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

В настоящее время большую актуальность получила проблема вооруженных нападений в образовательных организациях. Многочисленные акты нападений в учебных заведениях создают глобальную угрозу общественной безопасности во всех странах мира. Акты, связанные с проявлением крайних форм насилия в образовательной среде, вызывают глубокий интерес у исследователей и серьезную озабоченность у общества в целом.

Средства массовой информации прослеживают рост количества вооруженных нападений в учебных заведениях и выделяют США лидером в массовых актах насилия в образовательных организациях. Так, за последние 13 лет в Соединенных Штатах Америки произошло более 250 случаев нападений в учебных заведе-

ниях, что в 57 раз больше, чем в странах «большой семерки»[1]. В Российской Федерации в период с 2014 по 2022 г. произошло 13 случаев нападения в образовательных организациях, в результате которых пострадало большое количество обучающихся, преподавательского состава и лиц, связанных с организацией работы учебного заведения.

Согласно сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в период с 2018 по 2021 г. на территории РФ предотвращено более 100 вооруженных нападений на образовательные организации. Спецслужбам удалось удержать более 10 тысяч школьников от совершения преступления на этапе вовлечения в деструктивную идеологию[2].

Одним из самых известных нападений в образовательных организациях является акт массового убийства в старшей школе «Колумбайн» в штате Колорадо, США, имевший место 20 апреля 1999 г. Подростки Эрик Харрис и Дилан Клиболд совершили жестокое нападение с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, в ходе которого погибли 15 человек, ранения различной степени тяжести получили 23 человека [1, с. 9].

Стоит отметить, что это нападение подростков не является первым известным случаем. Так, 26 июля 1764 г. в штате Пенсильвания, США, было совершено нападение на школу, в результате которого погибли 10 человек [2, с. 28]. Но случай нападения на школу «Колумбайн» окрестили первым в мировой истории, т. к. конец 90-х годов XX века ознаменовал стремительное развитие средств массовой информации и распространение информации с использованием телекоммуникационных технологий.

События в старшей школе «Колумбайн» получили настолько широкий общественный резонанс не по вине исполнителей акта насилия, а в связи с широким распространением Интернета и свободного обмена информацией [3, с. 22]. Американский исследователь и журналист Глен Мачерт, изучив массовый расстрел в школе, ввел в оборот понятие «school shooting» (далее – скулшутинг), и оно стало нарицательным для обозначения всех подобных преступлений [4, с. 21].

Методология

В основе научного метода исследования лежит диалектический метод познания. Также использован общенаучный метод анализа, который позволил провести систематизацию признаков вооруженных нападений в образовательных организациях. Метод научного синтеза использовался для формулирования авторского понятия вооруженного нападения в образовательной организации.

Результаты и их обсуждение

Зарубежная аудитория приняла понятие «скулшутинг», и все последующие преступления, совершенные в образовательных организациях, именовали именно так. Согласно Кембриджскому словарю, слово «school» означает «школа, место, где учатся дети», а слово «shooter» – «стрелок, человек, который использует оружие»[3]. Термин «скулшутинг» в дословном переводе с английского языка означает «школьный стрелок» и нераз-

[1] Феномен скулшутинга в России: причины массовых расстрелов и методы борьбы с ними // Sputnik Южная Осетия: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/20220929/fenomen-skulshutinga-v-rossii-prichiny-massovykh-rasstrelov-i-metody-borby-s-nimi-19093273.html (дата обращения: 26.03.2022).

[2] Об особенностях привлечения к уголовной ответственности за подготовку и совершение вооруженных нападений на образовательные организации // Генеральная прокуратура Рос. Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf (дата обращения: 20.03.2023).

[3] Кембриджский словарь // Cambridge Dictionary: сайт. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 12.03.2023).

рывно связан с понятием «active shooter», которое обозначает лиц, обвиняемых в убийстве или попытке убийства людей в местах их массового скопления [5, с. 13].

Наряду с понятием скулшутинга в Соединенных Штатах Америки было культивировано понятие «Колумбайн», ссылаясь на самый известный случай акта массового убийства и автоматически приравнивая последующие случаи нападения к стрельбе в старшей школе Колумбайн. Колумбайн стал своего рода культом или субкультурой для деструктивных подростков, желающих совершить в своей жизни такой яркий поступок, как скулшутинг [6, с. 445].

Необходимо отметить, что в 2022 г. Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил иск Генеральной прокуратуры Российской Федерации и признал движение «Колумбайн» террористической организацией, запретив его на территории страны, т. к. данная «идеология основана на насилии и преследует цели массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране, путем реализации масштабных насильственных акций»[1].

Благодаря современным средствам коммуникации сведения о вооруженных нападениях в образовательных организациях различного уровня стали быстро распространяться. Акты насилия в детских садах, школах, высших учебных заведениях продемонстрировали потенциальную угрозу, связанную с деятельностью образовательных организаций. Проблема скулшутинга стала предметом исследования многих ученых, появилось значительное количество научных трудов по данной тематике.

В то время как средства массовой информации фокус общественного внимания направляют на портрет преступника и поверхностно затрагивают понятийный аппарат описанного ими явления, ученые должны изучать терминологическое наполнение понятия «скулшутинг», признаки, характеризующие данное противоправное деяние, а также сущность исследуемого феномена.

Профессор К. Ньюман определяет скулшутинг как вооруженное насилие на территории образовательной организации, направленное на учащихся и педагогов. К тому же К. Ньюман, совместно с исследовательской командой, считает, что данное нападение должно быть совершено обучающимся данной образовательной организации и количество погибших должно быть не менее двух [7, с. 4].

Однако стоит отметить, что первоначальное понятие, данное американскими учеными, не содержит в себе комплекс признаков, характеризующих исследуемое противоправное деяние, в полной мере не раскрывает его сущности, а также не позволяет отграничить данное противоправное деяние от иных насильственных преступлений, совершенных в образовательных организациях.

Указанная тема в российской науке активно изучается, ряд исследователей предлагают свою интерпретацию данного понятия, наделяя его различными признаками. Однако ученые зачастую уделяют внимание признакам, которые не являются значимыми для определения сущности исследуемого деяния.

Так, А. Ю. Карпова считает, что скулшутинг – это планирование, организация, совершение вооруженного нападения в/на территории образовательного учреждения (любого уровня) одним или несколькими учащимися с целью массового убийства [8, с. 93]. С данным определением нельзя согласиться в полной мере, т. к. автор ограничивает субъекты совершения преступления обучающимися образовательной организации. Известны многие случаи нападения в учебных учреждениях, совершенные не только обучающимися, но и лицами, опосредо-

[1] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С // Верховный суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/cases/11313481 (дата обращения: 26.03.2023).

ванно связанными с образовательной организацией. Так, 30 марта 1997 г. Мохаммад Ахман аль-Назари совершил вооруженное нападение на школу в Йемене, в которой обучались пятеро его детей. В результате совершенного им нападения погибли 6 человек[1].

Вместе с тем существует мнение о том, что между актами скулшутинга и актами терроризма можно поставить знак равенства. Л. А. Гончаров считает, что скулшутинг как вид терроризма является «политически немотивированным, держащим в страхе большие группы людей, фактически в заложники берется целая образовательная или воспитательная среда» [9, с. 29]. Существует также позиция, приравнивающая акт скулшутинга к преступлениям экстремистского характера [10, с. 7].

Однако данный подход представляется спорным, т. к. исследователями не был затронут вопрос цели совершения нападения в образовательных организациях. По мнению А. С. Чунина, чаще всего нападавшие имеют цель добиться признания окружающих, доказать себе и обществу свою власть и значимость, привлечь внимание путем проявления насилия, поскольку до нападения большинство скулшутеров чувствовали себя уязвимыми и подвергались унижениям либо издевательствам со стороны учеников и учителей [11, с. 49].

Решение вопроса цели совершения нападения позволит нам определить различие между актом скулшутинга и актом терроризма в образовательных организациях. М. А. Нагоева справедливо отмечает, что терроризм представляет собой факт протеста против нынешнего социального строя [12, с. 255]. Скулшутер совершает вооруженное нападение, не имея цели наступления каких-либо «социально значимых» последствий, а террорист, в свою очередь, приходит к акту насилия с целью дестабилизации деятельности органов власти государства либо влияния на принятие важных решений социального, политического, экономического характера.

Так, например, 6 июля 2013 г. в штате Йобе Федеративной Республики Нигерия боевики группировки «Боко Харам» совершили вооруженное нападение на среднюю школу в деревне Мамудо, в результате которого погибли 42 человека. Данный акт не может быть отнесен к скулшутингу ввиду того, что боевики «Боко Харам» ставили целью нападения создание исламского государства на африканском континенте, отмену обучения детей по стандартам Европы, изменение политического вектора развития в сторону радикального ислама[2].

Необходимо отметить мнение Ю. В. Суходольской, которая рассматривает скулшутинг как убийство двух или более лиц, совершенное одновременно либо на протяжении небольшого промежутка времени в образовательной организации, без периодов эмоционального охлаждения, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением при отсутствии террористических либо корыстных мотивов [13, с. 120].

Также можно выделить работы исследователей, которые занимались проблемой терминологического наполнения вооруженных нападений в образовательных организациях: Н. Д. Узлов [14], Е. В. Михайлова [15], Т. С. Волчецкая, [16], Д. Г. Давыдов, К. Д. Хломов [17], В. В. Плотников [18].

На основе анализа обстоятельств совершения описанных преступлений, сущности и способов применяемого насилия в образовательных организациях, а также позиций ряда ученых считаем необходимым уделить особое внимание следующим признакам, наиболее полно

[1] Массовое убийство в Сане. URL: https://clck.ru/332WaF (дата обращения: 30.03.2023).

[2] В Нигерии закрывают средние школы после нападения боевиков // РИА новости: сайт. URL: https://ria.ru/20130708/948199494.html (дата обращения: 26.03.2023).

характеризующим вооруженные нападения в образовательных организациях:

1. Нападающее лицо планирует акт насилия заранее, предварительно готовит используемое оружие, составляет план своих действий. Считаем, что данный признак позволит разграничить акты вооруженных нападений в образовательных организациях от актов спонтанной агрессии.

В качестве примера можно привести массовое убийство в средней школе № 88, имевшее место 26 сентября 2022 г. в Ижевске. Следственный Комитет в ходе предварительного расследования установил, что Артем Казанцев, совершивший нападение, готовил его около одного года. На протяжении этого времени Казанцев составил план нападения на школу, нелегально приобрел огнестрельное оружие и боеприпасы к нему, а также изучал возможности нападения с причинением максимально большого количества смертей. Также при обыске места жительства Казанцева были изъяты мобильные телефоны и компьютерная техника, на которой хранилась записка о тщательной подготовке к совершению преступления[1].

2. Нападение совершается с использованием как огнестрельного оружия, так и взрывчатых веществ, холодного оружия и подручных средств. Благодаря введению данного признака возможно вывести новое понятие, выходящее за границы зарубежного термина «скулшутинг», содержащего в себе использование исключительно огнестрельного оружия.

На территории Российской Федерации известны случаи вооруженных нападений в образовательных организациях с использованием различных видов оружия, взрывчатых веществ и подручных предметов. Так, например, 15 января 2018 г. в Перми бывший ученик школы № 127 Лев Биджаков и ученик 10 класса Александр Буслидзе, используя ножи, совершили нападение в учебном учреждении. В результате нападения ножевые ранения получили 15 человек [19, с. 187].

Также известны случаи нападения с использованием взрывных устройств. В частности, 13 декабря 2021 г. бывший ученик гимназии Введенского Владычного монастыря Владислав Стуженков, приведя в действие самодельное взрывное устройство, совершил взрыв у входа в гимназию, в результате которого пострадали 13 человек. Также Стуженков имел при себе мачете, но применить его не смог ввиду того, что от произведенного им взрыва сам получил телесные повреждения[2].

3. Местом совершения преступления должна быть образовательная организация. Понятие «скулшутинг» предполагает вооруженное насилие в школах, однако, проследив случаи нападения на территории Российской Федерации, можно обнаружить совершение актов насилия в образовательных организациях различного уровня. Российское законодательство ограничивает круг учебных заведений, подпадающих под определение «образовательная организация». Так, Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает конкретный перечень учреждений, относящихся к образовательным организациям, а именно организации дошкольного образования, общеобразовательные организации, профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования[3].

4. Акт массового убийства совершает лицо, обучающееся либо ранее обучав-

[1] Ижевский убийца: кем был Артем Казанцев, расстрелявший 39 человек? // Удмуртская Республика. Федерал Пресс. URL: https://fedpress.ru/article/3105652 (дата обращения: 05.04.2023).

[2] Что известно о взрыве в православной гимназии в Серпухове // ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/13182763 (дата обращения: 31.04.2023).

[3] Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 31.03.2023).

шееся в данном учебном заведении, либо лицо, имеющее прямое или опосредованное отношение к образовательной организации.

Эта особенность связана прежде всего с тем, что нападающее лицо определенное время было связано с образовательной организацией, имело различного рода взаимоотношения с субъектами образования. Зачастую травмирующее воздействие на психику оказали обстоятельства, произошедшие в образовательной организации.

Так, например, 17 октября 2018 г. в Керченском политехническом колледже студент Владислав Росляков заложил взрывное устройство в столовой учебного заведения, после чего начал стрельбу по обучающимся и преподавателям данного колледжа. В результате произошедшего погибли 21 человек, вред здоровью получили 67 человек. Росляков с 2015 г. обучался в Керченском политехническом колледже и к моменту нападения был на 4 курсе [20, с. 268].

5. Чаще всего нападение направлено на убийство неопределенного круга лиц. Акт насилия носит беспорядочный характер, нацеленный на максимальное количество жертв.

Например, 11 мая 2021 г. выпускник гимназии № 175 в Казани Ильназ Галявиев, используя взрывные устройства и огнестрельное оружие, совершил нападение в образовательной организации, в которой сам и обучался. В результате нападения погибли 9 человек, 32 пострадали.

В ходе предварительного следствия стало известно, что вооруженный Галявиев утром направился к гимназии № 175. Подходя к гимназии, он выстрелил из гладкоствольного ружья в девушку, подходившую к гимназии, после чего выстрелил в разнорабочего, находящегося на территории образовательной организации. Далее Галявиев зашел в здание гимназии и начал беспорядочную стрельбу по ученикам и преподавательскому составу. Подтверждением того, что Галявиев не имел конкретной цели нападения, является тот факт, что, убив учителя английского языка, он увидел в окне, что на спортивной площадке проходит урок физкультуры, и начал стрелять в толпу школьников на стадионе [21, с. 243].

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что, основываясь на представленных признаках исследуемого деяния, считаем возможным в научных работах вместо термина «скулшутинг» использовать понятие вооруженного нападения в образовательной организации, т. к. оно более точно отражает сущность рассматриваемого явления, содержит в себе признаки, позволяющие отграничивать данное деяние от иных насильственных преступлений, совершенных в образовательных организациях, и соответствует традициям и особенностям российского законодательства.

Таким образом, исследовав сущность актов массового насилия в образовательных организациях в Российской Федерации, можно дать целостное определение вооруженному нападению в образовательной организации следующим образом*:* это заранее спланированный акт вооруженного нападения в образовательной организации, совершенный лицом, прямо или опосредованно связанным с учебным заведением, с целью причинения смерти неопределенному кругу лиц.

Список литературы

1. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Бомбра, 2022. 304 с.

2. Цыкора А.В. Понятие и основные характеристики «скулшутинга» // Наука и мир. 2021. № 2. С. 27–36.

3. Орлов В. В. О терминологическом наполнении понятий «колумбайн», «скулшутинг» и «вооруженные нападения на учебные учреждения» // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 2. С. 21–27.

4. Пастыка Е. А., Питанова М. Е. Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 3. С. 21–25.

5. Протопопова Е. Г., Казенная Е. В. Нападения на учебные заведения: феномен «скулшутинг» и психологические аспекты безопасности образовательной среды // Образование личности. 2019. № 1. С. 12–19.

6. Карпов В. О. Культ колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 442–446.

7. Гриненко У. Б. Проблема скулшутинга в образовательной среде // Психологические исследования. 2021. № 80. С. 2–27.

8. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108.

9. Гончаров Л. А. Колумбайн и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29–31.

10. Аскельдов Д. В., Гатауллина И. А. Колумбайнеры как новый вызов современности // Актуальные проблемы противодействия идеологии терроризма и экстремизма в современном обществе: сборник материалов научно-практической конференции. Казань: Казан. гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева, 2018. С. 7–9.

11. Чунин А. С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // Обзор НЦПТИ. 2020. № 3. С. 48–52.

12. Нагоева М. А. Терроризм как глобальная проблема современности. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2014. Вып. 3. С. 255–257.

13. Суходольская Ю. В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3. С. 117–120.

14. Узлов Н. Д. Скулшутинг: социально-философский аспект проблемы // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2022. № 2. С. 264–276.

15. Михайлова Е. В. Молодежные течения экстремистской направленности как угроза национальной безопасности Российской Федерации (на примере субкультуры «колумбайн») // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сборник научных статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Новосиб. военный ин-т им. генерала армии И. К. Яковлева войск Национальной гвардии Российской Федерации, 2022. С. 160–168.

16. Волчецкая Т. С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591.

17. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4. С. 62–76.

18. Плотников В. В. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2. С. 163–168.

19. Родивилина В. А. Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2. С. 184–193.

20. Галимова А. Г. Концептуальный подход противодействия скулшутингу как молодежному течению экстремистской направленности // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 5А. С. 265–278.

21. Казанцева А. Р. Феномен скулшутинга и стилистика его медийного освещения (на примере публикаций о трагедии в Казани) // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: статьи 21-й Международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2022. С. 241–248.

References

1. Langman P. Pochemu deti ubivayut. Chto proiskhodit v golove u shkol'nogo strelka [Why children kill. What's going on in the head of a school shooter]. Moscow, Bombra Publ., 2022. 304 p.

2. Cykora A. V. Ponyatie i osnovnye harakteristiki "skulshutinga" [The concept and main characteristics of "schoolshooting"]. *Nauka i mir = Science and the world*, 2021, no. 2, pp. 27–36.

3. Orlov V. V. O terminologicheskom napolnenii ponyatij "kolumbajn", "skulshuting" i "vooruzhennye napadeniya na uchebnye uchrezhdeniya" [On the terminological content of the concepts "Columbine", "schoolshooting" and "armed attacks on educational institutions"]. *Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk = Theory and practice of socio-humanitarian sciences*, 2022, no. 2, pp. 21–27.

4. Pastyka E. A., Pitanova M. E. Problema vooruzhennyh napadenij podrostkov v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah [The problem of armed attacks by teenagers in educational institutions]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Penza State University*, 2020, no. 3, pp. 21–25.

5. Protopopova E. G., Kazennaya E. V. Napadeniya na uchebnye zavedeniya: fenomen "skulshuting" i psihologicheskie aspekty bezopasnosti obrazovatel'noj sredy [Attacks on educational institutions: the phenomenon of "schoolshooting" and psychological aspects of the security of the educational environment]. *Obrazovanie lichnosti = Personality education*, 2019, no. 1, pp. 12–19.

6. Karpov V. O. Kul't kolumbajna: osnovnye determinanty massovyh ubijstv v shkolah [The cult of Columbine: the main determinants of mass killings in schools]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 442–446.

7. Grinenko U. B. Problema skulshutinga v obrazovatel'noj srede [The problem of schoolshooting in the educational environment]. *Psihologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2021, no. 80, pp. 2–27.

8. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? [Schoolshooting in Russia: what matters?]. *Power = Vlast'*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 93–108.

9. Goncharov L. A. Kolumbajn i skulshuting v strukture molodezhnogo ekstremizma i terrorizma [Columbine and schoolshooting in the structure of youth extremism and terrorism]. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i social'nogo upravleniya = Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management*, 2019, no. 2, pp. 29–31.

10. Askel'dov D. V., Gataullina I. A. [Combine harvesters as a new challenge of modernity]. *Aktual'nye problemy protivodejstviya ideologii terrorizma i ekstremizma v sovremennom obshchestve. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of countering the ideology of terrorism and extremism in modern society. Collection of materials of the scientific and practical conference]. Kazan', Kazan St. techn. Univ. named A. N. Tupolev Publ., 2018, pp. 7–9. (In Russ.)

11. Chunin A. S. Fenomen skulshutinga v sovremennoj Rossii. Pravovoj aspekt [The phenomenon of schoolshooting in modern Russia. Legal aspect]. *Obzor NCPTI = Review of NCPTI*, 2020, no. 3, pp. 48–52.

12. Nagoeva M. A. Terrorizm kak global'naya problema sovremennosti. Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Terrorism as a global problem of our time. Gaps in Russian legislation]. *Yuridicheskij zhurnal = Law Journal*, 2014, is. 3, pp. 255–257.

13. Suhodol'skaya Yu. V. Skulshuting kak samostoyatel'nyj kriminologicheskij fenomen [Schoolshooting as an independent criminological phenomenon]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2020, no. 3, pp. 117–120.

14. Uzlov N. D. Skulshuting: social'no-filosofskij aspekt problemy [Schoolshooting: the socio-philosophical aspect of the problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya = Bulletin of Perm University. Series: Philosophy. Psychology. Sociology*, 2022, no. 2, pp. 264–276.

15. Mihajlova E. V. [Extremist youth trends as a threat to the national security of the Russian Federation (on the example of the Columbine subculture)]. *Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremennom etape. Sbornik nauchnyh statej I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of countering extremism and terrorism at the present stage. Collection of scientific articles of the I All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation]. Novosibirsk, Novosibirskii voennyj in-t im. generala armii I. K. Yakovleva vojsk Nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2022, pp. 160–168. (In Russ.)

16. Volcheckaya T. S. Kriminologicheskaya harakteristika i profilaktika skulshutinga i kiberbullinga v Rossii i zarubezhnyh stranah [Criminological characteristics and prevention of schoolshooting and cyberbullying in Russia and foreign countries]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 578–591.

17. Davydov D. G., Hlomov K. D. Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: mekhanizmy, prichiny, profilaktika [Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2018, no. 4, pp. 62–76.

18. Plotnikov V. V. Problema skulshutinga (kolumbajna) v rossijskoj nauke [The problem of schoolshooting (columban) in Russian science]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2021, no. 2, pp. 163–168.

19. Rodivilina V.A. Nesovershennoletnij i prestuplenie. Vliyanie informacionnoj sredy [A minor and a crime. Influence of the information environment]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 184–193.

20. Galimova A.G. Konceptual'nyj podhod protivodejstviya skulshutingu kak molodezhnomu techeniyu ekstremistskoj napravlennosti [A conceptual approach to countering

schoolshooting as a youth trend of extremist orientation]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*, 2022, vol. 12, no. 5A, pp. 265–278.

21. Kazanceva A. R. [The phenomenon of schoolshooting and the style of its media coverage (on the example of publications about the tragedy in Kazan)]. *Sovremennaya mediasreda: tradicii, aktual'nye praktiki i tendencii. Vzglyad molodyh issledovatelej. Stat'i 21-j Mezhdunarodnoj konferencii studentov, magistrantov i aspirantov* [Modern media environment: traditions, current practices and trends. The view of young researchers. Articles of the 21st International Conference of Students, Undergraduates and Postgraduates]. St. Petersburg, St.-Petersburg St. Univ. Publ., 2022, pp. 241–248.

Информация об авторе / Information about the Author

Мамедов Шамо Гейсаддинович, адъюнкт, Омская академия Министерства внутренних дел России, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: mamedovshamo@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4979-1563

Shamo G. Mamedov, Adjunkt, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, e-mail: mamedovshamo@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4979-1563

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-156-168

(cc) BY 4.0

Правовое обеспечение предупреждения киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан

К. О. Карабеков[1] ✉

[1]Омская академия Министерства внутренних дел России
пр. Комарова, д. 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: KarabekovK@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Большое значение в предупреждении преступности, в том числе киберпреступности в России и Казахстане, имеет содержание их правового обеспечения. Законодательство о киберпреступности в России и Казахстане разнообразно и имеет свои особенности. Актуальным является изучение содержания и системы правовых мер по предупреждению киберпреступности в России и Казахстане и выработка единого подхода к систематизации нормативных правовых актов, направленные на обеспечение кибербезопасности и предупреждение киберпреступности.*

Целью *является выявление недостатков и разработка предложений по повышению эффективности правового обеспечения предупреждения киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан.*

Задачи: *изучить и провести сравнение содержания международно-правовых актов, нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Казахстан по предупреждению киберпреступности и обеспечению кибербезопасности.*

Методология. *Основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод. Также использован общенаучный метод анализа, который позволил провести систематизацию нормативных правовых актов по предупреждению киберпреступности. Метод научного синтеза использовался для авторского представления правового обеспечения предупреждения киберпреступности. Метод сравнительного правоведения стал основой для характеристики правового обеспечения предупреждения киберпреступности в юридической науке и в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан.*

Результаты. *В ходе исследования выявлены недостатки систематизации законодательства по предупреждению киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан, предложена классификация соответствующих нормативных правовых актов по признаку субъектов, которые их принимают.*

Выводы. *Для более глубокого раскрытия системы нормативных правовых актов, касающихся кибербезопасности и предупреждения киберпреступности в России и Казахстане, исключения пробелов правового регулирования, а также их дублирования необходима их полная классификация по признаку субъектов, которые их принимают.*

Ключевые слова*: киберпреступность; правовое обеспечение; информационная безопасность; международные договоры.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Карабеков К. О. Правовое обеспечение предупреждения киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С.156–168. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-156-168.

Поступила в редакцию 21.04.2023 Принята к публикации 26.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Карабеков К. О., 2023

Legal Support for the Prevention of Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

Kanatbek O. Karabekov[1] ✉

[1]Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7 Komarova Str., Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: KarabekovK@mail.ru

Abstract

Relevance. *The content of their legal support is of great importance in the prevention of crime, including cybercrime in Russia and Kazakhstan. Cybercrime legislation in Russia and Kazakhstan is diverse and has its own peculiarities. It is relevant to study the content and system of legal measures to prevent cybercrime in Russia and Kazakhstan and to develop a unified approach to the systematization of regulatory legal acts aimed at ensuring cybersecurity and preventing cybercrime.*

Purpose. *The aim is to identify shortcomings and develop proposals to improve the effectiveness of legal support for the prevention of cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.*

Objectives. *to study and compare the content of international legal acts, regulatory legal acts of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the prevention of cybercrime and cybersecurity.*

Methodology. *The basis of scientific research was the universal dialectical method. A general scientific method of analysis was also used, which made it possible to systematize regulatory legal acts on the prevention of cybercrime. The method of scientific synthesis was used for the author's presentation of legal support for the prevention of cybercrime. The method of comparative jurisprudence has become the basis for the characterization of legal support for the prevention of cybercrime in legal science and in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.*

Results. *In the course of the study, the shortcomings of the systematization of legislation on the prevention of cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan were identified, the classification of relevant regulatory legal acts on the basis of the subjects that adopt them was proposed.*

Conclusion. *For a deeper disclosure of the system of regulatory legal acts related to cybersecurity and the prevention of cybercrime in Russia and Kazakhstan, the exclusion of gaps in legal regulation, as well as their duplication, their complete classification is necessary on the basis of the entities that accept them.*

Keywords: *cybercrime; legal support; cybersecurity; information security; international treaties.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Karabekov K. O. Legal Support for the Prevention of Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 156–168. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-156-168.

Received 21.04.2023 Accepted 26.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Вопросами предупреждения киберпреступности, обеспечения кибербезопасности или информационной безопасности в Российской Федерации занимались такие ученые, как Д. М. Апкаев, А. С. Логозинский [1], В. Р. Атнашев, С. Н. Яхъеева [2], Т. А. Гончарова, Л. В. Набоков [3], В. Ф. Джафарли [4], К. Н. Евдокимов [5], П. Н. Кобец [6], А. Л. Осипенко [7], С. С. Симонова [8]. В Республике Казахстан вышеуказанные проблемы стали предметами обсуждения и анализа таких ученых, как Н. А. Биекенов [9], Р. Е. Джансараева, К. Аратулы [10], Р. Т. Дыбыс [11], А. Н. Камбаров, Н. А. Тулаганов [12],

А. Махмутов [13], А. Д. Мухамеджанова [14], А. А. Мырзахмет [15], К. К. Сабиров, Ф. Р. Ахмеджанов [16]. Ученые России и Казахстана проявляют активный научный интерес к проблемам киберпреступности. По нашему мнению, это связано не только с ростом киберпреступлений и огромным материальным вредом, причиняемым киберпреступлениями, но и в целом с беспрецедентным масштабом киберугроз, возникающих для наших государств.

Киберпреступность стала новым глобальным вызовом для всего современного мира, но особенно для прогрессивно развивающихся государств, повсеместно внедряющих современные информационно-телекоммуникационные технологии. Параллельно с ростом внедрения этих технологий, и даже опережающими темпами, растет основанная на этих технологиях преступность. И чем активнее государства внедряют современные IT-технологии, тем больше они сталкиваются с проблемами киберпреступности.

В России и Казахстане Интернетом пользуются более 90% от общей численности населения, и статистика показывает, что с ростом количества интернет-пользователей параллельно регистрируется рост киберпреступлений и объем причиняемого ими ущерба. Так, в России размер ущерба, причиненного киберпреступлениями, в 2021 г. оценивается в 90 млрд рублей против порядка 70 млрд рублей годом ранее[1], а в Казахстане в 2022 г. ущерб составил 7 млрд тенге (это примерно 1 млрд 57 млн 700 тыс. рублей)[2].

Проблему борьбы с данным видом преступности осложняет, прежде всего, новизна и динамичность способов совершения этих преступлений. Конечно, в каждом государстве существуют свои давно разработанные системы мер профилактики и предупреждения преступности, однако способы совершения киберпреступлений так быстро обновляются, что предупредить их традиционными мерами не всегда удается. Особенно отставание сказывается на правовом регулировании и закреплении содержания и порядка применения предупредительных мер борьбы с киберпреступностью. Все это требует повышенного внимания наших государств к разработке системы и содержанию нормативных правовых актов, касающихся как обеспечения кибербезопасности (информационной безопасности), так и борьбы с конкретными видами киберпреступлений.

Методология

Основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод. Также использован общенаучный метод анализа, который позволил провести систематизацию нормативных правовых актов по предупреждению киберпреступности. Метод научного синтеза использовался для авторского представления правового обеспечения предупреждения киберпреступности. Метод сравнительного правоведения стал основой для характеристики правового обеспечения предупреждения киберпреступности в юридической науке и в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан.

Результаты и их обсуждение

Киберпреступность, имея трансграничную сущность, представляет собой большую опасность для всех стран, для

[1] Эксперт оценил ущерб от киберпреступлений в России в 2021 году // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20211222/kiberprestupleniya-1764 832102.html/ (дата обращения: 13.04.2023).

[2] Машаев А. Что стало причиной роста киберкриминала в Казахстане // Курсив. URL: https://kz.kursiv.media/2022-12-15/chto-stalo-prichinoj-rosta-kiberkriminala-v-kazahstane/ (дата обращения: 13.04.2023).

всех граждан, независимо от их местонахождения и гражданства. Такая глобальная угроза для всех людей в мире требует не только усилий отдельных государств по борьбе с киберпреступностью на своей территории, но и адекватного государственного реагирования на мировом уровне, объединения усилий всех государств мира в организации борьбы с киберпреступностью. Решением этих вопросов, предполагается, должны заниматься международные организации, объединяющие несколько стран мира, такие как Организация Объединенных Наций (далее – ООН), Совет Европы (далее – СЕ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ), Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС), Содружество Независимых Государств (далее – СНГ). При этом большое значение должны иметь нормативные правовые акты таких международных организаций, позволяющие скоординировать и объединить усилия всех государств в борьбе с киберпреступностью.

Изучение действующего международного законодательства в этом направлении свидетельствует о наличии определенных достижений. Например, ООН принял несколько нормативных актов, в которых определены задачи законодательства в области кибербезопасности, включая:

– защиту прав человека;

– установление стандартов допустимого поведения для пользователей информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ);

– установление социально-правовых санкций за совершение киберпреступлений;

– обеспечение защиты пользователей ИКТ и предотвращение вреда, наносимого людям, данным, системам, сервисам и инфраструктуре;

– обеспечение возможностей для расследования и уголовного преследования в отношении преступлений, совершаемых в сети Интернет;

– содействие международному сотрудничеству по вопросам, связанным с киберпреступностью[1].

Реализация этих задач должна находить отражение в содержании нормативных правовых актов по предупреждению и противодействию киберпреступности всех государств, в том числе России и Казахстана. Учитывая территориальную близость, исторически длительный характер общения между нашими народами, а также дружественный характер взаимоотношений между нашими государствами, большой интерес представляет изучение реального состояния правового регулирования и обеспечения вопросов кибербезопасности и опыта борьбы с киберпреступностью.

Приступая к изучению такого опыта, следует учесть особенности и достижения научных школ и направлений, разные подходы ученых наших стран к характеристике понятия и содержания правового обеспечения предупреждения преступности.

Чтобы предупредить преступления, необходимо развивать экономику, политику, идеологию, культуру и быт таким образом, чтобы исключить или уменьшить негативные аспекты общественной жизни, которые могут стать причиной или условием для преступности. Для этого необходимо создать правовую базу, которая обеспечит такую организацию общественной жизни [17, с. 140]. Поэтому правовое регулирование является определяющим фактором в борьбе с киберпреступностью, и комплексные нормативные правовые акты, учитывающие реалии криминогенной ситуации в сете-

[1] Киберпреступность. Модуль 3. Правовая база и права человека // ООН. Ве́на, 2019. С. 4. URL: Cybercrime_Module_3_Legal_ Frameworks_and_Human_Rights_RU.pdf / (дата обращения: 13.04.2023).

вом информационном пространстве, являются необходимыми для эффективной борьбы [18, с. 132–133].

Согласно мнению А. Л. Осипенко, «в правовом регулировании сетевых процессов можно выделить как минимум два направления: во-первых, развитие общих правовых механизмов, обеспечивающих безопасность информационного пространства глобальных компьютерных сетей, и, во-вторых, создание системы правовых норм, непосредственно регламентирующих борьбу с преступностью в глобальных сетях» [17, с. 314].

В. Ф. Джафарли в своих исследованиях на тему «Криминология кибербезопасности» выстраивает, по нашему мнению, правильное представление о том, что комплексное обеспечение кибербезопасности предполагает систему нормативных правовых актов, в том числе и в некриминальной сфере [4, с. 13].

Д. А. Шестаков отмечает, что «контроль общества за преступностью без надлежащей нормативной базы (основополагающего закона и систематизации прочих законов и подзаконных актов в данной области) в силу хаотичности, необеспеченности государственной поддержкой оказывается предельно неэффективным, что имеет место в современной России» [19, с. 147–148].

Также, по мнению И. М. Мацкевича, «криминологическое законодательство – это система нормативных правовых актов, которые регулируют общественные отношения, касающиеся причин, условий преступлений и преступности, предупреждения преступлений и преступности, лиц, совершивших преступления, и их жертв, а также применения иных мер по борьбе с преступлениями и преступностью» [20, с. 13–14].

Таким образом, каждое государство должно быть обеспечено системой мер по профилактике и предупреждению преступности, которые регламентированы законодательством. Под правовым обеспечением предупреждения преступности понимается комплекс нормативных правовых актов, принимаемых государством, в которых определяются общие политические, социальные, экономические задачи государства и правоохранительных органов по предупреждению преступности.

Наличие большого числа нормативных правовых актов объективно создает трудности не только в их применении, но даже в ориентации в них. Конечно, это требует их упорядоченности, систематизации, классификации, которую необходимо проводить на определенной основе. Так, В. Ф. Джафарли предлагает вариант систематизации нормативных правовых актов по обеспечению кибербезопасности в Российской Федерации на три уровня: «первый уровень – правовые основы обеспечения национальной безопасности; второй уровень – правовые основы обеспечения национальной и международной кибербезопасности; третий уровень – правовые основы обеспечения криминологической безопасности, в том числе и в сфере информационно-коммуникационных технологий» [4, с. 20].

По нашему мнению, основные средства борьбы с киберпреступностью определяются национальным законодательством конкретной страны, которое дополняется международно-правовыми предписаниями, содержащимися в международных документах, учитывая также специфику киберпреступности (повышенная скрытность, международный, трансграничный, дистанционный характер и т. д.), поэтому нельзя недооценивать важную роль международных правовых актов.

В целом для лучшего раскрытия содержания и системы, поиска пробелов правового регулирования, исключения дублирования нормативных правовых актов, касающихся кибербезопасности (информационной безопасности) и киберпреступности в России и Казахстане, можно предложить следующую классификацию по уровню статуса субъектов,

которые принимают эти нормативные правовые акты:

1. Международно-правовые акты *глобальных субъектов* мирового уровня.

2. Международно-правовые акты *межрегиональных субъектов* межгосударственного *(межнационального)* уровня.

3. Национальные нормативные правовые акты *национальных субъектов* уровня отдельных государств (*государственного*) уровня.

В соответствии с этой классификацией нормативные правовые акты делятся на три уровня.

Учитывая трансграничный (транснациональный) характер киберпреступлений, при котором преступник, объект преступного посягательства, жертва могут находиться под юрисдикцией разных государств, *к первой группе* необходимо относить международно-правовые акты ООН по обеспечению кибербезопасности (информационной безопасности) и сотрудничеству по борьбе с киберпреступностью, т. к. в ООН входят 193 государства.

К таким источникам среди документов ООН, посвященных вопросам международной информационной безопасности (кибербезопасности) и борьбы с киберпреступностью, относятся:

– Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 53/70 от 4 января 1999 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»;

– Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/27 от 5 декабря 2018 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»;

– Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/264 от 22 декабря 2018 г. «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности»;

– Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, 2000 г.;

– Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 г.;

– Элементы для создания глобальной культуры кибербезопасности (приняты резолюцией 57/239 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2002 г.).

В таких документах, как Глобальная программа кибербезопасности Международного союза электросвязи или Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур», содержатся подходы к пониманию кибербезопасности, охватывающие сферу безопасного использования ИКТ и защиты критической информационно-коммуникационной инфраструктуры. Это включает в себя защиту информационных систем, аппаратно-программных комплексов, телекоммуникационных систем, сетей телекоммуникаций, систем защиты информации и программного обеспечения от вредоносного воздействия программно-техническими методами.

Вместе с тем следует отметить, что в содержании международно-правовых актов не раскрыты производные термина кибербезопасности, такие понятия, как киберпреступность, киберпространство, киберзащита, кибератаки, кибернападение. В целом это затрудняет общее восприятие этих терминов на глобальном международном уровне и создает определенные проблемы в международном сотрудничестве по обеспечению кибербезопасности и противодействию киберпреступности.

К международно-правовым актам *регионального* (межнационального, межгосударственного) уровня следует отнести акты таких организаций, как СЕ *(47 государств)*, ОБСЕ *(57 государств),* ШОС

(9 государств), СНГ *(10 государств)*. В частности, к международно-правовым актам *регионального* уровня, посвященным вопросам международной информационной безопасности (кибербезопасности) и борьбе с киберпреступностью, относятся:

– на уровне *СЕ:* Конвенция СЕ о компьютерных преступлениях и Дополнительный протокол к Конвенции о компьютерных преступлениях, касающийся уголовной ответственности за акты расистского и ксенофобского характера, совершаемые через компьютерные системы, 2001 г.; Конвенция СЕ о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера, 2007 г.;

– на уровне *ОБСЕ:* Меры укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий (Решение PC.DEC/1202 от 10 марта 2016 г.);

– на уровне *ШОС:* Соглашение ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, 2010 г.

Соглашения в рамках СНГ по борьбе с киберпреступлениями:

– Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г.;

– модельный Информационный кодекс для государств – участников СНГ от 23 ноября 2012 г.;

– Рекомендации Межпарламентской ассамблеи государств СНГ по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности от 23 ноября 2012 г.;

– Рекомендации Межпарламентской ассамблеи государств СНГ по правовому регулированию эксплуатации открытых телекоммуникационных сетей для предупреждения их использования в террористических и иных противоправных целях от 29 ноября 2013 г.;

– модельный закон СНГ о критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры от 28 ноября 2014 г.;

– модельный Регламент административных процедур, осуществляемых уполномоченными органами в сфере обеспечения информационной безопасности государств – участников СНГ от 28 ноября 2014 г.;

– Рекомендации Межпарламентской ассамблеи государств СНГ по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия технологическому терроризму от 16 апреля 2015 г.

Безусловно, все перечисленные международно-правовые акты регионального уровня при необходимости решения вопросов по борьбе с киберпреступностью признаются основополагающими актами, но не всегда в таких документах учитывается суверенитет и независимость стран-участников. Например, к Конвенции СЕ о компьютерных преступлениях и к Дополнительному протоколу к Конвенции о компьютерных преступлениях, касающихся уголовной ответственности за акты расистского и ксенофобского характера, совершаемые через компьютерные системы (2001 г.), Россия не присоединилась, поскольку положения ст. 32b противоречат российскому законодательству и нарушают суверенитет государства, т. к. предусмотренные в ней действия могут совершаться без предварительного уведомления и согласия стороны, на территории которой эти действия совершаются. Кроме того, «в УК РФ отсутствуют нормы, устанавливающие уголовную ответственность юридических лиц за преступления в сфере компьютерной информации» [5, с. 27]. По нашему мнению, в международно-правовых актах должен быть закреплен комплекс правовых мер, учитывающих суверенитет и независимость отдельных государств.

К нормативным правовым актам *(национальное законодательство)*, обес-

печивающим кибербезопасность (информационную безопасность) отдельных стран, по нашему мнению, следует отнести законы, подзаконные и локальные нормативные правовые акты, в том числе и Российской Федерации и Республики Казахстан.

Безусловно, главным источником государства для защиты прав граждан и обеспечения кибербезопасности является Конституция. Согласно ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (п. 1). Также каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (п. 2). В ст. 24 сказано, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (п. 1). Аналогичные статьи (17, 18) имеются и в Конституции Республики Казахстан. Это говорит о том, что государство гарантирует защиту личных неимущественных прав граждан от противоправных посягательств с использованием ИКТ.

К основным нормативным правовым актам, обеспечивающим кибербезопасность (информационную безопасность) наших стран, следует отнести: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (Постановление Правительства Республики Казахстан от 8 сентября 2016 г. № 529 «Об утверждении Правил и критериев отнесения объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры к критически важным объектам информационно-коммуникационной инфраструктуры»), Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 г. № 401-V ЗРК «О доступе к информации»), Доктрину информационной безопасности Российской Федерации (Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 407 «Об утверждении Концепции кибербезопасности»), Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» (Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2021 г. № 961 «Об утверждении Концепции развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и цифровой сферы»), Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях»).

Характеризуя содержание указанных нормативных правовых актов, нельзя не отметить их значительную разноплановость. По нашему мнению, для качественного и системного правового регулирования вопросов кибербезопасности нужна определенная концепция. В качестве примера можно обратиться к содержанию Постановления Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 407, которым была утверждена Концепция кибербезопасности[1]. Данная Концепция определяет основные направления реализации государственной политики в сфере защиты электронных информационных ресурсов, информационных

[1] Об утверждении Концепции кибербезопасности ("Киберщит Казахстана"): Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 407 // Әділет : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407 (дата обращения: 24.03.2023).

систем и сетей телекоммуникаций, обеспечения безопасного использования ИКТ, также призвана обеспечить единство подходов к мониторингу обеспечения информационной безопасности государственных органов, физических и юридических лиц, а также выработку механизмов предупреждения и оперативного реагирования на инциденты информационной безопасности, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера, введения чрезвычайного или военного положения.

Формально подобная Концепция кибербезопасности в Российской Федерации отсутствует, хотя в 2010 г. был опубликован проект подобной концепции, но в итоге такой стратегический документ не был принят. В качестве аналогов стратегии кибербезопасности в Российской Федерации возможно привести следующие нормативные правовые акты: Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации[1] и Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ[2], а также Концепцию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации, выписка из которой опубликована на сайте Совета безопасности[3]. Учитывая опыт Республики Казахстан по систематизации государственной политики в области кибербезопасности, необходимо все-таки принять Концепцию кибербезопасности Российской Федерации.

По нашему мнению, предлагаемая систематизация законодательства в сфере обеспечения интересов кибербезопасности поможет нашим государствам правильно выстроить систему мер предупреждения, найти пробелы правового регулирования, исключить дублирование нормативных правовых актов, касающихся кибербезопасности (информационной безопасности) и киберпреступности в России и Казахстане.

Выводы

Проанализировав международные акты, нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Казахстан и мнения ученых о системе, роли и значении законодательства по предупреждению и противодействию киберпреступности, можно делать следующие выводы:

– в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан отсутствует единая система нормативных правовых актов по предупреждению киберпреступности;

[1] Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации: [утв. Президентом РФ 3 февр. 2012 г. № 803] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150730/ (дата обращения: 24.03.2023).

[2] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: Федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 24.03.2023).

[3] Выписка из Концепции государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации : [утв. Президентом РФ 12 дек. 2014 г. № К 1274] // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/information/document131/ (дата обращения: 24.03.2023).

– в содержании глобальных международных правовых актов нет правильного закрепления прав и обязанностей государств в отношении вопросов международной кибербезопасности;

– в содержании глобальных международных правовых актов не раскрыты основные термины, касающиеся понятий «кибербезопасность», «киберпреступность», «киберпространство»;

– в документах ООН не закреплен комплекс правовых мер, учитывающих суверенитет отдельных государств.

Для лучшего понимания системы и содержания, поиска пробелов правового регулирования, исключения дублирования нормативных правовых актов, касающихся кибербезопасности (информационной безопасности) и киберпреступности в России и Казахстане можно предложить следующую классификацию по признаку субъектов, которые принимают эти нормативные правовые акты: первое – международно-правовые акты *глобального* уровня; второе – международно-правовые акты *регионального (межнационального, межгосударственного)* уровня; третье – нормативные правовые акты *(национальное законодательство)* отдельных государств.

Также на основе опыта Республики Казахстан для систематизации государственной политики в области кибербезопасности представляется возможным принятие Концепции кибербезопасности Российской Федерации.

Стратегии кибербезопасности России и Казахстана схожи по целям, поскольку обеспечение кибербезопасности (информационной безопасности) стало приоритетным направлением обеспечения национальной безопасности государств и их критически важных отраслей. Обе страны обеспокоены безопасностью киберпространства, включающего в себя критическую информационную инфраструктуру. В рамках СНГ поднимаются вопросы сотрудничества в борьбе с киберпреступностью, единодушно отмечается эволюция киберугроз, а также отмечается необходимость совместной работы и глобального международного регулирования действий в киберпространстве.

Список литературы

1. Апкаев Д. М., Логозинский А. С. Некоторые аспекты предупреждения киберпреступности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 3 (33). С. 63–67.

2. Атнашев В. Р., Яхъеева С. Н. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3 (29). С. 37–42.

3. Гончарова Т. А., Набоков Л. В. Киберпреступность в России: проблемные аспекты и предупреждение преступности // Инновационная экономика и право. 2022. № 1 (20). С. 118–124.

4. Джафарли В. Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 1: Криминологическая кибербезопасность: теоретические, правовые и технологические основы. М.: Проспект, 2021. 288 с.

5. Евдокимов К. Н. Актуальные вопросы предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2015. № 1 (59). С. 21–31.

6. Кобец П. Н. Киберпреступность: современные виды, причины, ее порождающие, и особенности предупреждения // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 52–58.

7. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омск. акад. МВД России, 2009. 480 с.

8. Симонова С. С. Противодействие киберпреступности в России и зарубежных странах: криминологический и виктимологический аспекты // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2022. Вып. 3. С. 58–61.

9. Биекенов Н. А. Некоторые проблемы обеспечения кибербезопасности в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2014. № 1 (33). С. 16–20.

10. Джансараева Р. Е., Аратулы К. Борьба с киберпреступлениями: сравнительный анализ законодательства стран СНГ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 95–99.

11. Дыбыс Р. Т. Административно-правовые средства обеспечения информационной безопасности в Республике Казахстан // Казахская цивилизация. 2017. № 3. С. 47–54.

12. Камбаров А. Н., Тулаганов Н. А. Проблемы обеспечения информационной безопасности Республики Казахстан // Физика. Технологии. Инновации: сборник научных трудов / под ред. В. Н. Рычкова. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2015. Вып. 1. С. 257–262.

13. Махмутов А. Концепция национальной безопасности Казахстана в контексте современных внешнеполитических реалий // Внешнеполитические перспективы и новые концепты международной стратегии Казахстана: материалы круглого стола. Алматы: Жибек жолы, 2012. С. 14–15.

14. Мухамеджанова А. Д. Особенности динамики киберпреступности в Республике Казахстан и ее влияние на вопросы её предупреждения // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 2. С. 49–55.

15. Мырзахмет А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности Республики Казахстан // Молодой ученый. 2019. № 15 (253) С. 119–122.

16. Сабиров К. К., Ахмеджанов Ф. Р. Некоторые вопросы законодательного укрепления кибербезопасности в Республике Казахстан // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 3 (21). С. 55–62.

17. Криминология / под ред. В. Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2004. 524 с.

18. Прозументов Л. М. Криминализация и декриминализация как средства выражения уголовно-правовой политики // Вопросы развития российского законодательства: сборник материалов региональной научно-практической конференции. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2005. С. 132–133.

19. Шестаков Д. А. Криминология: Преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Лань, 2001. 259 с.

20. Мацкевич И. М. Криминология. М.: Норма, 2017. 368 с.

References

1. Apkaev D. M., Logozinskij A. S. Nekotorye aspekty preduprezhdeniya kiberprestupnosti [Some aspects of cybercrime prevention]. *Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika = Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*, 2022, no. 3 (33), pp. 63–67.

2. Atnashev V. R., Yah"eeva S. N. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s kiberprestupnost'yu i kiberterrorizmom [International cooperation in the fight against cybercrime and cyberterrorism]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: Economics, law, Politics*, 2019, no. 3 (29), pp. 37–42.

3. Goncharova T. A., Nabokov L. V. Kiberprestupnost' v Rossii: problemnye aspekty i preduprezhdenie prestupnosti [Cybercrime in Russia: problematic aspects and crime prevention]. *Innovacionnaya ekonomika i pravo = Innovative Economics and Law*, 2022, no. 1 (20), pp. 118–124.

4. Dzhafarli V. F. Kriminologiya kiberbezopasnosti. T. 1: Kriminologicheskaya kiberbezopasnost': teoreticheskie, pravovye i tekhnologicheskie osnovy [Cybersecurity Criminology. Vol. 1. Criminological Cyberbullying: Theoretical, truthful and Technological foundations]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 288 p.

5. Evdokimov K. N. Aktual'nye voprosy preduprezhdeniya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii v Rossijskoj Federacii [Topical issues of crime prevention in the field of computer information in the Russian Federation]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2015, no. 1 (59), pp. 21–31.

6. Kobec P. N. Kiberprestupnost': sovremennye vidy, prichiny, ee porozhdayushchie, i osobennosti preduprezhdeniya [Cybercrime: modern types, causes, its generating, and features of prevention]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, no. 1 (47), pp. 52–58.

7. Osipenko A. L. Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by [Network computer crime: theory and practice of struggle]. Omsk, Omsk. akad. MVD Rossii, 2009. 480 p.

8. Simonova S. S. Protivodejstvie kiberprestupnosti v Rossii i zarubezhnyh stranah: kriminologicheskij i viktimologicheskij aspekty [Countering cybercrime in Russia and abroad: criminological and victimological aspects]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo = Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*, 2022, is. 3, pp. 58–61.

9. Biekenov N. A. Nekotorye problemy obespecheniya kiberbezopasnosti v Respublike Kazahstan [Some problems of cybersecurity in the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan = Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, 2014, no. 1 (33), pp. 16–20.

10. Dzhansaraeva R. E., Aratuly K. Bor'ba s kiberprestupleniyami: sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva stran SNG [Combating cybercrime: a comparative analysis of the legislation of the CIS countries]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2012, no. 3, pp. 95–99.

11. Dybys R. T. Administrativno-pravovye sredstva obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v Respublike Kazahstan [Administrative and legal means of ensuring information security in the Republic of Kazakhstan]. *Kazahskaya civilizaciya = Kazakh civilization*, 2017, no. 3, pp. 47–54.

12. Kambarov A. N., Tulaganov N. A. [Problems of ensuring information security of the Republic of Kazakhstan]. Fizika. Tekhnologii. Innovacii. Sbornik nauchnyh trudov [Physics. Technologies. Innovations. Collection of scientific papers]; ed. by V. N. Rychkova. Ekaterenburg, Ural. feder. Univ. Publ., is. 1, 2015, pp. 257–262.

13. Mahmutov A. [The concept of national security of Kazakhstan in the context of modern foreign policy realities]. *Vneshnepoliticheskie perspektivy i novye koncepty mezhdunarodnoj strategii Kazahstana. Materialy kruglogo stola* [Foreign policy prospects and new concepts of Kazakhstan's international strategy. Materials of the round table]. Almaty, Zhibek zholy, 2012, pp. 14–15. (In Russ.)

14. Muhamedzhanova A. D. Osobennosti dinamiki kiberprestupnosti v Respublike Kazahstan i ee vliyanie na voprosy eyo preduprezhdeniya [Features of cybercrime dynamics in the Republic of Kazakhstan and its impact on AIDS prevention issues]. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 49–55.

15. Myrzahmet A. A. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti Respubliki Kazahstan [Legal support of information security of the Republic of Kazakhstan]. *Molodoj uchenyj = Young scientist*, 2019, no. 15 (253), pp. 119–122.

16. Sabirov K. K., Ahmedzhanov F. R. Nekotorye voprosy zakonodatel'nogo ukrepleniya kiberbezopasnosti v Respublike Kazahstan [Some issues of legislative strengthening of cybersecurity in the Republic of Kazakhstan]. *Voprosy kiberbezopasnosti = Cybersecurity issues*, 2017, no. 3 (21), pp. 55–62.

17. Kriminologiya [Criminology]; ed. by V. D. Malkov. Moscow, Yusticinform Publ., 2004. 524 p.

18. Prozumentov L. M. [Criminalization and decriminalization as a means of expressing criminal law policy]. *Voprosy razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva. Sbornik materialov regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Issues of development of Russian legislation. Collection of materials of the regional scientific and practical conference]. Tomsk, Izd-vo nauch.-tekhn. lit., 2005, pp. 132–133. (In Russ.)

19. Shestakov D. A. Kriminologiya: Prestupnost' kak svojstvo obshchestva. Kratkij kurs [Criminology: Crime as a property of society. Short course]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2001. 259 p.

20. Mackevich I. M. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Norma Publ., 2017. 368 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Карабеков Канатбек Омирзакович, адъюнкт Омской академии Министерства внутренних дел России, г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: KarabekovK@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7461-8215

Kanatbek O. Karabekov, Adjunkt, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
e-mail: KarabekovK@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7461-8215

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-169-179

(cc) BY 4.0

Принятие политических решений в контексте миграционного процесса в России на современном этапе (проблемы и перспективы)

Я. А. Мухина [1] ✉

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
пр-т Вернадского, д. 82/1, г. Москва 119571, Российская Федерация

✉ e-mail: muhina0551@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Генезис и конъюнктура развития современного миграционного процесса в мировом масштабе и на уровне отдельно взятых государств сопровождаются динамизацией и интенсификацией большинства политических рисков и угроз в актуализируемых условиях усиления международной и межгосударственной взаимозависимости и взаимообусловленности. В свою очередь, это требует разработки и согласования оптимальных механизмов и инструментов принятия политических решений по миграционной проблематике с учетом национальной специфики. Для российских политических реалий наиболее предпочтителен вариант оперирования терминологией общественно-политической стабильности и безопасности. Соответственно, необходима трансформация принятой на уровне российского политического руководства системы подходов к пониманию современной миграционной повестки.*

Цель. *Основной целью написания статьи является предложение авторских методических рекомендаций принятия политических решений по миграционным проблемам на современном этапе.*

Задачи: *определение особенностей миграционного процесса в России на современном этапе, формулирование основных проблем и перспектив развития современного российского миграционного процесса.*

Методология. *Автором использована преимущественно следующая группа методов в процессе написания статьи: вторичный анализ информационных данных, контент-анализ, ивент-анализ, социологический анализ, формально-юридический анализ, статистика.*

Результаты. *С учетом, во-первых, особенностей миграционного процесса в России на современном этапе, во-вторых, основных проблем и перспектив развития современного российского миграционного процесса предложены некоторые авторские методические рекомендации принятия политических решений в рамках следующих ключевых блоков: идейно-ценностное оформление, нормотворческая деятельность, работа профильных органов государственной власти, осуществление мониторинга принятия политических решений.*

Вывод. *На современном этапе политического и социально-экономического развития России существует довольно серьезный и обширный блок нерешенных вопросов и проблем в сфере миграции, требующий соответствующего совместного активного участия различных общественных групп и сил. Предполагается, что в рамках российских национальных реалий при принятии политических решений наиболее целесообразен практико-ориентированный подход, основанный на полноценном учете культурных особенностей и максимальном обеспечении общественно-политической стабильности.*

Ключевые слова: *миграция; миграционный процесс; политические институты; политические решения; политическая элита.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Мухина Я. А. Принятие политических решений в контексте миграционного процесса в России на современном этапе (проблемы и перспективы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 169–179. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-169-179.

Поступила в редакцию16.04.2023 Принята к публикации 24.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Мухина Я. А., 2023

Political Decision-Making in the Context of the Migration Process in Russia at the Present Stage (Problems and Prospects)

Yana A. Muhina[1] ✉

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
82/1 Vernadskogo Str., Moscow 119571, Russian Federation

✉ e-mail: muhina0551@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The genesis and conjuncture of the development of the modern migration process on a global scale and at the level of individual states are accompanied by the dynamization and intensification of most political risks and threats in the actualized conditions of increasing international and interstate interdependence and interdependence. In turn, this requires the development and coordination of optimal mechanisms and tools for making political decisions on migration issues, taking into account national specifics. For Russian political realities, the most preferable option is to operate with the terminology of socio-political stability and security. Accordingly, it is necessary to transform the system of approaches to understanding the modern migration agenda adopted at the level of the Russian political leadership.*

Purpose. *The main purpose of writing the article is to offer the author's methodological recommendations for making political decisions on migration problems.*

Objectives: *determination of the features of the migration process in Russia at the present stage, formulation of the main problems and prospects for the development of the modern Russian migration process.*

Methodology. *The author mainly used the following group of methods in the process of writing the article: secondary analysis of information data, content analysis, event analysis, sociological analysis, formal legal analysis, statistics.*

Results. *Taking into account, firstly, the peculiarities of the migration process in Russia at the present stage, and secondly, the main problems and prospects for the development of the modern Russian migration process at the present stage, some author's methodological recommendations for political decision-making are proposed within the following key blocks: ideological and value design, normative activity, the work of specialized state authorities, the implementation of monitoring of political decision-making.*

Conclusion. *At the present stage of Russia's political and socio-economic development, there is a rather serious and extensive block of unresolved issues and problems in the field of migration, requiring the appropriate joint active participation of various social groups and forces. It is assumed that within the framework of Russian national realities, when making political decisions, a practice-oriented approach based on full consideration of cultural characteristics and maximum provision of socio-political stability is most appropriate.*

Keywords: *migration; migration process; political institutions; political decisions; political elite; Russia.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Muhina Y. A. Political Decision-Making in the Context of the Migration Process in Russia at the Present Stage (Problems and Prospects). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 169–179. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-169-179

Received 16.04.2023 Accepted 24.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Современная миграционная проблематика характеризуется беспрецедентным усилением динамичности и общим усложнением большинства институциональных и процессуальных особенностей регулирования миграционных потоков и управления ими, что получает качественно иную политическую коннотацию на фоне таких событий, как распростране-

ние COVID-19, проявление дисфункциональности работы международных организаций и институтов типа Международной организации по делам беженцев и Международного уголовного суда, интерпретация норм и положений международного миграционного права с опорой на различные институциональные и процессуальные режимы, развитие напряженности в двусторонних межгосударственных отношениях (в частности, опыт США и КНР, Российской Федерации и Европейского союза). Характерной особенностью данных политических трендов и тенденций является проявление идейно-концептуальной и деятельностно-функциональной взаимообусловленности и взаимозависимости внутригосударственного (национального) и надгосударственного (глобального) уровней, что дополнительно создает препятствия и коллизии по вопросам и проблемам обеспечения контроля и формирования отчетности [1; 2].

Разумеется, это требует внесения необходимых корректировок и обновления относительно российского политического курса на современном этапе с учетом актуализируемых на национальном и глобальном уровнях миграционных проблем и противоречий [3; 4; 5; 6]. Предполагается, что речь идет скорее об ужесточении принятых российским политическим руководством преимущественно идейных и концептуальных принципиальных позиций относительно сложившейся в стране миграционной ситуации [7; 8; 9; 10].

Методология

Методологической основой написания статьи является преимущественно следующая группа методов: вторичный анализ информационных данных, контент-анализ, ивент-анализ, социологический анализ, формально-юридический анализ, статистика, что является обоснованным с точки зрения обновления имеющейся миграционной повестки, более релевантной интерпретации конкретных результатов социологических исследований, определения реальных нормативно-правовых рамок регулирования миграционных отношений, оперирования фактологическими данными и показателями (предполагается, что на основе использования данной методологической базы удастся, во-первых, сформулировать основные проблемы и перспективы развития современного российского миграционного процесса, во-вторых, на основе этого предложить некоторые методические рекомендации принятия политических решений по российской миграционной проблематике).

Результаты и их обсуждение

Глобальное политическое измерение «в миграционном фокусе» обусловливает как минимум следующие ключевые политические риски и угрозы:

– институциональная и процессуальная хаотизация и поляризация;

– отсутствие более-менее солидаризированной и компромиссной программы совместных действий по глобальным политическим проблемам и вызовам;

– демографический разрыв между развитыми странами, развивающимися странами, странами с переходной экономикой и странами «третьего мира»;

– усиление ресурсного дисбаланса в международном и региональном срезе в связи с неадекватным распределением и потерей.

Безусловно, данный спектр не является исчерпывающим, вместе с тем довольно четко очерчивает проблемные рамки обсуждения соответствующих изменений в миграционных отношениях России и других государств; преимущественно это обусловлено, во-первых, историческими факторами на уровне сложившихся и устоявшихся традиций, во-вторых, собственно миграционными факторами на уровне тесных родственных и географических связей [11; 12; 13; 14].

В результате российское общество имеет дело с комплексом довольно серьезных глубинных противоречий и разло-

мов, имеющих тенденцию к экспорту и дифференциации: «пробуксовка» традиционных и современных экономических стимулов, возникновение фундаментальных конфликтов с мигрантами на национальной и религиозной почве (в данном смысле рационально использование термина «агрессивная внешняя миграция»), отход от структурированной и взаимоучитывающей национальной и миграционной политики (по официальным данным Левада-Центра начала 2022 г., российское общество склонно дистанцироваться, в частности, от выходцев из Африки (52%) и Средней Азии (51%) вплоть до того, чтобы запретить въезд на российскую территорию)[1]. С учетом этого целесообразно определить следующие особенности миграционного процесса в России на современном этапе:

– разграничение внутренней и внешней миграции, причем в качестве основных причин первой отмечаются поиск работы с большей оплатой труда (53%), стремление улучшить условия и качество жизни (22%), в качестве основных причин второй – экономические (56%), социальные и семейно-бытовые (17,2%);

– преобладание традиционных внутримиграционных трендов и тенденций, связанных, во-первых, с сезонной миграцией рабочей силы (временное перемещение в сельскую местность для выполнения сезонных и сельскохозяйственных работ), во-вторых, с отбытием из сельской местности в город (отходничество), при этом к переезду в другой регион готово около 52% российских граждан с учетом предоставления постоянного места жительства и предложения достойной заработной платы;

– присутствие территориальной несбалансированности и диспропорциональности применительно к распределению миграционных потоков внутри российских регионов – на первом месте находится Центральный федеральный округ (около 50%), на втором месте – Северо-Западный федеральный округ (около 22%);

– существенная дифференциация социально-экономического и культурного интеграционного и адаптационного потенциала мигрантов, проявляющаяся на уровне знания российских национальных традиций и обычаев, занятия стабилизированной ниши в спектре общественных и экономических коммуникаций; по различным оценкам подобные разрывы составляют от 20 до 70 позиций в зависимости от применяемого критериального набора.

Подобная постановка «российского миграционного вопроса» выявляет, соответственно, некоторые позитивные и негативные стороны [15]. Далее целесообразно сформулировать следующие основные проблемы и перспективы развития современного российского миграционного процесса:

1. Проявление латентной исторически обусловленной специфики в рамках внутриполитических и геополитических пертурбаций в 1990–1992 гг. (нахождение на территории России большого количества вынужденных переселенцев, транзитных мигрантов, экономических мигрантов (в основном это китайцы и вьетнамцы), беженцев и ищущих убежища лиц из Сомали, Эфиопии; по различным оценкам их количество составляло от 300 тыс. до 500 тыс. человек) [16; 17].

2. Применение предельно лояльного подхода к таким важным процедурам и практикам МВД России, как выдача разрешений на работу, разрешений на временное проживание, вида на жительство и гражданства России, подразумевающего отсутствие специальных «фильтров» и оптимальных политико-административных инструментов применительно к учету и контролю ежегодно увеличивающегося количества прибывающих на территорию России иностранных граждан (в

[1] Ксенофобия и мигранты // Левада-Центр. 2022. Январь. URL: https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/ (дата обращения: 10.01.2023).

соответствии с отчетными материалами Главного управления по вопросам миграции МВД России по состоянию на 15 декабря 2022 г., за 2022 г. выдано 87 940 разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства (80 772 в сравнении с 2021 г.), 164 410 разрешений на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства (130 753 в сравнении с 2021 г.), 254 575 видов на жительство иностранным гражданам и лицам без гражданства (220 327 в сравнении с 2021 г.), 11 997 010 российских паспортов (10 268 647 в сравнении с 2021 г.)[1].

3. Возникновение сбоев на уровне официального документооборота и внутренней отчетности, что преимущественно связано, с одной стороны, с поступлением и зачетом довольно обширных массивов информационных данных с нарушением регламента и порядка сортировки и обработки, с другой стороны, с обеспечением и поддержанием межведомственного взаимодействия с иными органами государственной власти (в частности, регулярно увеличивается в количественном отношении предоставление государственных услуг в сфере миграции – 54 млн государственных услуг, что больше примерно на 20% по сравнению с предыдущим отчетным периодом, а также создаются дополнительные нагрузки на информационные системы и сервисы и интегрированные банки информационных данных типа ИБД-Ф и ИБД-Р)[2].

4. Преобладание явного отторжения преимущественно к трудовым мигрантам в российском обществе (по официальным данным ВЦИОМ конца 2021 г., негативно относится к трудовой миграции около 40% российских граждан, при этом около 50% российского общества убеждено в том, что трудовые мигранты «отнимают» работу у местных жителей)[3].

5. Превалирование негативных миграционных особенностей над позитивными (соответственно, к первому блоку относится большая численность мигрантов, прибывающих на российскую территорию и составляющих неквалифицированную рабочую силу, ко второму блоку – большая численность российских граждан, выезжающих за рубеж и составляющих высококвалифицированный кадровый состав) [18].

6. Стабилизированное снижение доли нелегальных миграционных потоков в общей миграционной ситуации по стране; в частности, по сообщению ТАСС, в 2022 г. иностранные граждане и лица без гражданства, незаконно находящиеся на территории России, совершили 17 тыс. преступлений, что почти на 10% выше по сравнению с 2021 г.[4]

7. Проработка сбалансированного и «взвешенного» комплекса мероприятий и процедур по социальной защите и поддержке мигрантов, не предполагающих специального внесения изменений в действующее миграционное законодательство и не создающих дополнительных нагрузок на федеральный бюджет; в частности, в 2023 г. размер единовремен-

[1] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – ноябрь 2022 года // Министерство внутренних дел России. 2022. Декабрь. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/ (дата обращения: 10.01.2023).

[2] Начальник ГУ МВД по вопросам миграции: министерство усиливает контроль за пребыванием и работой мигрантов в РФ // Интерфакс. 2022. Январь. URL: https://www.interfax.ru/interview/815038/ (дата обращения: 10.01.2023).

[3] Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение // ВЦИОМ. 2021. Ноябрь. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie/ (дата обращения: 10.01.2023).

[4] Число преступлений мигрантов в России выросло почти на 10% в 2022 году // ТАСС. 2022. Июнь. URL: https://tass.ru/obschestvo/15005617/ (дата обращения: 10.01.2023).

ного пособия при рождении ребенка составляет 20 472 руб. 77 коп., размер выплачиваемого ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет составляет от 7 677 руб. 81 коп.[1]

Общее «оздоровление» миграционного климата с учетом местной и региональной политической ситуации [19; 20].

Что касается собственно действующего российского миграционного законодательства, то в данном смысле необходимо отметить и позитивные аспекты, и негативные аспекты, требующие, соответственно, дальнейшей проработки и своевременной оптимизации с учетом меняющейся внутриполитической миграционной обстановки[2]. В общем плане это можно свести к следующему: с одной стороны, на концептуальном и стратегическом уровне довольно диверсифицированно и подробно сформулированы и раскрыты основные нормы и принципы укрепления межэтнического и межнационального согласия и сохранения этнокультурного и языкового многообразия, что в целом создает плодотворную формальную основу обеспечения общественно-политической стабильности и безопасности, с другой стороны, в практическом отношении в фокусе мониторинга правоприменительной практики по миграционным вопросам и проблемам отмечаются и некоторые несоответствия и «лакуны» (в частности, содержатся некоторые противоречивые и пространные формулировки, предполагающие использование различных интерпретационных схем и институциональных режимов в рамках разработки обоснователных мотивов и аргументации, что предполагает выстраивание открытого плодотворного диалога на уровне как минимум представителей политического руководства, специалистов и экспертов по юридическим и правоприменительным вопросам, обеспечивающего «в режиме реального времени» внесение соответствующих предложений по корректировке действующей нормативно-правовой базы по миграционной повестке)[3].

Наконец, учитывая сформулированные особенности миграционного процесса в России на современном этапе и основные проблемы и перспективы развития современного российского миграционного процесса, далее целесообразно предложить некоторые методические рекомендации принятия политических решений в рамках следующих ключевых блоков:

1. Идейно-ценностное оформление:

– установление полноценного конструктивного межгосударственного диалога с государствами, с которыми развиваются наиболее интенсивные и тесные долговременные миграционные отношения;

[1] Пенсии и детские пособия для иностранных граждан, беженцев с Украины, ДНР и ЛНР // Социальный фонд России: сайт. Январь. 2023. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/social_support/Pension_for_foreign_citizens/ (дата обращения: 10.01.2023).

[2] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. №1666 // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949/; О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: Указ Президента РФ от 31 окт. 2018 г. №622 // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=1024 85445/ (дата обращения: 16.03.2023).

[3] О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221/; О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 25 июля 2002 г. №115-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc-body=&nd=102078147/ (дата обращения: 06.03.2023).

– деконструирование внешнеполитического образа России в качестве «миграционно привлекательного» государства, прежде всего, для некоторых стран постсоветского пространства, исходя из понимания необходимости сохранения и укрепления национальной самобытности и архетипичности;

– комплексное формулирование и реализация демографической, миграционной, социальной и экономической политики в рамках российских реалий;

– рационализация имеющихся целевых и инфраструктурных подходов, принятых на уровне политико-управленческого и экспертного сообщества, исходя из критериев и требований снижения нагрузок на социально-экономические процессы и создания неблагоприятных условий для российской общественности в целом.

2. Нормотворческая деятельность:

– упорядочение федеральных и локальных нормативно-правовых актов по миграционным вопросам и проблемам с учетом исключения противоречивых формулировок и положений;

– соотнесение и «выравнивание» принципиальных позиций высших судебных инстанций и судов общей юрисдикции по миграционной проблематике;

– проведение качественного мониторинга правоприменительной практики в привязке к конкретным институциональным и процессуальным аспектам фактической миграционной обстановки;

– отслеживание общей динамики качественности исполнения требований действующего миграционного законодательства по специально высчитанным и разработанным показателям и параметрам.

3. Работа профильных органов государственной власти:

– осуществление усиленного системного контроля на основе специально разработанных дорожных карт и апробированного инструментария относительно интеграционных и адаптационных особенностей мигрантов в рамках российского общества с избеганием пересечения должностных полномочий и расширения кадрового состава уполномоченных органов государственной власти;

– создание и ведение единой базы информационных и статистических данных относительно современной миграционной ситуации с облегченной формой доступа и навигацией управления, находящейся в открытом доступе, с параллельным внесением обоснованных и необходимых корректировок и обновлений с целью последующего предметного и широкоформатного общественного обсуждения;

– разработка системы квотирования и профилирования миграционных потоков с учетом актуальной социально-экономической и культурной региональной российской специфики с целью недопущения создания специальных этнических и религиозных «анклавов»;

– систематизация и кластеризация форм и содержимого отчетных материалов по получению и расходованию бюджетных средств на реализацию государственных миграционных проектов и программ.

4. Осуществление мониторинга принятия политических решений:

– разработка качественной методологии и «рабочего» инструментария принимаемых политических решений;

– предусмотрение различных вариантов получения обратной связи в форме адресных социологических опросов и фокус-групп в зависимости от поставленных проблемных установок;

– составление специальных результирующих сводных данных и таблиц с компиляцией и интеграцией сравнительных показателей за различные отчетные периоды;

– организация и проведение на удобных научно-исследовательских и медийных площадках общественных обсуждений и слушаний.

Выводы

На современном этапе политического и социально-экономического развития России существует довольно серьезный и обширный блок нерешенных вопросов и проблем в сфере миграции, требующий соответствующего совместного активного участия различных общественных групп и сил. Предполагается, что в рамках российских национальных реалий при принятии политических решений наиболее целесообразен практико-ориентированный подход, основанный на полноценном учете культурных особенностей и максимальном обеспечении общественно-политической стабильности.

Список литературы

1. Васюков А. Е. К вопросу миграционных процессов в России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 3, № 1. С. 82–89.

2. Карадже Т. В., Томбу Д. В. Реалии миграционного процесса в России: количественные «плюсы» и «качественные» минусы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, №2. С. 175–183.

3. Зорин В. Ю., Бурда М. А. Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // PolitBook. 2020. № 1. С. 113–128.

4. Зорин В. Ю., Волох В. А., Суворова В. А. Трансформация миграционной политики государств в период пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, №3. С. 34–44.

5. Симонян Р. Х. Миграционные процессы в России: исторические аллюзии и современность // Горизонты экономики. 2020. № 1(54). С. 5–9.

6. Трофимов Е. А., Трофимова Т. И. Россия и дальнее зарубежье: специфика миграционных процессов // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. №3. С. 1.

7. Аношина Ю. Ф., Гайдаренко Л. В., Симонов С. Ю. Миграционные процессы в России: причины, факторы и последствия // Russian Journal Of Management. 2022. Т. 10, №2. С. 6–10.

8. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Миграционные процессы в России: современное состояние и перспективы их развития // Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 41–46.

9. Сугоняев К. В. Влияние психологических особенностей населения принимающего региона на миграционные процессы в России // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. № 1, ч. 2. С. 5–20.

10. Титова Е. В. Историографический обзор по теме изучения миграционных процессов на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 34–53.

11. Бурда М. А., Герасимова И. В. Миграционная политика России на Дальнем Востоке: миграционные процессы и китайский аспект // PolitBook. 2018. № 4. С. 39–52.

12. Гайнутдинова Е. И. Миграционные процессы в России: основные проблемы и правовой механизм их координации // Международное публичное и частное право. 2019. №4. С. 3–5.

13. Герасимова И. В., Нестерчук О. А., Гришин В. О. Влияние миграционных процессов на демографическое развитие Российской Федерации // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 10(74). С. 2731–2737.

14. Мамонтова Э. А., Швыркин А. А. Правовые аспекты государственного управления миграционными процессами в России в период пандемии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(67). С. 90–93.

15. Прончева Н. Г., Прончев Г. Б., Калинич В. С. Особенности миграционных процессов и миграционной политики в России в 2020 году // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, №11(68). С. 2679–2684.

16. Аршин К. В. Генезис миграционной системы России: от Федеральной миграционной программы до Концепции регулирования миграционных процессов 2003 г. // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 6А. С. 58–72.

17. Бормотова Т. М., Кузьминский А. Е. Социологическая оценка состояния информационно-аналитического обеспечения в системе управления миграционными процессами в России // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 5(119). С. 25–35.

18. Малько А. В., Пономаренков В. А. Учет миграционных процессов при формировании миграционной правовой политики современной России // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2(105). С. 96–99.

19. Михайлова Н. В., Абдель Джалиль Н. А. Влияние миграционных процессов приграничных регионов центральной России на национальную безопасность Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 9(123). С. 18–24.

20. Петрова О. В. Оценка влияния незаконных миграционных процессов на экономическую безопасность России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3-2. С. 136–142.

References

1. Vasyukov A. E. K voprosu migracionnyh processov v Rossii [On the issue of migration processes in Russia]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: problems, solutions*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 82–89.

2. Karadzhe T. V., Tombu D. V. Realii migracionnogo processa v Rossii: kolichestvennye "plyusy" i "kachestvennye" minusy [The realities of the migration process in Russia: quantitative "pros" and "qualitative" cons]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 175–183.

3. Zorin V. Yu., Burda M. A. Formirovanie i institucionalizaciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki v sovremennoj Rossii [Formation and institutionalization of the state migration policy in modern Russia]. *PolitBook*, 2020, no. 1, pp. 113–128.

4. Zorin V. Yu., Voloh V. A., Suvorova V. A. Transformaciya migracionnoj politiki gosudarstv v period pandemii [Transformation of the migration policy of states during the pandemic]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 34–44.

5. Simonyan R. H. Migracionnye processy v Rossii: istoricheskie allyuzii i sovremennost' [Migration processes in Russia: Historical allusions and modernity]. *Gorizonty ekonomiki = Horizons of Economics*, 2020, no. 1(54), pp. 5–9.

6. Trofimov E. A., Trofimova T. I. Rossiya i dal'nee zarubezh'e: specifika migracionnyh processov [Russia and the far abroad: specifics of migration processes]. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 3, p. 1.

7. Anoshina Yu. F., Gajdarenko L. V., Simonov S. Yu. Migracionnye processy v Rossii: prichiny, faktory i posledstviya [Migration processes in Russia: causes, factors and consequences]. *Russian Journal of Management*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 6–10.

8. Bogdanov A. V., Hazov E. N. Migracionnye processy v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy ih razvitiya [Migration processes in Russia: the current state and prospects of their development]. *Kriminologicheskij zhurnal = Criminological Journal*, 2019, no. 3, pp. 41–46.

9. Sugonyaev K. V. Vliyanie psihologicheskih osobennostej naseleniya prinimayushchego regiona na migracionnye processy v Rossii [The influence of psychological characteristics of the population of the host region on migration processes in Russia]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Scientific Review. Series 2: Humanities*, 2022, no. 1, pt. 2, pp. 5–20.

10. Titova E. V. Istoriograficheskij obzor po teme izucheniya migracionnyh processov na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XXI veka [Historiographical review on the topic of studying migration processes in the Russian Far East at the beginning of the XXI century]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem = Modern studies of social problems*, 2021, vol. 13, no. 4, pt. 2, pp. 34–53.

11. Burda M. A., Gerasimova I. V. Migracionnaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke: migracionnye processy i kitajskij aspekt [Migration policy of Russia in the Far East: migration processes and the Chinese aspect]. *PolitBook*, 2018, no. 4, pp. 39–52.

12. Gajnutdinova E. I. Migracionnye processy v Rossii: osnovnye problemy i pravovoj mekhanizm ih koordinacii [Migration processes in Russia: the main problems and the legal mechanism of their coordination]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*, 2019, no. 4, pp. 3–5.

13. Gerasimova I. V., Nesterchuk O. A., Grishin V. O. Vliyanie migracionnyh processov na demograficheskoe razvitie Rossijskoj Federacii [The impact of migration processes on the demographic development of the Russian Federation]. *Voprosy politologii = Questions of political science*, 2021, vol. 11, no. 10(74), pp. 2731–2737.

14. Mamontova E. A., Shvyrkin A. A. Pravovye aspekty gosudarstvennogo upravleniya migracionnymi processami v Rossii v period pandemii [Legal aspects of state management of migration processes in Russia during the pandemic]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1(67), pp. 90–93.

15. Proncheva N. G., Pronchev G. B., Kalinich V. S. Osobennosti migracionnyh processov i migracionnoj politiki v Rossii v 2020 godu [Features of migration processes and migration policy in Russia in 2020]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij = Issues of national and federal relations*, 2020, vol. 10, no. 11(68), pp. 2679–2684.

16. Arshin K. V. Genezis migracionnoj sistemy Rossii: ot Federal'noj migracionnoj programmy do Koncepcii regulirovaniya migracionnyh processov 2003 g. [Genesis of the migration system of Russia: from the Federal Migration Program to the Concept of regulation of migration processes in 2003]. *Teorii i problemy politicheskih issledovanij = Theories and problems of political research*, 2020, vol. 9, no. 6A, pp. 58–72.

17. Bormotova T. M., Kuz'minskij A. E. Sociologicheskaya ocenka sostoyaniya informacionno-analiticheskogo obespecheniya v sisteme upravleniya migracionnymi processami v Rossii [Sociological assessment of the state of information and analytical support in the migration management system in Russia]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura = Ethnosocium and interethnic culture*, 2018, no. 5(119), pp. 25–35.

18. Mal'ko A. V., Ponomarenkov V. A. Uchet migracionnyh processov pri formirovanii migracionnoj pravovoj politiki sovremennoj Rossii [Accounting of migration processes in the formation of migration legal policy of modern Russia]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2017, no. 2(105), pp. 96–99.

19. Mihajlova N. V., Abdel' Dzhalil' N. A. Vliyanie migracionnyh processov prigranichnyh regionov central'noj Rossii na nacional'nuyu bezopasnost' Rossijskoj Federacii [The impact of migration processes in the border regions of Central Russia on the national security of the Russian Federation]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura = Ethnosocium and interethnic culture*, 2018, no. 9(123), pp. 18–24.

20. Petrova O. V. Ocenka vliyaniya nezakonnyh migracionnyh processov na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii [Assessment of the impact of illegal migration processes on the economic security of Russia]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2019, no. 3-2, pp. 136–142.

Информация об авторе / Information about the Author

Мухина Яна Александровна, ведущий специалист учебно-методического отдела, аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: muhina0551@yandex.ru

Yana A. Muhina, Leading Specialist of the Educational and Methodological Department, Post-Graduate Student of Department of Public Administration and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: muhina0551@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-180-196

(cc) BY 4.0

Развитие школьного образования в период «застоя» на территории Оренбургской области

Р. Р. Хисамутдинова[1], Р. А. Никуленкова[1] ✉

[1] Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, д. 19, г. Оренбург 460014, Российская Федерация

✉ e-mail: m.regina56@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В современной России историческая наука в контексте образовательной политики обращается к историческому прошлому, так как является ценным опытом переходных вех в отечественной истории. Актуальность темы исследования определена ролью школьного образования в жизни современного общества, а также обусловлена местом и её значением в обеспечении динамичного развития России. Обращение к советскому опыту развития страны в сфере образовательной политики позволит учесть накопленный положительный опыт на современном этапе.*

Целью *статьи является изучение проблемы развития школьного образования в период «застоя» на примере Оренбургской области.*

Задачи: *рассмотреть особенности строительства школ в Оренбургской области; определить материально-техническую базу школ и их обеспеченность квалифицированными кадрами; изучить состояние жилищно-бытовых условий молодых учителей области; проанализировать степень развития школьного образования в период «застоя» на территории Оренбургской области.*

Методология. *В работе использовались общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и специально-исторические методы (историко-типологический и сравнительно-исторический).*

Результаты. *В ходе проведенной работы на основе анализа материально-технической оснащенности школ, уровня преподавания и успеваемости учащихся, кадрового обеспечения, состояния жилищно-бытовых условий молодых учителей области и питания школьников показаны особенности развития школьного образования в период «застоя» на территории Оренбургской области.*

Выводы. *Законодательные акты, которые были приняты в «эпоху застоя», затрагивали непосредственно всю систему среднего образования, и это позволяет нам сделать вывод о том, что государство оказывало всеобъемлющее влияние на школьную жизнь. А нормативные акты данного периода выступили рычагом, который запустил механизм стандартизации и унификации советских общеобразовательных учреждений, что определило динамику развития школьного образования на территории Оренбургской области.*

Ключевые слова: *образование; «застой»; социальная политика; школа; Оренбургская область.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Хисамутдинова Р. Р., Никуленкова Р. А. Развитие школьного образования в период «застоя» на территории Оренбургской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 180–196. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-180-196.

Поступила в редакцию 11.04.2023 Принята к публикации 19.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Хисамутдинова Р. Р., Никуленкова Р. А., 2023

The Development of School Education During the Period of "Stagnation" in the Orenburg Region

Ravilya R. Khisamutdinova[1], Regina A. Nikulenkova[1] ✉

[1] Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Str., Orenburg 460014, Russian Federation

✉ e-mail: m.regina56@mail.ru

Abstract

Relevance. *In modern Russia, historical science in the context of educational policy refers to the historical past, since the experience of transitional milestones in national history is valuable. The relevance of the research topic is determined by the role of school education in the life of modern society, and is also determined by the place and its importance in ensuring the dynamic development of Russia. Appeal to the Soviet experience of the country's development in the field of educational policy will allow us to take into account the accumulated experience at the present stage.*

The ***purpose*** *of the article is to analyze materials on the issue of the development of school education during the period of «stagnation» on the example of the Orenburg region.*

Research objectives: *to consider the features of the construction of schools in the Orenburg region; to determine, based on archival documents, the material and technical base of schools and their provision with qualified personnel; to study the state of living conditions of young teachers of the region; to analyze the degree of development of school education during the period of «stagnation» in the Orenburg region.*

Methodology. *The work used historical-typological and comparative-historical methods.*

Results. *In the course of the work, based on the analysis of the material and technical support of school education, the level of teaching and the working capacity of students, staffing, the state of living conditions of young pedagogical regions and nutrition of schoolchildren, the features of the development of school education during the period of "stagnation" in the Orenburg region are shown.*

Conclusions. *Legislative acts that were adopted during the «era of stagnation» directly affected the entire secondary education system, and this allows us to conclude that the state had a comprehensive influence on school life. And the normative acts of this period acted as a lever that launched the mechanism of standardization and unification of Soviet educational institutions, which determined the dynamics of the development of the Soviet school.*

Keywords: *education; "stagnation"; social policy; school; Orenburg region.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Khisamutdinova R. R., Nikulenkova R. A. The Development of School Education During the Period of "Stagnation" in the Orenburg Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 180–196. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-180-196.

Received 11.04.2023 Accepted 19.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Хронологические рамки исследования данного вопроса включают период с 1965 по 1985 г. Данный исторический этап выбран с опорой на следующие моменты. Во-первых, это отдельный исторический этап в развитии Советского государства, который, несомненно, важно изучать и анализировать. Во-вторых, в рассматриваемые хронологические рамки были проведены две школьные реформы: 1964–1966 и 1984 гг. И в-третьих, изучение развития школьного образования в период «застоя» в региональном аспекте позволит глубже изучить те вопросы, ко-

торые актуальны и в отечественной школе на современном этапе.

Следует отметить, что в отечественной историографии школьному образованию в период «застоя» уделяется должное внимание, т. к. активно изучались вопросы развития и особенностей советской школы. Начиная с 70-х годов XX века и до настоящего времени в сфере интересов исследователей находятся вопросы особенностей развития советской общеобразовательной школы. Здесь интерес представляют работы таких ученых, как Н. К. Гончаров [1], Ф. Г. Паначин [2], В. Д. Попов [3].

Исследования периода перестройки и наших дней переосмысливают опыт школы второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг., некоторые авторы резко критикуют этот опыт (А. С. Ахиезер [4], П. Вайль и А. Генис [5], Н. А. Хрtoменков [6]), другие же пытаются выявить как позитивные, так и негативные стороны (Н. Верт [7], С. И. Дёгтев [8], В. Б. Миронов [9]). Также особое значение имеют работы региональных ученых: Г. В. Кораблевой [10], Д. А. Астафьева [11].

Особое значение имеют работы Е. И. Холостовой [12] и Н. Н. Цветаевой [13]. В их работах систематизированы элементы социальной политики – жилищная политика, образование, здравоохранение.

В данной статье ставится *цель* – детально изучить проблему развития школьного образования в период «застоя» на примере Оренбургской области с опорой на архивные источники, материалы советского законодательства (постановления), а также литературу, посвященную данной теме.

Методология

Исследование развития школьного образования в период «застоя» на территории Оренбургской области предполагает использование общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение) и специально-исторических методов (историко-типологический и сравнительно-исторический), без которых невозможно изучение вопросов развития школьного образования. Обращение к данным методам предоставляет возможность комплексного изучения основных аспектов школьной системы и в целом развития школьного образования в период застоя, а также учитывать хронологические явления и их развитие.

Материалы советского законодательства (постановления, принятые в 1960–1980-е гг.), позволяют проанализировать школьную образовательную политику в рассматриваемый период. Особое внимание уделялось постановлениям бюро Оренбургского обкома КПСС и Совета Министров, справкам о результатах проверки работы школьных учреждений, а также справкам о материально-технической оснащенности школ. Выбранный материал отложился в фондах Объединенного государственного архива Оренбургской области (Ф. 371). В работе, помимо данных источников, используются материалы статистических данных по школам Оренбургской области в период «застоя» из архивных документов.

Результаты и их обсуждение

Важно обратить внимание на те принятые документы (законодательные и нормативные акты), которые имели непосредственное отношение к изменениям в сфере образования в период «застоя». Один из таких документов – это программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая на XXII съезде партии (1961 г.) [14, с. 116–125; 15], которая сыграла основополагающую роль в развитии образования в 1960-е и последующие годы. В документе переход к всеобщему среднему образованию определяется конкретными целями и задачами: формировать научное мировоззрение; особое внимание обращать на трудовое воспитание детей; воспитание духовно-нравственного человека [14, с. 118].

Далее, Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 августа 1964 г. «Об изменении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением», в котором есть основное положение об отказе от одиннадцатилетней школы и восстановлении десятилетней школы. По данному документу переход осуществлялся в течение двух лет [16, с. 325].

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 г. начинают вводиться в практику школы новые учебные планы, программы и учебники [16, с. 330]. Документ предусматривал появление школ с углубленным изучением отдельных предметов, в некоторых школах вводилось обучение учащихся автоделу и работе на тракторах, комбайнах и других сельскохозяйственных машинах.

В Постановлении Совета Министров СССР от 8 сентября 1970 г. № 749 «Об Уставе средней общеобразовательной школы» отмечается, что «в зависимости от местных условий создавались отдельно начальные школы в составе I–III (IV) классов, восьмилетние школы в составе I–VIII классов и средние школы в составе I–X(XI) классов при сохранении единства и преемственности всех ступеней общего среднего образования»[1].

В Постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 20 июня 1972 г. №463 «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы»[2] особое внимание обращалось на то, что органам народного образования необходимо было завершить переход на новые учебные планы, снабдить школьников новыми учебниками, оснастить учебные кабинеты необходимым оборудованием.

Развитие советской школы во второй половине 1970-х гг. определили решения XXV съезда КПСС (1976 г.), а также принятая в 1977 г. Конституция СССР, провозглашавшая всеобщий и обязательный характер полного среднего образования [14, с. 6]. В ст. 45 было обозначено право граждан СССР на образование, обеспечивающееся «бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, ...предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатными школьными учебниками; обучением в школе на родном языке; а также создание условий для самообразования» [14, с. 7].

Постановление Совета Министров СССР от 22 декабря 1977 г. «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» подчеркивает необходимость «добиваться, чтобы полученные в школе знания стали прочной основой марксистско-ленинского мировоззрения молодежи, советского патриотизма и пролетарского интернационализма…» [14, с. 121].

Об идеологическом коммунистическом направлении образовательной политики говорится в Постановлении ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». В нем определены «кардинальные направления» воспитательной работы среди молодежи: «…формирование научного мировоззре-

[1] Об Уставе средней общеобразовательной школы: Постановление Совета Министров СССР от 8 сент. 1970 г. № 749. URL: https://docs.cntd.ru/ document/901945749 (дата обращения: 25.03.2023)

[2] О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы: Постановление ЦК КПССС, Совета Министров СССР от 20 июня 1972 г. №463. URL: https://docs.cntd.ru/document/765709294 (дата обращения: 25.03.2023).

ния, высоких моральных качеств, трудолюбия, привития интереса к политическим знаниям, всемерное развитие общественной активности…» [17, с. 419].

Постановление Верховного Совета СССР от 12 апреля 1984 г. «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» кардинально не меняло положений и правил, принятых ранее документов [14, с. 9]. Вышедшие впоследствии постановления и законы в основном являлись повтором положений постановлений 1984 г., к примеру, Постановление Совета Министров СССР от 30 августа 1984 г. «Положение о базовом предприятии общеобразовательной школы»; Закон СССР от 27 ноября 1985 г. «О внесении изменений в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании в связи с Основными направлениями реформы общеобразовательной и профессиональной школы» и др.

Развитие школьного образования в период «застоя» на территории Оренбургской области можно представить, изучив архивные документы, постановления партии и правительства, статистические сборники. Для этого необходимо проанализировать: строительство и материально-техническую оснащенность школ; уровень преподавания и успеваемость учащихся; кадровое обеспечение школ; состояние жилищно-бытовых условий молодых учителей области; организацию питания в школах.

В стране создались условия для завершения перехода к всеобщему среднему образованию как одной из важных предпосылок дальнейшего социально-политического и экономического развития общества, что является крупным достижением в области образования.

Динамику количества школ и численности учащихся за 1970-е гг. характеризуют данные таблицы 1 [18, л. 107–118]. На начало 1970–1971 учебного года в области функционировало 2111 общеобразовательных школ, в том числе 429 средних, 664 восьмилетних, 1018 начальных, а к началу 1976-77 учебного года – соответственно 1767 общеобразовательных школ, т. е. их число сократилось на 344 единицы. Сокращение больше всего коснулось начальных школ, их количество сократилось на 353 единицы и составило 665, восьмилетних – на 63 единицы и составило 601 единицу, в то же время число средних школ увеличилось на 72 единицы и составило 501 школу [18, л. 107]. В 1970-1971 учебном году обучалось 401 813 учеников, а в 1976-1977 учебном году – 329 982 человек, т. е. количество учащихся сократилось на 71 841 человек.

Таблица 1. Количество школ и численности учащихся в 1970-е годы на территории Оренбургской области [18, л. 107–118]

Table 1. The number of schools and the number of students in the 1970s in the Orenburg region [18, l. 107–118]

Учебные годы	Число школ / количество учащихся			
	средних	восьмилетних	начальных	всего
1970-1971	429/247702	664/127749	1018/26362	2111/401813
1976-1977	501/242553	601/76760	665/10559	1767/329972

Дети с отклонением в умственном и физическом развитии учились в 27 вспомогательных школах различных типов; 98,7 тыс. детей (44%) воспитывались в 1102 дошкольных учреждениях; 69 тыс. человек (около 25% от общего состава учащихся 1–8 классов) посещали группы и школы с продленным днем [18, л. 107–108].

Более интенсивное изменение сети школ и числа учащихся складывалось в этот период в сельской местности. Дина-

мику количества школ и численности учащихся в 1970-е гг. в сельской местности характеризуют данные таблицы 2. На начало 1970-1971 учебного года в сельской местности области функционировало 1861 общеобразовательная школа, в том числе 303 средних, 575 восьмилетних, 983 начальных, а к началу 1976-77 учебного года – соответственно 1540 общеобразовательных школ (их число сократилось на 331 единицы), 348, 540 и 652, т.е. число средних школ увеличилось на 45 единиц, в то же время сократилось количество восьмилетних и, особенно, начальных школ (в 1,5 раза). За этот же период количество учащихся сократилось на 59 272 человек, или в 1,3 раза.

Таблица 2. Количество школ и численность учащихся в 1970-е годы на территории Оренбургской области в сельской местности [18, л. 110]

Table 2. The number of schools and the number of students in the 1970s in the Orenburg region in rural areas [18, l. 110]

Учебные годы	Число школ/количество учащихся			
	средних	восьмилетних	начальных	всего
1970-1971	303/123160	575/86274	983/23160	1861/239594
1976-1977	348/114068	540/56831	652/9423	1540/180322

Рост средних школ произошел в связи с реализацией решений 24 и 25 съездов КПСС по развитию среднего образования. Их удельный вес по охвату учащихся вырос с 61,6 до 73,5%. Сокращение количества начальных школ происходило в основном за счет уменьшения контингента учащихся этого возраста. Количество учащихся в начальных школах характеризуется данными таблицы 3.

На начало 1970-1971 учебного года в области функционировало 983 начальные школы. Число школ, где обучалось менее 10 детей, насчитывалось 191, 11–15 человек – 152 школы, 16–20 человек – 1446 школ, 20–30 человек – 261 школа, 31–40 человек – 129 школ, 41–60 человек – 97 школ, 60–80 человек – 5 школ. К началу 1976–1977 учебного года функционировало 665 начальных школ, т. е. их численность сократилась на 318 единиц. Количество школ, где обучалось менее 10 человек, увеличилось на 88 и стало 279, где было 11–15 человек, уменьшилось на 25 и стало 128; где 16–20 человек – сократилось на 25 и стало 121; школ с количеством 20–30 человек уменьшилось на 164 и стало 97, а вот ситуация с количеством учащихся 31–40 человек была интересна тем, что было школ 129, а стало 23, т. е. уменьшилось на 103 единицы, с количеством 41–60 человек было 93, а стало 100, т. е. увеличилось на 3 школы, и школ с учащимися в количестве 60–80 человек к 1976–1977 учебному году не было. Такое обстоятельство существенно изменяет их группировку по количеству учащихся (табл. 3, 4).

Таблица 3. Количество учащихся в начальной школе Оренбургской области [18, л. 107–118]

Table 3. The number of students in primary school in the Orenburg region [18, l. 107–118]

Учебные годы	Число начальных школ	Количество учащихся в школе, чел.						
		менее 10	11–15	16–20	20–30	31–40	41–60	60–80
1970-1971	983	191	152	146	261	129	97	
1976-1977	665	279	128	121	97	23	100	5

В 1971 г. почти во всех начальных школах, большинстве восьмилетних и четверти средних школ начальные классы были объединены в один-два класса-комплекта. Наиболее значительные изменения по количеству учащихся происходили в восьмилетних сельских школах (табл. 4) [18, л. 109]. К 1970–1971 г. число восьмилетних сельских школ достигло 575. Школ, где было менее 40 учащихся, не было, 41–100 учащихся – 152 школы, 101–200 учащихся – 146 школ, 201–280 учащихся – 261 школа, 280–400 учащихся – 129 школ, 401–640 учащихся – 97 школ. К 1976–1977 г. численность школ сократилась на 35 единиц и составила 540. Школ, где было менее 40 учащихся, стало 9, 41–100 учащихся – 128, 101–200 учащихся – 121, 201–280 учащихся – 97, 280–400 учащихся – 23, 401–640 учащихся – 100.

Таблица 4. Количество учащихся в восьмилетних сельских школах Оренбургской области [18, л. 109]

Table 4. The number of students in eight-year rural schools in the Orenburg region [18, l. 109]

Учебные годы	Число школ	Количество учащихся в школе, чел.					
		менее 40	41–100	101–200	201–280	280–400	401–640
1970–1971	575	–	152	146	261	129	97
1976–1977	540	9	128	121	97	23	100

В ряде районов (Октябрьском, Северном, Саракташском) к концу 10-й пятилетки многие восьмилетние школы имели не менее 40 учащихся. Выполняя директивы XXIV и XXV съездов КПСС, местные Советы депутатов трудящихся, отделы народного образования под руководством партийных органов проводили значительную работу по развитию сети средних школ. Их число за годы девятой и десятой пятилеток увеличилось на 72. Однако при росте количества средних школ на селе контингент учащихся в них сократился с 123,2 тыс. до 114,1 тыс.

Группировка средних школ по численному составу учащихся характеризовалась приведенными ниже показателями (табл. 5) [18, л. 110-11]. На 1970–1971 учебный год число средних школ составляло 303. Учреждений, с численностью менее 100 человек, не было, 101–280 человек – 74, 281–400 человек – 102, 401–640 человек – 98, 641–880 человек – 18, 881–1120 человек – 9, с численностью 1120–1360 человек не было. Интересна ситуация к 1976-1977 учебному году. Всего школ стало 348. Учреждений с учащимися менее 100 человек не было, 101–280 человек – 159 школ, 281–400 человек – 108, 401–640 человек – 81, а школ, где учащихся было 641–880, 881–1120, 1120–1360 человек не было.

Таблица 5. Количество учащихся в сельских средних школах Оренбургской области [18, л. 109–110]

Table 5. The number of students in rural secondary schools in the Orenburg region [18, l. 109–110]

Учебные годы	Число школ	Количество учащихся в школе, чел.						
		менее 100	101–280	281–400	401–640	641–880	881–1120	1120–1360
1970–1971	303	–	74	102	98	18	9	
1976–1977	348		159	108	81			

Сокращение контингента учащихся начальных классов отразилось и на средних школах: во многих из них объединение начальных классов в один-два ком-

плекта уменьшало общее число классов-комплектов и, следовательно, привело к сокращению штатов, а также ухудшило условия работы. В 1977 г. в 76 сельских школах функционировало менее 10 классов-комплектов (в 1970 г. – 15). Все это вызывало необходимость проведения большой работы по рациональному размещению школьной сети, укрупнению школ и дальнейшему повышению удельного веса средних школ.

За годы IX и X пятилеток в области проведена значительная работа по укреплению учебно-материальной базы учреждений народного образования. По всем источникам финансирования было построено и введено 269 школьных зданий на 83,6 тыс. мест, 173 дошкольных учреждения на 18 695 мест [19, л. 55–61].

Интерес представляет таблица 6, где показано, что финансирование и организацию строительства учреждений народного образования, помимо исполкома облсовета, осуществляли предприятия, колхозы и совхозы, на долю которых приходилась подавляющая часть вводимых объектов. К примеру, источники финансирования от местных советов составляли к 1971 г. 4476, в том числе в городе – 3106, в селе – 1370, а промышленными предприятиями – 2844, совхозом – 3780, колхозом – 7242. К концу 1975 г. финансирование от местных советов в городе составило 3600, в селе – 3712, всего – 7312, а промышленными предприятиями – 2440, совхозом – 5884, колхозом – 1174. Всего в период 1971–1975 гг. финансирование местными советами составило 25 004, а предприятиями, совхозом, колхозом – 57 680. Также в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» партийными и советскими органами особое внимание было уделено сельской школе. В сельской местности в период 1970–1976 гг. было построено 248 школ на 61 тыс. мест, 92 пришкольных интерната на 6,5 тыс. мест, 36,8 тыс. кв. метров жилья для учителей [18, л. 112].

Таблица 6. Финансирование и организация строительства учреждений народного образования в Оренбургской области (1971-1975 гг.), тыс. руб. [18, л. 112]

Table 6. Financing and organization of the construction of public education institutions in the Orenburg region (1971-1975) (thousand rubles) [18, l. 112]

Источники финансирования	1971	1972	1973	1974	1975	Итого	1976
Местные советы	4476	6040	4392	2824	7312	25004	5488
В том числе:							
– в городе	3106	4440	3112	1000	3600	15258	2000
– в селе	1370	1500	1280	1825	3712	9786	3488
Промышленные предприятия	2844	1410	2008	7712	2440	16414	1176
Совхоз	3780	2864	1992	3868	5884	18388	3152
Колхоз	7242	5142	6174	3146	1174	22878	1512
Прочие источники	568	–	384	–	–	952	–
Всего	18910	15456	14920	17550	16810	83646	11328
В том числе в сельской местности						61050	

На 1976–1980 гг. было предусмотрено дальнейшее укрепление учебно-материальной базы: план включал строительство 196 школ на 73,5 тыс. мест,

315 садов-яслей для 34,1 тыс. детей. Особое внимание уделялось улучшению бытовых условий учащихся и сельских учителей в пришкольных интернатах.

По всем источникам финансирования осуществлялось строительство и реконструкция 122 пришкольных интернатов на 10,1 тыс. мест, 45 тыс. кв. метров жилья для учителей. В 1976 г. было построено 30 школ на 11,3 тыс. учащихся в одну смену, 38 дошкольных учреждений на 4,5 тыс. мест и около 5 тыс. кв. метров жилой площади для учителей сельских школ. Однако вследствие недостаточной организаторской работы облоно программа первого года пятилетки по строительству объектов просвещения не была выполнена полностью.

Материально-техническая оснащенность не всегда соответствовала высокому уровню в школах области, в особенности в селах, и это, конечно же, отражалось на уровне преподавания учебных предметов. К примеру, в отчете об итогах проверки выполнения Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» в части использования учебного времени в Оренбургской области говорится о том, что во многих школах лабораторные и практические работы по физике и химии проводятся в соответствии с учебными планами и программами, но в ряде школ, особенно в сельских, допускались нарушения.

К примеру, в Сорочинском районе в восьмилетней школе по физике в 1976-77 учебном году в 6 классе вместо 9 лабораторных работ одна, в 7 классе из 8 работ ни одной, в 8 классе из 16 работ одна, а в Шишминской 8-летней школе Саракташского района также по физике в 6 классе выполнено из 9 одна, в 7 классе из 8 – 5, в 8 классе из 16 – 5 [20, л. 31–32]. Отмечается, что одной из главных причин невыполнения лабораторных и практических работ в школах по физике и химии являлось отсутствие необходимого оборудования и реактивов.

Однако эта ситуация меняется в лучшую сторону с 1965 г. В итогах работы учреждений народного образования за 1965–1970 гг. отмечается, что оснащение школ учебным оборудованием и техническими средствами начинает улучшаться. В большинстве школ организовывались обучения по кабинетной системе [18, л. 95]. В восьмилетних школах проводилась определенная работа по созданию основных кабинетов, и все усилия направлялись на совершенствование работы по оборудованию кабинетов. Лучшими по оборудованию кабинетов оставались школы городов Медногорска, Орска, Новотроицка, районов Курманаевского, Светлинского, Гайского, Соль-Илецкого. В 369 школах осуществлялось производственное обучение старшеклассников по автоделу и механизаторским специальностям. Было аттестовано по полученным специальностям 11097 учеников, или 67,5% от числа выпускников сельских средних школ.

Однако все же учебно-материальная база сельских, особенно восьмилетних, школ была недостаточной. Области в очень малых количествах выделяли такие технические средства, как «Кодоскоп», «Протон», лингафонные кабинеты. 22 фильмотеки имели более 570 наименований фильмов, но многие нужные фильмы исчислялись 10-12 копиями. Также школы испытывали недостаток и в различных учебных изданиях, дидактических и раздаточных материалах.

Следующий вопрос – это уровень преподавания и успеваемость учащихся в школах области. В отчетах об итогах проверки школ обращается внимание на то, что во многих школах учебные планы не выполнялись полностью. К примеру, в средней школе № 56 г. Оренбурга за 1966–1967 учебный год по учебным планам должны были провести 24 262 урока, а по факту было проведено 22 164 урока, т. е. не провели 1867 уроков. В Саракташской средней школе за 1966–1967

учебный год были пропущены 3084 урока, а за первое полугодие – 1028 уроков. В Ново-Аскарской 8-летней школе пропущено было 1213 уроков. В Сорочинской восьмилетней школе в данный период пропущено 660 уроков, а в 1967-1968 году – 147 уроков [20, л. 29]. Основными причинами, которые могли повлиять на срывы уроков, являлись: отвлечения учащихся от занятий на физкультурно-спортивные соревнования, военизированные игры, проведение дней здоровья, пионерских дней, сельскохозяйственные работы, уборку школ, субботники. Однако также обращается внимание на то, что часть уроков в школах, особенно в сельских, не были даны в связи с болезнью учителей и невозможностью их замены. Городские и районные отделы народного образования слабо оказывали помощь школам в этом деле.

К 1970 г. было преодолено массовое второгодничество. Успеваемость учащихся общеобразовательных школ области на конец учебного 1971 года составила 99,3%: из 327 139 учащихся 1–10 классов переведено в следующий класс и выпущено из 8 и 10 классов 324 850 человек (кроме того, 193 десятиклассника со справками). На второй год оставлено 2096 учащихся. Число второгодников за 5 лет сократилось почти в 3 раза (табл. 7). Как мы видим из таблицы 7, к 1975 г. уменьшается количество учащихся, оставленных на второй год, а процент успеваемости повышается.

Таблица 7. Количество учащихся, оставленных на второй год, и процент успеваемости в 1972–1977 гг. в школах Оренбургской области [18, л. 97–98]

Table 7. The number of students left for the second year and the percentage of academic performance in 1972–1977 in the schools of the Orenburg region [18, l. 97–98]

Учебный год	Учащихся на конец года	Оставлено на второй год	Процент успеваемости
1972–1973	385 650	5774	98,5
1973–1974	375 056	4126	98,9
1974–1975	359 796	3389	99,1
1975–1976	344 375	2335	99,3
1976–1977	327 139	2096	99,3

С наиболее высокой успеваемостью закончили учебный год школы городов Абдулино (99,6%), Бугуруслана (99,7%), Медногорска (99,5%), Орска (99,7%), Оренбурга (99,6%), Абдулинского, Новотроицкого, Светлинского (по 99,6%), Новосергиевского (99,8 %), Кваркенского (99,5%) районов. Улучшилась успеваемость в 33 территориях из 42. Обращается внимание на то, что увеличивалось число детей, занимавшихся на «4» и «5» [18, л. 96–97]. Также во все районы и области командировались представители облоно (методисты, преподаватели вузов и училищ) для участия в совещаниях учителей, проверки итогов летней работы, явки второгодников на занятия. Проводились выборочные контрольные работы по проверке уровня преподавания в школах. В результате проводимых работ был сделан вывод о том, что справились с контрольными работами 92% учащихся. Также проводились часто активные формы проверок (анкетирование, беседы с проверяющими, ответы на контрольные работы, директорские диктанты) и по линии руководителей школ и отделов народного образования на местах.

Также отдельно обращается внимание на то, что улучшался уровень преподавания и подготовки школьников по истории, т. к. учащиеся умели давать правильную оценку историческим фактам и понимали важные теоретические вопросы

обществоведения [18, л. 34–35]. Активно применялся в обучении проблемно-исторический подход к раскрытию тем и уделялось внимание выяснению связей и взаимообусловленностей исторических событий. Однако, несмотря на позитивные факторы в преподавании истории и обществоведения, были выявлены и недостатки в преподавании данных предметов. К примеру, ряд вопросов программы большей частью учащихся усваивались недостаточно глубоко, а слабый методический и научный уровень ряда уроков не обеспечивал в должной мере развитие исторического мышления учащихся, выработки у школьников классового подхода к оценке исторических явлений [18, л. 36].

Таким образом, важно понимать, что уровень, глубина и осмысленность знаний учащихся зависят в первую очередь от урока, внеклассной работы по предмету, а также состояния внутришкольного контроля. Обращается внимание в отчете и на то, что в Северном, Тоцком районах внутришкольный контроль, методическая, самообразовательная подготовка учителя в ряде школ остаются на низком уровне. Также успеваемость в 9-х классах была ниже, чем в других классах. Главная причина – слабая преемственность в работе восьмилетних и средних школ, а также недостаточное внимание отстающим школам со стороны отделов народного образования.

Не менее интересен вопрос о кадровом обеспечении школ. Анализ документов показывает, что в 1960-е гг. область нуждалась в кадрах. К примеру, в Саракташской средней школе № 1 с 23 февраля 1967 г. и до конца учебного года из-за отсутствия специалистов не велись уроки пения. Также во многих школах области преподавание ряда предметов (математика, физика, химия) велось студентами-практикантами пединститута [18, л. 108].

К 1970-м гг. повышению уровня и результативности работы общеобразовательных школ области содействовало некоторое улучшение комплектования их педагогическими кадрами. За годы IX и X пятилеток в школы было направлено около 7 тыс. молодых специалистов, причем более 3 тыс. с высшим образованием. Подавляющее большинство выпускников педагогических учебных заведений направлялось в село. Количество учителей с высшим образованием за это время увеличивалось на 1370 человек; более 1 тыс. человек этого прироста приходилось на сельские школы. В результате этого в 4–10 классах по основным предметам процент учителей с высшим образованием возрос с 64,9 до 75,5, в сельских школах – с 54,5 до 66,3 [18, л. 107–113].

Улучшался качественный (по образованию) состав преподавателей начальных классов. Процент этих учителей с соответствующим педагогическим образованием вырос с 90,1 до 98,2, в сельской местности – соответственно с 88,4 до 97,4. Однако школы области недополучили 1285 учителей, в том числе по математике и физике – 287, по русскому языку и литературе – 187, по истории и обществоведению – 208, по иностранному языку – 410, по химии, биологии и географии – 193. Но если учесть, что реальная потребность в учителях по сравнению с расчетной была значительно выше, недостаток в педагогических кадрах с высшим образованием еще был более ощутим. Так, например, за последние три года реальная потребность в преподавателях по математике и физике составляла 1160, а фактически на эти вакантные места было направлено только 775 специалистов. В итоге дефицит по этой специальности за три года составил 385 человек [18, л. 117].

Министерство просвещения РСФСР при планировании подготовки педагогических кадров в высших учебных заведениях не в полной мере учитывало такие давно сложившиеся факторы, как отсев студентов из пединститутов, предоставление выпускникам права самостоятельного трудоустройства по семейным и

другим обстоятельствам. За период 1960–1970 гг. из Оренбургского и Орского пединститутов было отчислено по личным причинам 796 студентов, из них 454 – с физико-математического факультета, и около 800 выпускников получили право самостоятельного трудоустройства. В итоге этого большое число специалистов, планируемое в свое время на реальные рабочие места в школы, особенно сельские, не дошло до общеобразовательных школ. Кроме того, одной из основных причин слабой, а в ряде территорий и неудовлетворительной укомплектованности многих школ кадрами является недостаточная закрепляемость учителей в сельской местности, уход части их из городских и сельских школ на работу в другие отрасли. Ежегодно за пределы области выбывало по разным обстоятельствам 400–450 учителей. К 1975 г. значительно возросло число учителей, уходящих на пенсию по выслуге лет и возрасту. За 1971–1975 гг. по этим причинам выбыло 1572 учителя, из них за 1973–1975 г. – 1175 человек (1973/74 учебный год – 272, 1974/75 учебный год – 438, 1975/76 учебный год – 465 человек) [18, л. 109].

В результате состав учителей улучшается крайне медленно. За 1975 г., несмотря на направление более 600 выпускников педвузов и получение высшего образования 376 учителями через заочную систему, их число уменьшилось на 30 человек. В целях улучшения кадровой обстановки необходимо было прежде всего сократить текучесть учителей и решить ряд вопросов, выходящих за пределы компетенции облоно. В связи с тем, что часть выпускников педагогических учебных заведений уклонялись от явки на работу, было предложено вручение дипломов молодым специалистам проводить не в год окончания учебы, а через три года работы по месту назначения, а также предусматривались меры воздействия на молодых специалистов, не явившихся к месту назначения или самовольно оставивших работу. Восстанавливались в интересах непрерывного квалифицированного учебно-педагогического процесса в сельских школах прежние сроки практики студентов пединститутов, и отделы народного образования использовали в период производственной практики студентов выпускных курсов для замещения вакантных мест в сельских школах области в связи с тем, что в них в течение года образовывалось много вакансий. Так, в первом полугодии 1976/77 учебного года в 25 районах находились в декретных отпусках 456 учителей, а 194 вакансии, образовавшиеся в связи с данным обстоятельством, замещать было не кем, т. к. никакого резерва учителей ни в облоно, ни в районо нет [18, л. 110].

Интерес представляет состояние жилищно-бытовых условий молодых учителей области. Обком профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений проводил проверку состояния жилищно-бытовых условий молодых учителей в Беляевском, Гайском, Домбаровском, Матвеевском, Переволоцком, Сорочинском районах. Как показывали результаты проверки, повсеместно в этих районах в основном создавались благополучные жилищно-бытовые условия для молодых учителей. Большинство из них проживало в благоустроенных коммунальных или ведомственных квартирах, а также получали полностью льготы по коммунальным услугам, питанию, продуктами питания обеспечивались через школьные буфеты и столовые, а также столовые колхозов и совхозов.

Значительную помощь в создании нормальных жилищно-бытовых условий учителей оказывали колхозы и совхозы. В Матвеевском районе, например, всем учителям, не только молодым, колхозы продали зерно и корм для личного скота наравне с колхозниками. Хорошие жилищно-бытовые условия для молодых учителей создавались в Домбаровском районе: в совхозах «Голубой факел», «Домбаровский», «Курмансай», «Солнечный», т. к. учителя жили в квартирах

городского типа, с центральным отоплением, квартиры были газифицированы, а также своевременно и качественно подготавливались к зиме.

Большим вниманием со стороны хозяйственных руководителей в вопросах быта были окружены учителя совхозов «Передовик», «Вишневые горки», «Воронежский» в Гайском районе. Учителям здесь предоставлялись благоустроенные квартиры, совхозы обеспечивали их продуктами питания наравне с рабочими совхозов. Вместе с тем были случаи невнимательного отношения к созданию нормальных жилищно-бытовых условий учителям со стороны профсоюзных и других общественных организаций и хозяйственных руководителей.

В Переволоцком районе, например, в Донецкой средней школе 3-комнатная школьная квартира была занята библиотекарем Дома культуры местного колхоза, тогда как молодые учителя Ибрагимова А. Л. и Рафикова А. З., к примеру, жили на частных квартирах, а директор этой школы, тоже молодой специалист, тов. Божанов Г. Г. ездил ночевать в районный центр, где жили его родители [19, л. 15].

Тяжелые жилищно-бытовые условия сложились у учителей Жанаталапской восьмилетней школы (колхоз «Октябрь») Беляевского района. Два молодых специалиста этой школы проживали в однокомнатной квартире, находящейся в ветхом состоянии: крыша протекала, со стен штукатурка обвалилась. Учительница Махмутова с тремя малолетними детьми проживала в этом же доме. Дом для проживания в зимних условиях был непригоден (температура воздуха могла быть 8-10 градусов тепла). В школе столовой не было, учителя испытывали большие затруднения в обеспечении продуктами питания, колхоз не выделял их для учителей. Два молодых специалиста этой же школы проживали в комнате, расположенной в медпункте. Вход в комнату и медпункт был из одного коридора, что создавало большие неудобства для проживания учителей. Четыре молодых специалиста Карагачевской средней школы (совхоз «Беляевский») этого района проживали в 16-квартирном совхозном доме, который был построен в 1950 г. и ни разу не ремонтировался. В квартирах в зимнее время было очень холодно.

В Сорочинском районе установлено при проверке 11 школ, где топливо завозили не всем учителям, а учителям Алексеевской восьмилетней школы топливо не завозилось часто, здесь же учителя не имели возможности купить хлеб. Учителя Бурдыгинской средней школы не получали льготы за освещение квартир. Квартира при Янтарной восьмилетней школе, где проживало 2 молодых учителей, была не подготовлена к проживанию в зимних условиях. Также молодые учителя проживали на частных квартирах: в Сорочинском районе – 22 человека, в Беляевском – 15, в Переволоцком – 10, Матвеевском – 4 [19, л. 11].

Таким образом, состояние жилищно-бытовых условий молодых учителей области не всегда было удовлетворительным. Но все же имелись районы, где создавались благополучные жилищно-бытовые условия для молодых учителей.

Еще одним немаловажным фактором для комфортного обучения и высоких показателей уровня здоровья населения, в первую очередь детей, являлась хорошая организация школьного питания. По данным отделов народного образования, к 1970 г. всеми формами общественного питания было охвачено более 75% учащихся от числа всех учащихся в общеобразовательных школах [19, л. 12–13].

В средних школах организованно питались 183 649 учащихся, в восьмилетних – 48 336, а по городским школам – соответственно 76 635 и 14 979, по сельским – 105 014 и 33 357 [19, л. 12].

Из 231 985 школьников, организованно получающих общественное питание, 22 222 учащихся, проживающих в пришкольных интернатах, охвачены трех- и четырехразовым питанием, а

72 538 учащихся, находящихся на режиме продленного дня, охвачены одно- и двухразовым питанием [19, л. 13].

Однако результаты проверок во многих случаях свидетельствовали о неудовлетворительной постановке организации общественного питания школьников.

Районные потребительские общества на местах практически не выполняли Постановление Совета Министров РСФСР от 4 июня 1971 г. № 313 «О некоторых мероприятиях по укреплению учебно-материальной базы общеобразовательных школ в сельской местности», обязывающее их организовать для детей, проживающих в пришкольных интернатах, трехразовое горячее питание по нормам, действующим в школах-интернатах. Большинство руководителей районных потребительских обществ и директоров школ не знали основных положений и нормативных документов об организации питания. Развитие школьного питания в области сдерживали две главные причины:

1) недостаточное комплектование школьных столовых торгово-технологическим и холодильным кухонным оборудованием;

2) отсутствие планового снабжения школьных столовых продуктами питания (в особенности мяса, молочно-кислой продукцией, животного масла, рыбы), из-за чего в облоно систематически поступали письма, вопросы, жалобы с мест о плохой постановке и трудностях в организации питания учащихся. Так, 22 декабря 1977 г. заместитель директора Михайловской восьмилетней школы Курманаевского района Ф. И. Павлов сообщал, что самый трудный вопрос – организация нормального питания. «Торгующие организации, – пишет он, – отвечают, что в районе нет фонда на мясо для групп продленного дня, а председатель колхоза отвечает, что указаний на отпуск мяса у него нет и расходовать его на сторону не будет. Где же брать мясо?». Подобные факты имели место в Бузулукском, Сорочинском, Северном и других районах [19, л. 5–18].

Выводы

По итогам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Материально-техническая оснащенность школ области была слабой в 1960-х гг., в особенности в селах, и это, конечно же, отражалось на уровне преподавания предметов. К 1975 г. материально-техническое обеспечение школ улучшается, и данный вопрос становится основополагающим на различных совещаниях и собраниях. Были отдельные школы, где кабинеты по оборудованию считались лучшими, к примеру, в школах городов Медногорска, Орска, Новотроицка, районов Курманаевского, Светлинского, Гайского, Соль-Илецкого. Однако в малых селах и деревнях этот вопрос, конечно же, остро стоял и не решался должным образом ввиду нехватки средств.

2. Уровень преподавания и успеваемость учащихся в школах области не всегда были на высоком уровне, в особенности в 1960-х гг. В народном образовании области имелся ряд нерешенных проблем. В первую очередь – недостаточная обеспеченность педагогическими кадрами, особенно на селе, низкий уровень работы отдельных учителей, слабая связь школ с жизнью предприятий, колхозов и совхозов.

К 1970 г. в области проводилась целенаправленная и большая работа по улучшению обучения и воспитания школьников. К 1975 г. в Оренбуржье действовало 1700 школ, в них учились около 313 тыс. учащихся. За 1976 г. успеваемость учащихся составила 99,3%. Более половины школ области закончили учебный год без второгодников. Более 95% учащихся заканчивали 8-е классы, а 90% своевременно получали среднее образование.

3. Относительно вопроса кадрового обеспечения школ области анализ документов показал, что в 1960-е гг. область

действительно нуждалась в квалифицированных кадрах-педагогах. Были школы, где из-за отсутствия учителя-предметника некоторые предметы не велись или замещались учителями других предметов. Активно вовлекались в работу студенты-практиканты пединститута в преподавание ряда предметов (математика, физика, химия).

К 1970-м гг. в школах области улучшается комплектование педагогическими кадрами, что способствует повышению уровня и результативности работы. Начинают активно направляться на работу в школы молодые специалисты, где половина из них были с высшим образованием. Также большинство выпускников педагогических учебных заведений направлялись в село. Все средние и 98,9% восьмилетних школ возглавлялись директорами, которые имели высшее педагогическое образование. Но несмотря на это область значительно отставала от средних республиканских показателей по качественному составу учителей в 4–10 классах. Причиной этого был большой разрыв между потребностью в педагогических кадрах с высшим образованием и уровнем ее удовлетворения. На протяжении многих лет потребность школ в дипломированных специалистах полностью не возмещалась, вследствие чего на работу школы были вынуждены принимать лиц, не имеющих соответствующего образования.

4. Состояние жилищно-бытовых условий молодых учителей области не всегда было хорошее. Однако в некоторых районах создавались благополучные жилищно-бытовые условия для молодых учителей. Большинство из них проживало в благоустроенных коммунальных или ведомственных квартирах, а также получали полностью льготы. Однако были и случаи, когда учителя проживали в однокомнатной квартире, находящейся в ветхом состоянии – крыша протекала, со стен штукатурка обвалилась, и для проживания в зимних условиях была непригодна.

5. Результаты проверок во многих случаях свидетельствовали о неудовлетворительной постановке организации общественного питания школьников ввиду недостаточного комплектования школьных столовых торгово-технологическим и холодильным кухонным оборудованием, а также из-за отсутствия планового снабжения школьных столовых продуктами питания.

Список литературы

1. Гончаров Н. К. По ленинскому пути (о развитии школьного образования в СССР за годы Советской власти) // Воспитание школьников. 1967. № 5. С. 7–11.

2. Паначин Ф. Г. Некоторые вопросы развития советской школы. М.: Знание, 1972. 21 с.

3. Попов В. Д. Образование, личность, общество: опыт социологического комплексного исследования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. 222 с.

4. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2-х т. Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 804 с.

5. Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 359 с.

6. Хроменков Н. А. Образование. Человеческий фактор. Общественный прогресс. М.: Педагогика, 1989. 192 с.

7. Верт Н. История Советского государства, 1900–1991 / пер. с франц. Н. В. Бунтман. [и др.]. 2-е изд., испр. М.: Инфра-М: Весь мир, 1997. 542 с.

8. Дегтев С. И. Наука, образование, культура и идеологическая практика // Новейшая история Отечества. XX век / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М.: Владос, 1998. Т. 2. 446 с.

9. Миронов В. Б. Век образования. М.: Педагогика, 1990. 175 с.

10. Кораблева Г. В. Школьная политика и ее осуществление в Российской Федерации в 1970–1980-е гг.: опыт, уроки (на материалах Уральского региона): дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2001. 455 с.

11. Астафьев Д. А. Общеобразовательная школа Южного Урала в 1980–1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 234 с.

12. Холостова Е. И. Социальная политика и социальная работа. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К, 2013. 208 с.

13. Цветаева Н. Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 87–99.

14. Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов / сост.: Н. Е. Голубева. М.: Юрид. лит., 1987. 357 с.

15. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1971. 258 с.

16. Анисов М. И. Хрестоматия по истории советской школы и педагогики / под ред. А. Н. Алексеева, Н. П. Щербова. М.: Просвещение, 1972. 407 с.

17. Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1982. 526 с.

18. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 371. Оп. 67. Д. 109.

19. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 70. Д. 130.

20. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 37. Д. 368.

Reference

1. Goncharov N. K. Po leninskomu puti (o razvitii shkol'nogo obrazovaniya v SSSR za gody Sovetskoj vlasti) [On the Leninist way (on the development of school education in the USSR during the years of Soviet power)]. *Vospitanie shkol'nikov = Education of schoolchildren*, 1967, no. 5, pp. 7–11.

2. Panachin F. G. Nekotorye voprosy razvitiya sovetskoj shkoly [Some issues of the development of the Soviet school]. Moscow, Znanie Publ., 1972. 21 p.

3. Popov V. D. Obrazovanie, lichnost', obshchestvo: opyt sociologicheskogo kompleksnogo issledovaniya [Education, personality, society: the experience of sociological complex research]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1979. 222 p.

4. Ahiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 1. Ot proshlogo k budushchemu [Russia: Criticism of Historical experience. Vol. 1. From the past to the future]. Novosibirsk, Sib. Hronograf Publ., 1997. 804 p.

5. Vajl' P., Genis A. 60-e: Mir sovetskogo cheloveka [60s: The World of the Soviet Man]. 2th ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 359 p.

6. Hromenkov N. A. Obrazovanie. Chelovecheskij faktor. Obshchestvennyj progress [Education. The human factor. Social progress]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. 192 p.

7. Vert N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva, 1900–1991 [History of the Soviet State, 1900-1991]; ed. by N. V. Buntman, eds. Moscow, Infra-M Publ., Ves' mir Publ., 1997. 542 p.

8. Degtev S. I. Nauka, obrazovanie, kul'tura i ideologicheskaya praktika [Science, education, culture and ideological practice]. Novejshaya istoriya Otechestva. XX vek [The modern history of the Fatherland. XX century]; ed. by A. F. Kiselev, E. M. Shchagin. Moscow, Vlados Publ., 1998, vol. 2. 446 p.

9. Mironov V. B. Vek obrazovaniya [The Age of Education]. Moscow, Pedagogika Publ., 1990. 175 p.

10. Korableva G. V. Shkol'naya politika i ee osushchestvlenie v Rossijskoj Federacii v 1970–1980-e gg.: opyt, uroki (na materialah Ural'skogo regiona). Diss. dokt. ist. nauk [School policy and its Implementation in the Russian Federation in the 1970s and 1980s: experience, lessons (based on materials from the Ural region). Dr. hist. sci. diss.]. Orenburg, 2001. 455 p.

11. Astaf'ev D. A. Obshcheobrazovatel'naya shkola Yuzhnogo Urala v 1980–1990-e gg. Diss. kand. ist. nauk [Secondary school of the Southern Urals in the 1980s and 1990s. Cand. hist. sci. diss.]. Orenburg, 2007. 234 p.

12. Holostova E. I. Social'naya politika i social'naya rabota [Social policy and social work]. 4th ed. Moscow, Dashkov i K Publ., 2013. 208 p.

13. Cvetaeva N. N. Biograficheskij diskurs sovetskoj epohi [Biographical discourse of the Soviet era]. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*, 1999, no. 1/2, pp. 87–99.

14. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sbornik normativnyh aktov [Public education in the USSR. Collection of regulations]; ed. by N. E. Golubeva. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1987. 357 p.

15. Programma Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza: prinyata XXII s"ezdom KPSS [Program of the Communist Party of the Soviet Union: adopted by the XXII Congress of CPSU]. Moscow, Politizdat Publ., 1971. 258 p.

16. Anisov M. I. Hrestomatiya po istorii sovetskoj shkoly i pedagogiki [A textbook on the history of the Soviet school and pedagogy]; ed. by A. N. Alekseev, N. P. Shcherbov. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 407 p.

17. Konstantinov N. A., Medynskij E. N., Shabaeva M. F. Istoriya pedagogiki [History of pedagogy]. 5th ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 526 p.

18. OGAOO (Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti) [United State Archive of the Orenburg Region], f. 371, op. 67, d. 109.

19. OGAOO, f. 371, op. 70, d. 130.

20. OGAOO, f. 371, op. 37, d. 368.

Информация об авторах / Information about the Authors

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: hisamutdinova@inbox.ru,
ORCID: 0000-0003-3546-0683

Ravilya R. Khisamutdinova, Dr. of Sci. (Historical), Professor, Head of the Department of World History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: hisamutdinova@inbox.ru,
ORCID: 0000-0003-3546-0683

Никуленкова Регина Айратовна, аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: m.regina56@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9785-2020

Regina A. Nikulenkova, Post-Graduate Student of the Department of General History and Methodology Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University Orenburg, Russian Federation,
e-mail: m.regina56@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9785-2020

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-197-205

(cc) BY 4.0

К вопросу о биографии первого генералиссимуса России А. С. Шеина

А. И. Лихобабина[1] ✉

[1]Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, д. 86, г. Воронеж 394043, Российская Федерация

✉ e-mail: Likhobabina.an@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье предпринята попытка анализа истории развития старинного московского боярского рода Шеиных и становления личности первого русского генералиссимуса Алексея Семеновича Шеина. Древние роды продолжали занимать главенствующее положение в управлении, на протяжении ряда веков доказывая свою состоятельность. В XVII столетии насчитывалось 19 перворазрядных родов, которые обладали привилегией назначения в боярский чин, минуя чин окольничего. Наличие неисследованных лакун и «белых пятен» в биографии А. С. Шеина вкупе с отсутствием серьезных исследований, посвященных различным аспектам его жизни и деятельности, позволяет говорить об актуальности обращения к данной научной проблеме.*

Цель исследования *заключается в построении на основе современных достижений исторической науки биографии такой неординарной личности в отечественной истории, какой представал первый генералиссимус А. С. Шеин.*

Задачи: *проанализировать имеющуюся историографию, посвященную различным аспектам жизни и деятельности А. С. Шеина; выявить и уточнить имеющуюся информацию о происхождении боярского рода Шеиных и их вкладе в историю России; представить основные вехи жизни генералиссимуса.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались просопографический и сравнительно-исторический методы, анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция.*

Результаты. *Проведенное исследование позволило расширить наше представление о такой неординарной личности, как А. С. Шеин, поспособствовало в немалой степени развенчанию ряда существующих мифологем как о нем, так и о данном периоде в отечественной истории.*

Вывод. *А. С. Шеин принадлежал к старинному боярскому роду, сумев в течение своей яркой и насыщенной разными событиями жизни оставить след в истории России. Его полководческая и государственная деятельность по достоинству была оценена даже таким сторонником вестернизации, как Петр Первый. Однако можно убедительно заявлять о перспективности дальнейшей разработки данной проблематики в силу множества «белых пятен».*

Ключевые слова: *Московское государство; Шеины; правящая элита; боярские роды; генералиссимус.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Лихобабина А. И. К вопросу о биографии первого генералиссимуса России А. С. Шеина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 197–205. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-197-205.

Поступила в редакцию 14.04.2023 Принята к публикации 22.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Лихобабина А. И., 2023

On the Question of the Biography of the First Generalissimo of Russia A. S. Shein

Anastasia I. Likhobabina[1] ✉

[1]Voronezh State Pedagogical University
86 Lenin Str., Voronezh 394043, Russian Federation

✉ e-mail: Likhobabina.an@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article attempted to analyze the history of the development of the old Moscow boyar family of the Sheins and the formation of the personality of the first Russian generalissimo Alexei Semenovich Shein. The ancient clans continued to occupy a dominant position in government, proving their worth for several centuries. In the XVII century, there were 19 first-class clans who enjoyed the privilege of appointment to the rank of boyar, bypassing the rank of okolnichy. The presence of unexplored lacunae and "white spots" in the biography of A.S. Shein in accordance with the lack of serious studies devoted to various aspects of his life and activity, allows us to talk about the relevance of addressing this scientific problem.*

The purpose *of the study is to build on the basis of modern achievements of historical science a biography of such an extraordinary personality in Russian history, which was represented by the first generalissimo A. S. Shein.*

Objectives: *to analyze the available historiography devoted to various aspects of the life and work of A. S. Shein; to identify and clarify the available information about the origin of the Shein boyar family and their contribution to the history of Russia; to present the main milestones of the life of the generalissimo.*

Methodology. *In the process of working on the study, prosopographic and comparative historical methods, analysis, synthesis, generalization, induction and deduction were used.*

Results. *The conducted research allowed us to expand our understanding of such an extraordinary personality as A.S. Shein, contributed to a considerable extent to the debunking of a number of existing mythologies both about him and about this period in Russian history.*

Conclusin. *A. S. Shein belonged to an ancient boyar family, having managed to leave a mark in the history of Russia during his bright and eventful life. His military and state activities were appreciated even by such a supporter of Westernization as Peter the Great. However, it is possible to convincingly declare the prospects for further development of this problem due to the many "white spots".*

Keywords: *Moscow state; Sheins; ruling elite; boyar clans; generalissimo.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Likhobabina A. I. On the Question of the Biography of the First Generalissimo of Russia A. S. Shein. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 197–205. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-197-205.

Received 14.04.2023 Accepted 22.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Обилие научных изысканий, в которых нашли отражение различные аспекты истории России XVII – начала XVIII в., тем не менее не исключает наличия множества «белых пятен» и неисследованных лакун. Одна из них посвящена проблеме роли в истории первого отечественного генералиссимуса Алексея Семеновича Шеина. Отсутствие серьезных трудов, в которых бы нашли отражение отдельные аспекты его жизни и деятельности, и необходимость обращения к опыту прошлых столетий актуализирует детальный интерес к биографии этого неординарного человека. В настоящее время его имя

практически неизвестно обывателям, оставаясь достоянием лишь узкого круга специалистов по военной истории. Цель данного исследования заключается в попытке восполнить пробелы в биографии А. С. Шеина и сохранить сведения о нем в исторической памяти потомков.

Методология

Методологической базой исследования выступили принципы объективности и историзма, позволившие критически подойти к оценкам тех или иных событий прошлого, связанных с личными качествами и деятельностью А. С. Шеина. Применялись просопографический и сравнительно-исторический методы, а также анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция. Это позволило составить более детальное представление о различных аспектах обозначенной в заголовке статьи проблемы.

Результаты и их обсуждение

Важные сведения о возникновении рода Шеиных приводит известный общественный деятель, археолог граф А. А. Бобринский. В одной из книг он констатирует внимание на образовании великого боярского рода от рода Прушанина, что в дальнейшем, при переплетении семейств, способствовало образованию династии Шеиных [1, с. 372].

Знаменитый отечественный историк С. М. Соловьев неоднократно в своих исследованиях подчеркивал знатность боярского рода Шеиных, отмечая, что он насчитывал шестнадцать знатных родов, управлявших Московским государством и обладавших особыми правами обход низших чинов – при производстве в боярское сословие. К их числу принадлежали: Воротынские, Морозовы, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Одоевские, Шеины, Пронские, Шереметевы, Репнины, Хилковы, Салтыковы, Прозоровские, Буйносовы, Урусовы [2, с. 360].

Российский ученый П. Н. Петров, автор «Истории родов русского дворянства», прародителем известного боярского рода указывал посадника Михаила Степановича, от которого произошли: Шеины, Чоглоковы, Житовы, Салтыковы и Морозовы. Далее он отмечал, что у сына Михаила Степановича Семена было двое сыновей: Иван, прозванный «Морозом», и Василий Туша. Они явились предками Чоглоковых, Житовых и Тушиных. Иван Семенович Мороз был родоначальником фамилии Морозовых. У М. И. Морозова, согласно родословной, было пятеро сыновей: Василий по прозвищу Слепой, родоначальник Салтыковых Игнатий, «Давид, Борис Тучко – родоначальник Тучковых и Василий III Шея – родоначальник исторического рода Шеиных». Как несложно заметить, все эти фамилии – Шеиных, Тучковых и Морозовых – были образованы с седьмого колена [3, с. 891].

В XV и XVII вв. сохранялось первенствующее положение Морозовых. Однако в XVI столетии ни один представитель рода не был удостоен боярства, шестерым удалось достичь боярства вслед за окольничеством, а троим не удалось продвинуться дальше в окольничих. Это наглядно демонстрирует, что тезис о неподвижности и замкнутости высшего служилого класса в Москве имел под собой не так много оснований, как представлялось многим. В XVI в. представители таких родов, как Воронцовы, Романовы, Юрьевы, Захарьевы возводились в бояре по 7 раз, Яковлевы и Морозовы – по 6, а Годуновы, Шереметьевы и Шеины – по 5 раз. В XVII в. представитель рода Шеиных был возведен в бояре один раз. Алексей Семенович Шеин являлся знаменитым членом своего рода, сумев достичь высот по карьерной лестнице и будучи в дальнейшем удостоен титула генералиссимуса России [4, с. 400–402]. Хотя в историографии подвергается сомнению тот факт, что именно его стоит называть первым российским генералиссимусом [5, с. 148–149].

В труде «Российская родословная книга» отечественный историк и публицист П. Долгоруков описывает в числе других представителей и род Шеиных, отнеся Алексея Семеновича к числу самых лучших полководцев и самых образованных россиян своей эпохи, пользовавшихся милостью Петра Первого [6, с. 132].

А. С. Шеин родился в Первопрестольной в августе 1652 г. Во всех энциклопедических словарях указан другой год рождения генералиссимуса, а именно 1662, но это не верно! Действительной датой рождения полководца следует считать август 1652 г., ибо она была указана на его могильном памятнике, к сожалению, не сохранившемся до настоящего времени. Содержание надписи на нем опубликовано до революции в московском некрополе. Кроме того, Семен Иванович, отец Алексея, был похоронен в Троице-Сергиевой Лавре 7 июля 1655 г. Соответственно, исходя из вышеизложенной версии рождения будущего генералиссимуса в 1662 г., выходило, что он появился на свет спустя семь лет после смерти отца. Это идет вразрез со здравым смыслом [7, с. 167]. Авдотья Ивановна, мать полководца, согласно документам Российского государственного архива древних актов (РГАДА), числилась вдовой с 1655 г. В 1669 г. она сочеталась узами брака с князем Григорием Сунчалеевичем Черкасским [8, л. 111]. Их семейная жизнь не продлилась долго, ибо в 1673 г. он был убит. Косвенным свидетельством данного брака служит тот факт, что могила Авдотьи Ивановны рядом с могилой сына и бывшего мужа отсутствует.

Подчеркнем переплетение множества именитых фамилий в роду Шеиных. Так, мать А. С. Шеина происходила из боярского рода князей Пронских, во втором замужестве породнилась с Черкасскими. Умерла и была похоронена Авдотья Ивановна в 1686 г. в Новоспасском монастыре, княжеской усыпальнице Черкасских и Романовых. Бабушка Алексея Семеновича Мария Борисовна происходила из князей Лыковых-Оболенских, при этом ее матерью была Анастасия Никитична Романова. Прабабушка Мария Михайловна была представительницей рода Годуновых. Иными словами, налицо родственная связь предков полководца с царской династией. По удивительному стечению обстоятельств дочь однородцев Шеиных бояр Салтыковых Прасковья Федоровна стала супругой царя Ивана V Алексеевича. В браке родилось пятеро дочерей, четвертая из которых, Анна Иоанновна, стала императрицей. Знаменитый боярин и воевода Михаил Борисович Шеин являлся прадедом Алексею Семеновичу [9, с. 162–252]. В царствование Б. Годунова имел звание чашника, в 1607 г. был возведен в бояре, после в 1609 г. участвовал в осаде Смоленска. Позднее М. Б. Шеин был казнен как изменник. Этот эпизод в биографии являлся черным пятном, со временем А. С. Шеин в будущем смог «воскресить свой боярский род» [10, с. 98–99].

Крупный отечественный реформатор М. М. Сперанский в 3 томе «Полного собрания законов Российской империи с 1649 г.» фокусирует внимание на содержание царского указа «О рассмотрении исков о бесчестии и о взысканиях за обиды рода Шеиных», подготовленный и озвученный приказом Казанского Дворца за № 1460. Из этого указа мы можем почерпнуть любопытную информацию о ссоре между боярином М. Г. Ромодановским и А. С. Шеиным в доме боярина П. В. Шереметева. Первый из них кричал, оскорблял и бил своего визави, а впоследствии даже угрожал зарезать его ножом. Себя Михаил Григорьевич называл московским князем, а прадеда Алексея Семеновича – боярина Михаила Борисовича – изменником. Кроме того, оскорблениям подверглись и другие родственники Шеина, в частности, дед Иван Михайлович, отец и мать. В ответ на оскорбления боярин Шеин назвал своего обидчика «худым» князем. В конце публичной ссоры для разрешения конфликта сторонам

пришлось обратиться к царю, заставившему принести извинения обоих участников. Боярин Ромодановский за свой поступок был заключен в тюрьму. А. С. Шеин сумел реабилитировать свой род, прославить его великими делами, с гордостью и честью пронести титул первого генералиссимуса страны. Одновременно с сожалением приходится констатировать, что фамилия Шеин и по сей день не внесена в гербовник дворянских родов. Реабилитироваться представителям рода Шеиных удалось в 1682 г. посредством пожалования в бояре Алексея Семеновича и закрепления его указом царя от 25 марта того же года и приговором Боярской Думы. В царском указе особенно отмечалось, что род Шеиных никогда не был уличен в измене [11, с. 150–151].

С раннего возраста А. С. Шеина начинали готовить к военной службе. В детстве ему довелось присутствовать при казни на Болотной площади знаменитого атамана Степана Разина, в 14 лет он был назначен стольником [12, с. 112]. Следует отметить, что первоначально стольничество выступало в качестве придворной должности, именно стольники во время застолий прислуживали у царского стола. В то время только такие люди могли исполнять данную важную придворную обязанность. В XVI в. дворянин получал чин стольника или стряпчего в соответствии знатности рода и таким же образом повышался потом в чины окольничего или боярина. В XVII в. порядок был изменен, в пожалование чина принималась во внимание не только служба, но и родство. Когда к царям приезжали иностранные послы, бояре тоже присутствовали. У них была задача накрыть стол, а вот как раз блюда в руках держали стольники. Но такое участие стольников в редких придворных торжествах было лишь их только внешним отличием, указывавшим на их почетную близость к царскому двору. Имя Алексея Семеновича среди «ближних людей» впервые упоминается в 1671 г. в контексте его участия в свадебном поезде по случаю вторичной женитьбы царя Алексея Михайловича, избравшего на этот раз супругой Н. К. Нарышкину. Праздник проходил в государевой столовой, а среди присутствующих гостей были такие люди, как бояре Г. Черкасский, П. В. Шереметьев и др. В качестве стольника А. С. Шеину вменялось в обязанность «наряжать вина» на этом торжестве. Несмотря на юный возраст, он принимал самое активное участие в жизни Двора и выстраивал блестящую карьеру. На венчании великого государя в Соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы Алексей Семенович нес двоемохровую бархатную шапку государя.

На сегодняшний день практически отсутствуют данные о первых годах службы будущего генералиссимуса. Известно лишь о его упоминании в «Разрядах» начиная с 1672 г., в связи с описанием различных придворных церемоний [13, с. 127]. Одновременно его имя было упомянуто в должностях спальника и комнатного стольника. А. С. Шеин 30 июня 1672 г. был удостоен чести присутствовать на крестинах царевича Петра Алексеевича, принимал участие при постановлении патриарха Питирима, подносил вина к царскому столу и украшал Грановитую палату в Московском Кремле [14, с. 379].

Параллельно с военной деятельностью Алексею Семеновичу трижды пришлось исполнять обязанности одного из судей Московского судного приказа в 1683, 1685 и 1687 гг. Этот орган до конца XVII в. ведал судом над дворянами других уездов и служилыми людьми московских чинов. В 1680–1682 г. А. С. Шеин служил воеводой в Тобольске [14, с. 298]. В эту эпоху тобольские воеводы управляли всей Сибирью, в связи с чем управление восточной окраиной России доверяли исключительно боярам. В 1680 г. государь отдал приказ тобольским воеводам М. В. Приклонскому и А. С. Шеину построить каменную соборную церковь по находившемуся в Москве в Кремле образцу. В 1683–1684 гг. Алексей Семено-

вич служил воеводой в Курске. В это период в столице произошёл стрелецкий бунт, участников которого отправляли в ссылку в окраинные города, в том числе в Курск. Стрельцов разрешалось использовать на строительстве оборонительных сооружений, что и использовал А. С. Шеин. Он же руководил строительством бастиона с использованием добывавшейся неподалеку осадочной горной породы – мергеля. В 1684 г. по полученному из Москвы распоряжению Алексей Семенович отправил в Ольшанку (сейчас – современная Харьковская область) боярского сына М. Н. Анненкова расследовать обстоятельства находки крупных костей, которые принадлежали будто бы ногам сказочного великана – волота, а в реальности, скорее всего, мамонту [15, с. 10].

Весной 1695 г. в ходе предпринятого Петром Первым первого азовского похода А. С. Шеина назначили главным воеводой в русском войске. Как известно, данная военная кампания не увенчалась успехом, т. к. осажденным туркам удалось организовать помощь с моря, а у России на тот момент отсутствовал военный флот. Несмотря на то, что цели похода не были достигнуты, Алексей Семенович был награжден, получил известность и был удостоен звания ближнего боярина и псковского наместника. На следующий год осада Азова возобновилась, но к этому времени уже имелся построенный на Воронежской земле флот, а опытному А. С. Шеину вновь царем было назначено командовать всеми русскими сухопутными войсками. Петр Первый удостоил его 28 июня 1696 г. чина генералиссимуса, а также чести командования войсками в то время, когда сам царь отправился за границу в составе Великого посольства [16, с. 24–26].

Вторая осада Азова закончилась успешно для русской армии, приведя к сдаче турецкого гарнизона и переходу крепости во владение России. Сам царь также принимал участие в осаде, однако честь завоевания крепости была предоставлена опытному А. С. Шеину. В ходе церемонии триумфального въезда в Москву ему выделили первое место в процессии. Петр Первый в качестве рядового бомбардира шел в общем строе. В 1698 г. Алексей Семенович участвовал в подавлении бунта стрельцов, что повлекло за собой осложнение отношений между ним и государем. Последний обвинил воеводу в отсутствии должного рвения при розыске и усмирении бунта. Петр Великий в ходе обеда у Ф. Лефорта был крайне резок и вспыльчив, набросившись на своего первого воеводу, ранив шпагой Зотова, Ромодановского и самого хозяина, стремившегося его успокоить [17, с. 54–55].

Личная жизнь А. С. Шеина не сопровождалась такими же успехами, как карьера. Он был женат 4 раза, причем первые три раза были неудачные. Его первая жена Анна Петровна Долгорукова умерла в 1671 г., это был ранний брак. Причина смерти неизвестна. Похоронена она была в Китай-городе, рядом с домом Шеина [18, с. 9]. Вторая жена Марья Лобанова-Ростовская, дочь стольника, умерла в 1674 г., родив сына Петра, но при рождении он скончался. Это был долгожданный ребенок, т. к. для воеводы было важно иметь наследника для продолжения своего старинного рода [8, с. 330]. Алексей Семенович попросил у царя Алексея Михайловича жалованье в размере 50 рублей из приказа Тайных дел на погребение жены. 4 июля 1674 г. его сын был захоронен в Рождественском монастыре. Третья жена Анна Петровна (фамилию установить не удалось) умерла в 1677 г. по неизвестным причинам. Данную информацию подтверждает письмо жены боярина В. В. Голицына. Подробностей ее биографии обнаружить не удалось. Известно лишь, что к 25 годам боярин уже трижды овдовел. Четвертый брак у него состоялся в 1680 г. с Марфой Михайловной Приклонской, а в 1692 г. у них родился сын Сергей, последний в роду Шеиных. Последняя супруга скончалась в 1713 г., а сын после смерти отца, благодаря Петру Великому, отправился в числе боярских

детей в Амстердам на обучение, где, увы, скончался в том же году [19, с. 460].

Наследников по прямой линии не осталось, и все пожитки и земли по указу царя перешли государству. Как бы сложилась судьба боярского рода в дальнейшем, если бы генералиссимус не скончался так рано? Неизвестно. Возможно, он бы умело проявил себя в Северной войне, получив повышение на службе и укрепление своей роли в государстве. Вопрос о причине его смерти продолжает оставаться дискуссионным. В 1700 г. А. С. Шеин ездил с Петром Первым к Азовскому морю до Керчи, где и простудился. У него был обнаружен чирей, с которым он отправился в баню, а позднее произошло заражение крови, и Алексей Семенович скончался 12 февраля 1700 г. [20, с. 68] Похоронен А. С. Шеин был у алтаря церкви Сошествия Святого Духа в Троицко-Сергиевом монастыре.

Выводы

Подводя итоги вышеизложенному, можно констатировать, что нам удалось кратко осветить историю зародившегося в начале XIII в. боярского рода Шеиных. Каждый его представитель был по-своему уникален, старался внести свой вклад в развитие родного государства, продемонстрировав, что звания можно получать честным способом за непрестанный труд на благо Отечества. Огромное переплетение знаменитых боярских фамилий позволило укрепить могущественный род. А. С. Шеин сумел пройти свою карьерную службу от комнатного спальника до генералиссимуса России. Перед Вторым Азовским походом его назначили главнокомандующим русскими войсками. Коренное отличие от предшествующих воинских формирований заключалось в том, что в состав данного, Большого, полка входил также морской караван во главе с адмиралом Ф. Я. Лефортом. У него в подчинении был сам государь в звании капитана. Ориентированный с детства на подражание Западу, Петр Великий применял активно иностранную атрибутику. Не была исключением и военная сфера. Провозглашение генералиссимусом представителя старинного боярского рода Алексея Семеновича Шеина можно рассматривать как следствие подобных установок. Хотя в историографии подвергается сомнению тот факт, что именно его стоит называть первым российским генералиссимусом. Несмотря на отдельные недомолвки и случавшиеся разногласия по поводу руководства войсками, а также в ходе подавления стрелецкого бунта, царь полностью доверял опытному воеводе. Дискуссии между ними обусловливались тем, что и А. С. Шеин, и сам Петр Первый были независимыми и умными личностями. В то же время анализ действий полководца убедительно демонстрирует его стремление незамедлительно выполнять выдвинутые государем указы, примером чего служит его стремительное прибытие в Воронеж в ходе Азовских походов. Фактически все руководство двигавшейся на Азов российской армии принадлежало Алексею Семеновичу, а морские сражения недалеко от устья Дона являлись только лишь маленькой частицей более обширной войны.

Список литературы

1. Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 800 с.

2. Соловьев С. М. История России с Древнейших времен. М.: Тип. Каткова, 1871. 360 с.

3. Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб.: Германъ Голле, 1886. 898 с.

4. Сергеевич В. И. Древности русского права. Территория и население. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 706 с.

5. Томенко Н. В. О генералиссимусе Шеине // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 148–149.

6. Долгоруков П. Российская родословная книга. Т. 4. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1964. 482 с.

7. Новиков Н. Древняя российская вивлиофика. Т. XVI. М.: Тип. компании типографской, 1791. 434 с.

8. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 233. Оп. 1. Д. 93.

9. Каргалов В. В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990. 496 с.

10. Саитов В. И. Московский некрополь. Т. III. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 432 с.

11. Сперанский М. М. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 3. СПб.: Императорская канцелярия, 1830. 686 с.

12. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1, ч. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. 522 с.

13. Гурлянда И. Я. Дела тайного приказа. Т. III. СПб.: Сенатская тип., 1904. 726 с.

14. Каргалов В. В. Московские воеводы XVI – XVII вв. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2002. 336 с.

15. Забелин И. Е. Дворцовые разряды высочайшему повелению изданных II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (с 1645–1676 г.). Т. III. СПб.: В Тип. II отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1852. 1645 с.

16. Глазьев В. Н. Донесения А. С. Шеина из похода под Азов 1696 г. // Воронеж – колыбель российского Военно-морского флота: тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции, посвященной 300-летию русского военного-морского флота, Воронеж, 16–18 мая 1996 г. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. С. 24–26.

17. Бекетов П. Собрание портретов россиян с приложением из краткого жизнеописания. М.: Тип. С. Селивановского, 1821. 292 с.

18. Рубан В. Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову. СПб.: [Тип. Мор. кадет. корпуса], 1773. 226 с.

19. Седов П. В. К истории ранней биографии «генералиссимуса» Алексея Семеновича Шеина // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 6–16.

20. Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. В. I. СПб.: Сенатская тип., 1912. 277 с.

References

1. Bobrinsky A. A. Dvoryanskie rody, vnesennye v Obshhij gerbovnik Vserossijskoj imperii [Noble families included in the General Tombstone of the All-Russian Empire]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1890, vol. 1. 800 p.

2. Soloviev S. M. Istoriya Rossii s Drevnejshikh vremen [The history of Russia from ancient times]. Moscow, Tip. Katkova Publ., 1871. 360 p.

3. Petrov P. N. Istoriya rodov russkogo dvoryanstva [History of the clans of the Russian nobility]. St. Petersburg, German" Golle Publ., 1886. 898 p.

4. Sergeevich V. I. Drevnosti russkogo prava. Territoriya i naselenie [Antiquities of Russian law. Territory and population]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1909, vol. 1. 706 p.

5. Tomenko N. V. O generalissimuse Sheine [About Generalissimo Shein]. *Voprosy istorii = History issues*, 1988, no. 5, pp. 148–149.

6. Dolgorukov P. Rossijskaya rodoslovnaya kniga [Russian genealogy book]. St. Petersburg, Tip. K. Vingebera, 1964, vol. 1. 482 p.

7. Novikov N. Drevnyaya rossijskaya vivliofika [Ancient Russian vivliophics]. Moscow, Tip. kompanii tipografskoj, 1791, vol. 1. 434 p.

8. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 233, op. 1, d. 93.

9. Kargalov V. V. Polkovodtsy XVII v. [Generals of the 17th century]. Moscow, Patriot Publ., 1990. 496 p.

10. Saitov V. I. Moskovskij nekropol' [Moscow necropoliss]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1908, vol. 3. 432 p.

11. Speransky M. M. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. St. Petersburg, Imperatorskaya kantselyariya, 1830, vol. 3. 686 p.

12. Zabelin I. E. Domashnij byt russkikh tsarej v XVI i XVII stoletiyakh [Home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, vol. 1, pt. 2. 522 p.

13. Gurlyanda I. Ya. Dela tajnogo prikaza [Cases of secret order]. St. Petersburg, Senatskaya tip., 1904, vol. 3. 726 p.

14. Kargalov V. V. Moskovskie voevody XVI – XVII vv. [Moscow governors of the 16th - 17th centuries]. Moscow, OOO "TID Russkoe slovo – RS", 2002. 336 p.

15. Zabelin I. E. Dvortsovye razryady vysochajshemu poveleniyu izdannykh II otdeleniem Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kantselyarii (s 1645–1676 g.) [The courtyard ranks to the highest command issued by the II branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery (from 1645–1676)]. St. Petersburg, V Tip. II otd-niya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1852, vol. 3. 1645 p.

16. Glaz'ev V. N. Doneseniya A. S. [Reports of A. S. Shein from the campaign near Azov in 1696]. *Voronezh – kolybel' rossijskogo Voenno-morskogo flota. Tezisy dokladov i soobshhenij respublikanskoj nauchnoj konferentsii, posvyashhennoj 300-letiyu russkogo voennogo-morskogo flota* [Voronezh – the cradle of the Russian Navy. Abstracts of reports and reports of the Republican scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian Navy]. Voronezh, VGU Publ., 1996, pp. 24–26. (In Russ.)

17. Beketov P. Sobranie portretov rossiyan s prilozheniem iz kratkogo zhizneopisaniya [Collection of portraits of Russians with an appendix from a brief biography]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo, 1821. 292 p.

18. Ruban V. Pokhod boyarina i bol'shogo polku voevody Alekseya Semenovicha Sheina k Azovu [The campaign of the boyar and the large regiment of the governor Alexei Semenovich Shein to Azov]. St. Petersburg, 1773. 226 p.

19. Sedov P. V. K istorii rannej biografii "generalissimusa" Alekseya Semenovicha Sheina [On the history of the early biography of the "generalissimo" Alexei Semenovich Shein]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal = St. Petersburg Historical Magazine*, 2016, no. 2, pp. 6–16.

20. Shmurlo E. F. Petr Velikij v otsenke sovremennikov i potomstva [Peter the Great in assessing contemporaries and offspring]. St. Petersburg, Senatskaya tip., 1912, vol. 1. 277 p.

Информация об авторе/ Information about the Author

Лихобабина Анастасия Игоревна, аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: Likhobabina.an@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-7350-4646

Anastasia I. Likhobabina, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagigical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: Likhobabina.an@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-7350-4646

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-206-219

(cc) BY 4.0

Становление гостиничного дела в России (XI–XVIII века)

Н. Е. Горюшкина[1] ✉, О. Л. Ворошилова[2]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] Курская академия государственной и муниципальной службы
ул. Станционная, д. 9, г. Курск 305044, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассматривается процесс становления гостиничного дела в России. Актуальность рассматриваемой темы безусловна ввиду ее слабой освещенности в научной литературе и значимости для формирования общей концепции развития гостиничной отрасли в стране.*

Цель *– выделить основные вехи в процессе становления гостиничного дела в России.*

Задачи: *определить степень государственного регулирования деятельности «гостиниц»; назвать виды гостиничных заведений в разные исторические периоды; оценить уровень сервиса.*

Методология. *Статья базируется на принципах историзма, системности и объективности. Дополнением к ним стали методы специального плана – герменевтический, сравнительно-правовой и историко-типологический.*

Результаты. *Процесс становления гостиничного дела в России был длительным и неразрывно связанным с формированием российской государственности. В основании гостиничной деятельности в России лежала постойная повинность. Первыми гостиничными заведениями в Древней Руси были постоялые дворы, погосты, станы, гостиные дворы. Заметной вехой в развитии гостиничного дела стало установление регулярной почтовой связи и появление ямских станций. В течение продолжительного времени деятельность «гостиниц» подчинялась обычному праву. Начала установления правил касательно обслуживания гостей возникли в период формирования единого Российского государства. В имперской России процессы становления гостиничного дела ускорились, устанавливались стандарты качества гостиничных услуг, расширилось видовое разнообразие гостиниц, совершенствовалась система налогообложения. Гостиничные заведения стали играть заметную роль как в представлении услуги проживания и питания, так и в укреплении торговых и экономических связей, создании условий для культурного обмена.*

Вывод. *Становление гостиничного дела в России заняло продолжительный временной период, начиная с IX в. и до начала XVIII в. Только в XVIII в. оно законодательно оформилось.*

Ключевые слова: *гостеприимство; гость; гостиницы; постоялый двор; ям; гостиный двор; трактир; герберг.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Благодарности: *Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Для цитирования: Горюшкина Н. Е., Ворошилова О. Л. Становление гостиничного дела в России (XI – XVIII века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 206–219. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-206-219.

Поступила в редакцию 20.04.2023 Принята к публикации 26.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Горюшкина Н. Е., Ворошилова О. Л., 2023

The Formation of the Hotel Business in Russia (XI – XVIII Centuries)

Natalia E. Goryushkina[1] ✉, **Olga L. Voroshilova** [2]

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Kursk Academy of State and Municipal Service
9 Stationnaya Str., Kursk 305044, Russian Federation,

✉ e-mail: e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article examines the process of the establishment of the hotel business in Russia. The relevance of the topic under consideration is unconditional in view of its low coverage in the scientific literature and its importance for the formation of a general concept of the development of the hotel industry in the country.*

The purpose *is to highlight the main stages of the establishment of the hotel business in Russia.*

Objectives: *to determine the degree of state regulation of the activities of "hotels"; to name the types of hotel establishments in different historical periods; to assess the level of service.*

Methodology. *The article is based on the principles of historicism, consistency and objectivity. In addition to them were the methods of a special plan – hermeneutic, comparative legal and historical-typological.*

Results. *The process of establishment of the hotel business in Russia was a long one, inextricably linked with the formation and development of Russian statehood. Hotel establishments of various types were arranged, as a rule, in cities or on crowded roads. They provided accommodation, catering services, and, at the same time, strengthened trade ties, created conditions for cultural exchange. Hospitality was a characteristic feature of the Russian people. In the pre-Mongol period, reception and accommodation services were provided by guest houses, inns, camps, churchyards. Under the influence of the Mongol-Tatars, Yamsky stations appeared as hotels on the roads of Russia. Since the beginning of the XVIII century, the country's hotel network has been expanding at the expense of European-type establishments: inns, herbergs. The state has been leaving the hotel business outside the zone of active regulation for a long time. The activities of the "hotels" were subordinated to customary law. The first attempts to establish hotel standards date back to the XIV century . During the formation of the unified Russian state, activity in hotel management increased. In Peter's time, the government's policy was aimed at modernizing service quality standards, expanding the scope of hotel services provided, improving taxation, and unifying the hotel chain.*

Conclusion. *The state of the hotel industry was a qualitative reflection of the political and socio-economic processes in the country.*

Keywords: *hospitality; guest; hotels; inn; yam; gostiny dvor; inn; herberg.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The publication was carried out within the framework of the state task for 2023 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

For citation: Goryushkina N. E., Voroshilova O. L. The Formation of the Hotel Business in Russia (XI – XVIII Centuries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 206–219. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-206-219.

Received 20.04.2023 Accepted 26.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Положение гостиничного дела в современной России сформировало исследовательский запрос, обращенный к прошлому гостиниц. Знание истории становления гостиничного дела имеет безусловную важность для понимания сегодняшних реалий и перспектив развития

гостиниц. В научной литературе указанная проблема поднималась, но ввиду отрывочности и бессистемности источниковой базы всестороннего освещения так и не получила.

В статье определена степень государственного регулирования деятельности «гостиниц», названы виды гостиничных заведений в разные исторические периоды, произведена оценка уровня сервиса. На этом основании выделены основные этапы становления гостиничного дела в России с древнейших времен до начала XIX в.

Методология

При исследовании процесса становления гостиничного дела в России в качестве источников привлекались законодательные акты, регулировавшие гостиничное дело. Авторы подвергли анализу правовые документы Древней Руси, включая Русскую правду, Третью Новгородскую скру, Домострой и др. Нормативно-правовая база гостиничного дела с середины XVII в. содержится в Полном собрании законов Российской империи, законы, соответствовавшие заявленной теме, были включены в работу.

Для успешного решения поставленных задач внимание авторов было обращено на труды дореволюционных российских исследователей, которые, пусть и попутно, в процессе освещения других тем, затронули проблему гостеприимства. Особый интерес был проявлен к заметкам о путешествиях по России, которые оставили иностранцы (С. Герберштейн [1], А. Олеарий [2]) и др.

Надо признать, что имеющиеся источники выглядят весьма разрозненными и не воссоздают полной картины развития гостиниц, особенно в ранние временные отрезки, что оставило место для выдвижения научной гипотезы.

В качестве методологической основы исследования был использован комплекс научных принципов – историзма, системности и объективности. Принцип историзма реализовывался через анализ влияния конкретных исторических условий на состояние гостиничного дела. Системный принцип направил взгляд на гостиничную отрасль как на государственную систему, обеспечивавшую потребность путников в постое. Соблюдение принципа объективности позволило установить последовательность возникновения разных видов гостиничных заведений, что и обеспечило научную состоятельность статьи.

Помимо указанных выше научных принципов, авторы прибегли к герменевтическому методу. Именно он способствовал верной интерпретации правовых документов разных исторических эпох. Сравнительно-правовой метод помог оценить степень государственного влияния на деятельность «гостиниц». Историко-типологический метод был применен при описании видового разнообразия гостиниц.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на длительный срок существования гостиниц в России, история их возникновения и развития предметом пристального рассмотрения так и не стала. Отдельные сюжеты, касавшиеся заведений гостиничного типа, нашли свое отражение при описании питейных порядков в постоялых дворах (И. Г. Прыжов) [3], почтовой службы (В. Н. Лешков) [4], устройства городов (А. И. Богданов) [5], гостиничных заведений в отдельных регионах России (В. А. Чернов) [6].

Исторические сведения об отдельных видах гостиничных заведений содержатся в научных статьях Н. Е. Горюшкиной – о постоялых дворах [7], о трактирах [8]. Но говорить о разработанности данной проблемы пока рано.

С момента, как человек отправился в путь по личным или государственным делам, возникла необходимость найти место, где он мог провести ночь, перекусить, поменять лошадей. Русский народ был гостеприимен, потому дороги были

многолюдны, а купцы без боязни «гостьбу дея по градам».

Выдающийся российский историк Н. М. Карамзин, исследовавший множественное число древнерусских источников, удостоверял, что «единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и доныне весьма обыкновенное во всех Славянских <…> Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостию, провожали с благословением» [9, стб. 36].

Гостеприимство почиталось как одна из христианских добродетелей. В Церковном Уставе святого князя Владимира «гостинници, странноприимци» указаны среди других лиц, находившихся под защитой церкви [10, с. 285]. Странники по этой причине нередко искали кров в монастырских стенах, но места хватало не всем, да и располагались монастыри обычно не в людных местах.

«Добрый гость всегда в пору» – говорили на Руси.

Слово «гость» пришло, вероятно, в русский язык из латинского языка (*hospes, hostis* – иноземный, заграничный купец, торгующий вне места своей приписки). Высокий статус гостя подтверждает «Поучение» князя Владимира Мономаха, относящееся к началу XII в. Киевский князь советовал сыновьям обеспечить теплый прием гостю, «откуда бы он ни пришел и кто бы он ни был: простой ли человек, или знатный, или посол: если не можете почтить его подарком, то хоть кушаньем и питьем: странствуя по всем землям, гости разносят о нас или добрую, или худую славу» [11, с. 15].

Названия заведений гостиничного типа были разными: станы, погосты, постоялые (стоялые, заезжие) дворы и т. д. Слово «гостин(н)ица» встречается уже в Русской правде для обозначения дороги [12, с. 42]. В Словаре великорусского языка В. И. Даля слово «гостиница» поясняется как заезжий двор или дом, с прислугой, с помещениями для приезжих и со столом, а «гостинник» или «гостинщик» – как содержатель гостиницы, в монастырях – человек, приставленный для угощения гостей [13, с. 343]. Круг обязанностей гостинника (хозяина дома для постоя) не фиксировался. Кто-то предоставлял кров путнику безвозмездно, кто-то предлагал ночлег за плату, кто-то присовокуплял к тому питание, смену лошадей, досуг [14, с. 11].

Прием и размещение гостей долгое время регламентировались обычным правом. Суть требований к гостю вытекает из сохранившихся пословиц и поговорок: «Гостю почет – хозяину честь» (гость обязан уважительно относиться к хозяину), «Гость во власти хозяина», «В гостях воля хозяйская» (гость следует правилам хозяина), «Пора гостям и честь знать» (гостю долго гостить), «Будьте как дома, не забывайте, что в гостях», «Гость гости, а пошел – прости» (требование вежливого поведения) и т. д.

Первым дошедшим до наших дней письменным свидетельством юридического оформления деятельности гостиного двора является Третья Новгородская скра (в немецком языке skra – устав) 1325 г., которая устанавливала регламент готского гостиного двора. Этот вид гостиниц был распространен на Руси. Устраивались гостиные дворы по национальному принципу. О готском гостином дворе в Новгороде сведений немного. Известно, что располагался он на берегу Волхова, вблизи Ярославова дворища, был обширен, имел комнаты для проживания, питания, складские помещения, а также лавки, церкви, луга и сенокосы для выпаса лошадей. «Пришельцу из другого города (гостю)» устав предоставлял полную свободу в выборе подворья для проживания и в количестве получаемых за плату услуг проживания, но устанавливал порядок взаимоотношений гостя с другими постояльцами и местным населением [15, с. 1–17].

Монголо-татарское владычество не могло не сказаться на развитии гости-

ничного дела. Известно, что татары устраивали на проезжих дорогах для своих чиновников, послов, путешественников особые станы, дорожные станции, называемые ямами (татарское «ям» – дорога). Ямщиками («ям-чи» – путеводитель, проводник) звали содержателей ямских стоянок [16, с. 616].

Ямы и ямщики стали частью российской действительности. О ямах и ямщиках упоминала грамота князя Олега Рязанского, относящаяся к 1402 г. [17, с. 24]

Иван III, во время которого Россия освободилась от монголо-татарской зависимости, требовал бережного отношения к ямам и подводам. Дороги, связывавшие Москву с дальними и ближними городами, он объявил государственной собственностью. По его повелению на главных дорогах стали устраиваться «подставы и дома для ночлега и корма» [16, с. 616].

К каждому яму приписывались близлежащие волости, деревни, слободы и села. Они снабжали ям всем необходимым. «Волость Ладога, вол. Вотбала, вол. Андональ, вол. Суда, вол. Наксалова, вол. Заполицы, сл. Кур-волох, слоб. Мирошинцы, с. Чужбинское и Егормское» – таковым представлялся один из ямских округов рубежа XV – XVI вв. [18, с. 282–283] Помимо содержания яма, ямщики стали получать от государя по тройке лошадей и были обязаны: 1) производить сбор в своем округе дани и ямской вещественной повинности, доставлять ее по принадлежности; 2) предоставлять подводы для гонцов и проезжавших, кои предъявят подорожные грамоты от князя великого или удельного; 3) надзирать за содержанием дворов и дорог [19, с. 19].

В выдаче подорожных при Иване III соблюдался порядок. Ямщики были обязаны докладывать государю обо всех подозрительных лицах, останавливавшихся в ямских дворах. Благодаря этому Иван III был в курсе происходившего в государстве. Господарь молдавский Стефан говорил о российском государе: «Сват мой есть странный человек: сидит дома, веселится, спит покойно и торжествует над врагами. Я всегда на коне и в поле, а не могу защитить земли своей» [20, с. 692].

При Василии III форма ямского учреждения снова изменилась. Ямщики получили земельные наделы, стали людьми зажиточными и почтенными. Подводы они выдавали щедро, гоньбу производили быстро. Качество их услуг вызывало неподдельное удивление иностранцев. Так, известный путешественник, барон С. Герберштейн, побывавший в Москве в начале XVI в., засвидетельствовал, что «великий князь московский имеет по разным местам своего княжества ямщиков <…> ямщичьи слободы быстро растут, число их множится» [1, с. 87]. По свидетельству английского посла Д. Горсея, при Иване IV на дорогах России устроено 300 ямов. Наибольшее их число находилось на дороге от Москвы до Новгорода, которая на протяжении всего XVI в. оставалась главной и называлась «большою московскою дорогой» [21, с. 129].

Содержать ям было непросто. Помимо предоставления помещения для ночлега, путники нуждались в пропитании, с особым почетом предписывалось встречать иностранных гостей. В тексте грамоты «от великого князя Ивана Васильевича» мы встречаем описание «кормов» на ямах для иностранцев. Текст гласит: «Корма для немчина на яму, где случится стати – курья, да две части говядины, да две части свинины, да соли, и заспы, и сметаны, и масла, да два колача полу денежные по сей моей грамоте» [19, с. 22].

Нельзя думать, что все путешественники находили приют в постоялых домах, их не хватало. Многие из отправившихся в путь обретали приют у частных лиц. В Домострое, рукописном своде житейских законов середины XVI в., были собраны советы хозяину дома и его домочадцам, встречающим гостей. «Если случится

приветить приезжих людей, торговых ли, или иноземцев, иных гостей, званых ли, Богом ли данных: богатых или бедных, священников или монахов, – говорит источник, – то хозяину и хозяйке следует быть приветливыми и должную честь воздавать по чину и по достоинству каждого человека. С любовью и благодарностью ласковым словом каждого из них почтить, со всяким поговорить и добрым словом приветить, да есть и пить или на стол выставить, или подать из рук своих с добрым приветом, а иным и послать чего-нибудь, но каждого чем-то выделить и всякого порадовать» [22, с. 34].

Колонизация Сибири, присоединение западных и южных областей, усложнение системы государственного управления стимулировали расширение гостиничной сети, активизировали путешествия по России.

Смутное время болезненно отразилось на гостиничном деле. Государству потребовалось приложить немало усилий, чтобы восстановить порядок. От Москвы к окраинам заново пролагались ямские пути, обустраивались ямы-станции. Вблизи ямов в этот период времени стали складываться ямские слободы из 30–60 дворов. Из слобожан избирался содержатель яма. Это мог быть человек всякого чина, однако предпочтение отдавалось людям зажиточным, хозяйственным, с хорошим поведением [19, с. 25–26].

В крупных торговых центрах – Москве, Нижнем Новгороде, Архангельске, Астрахани – восстанавливались гостиные дворы. В отличие от постоялых дворов и ямов в гостиный двор, помимо комнат для ночлега, помещений для приема пищи, мест для постоя лошадей и экипажей, входили торговые ряды (лавки и магазины), склады. «Тогдашние ряды или гостиный двор был кирпичный с деревянными пристройками; он разделялся на четыре двора: старый, новый, соляной и рыбный; в первых двух были ряды и амбары, в последних отдельные лавочки, шалаши, балаганы и палатки», – читаем мы описание типичного гостиного двора у М. Н. Загоскина [23, с. 7].

Устраивались гостиные дворы по национальному принципу. К примеру, в Москве в середине XVII в. действовали английский, армянский, голландский, греческий, саксонский, персидский гостиные дворы. Саксонский путешественник А. Олеарий отметил гостеприимство москвичей и скромность убранства дома, где ему пришлось разместиться: «В комнатах вокруг стен шли лавки; в одной палатке посредине стояли длинные столы с такими же длинными скамьями, покрытыми, как и лавки, красным сукном. Таким же сукном обита и нижняя часть стен над лавками <…> В одной из внутренних комнат стены были обиты златотканными обоями, на которых изображалась история Сампсона» [2, с. 34].

Климатические условия, редкое население, огромные расстояния – все это сдерживало развитие гостиничного дела в России. Соборное Уложение 1649 г., установив, что приезжие торговцы могут жить и торговать только на территории гостиного двора, оставило без внимания порядок организации иных средств размещения приезжих [24].

С воцарением Петра I процесс развития гостиничного дела ускорился. 6 марта 1704 г. Петр I издал указ «О переписи постоялых и наемных дворов и о сборе с них ежегодной подати», по которому места «для постоя по свойству и по знакомству» описывались и «переоброчивались». Указ требовал обновления гостиных дворов, если «те дворы строением обветшали, и за тем на тех дворах ныне приезжие люди не ставятся, а ставятся и товары кладут у градских жителей и у иноземцов на дворах». В том случае, если строители «гостиниц» покажут, «сколько на то строение надобно будет каких припасов», царь обещал государственную поддержку. В данном документе мы встречаем виды «гостиниц» начала XVIII в.: гостиные и постоялые дворы, «избы и

подклеты для постоя», «в избах углы», «хоромные строения» и пр. [25]

Менее чем через месяц, 1 апреля 1704 г., Петром I был подписан указ «О взятии всех постоялых дворов в казну». Чтоб сдержать недовольство владельцев «гостиниц», царь распорядился оценить постоялые дворы и выдать их владельцам компенсацию. Особо оговаривалось, что «ценовщики» [оценщики] должны быть людьми добрыми и знающими, в ценах на гостиные дворы и «хоромные строения» смыслящими. Планировалось передать «гостиницы» на откуп. Но лиц, желавших стать откупщиками, было немного. Петр I распорядился «постоялым дворам быть по-прежнему за хозяевами и брать с них четвертую часть дохода». Новый указ был выпущен 15 января 1705 г. [26]

Деньги, собранные с «постою», были небольшими, но российская казна не отказывалась и от мелочи. «Мне кажется, – писал английский дипломат Ч. Уитворт, – в настоящее время, когда царю необходимы деньги для войска, царские министры готовы предпочесть действительным и постоянным выгодам страны какой угодно ничтожный, но только наличный доход» [27, с. 277].

Передача в казну четверти доходов тяжелым грузом ложилась на владельцев гостиничных заведений, значительная их часть «погорела» (разорилась). По словам русского экономиста XVIII в. И. Т. Посошкова, новый налог вверг предпринимателей в «турбацию великую». Они били челом о сокращении пошлины, поскольку «наемщики по записям урочные сроки отжили, и с дворов сошли, и ныне у них наемщиков прежних и вновь в житье никого нет» [28, с. 229].

Петр I, следует признать, на просьбу отреагировал. 7 июня 1707 г. был издан указ об осмотре и переписи дворов, дворовых мест, лавок и всяких ремесленных заведений, с тем чтобы показать, какие доходы владельцы от них получают и какие подати выплачивают. Отметим, что до завершения проверки Петр I велел денег с «гостиниц» не брать» [29].

В 1712 г. по указу Петра I столица России была перенесена из Москвы в Санкт-Петербург. Строительство города было сопряжено с невероятными трудностями. Многие из переселенцев не имели крыши над головой, находили кров в шалашах и землянках. Первый постоялый двор для иноземных мастеров построил князь А. Д. Меншиков, назвав его «гербером» (от нем. «die Herberge» – постоялый двор). Но большая часть иностранцев заселились в английской, греческой, немецкой, французской слободах. В 1714 г. в Санкт-Петербурге был возведен почтовый двор, где разместилась и гостиница [30, с. 36].

Помимо Санкт-Петербурга, гостиницы строились во всех крупных городах, а также вдоль больших дорог. Петр I требовал от бурмистров и ратманов, чтобы постоялые дворы были удобными, располагали не только комнатами для ночлега, но и «съестным харчем, и "конскими кормами", и чтобы приют предоставлялся за разумные деньги» [31].

В последние годы правления Петра I в Санкт-Петербурге был построен трактир – гостиничное заведение европейского типа. Иноземец Петр Милле указом от 6 февраля 1719 г. получил разрешение на открытие на Васильевском острове трактира, где «иностранные купеческие и здешние всяких чинов люди трактировать могли за свои деньги». Наряду с помещением для приема пищи и кухней, в нем были устроены комнаты для проживания с «общими столами» [32].

Указом от 10 июля 1723 г. приезжающим в Санкт-Петербург предлагалось «становиться из найму в новопостроенных постоялых дворах», которые были выстроены на берегу у Гагариной пристани и в Литейной части. «Нарочитые светлицы» установлены на сваях и «архитектурою преизрядною украшены были, то есть: увиты тесом с карнизами и пилястрами и протчее убранство, а при том и выкрашены», – так описывал но-

востройки архивист А. И. Богданов [5, с. 140–141]. Санкт-петербургским жителям запрещалось селить в свои дома постояльцев [33].

На растущее со стороны правительства внимание к гостиничному делу указывает Высочайшая резолюция на докладные пункты Камер-Коллегии, выпущенная 13 ноября 1724 г. «О содержании дорог». В резолюции подробно расписывалось: «По большим проезжим дорогам для проезжих людей сделать надлежит из казны домы, которые содержать для трактиров всегда в чистоте против Шведского обыкновения, двор большой с сараями для лошадей и в сенях кухню, и одна светлица большая, и при ней 2 каморы малыя, а расстояние между домами по 10 и по 20 верст, где удобнее места к стоянию, и те домы отдавать из оброков Гесть-Гевариям, которые откупя, будут с стояльцов брать постоялые деньги <…> При оных домах содержать всякий харч и фураж продажной, да при тех же постоялых дворах содержать и кабаки, на которых продавать вино и пиво, и мед, и табак... и содержать все это хозяйство всегда в чистоте» [34].

19 апреля 1737 г. Анна Иоанновна повелела построить на Адмиралтейском острове каменный трактирный дом для приезжих чужестранцев и организовать там лучший «плезир» из наличных неокладных доходов [35].

Герберы мало чем отличались от трактиров. Разницу можно было узреть в том, что для гербергов основной услугой было проживание, а питание гостей – сопутствующей услугой, в трактире основную прибыль несли еда и напитки, а проживание только улучшало качество предоставляемых услуг. В 1750 г. специальным указом были определены стандарты услуг в гербергах: «...ради приезжающих из иностранных государств иноземцев... также и для российского всякого звания людей... быть гербергам, в которых содержать... ковры с постелями, столы с кушаньями, кофе, чай, шоколад, бильярд, табак, виноградные вина и французскую водку». Европейское качество услуг подчеркивали иностранные названия гербергов: «Лондон», «Париж», «Неаполь», «Палермо» и т. д. Новые гостиницы могли удовлетворить самых требовательных постояльцев.

К возведению гостиничных зданий имели непосредственное отношение самые маститые архитекторы российской столицы. Герберги, которые не удовлетворяли высоким требованиям, в 1755 г. были закрыты, те, что остались, было приказано перестроить по образцу заведения Бушенкова, «не имевшего таких безобравств». Трактиры при Екатерине II «принарядились» и «изукрасились». Расширился комплекс услуг, российские традиции гостеприимства расширялись за счет использования европейских практик встречи и обслуживания гостей. Численность трактиров неуклонно шла вверх [36, с. 120].

Указом от 1 августа 1795 г. были введены новые ограничения в отношении трактиров и гербергов. Их хозяевами могли стать лица, записанные в купеческий реестр и зарегистрированные в Камер-конторе. Деятельность заведений должна быть направлена «для удовольствия иностранных и всякого звания российских людей, кроме подлых и солдат, низкого же состояния людей яко солдат, крестьян, господских и всякого звания развратных людей не впускать» [37].

Европейские принципы гостеприимства в XVIII в. стали применяться в гостиничной деятельности в России. Большое число иностранцев, особенно французов, бежавших от революции, прибывало в Россию. Газета «Биржа» писала: «Санкт-Петербург притягивает к себе... массу посетителей, приезжающих в столицу или по делам, или для удовольствия». Но наряду с гостиницами для «чистой» публики и иностранцев, продолжали существовать постоялые дворы для лиц с низким достатком. В городах нетребовательные постояльцы удоволь-

ствовались невзыскательным сервисом «ночлежек» и «углов» в гостиницах. Они тоже менялись, но сервис по-прежнему ограничивался предоставлением места для ночевки, питания за отдельную плату и почтовой услуги. Типичная гостиница на бескрайних дорогах России представляла собой бревенчатую, но вполне вместительную постройку с вывеской над дверью. Прямо с порога гость попадал в большую комнату с огромной русской печью, столами, лавками и оловянным висячим умывальником. Вместо одной большой избы порой устраивались три или четыре избы, соединенные между собой крытыми переходами. Лучшим украшением этих изб и светлиц были <…> живописные иконы» [23, с. 17].

Выводы

В заключение укажем, что гостеприимство являлось характерной чертой русского народа. Становление гостиничного дела заняло продолжительный временной период, начиная с IX в. и до начала XVIII в., и было неразрывно связано с политическими, экономическими, социальными процессами в Российском государстве. Основанием для развития гостиниц послужила существовавшая со времен первых князей постойная повинность. Гостиничные заведения – гостиные дворы, постоялые дворы, станы, погосты – в Древней Руси устраивались в городах и на многолюдных дорогах. Они предоставляли услуги проживания и питания. С развитием почты в русскую действительность пришли ямские станции. В петровское время гостиничная сеть России расширилась за счет появления трактиров, гербергов и других заведений европейского типа.

Государство в течение продолжительного времени оставляло гостиничное дело вне зоны активного регулирования. Деятельность «гостиниц» была подчинена обычному праву. Первые попытки установления гостиничных правил относятся к XIV в. В период формирования единого Российского государства активность в управлении гостиницами возросла. В петровское время политика правительства была направлена на модернизацию стандартов качества обслуживания, расширение сферы предоставляемых гостиничных услуг, улучшение налогообложения, унификацию гостиничной сети.

Список литературы

1. Герберштейн С. Записки о Московии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1866. 230 с.
2. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 528 с.
3. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1868. 320 с.
4. Лешков В. Н. Исторический очерк русского законодательства о путях сообщения и ямской гоньбе или почтах. М.: [Б.и.], 1852. 36 с.
5. Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. В Санктпетербурге: [Тип. Воен. коллегии], 1779. 528 с.
6. Чернов В. А. Становление трактирного промысла как этап развития индустрии гостеприимства (на примере Дальнего Востока) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1 (29). С. 129–135.
7. Горюшкина Н. Е. История гостиничного дела: постоялые дворы В России XIX века // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: сбор-

ник научных статей Всероссийской молодежной научной конференции: в 4 т. Курск: Университетская книга, 2020. Т. 1. С. 324–327.

8. Горюшкина Н. Е. История гостиничного дела: трактирные заведения в России в XVIII–XIX веках // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции.Курск: Университетская книга, 2020. С. 137–140.

9. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3-х кн. СПб.: В Тип. Э. Праца, 1842. Кн. 1. 156 стб.

10. История русской церкви: в 12 т. / Макария, архиепископа Харьковскаго. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрама, 1868. Т. 1. 288 с.

11. Поучение детям Владимира Мономаха. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1893. 49 с.

12. Русская Правда. Текст, изданный по трем спискам, с предисловием и кратким объяснительным словарем, составленным кандидатом прав А. Б. Гинцбургом. СПб.: Тип. И. И. Скороходова, 1888. 48 с.

13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х ч. Ч. 1. М.: В Тип. А. Семена, 1863. 627 с.

14. Дьяконов М. А. Разбор изданий И. Я. Гурлянда. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1902. 45 с.

15. Третья Новгородская скра (ок. 1325г.). М.: Имп. общество истории и древностей России при Московском ун-те, 1905. 41 с.

16. Карпович Е. П. Русские почты в XVII и начале XVIII столетия // Исторический вестник. 1884. Т. 15, № 3. С. 615–625.

17. Министерство внутренних дел: исторический очерк: 1802 – 1902. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1901. 248 с.

18. Канивец С. Русская государственная почта (Опыт исторического очерка) // Вестник Европы. 1869. Кн. 11. С. 278–305.

19. Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII в.: в 2-х т. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1913. Т. 1. 536 с.

20. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 4-х т. М.: Delebri, 2014. Т. 2. 800 с.

21. Ключевский В. О. Краткий курс по русской истории. М.: АСТ, 2019. 544 с.

22. Сильвестр. Домострой. М.: Директ-Медиа, 2022. 157 с.

23. Загоскин. Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого. М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 1993. 462 с.

24. Соборное Уложение // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 1, № 1.

25. О переписи постоялых и наемных дворов и о сборе с них ежегодной подати // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. 4, № 1973.

26. О взятии всех постоялых дворов в казну, с уплатою за оные хозяевам денег по справедливой оценке, и об отдаче тех дворов на откуп // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. 4, № 1977.

27. Князьков С. А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб.: Изд. книжного магазина П. В. Луковкина, 1914. 648 с.

28. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве. СПб.: Наука, С.-Петерб. отд-ние, 2004. 406 с.

29. Об осмотре и переписи дворов, дворовых мест, лавок и всяких ремесленных заведений, с показанием какие доходы владельцы от них получают, и какие подати, оброки или повинности уплачивают // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. IV, № 2150.

30. Бржозовский И. Ф. Историческое развитие постановлений русского законодательства по почтовой части // Соч. О. Бржозовского. Казань: И. Дубровин, 1855. 68 с.

31. Инструкции или Наказе воеводам // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. 5, № 3294.

32. О позволении иноземцу Петру Милле завести на Васильевском острову трактира // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. V, № 3299.

33. О квартировании проезжающим в Санктпетербурге на новопостроенных постоялых дворах и о не держании Санктпетербургским жителям в своих домах постояльцев // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. 7, № 4264.

34. О содержании дорог // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. 7, № 4591.

35. О построении на Адмиралтейском острове каменного трактирного дома для приезжающих иностранцев // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. X, № 7233.

36. Булгарин Ф. В. Дурные времена: Очерки русских нравов. СПб.: Азбука-классика, 2007. 364 с.

37. О неослабном смотрении Губернским Правлением и Казенным Палатам, дабы не производило злоупотреблений по части питейной продажи в трактирах и герберах, также в погребах и на водочных заводах // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. Т. 23. № 17367.

References

1. Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii [Notes about Muscovy]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1866. 230 p.

2. Olearij A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of a trip to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1906. 528 p.

3. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda [The history of pubs in Russia in connection with the history of the Russian people]. St. Petersburg, Moscow, M. O. Vol'f, 1868. 320 p.

4. Leshkov V. N. Istoricheskij ocherk russkogo zakonodatel'stva o putyah soobshcheniya i yamskoj gon'be ili pochtah [Historical sketch of the Russian legislation on the ways of communication and Yamskaya chase or mail]. Moscow, 1852. 36 p.

5. Bogdanov A. I. Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sanktpeterburga, ot nachala zavedeniya ego, s 1703 po 1751 god [Historical, geographical and topographic description of St. Petersburg, from the beginning of its establishment, from 1703 to 1751]. St. Petersburg, 1779. 528 p.

6. Chernov V. A. Stanovlenie traktirnogo promysla kak etap razvitiya industrii gostepriimstva (na primere Dal'nego Vostoka) [The establishment of the tavern trade as a stage in the development of the hospitality industry (on the example of the Far East)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and humanitarian Sciences in the Far East*, 2011, no. 1 (29), pp. 129–135.

7. Goryushkina N. E. [The history of hotel business: inns in Russia of the XIX century]. *Za nami budushchee: vzglyad molodyh uchenyh na innovacionnoe razvitie obshchestva. Sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii* [The future is behind us: the view of young scientists on the innovative development of society. Collection of scientific articles of the All-Russian Youth Scientific Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020, vol. 1, pp. 324–327.

8. Goryushkina N. E. [The history of hotel business: tavern establishments in Russia in the XVIII–XIX centuries]. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, tendencii, perspektivy. Sbornik nauchnyh statej 19-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Socio-economic development of Russia: problems, trends, prospects. Collection of scientific articles of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020, pp. 137–140.

9. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]. St. Petersburg, V Tip. E. Praca, 1842. Book. 1, 156 stb.

10. Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church]. Makariya, arhiepiskopa Har'kovskago. St. Petersburg, Tip. Yu. A. Bokrama, 1868, vol. 1. 288 p.

11. Pouchenie detyam Vladimira Monomaha [Teaching the children of Vladimir Monomakh]. St. Petersburg, Tip. i lit. V. A. Tihanova, 1893. 49 p.

12. Russkaya Pravda. Tekst, izdannyj po trem spiskam, s predisloviem i kratkim ob"yasnitel'nym slovarem, sostavlennym kandidatom prav A. B. Gincburgom [Russian Truth. The text, published according to three lists, with a preface and a brief explanatory dictionary compiled by Candidate of Rights A. B. Ginzburg]. St. Petersburg, Tip. I. I. Skorohodova, 1888. 48 p.

13. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, V Tip. A. Semena, 1863, pt. 1. 627 p.

14. D'yakonov M. A. Razbor izdanij I. Ya. Gurlyanda [Analysis of publications by I. Y. Gurlyand]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1902. 45 p.

15. Tret'ya Novgorodskaya skra (ok. 1325g.) [The Third Novgorod skra (approx. 1325g.)]. Moscow, Imp. obshchestvo istorii i drevnostej Rossii pri Moskovskom un-te, 1905. 41 p.

16. Karpovich E. P. Russkie pochty v XVII i nachale XVIII stoletiya [Russian post offices in the XVII and early XVIII centuries]. *Istoricheskij vestnik = Historical Bulletin*, 1884, vol. 15, no. 3, pp. 615–625.

17. Ministerstvo vnutrennih del: istoricheskij ocherk: 1802–1902 [Ministry of Internal Affairs: historical essay: 1802–1902]. St. Petersburg, Tip. M-va vnutrennih del, 1901. 248 p.

18. Kanivec S. Russkaya gosudarstvennaya pochta (Opyt istoricheskogo ocherka) [Russian State Mail (Experience of historical essay)]. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, 1869, book 11, pp. 278–305.

19. Kozlovskij I. P. Pervye pochty i pervye pochtmejstery v Moskovskom gosudarstve: opyt issledovaniya nekotoryh voprosov iz istorii russkoj kul'tury vo 2-j polovine XVII v. [The first post offices and the first postmasters in the Moscow State: the experience of researching some issues from the history of Russian culture in the 2nd half of the XVII]. Varshava, Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga, 1913, vol. 1. 536 p.

20. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]. Moscow, Delebri, 2014, vol. 2. 800 p.

21. Klyuchevskij V. O. Kratkij kurs po russkoj istorii [A short course in Russian history]. Moscow, AST Publ., 2019. 544 p.

22. Sil'vestr. Domostroj [Domostroy]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2022. 157 p.

23. Zagoskin. Brynskij les. Epizod iz pervyh godov carstvovaniya Petra Velikogo [Brynsky forest. An episode from the first years of the reign of Peter the Great]. Moscow, Fond im. I. D. Sytina, 1993. 462 p.

24. Sobornoe Ulozhenie [The Cathedral Code]. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii = Compleiecollection of Laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 1, no. 1.

25. O perepisi postoyalyh i naemnyh dvorov i o sbore s nih ezhegodnoj podati [On the census of inns and hired yards and on the collection of annual taxes from them]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. 4, no. 1973.

26. O vzyatii vsekh postoyalyh dvorov v kaznu, s uplatoyu za onye hozyaevam deneg po spravedlivoj ocenke, i ob otdache tekh dvorov na otkup [About taking all the inns to the treasury, with payment for them to the owners of money according to a fair assessment, and about giving those yards to the mercy]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. 4, no. 1977.

27. Knyaz'kov S. A. Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni [Essays from the history of Peter the Great and his time]. St. Petersburg, Izd. knizhnogo magazina P. V. Lukovkina, 1914. 648 p.

28. Pososhkov I. T. Kniga o skudnosti i bogatstve [A book about poverty and wealth]. St. Petersburg, Nauka Publ., St. Peterb. otd-nie, 2004. 406 p.

29. Ob osmotre i perepisi dvorov, dvorovyh mest, lavok i vsyakih remeslennyh zavedenij, s pokazaniem kakie dohody vladel'cy ot nih poluchayut, i kakie podati, obroki ili povinnosti uplachivayut [On the inspection and census of courtyards, courtyards, shops and all kinds of handicraft establishments, with an indication of what income the owners receive from them, and what taxes, dues or duties they pay]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. IV, no. 2150.

30. Brzhozovskij I.F. Istoricheskoe razvitie postanovlenij russkogo zakonodatel'stva po pochtovoj chasti [Historical development of the resolutions of the Russian legislation on the postal part]. Kazan', I. Dubrovin, 1855. 68 p.

31. Instrukcii ili Nakaze voevodam [Instructions or Instructions to the voivodes]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. 5, no. 3294.

32. O pozvolenii inozemcu Petru Mille zavesti na Vasil'evskom ostrovu traktira [On allowing the foreigner Peter Milla to start a tavern on Vasilievsky Island]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. V, no. 3299.

33. O kvartirovanii proezzhayushchim v Sanktpeterburge na novopostroennyh postoyalyh dvorah i o ne derzhanii Sanktpeterburgskim zhitelyam v svoih domah postoyal'cev [On quotas for travelers in St. Petersburg at newly built inns and on incontinence of St. Petersburg residents in their homes of guests]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. 7, no. 4264.

34. O soderzhanii dorog [About the maintenance of roads]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. 7, no. 4591.

35. O postroenii na Admiraltejskom ostrove kamennogo traktirnogo doma dlya priezzhayushchih inostrancev [About the construction of a stone tavern house for visiting foreigners

on Admiralty Island]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. X, no. 7233.

36. Bulgarin F. V. Durnye vremena: Ocherki russkih nravov [Bad Times: Essays on Russian Morals]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. 364 p.

37. O neoslabnom smotrenii Gubernskim Pravleniem i Kazennym Palatam, daby ne proizvodilo zloupotreblenij po chasti pitejnoj prodazhi v traktirah i gerberah, takzhe v pogrebah i na vodochnyh zavodah [About the relentless supervision of the Provincial Government and the State Chambers, so as not to make abuses in terms of drinking sales in taverns and gerberas, also in cellars and vodka factories]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire,* coll. I, vol. 23, no. 17367.

Информация об авторах / Information about the Authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCHID 0000-0003-4042-3529

Ворошилова Ольга Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент, ректор ГОАУВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы», г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: o_voroshilova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7392-9211

Olga L. Voroshilova, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Rector of the Kursk region «Kursk Academy of State and Municipal Service», Kursk, Russian Federation,
e-mail: o_voroshilova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7392-9211

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-220-231

CC BY 4.0

Жилищно-бытовая повседневность курских железнодорожников в 1920-1930-е годы

Р. В. Коровин[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Резюме

Актуальность *заявленной темы заключается в необходимости совершенствования социальной политики государства и крупных корпораций, направленной на создание благоприятных условий труда и отдыха работников, позволяющих обеспечить максимально эффективное выполнение ими профессиональных обязанностей. Обобщение опыта обеспечения жильем железнодорожников в исторической ретроспективе ориентирует на успешное решение возникающих сегодня проблем. Отсутствие специализированных исследований по заявленной теме предоставляет возможность восполнить пробелы в отражении социально-экономической истории России и региона в первой половине XX века.*

Цель исследования *– на основе архивных источников и опубликованных работ охарактеризовать жилищно-бытовые условия курских железнодорожников в 1920-1930-е годы.*

Задачи*: на основе выявленных источников отразить вопросы обеспечения железнодорожников жильем; отметить роль органов власти и общественных организаций в создании достойных бытовых условий для работников транспорта; определить особенности предоставления коммунальных услуг курским железнодорожникам.*

Методология*. В основу исследования были положены принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач автором использовались методы: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, типологический, ретроспективный.*

Результаты*. Исследование жилищно-бытовых условий железнодорожников позволило дать развернутую характеристику одного из ключевых факторов организации трудовой деятельности работников, связанных с выполнением важной государственной функции по транспортировке пассажиров и грузов по территории страны и за ее пределы.*

Выводы*. Существенное увеличение объёмов жилищного строительства в 1920-1930-е годы на Курском железнодорожном узле, улучшение жилищно-бытовых условий семей железнодорожников, несомненно, положительно отражались на производственной и социально-политической активности работников железнодорожного транспорта.*

Ключевые слова*: Курский железнодорожный узел; жилищное строительство; бытовые условия; водопровод; освещение; кооператив.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Коровин Р. В. Жилищно-бытовая повседневность курских железнодорожников в 1920-1930-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 220–231. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-220-231.

Поступила в редакцию 02.05.2023 Принята к публикации 30.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Коровин Р. В., 2023

Everyday Life of Kursk Railway Workers in the 1920s-1930s

Roman V. Korovin[1] ✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Abstract

*The **relevance** of the stated topic lies in the need to improve the social policy of the state and large corporations aimed at creating favorable working and leisure conditions for employees, allowing them to perform their professional duties as efficiently as possible. Generalization of the experience of providing housing for railway workers in historical retrospect focuses on the successful solution of the problems that arise today. the lack of specialized research on the stated topic provides an opportunity to fill in the gaps in the reflection of the socio-economic history of Russia and the region in the first half of the twentieth century.*

*The **purpose** of the study is to characterize the living conditions of Kursk railway workers in the 1920s and 1930s on the basis of archival sources and published works.*

***Objectives**: on the basis of the identified sources to reflect the issues of providing railwaymen with housing; to note the role of authorities and public organizations in creating decent living conditions for transport workers; to determine the specifics of providing public services to Kursk railwaymen.*

***Methodology**. The research was based on the principles of objectivity and historicism. To solve the tasks set by the author, the methods of historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative, typological, retrospective were used.*

***Results**. The study of housing and living conditions of railway workers allowed us to give a detailed description of one of the key factors in the organization of labor activity of employees associated with the performance of an important state function for the transportation of passengers and cargo across the country and beyond.*

***Conclusions**. A significant increase in the volume of housing construction in the 1920s-1930s at the Kursk railway junction, the improvement of housing and living conditions of railway workers' families undoubtedly had a positive impact on the industrial and socio-political activity of railway transport workers.*

***Keywords**: Kursk railway junction; housing construction; living conditions; water supply; lighting, cooperative.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Korovin R. V. Everyday Life of Kursk Railway Workers in the 1920s-1930s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 220–231. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-220-231.

Received 02.05.2023 Accepted 30.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Жилищно-бытовая повседневность работников железнодорожного транспорта вызывает особый исследовательский интерес. Раскрыть условия жизни железнодорожников невозможно только посредством изучения документальных источников. Важное значение имеют воспоминания самих сотрудников транспортных организаций, чей труд осуществлялся в особых условиях ненормированного рабочего дня, разъездного характера работы, зависимости от природно-климатической среды.

Особенности условий жизни и быта железнодорожников, связанных с разбросанностью линейных подразделений транспорта, круглосуточной работой представителей многих специальностей по обеспечению перевозок, вызывали необходимость иметь собственный жилищный фонд в структуре НКПС. Это

нашло отражение в выделении специальных структур жилищно-коммунального хозяйства в сфере деятельности железных дорог.

Методология

В основу исследования были положены принципы объективности и историзма, предполагающие беспристрастный анализ разностороннего комплекса источников, выявление как позитивных, так и негативных аспектов рассматриваемого в развитии явления. Для решения поставленных задач автором использовались методы: историко-генетический, который позволил последовательно выявить изменения жилищно-бытовых условий курских железнодорожников; историко-системный, представляющий исследуемую проблему как часть исторического процесса, взаимосвязанную с другими социальными явлениями и тенденциями; историко-сравнительный, способствующий сопоставлению различных аспектов изучаемого явления во времени и в пространстве; типологический, позволяющий классифицировать характерные черты бытовой повседневности; ретроспективный, предполагающий восстановление картины повседневной жизни прошлого.

Результаты и их обсуждение

К середине 1920-х гг. жилищное строительство на железнодорожном транспорте могло осуществляться лишь в ограниченных размерах, как правило, только для командного состава и квалифицированных работников (начальников станций, депо, участков и дистанций пути, а также машинистов, телеграфистов и др.). На станциях в тот период обычно возводились небольшие поселки, представленные типовыми деревянными домами с хозяйственными постройками. Многие так называемые «дистанционные» дома, включая их планировку, бытовые удобства и наличие приусадебных участков продолжали находиться в пользовании железнодорожников и членов их семей, вплоть до конца 70-х годов XX столетия [1, с. 134].

Для ответственных работников путевого хозяйства (дорожные мастера, бригадиры) и службы связи на перегонах строились казармы или полуказармы, рассчитанные на несколько семей. Несмотря на то, что казармы не были приспособлены для постоянного семейного проживания, в них жильцы продолжали обитать долгие годы. Главным недостатком таких жилых помещений было несоответствие воздушного пространства помещения и числа проживавших людей, не удовлетворявшее даже самым скромным требованиям гигиены. Так, на Московско-Курской и Северо-Донецкой железных дорогах в начале 1920-х гг. на одного человека приходилось не более 4 кв. метров жилой площади [2, с. 83, 87].

Как удавалось установить в своих исследованиях доктору исторических наук А. С. Сенину, к началу 1920-х гг. расходы железнодорожников на жилье сократились до 2,9% зарплаты (в сравнении с 1917 г., когда этот показатель составлял 24%). Расходы на оплату топлива, наоборот, возросли почти на 15% и составили 13,7% семейного бюджета [3, с. 410].

Не в лучшем состоянии находились и индивидуальные дома железнодорожников. Так, большая часть рабочих и служащих Курского железнодорожного узла проживала в одноэтажных домах, не имевших бытовых удобств, построенных еще во второй половине XIX в.

Основной жилой массив Ямской слободы не был обеспечен канализацией, не имелось благоустроенных пешеходных дорожек и тротуаров. В весенние и осенние месяцы года улицы представляли собой трудно преодолеваемые площади раскисшей грязи, по которым с трудом могли проезжать даже конные повозки [4, с. 10, 16].

Как вспоминал ветеран транспорта С. И. Супрун (1898–1973), в Ямской слободе Курска фасады домов в ночное вре-

мя не освещались. На всех улицах, где проживали железнодорожники, стояла вечерняя темнота. Усилия Ямского райсовета по установке в ночное время на каждом доме керосиновых фонарей приводили лишь к частым пожарам. Это обстоятельство вызывало многочисленные жалобы от жителей слободы. Но председатель райсовета Н. И. Масленников не спешил отменять свое решение. «Он считал, что отсутствие электрического освещения улиц восполнится светом развешенных фонарей. А причину пожаров легко устранить усилением надзора за ними, – отмечал С. И. Супрун, – комсомольцы Курского узла высмеяли незадачливого администратора в выпуске устной сатирической газеты “Кувалда”. После публично прозвучавшей критики “Затея” с керосиновыми фонарями была предана забвению» [5, с. 103].

К сожалению, такое положение с освещением улиц Ямской слободы (с 1932 г. – Ямского района гор. Курска) сохранялось долгие годы. Так, в мае 1938 г. на 3-й Кировской районной партийной конференции в выступлениях делегатов подчеркивалось, что на ул. Интернациональной, М. Горького (с 1939 г. – ул. Маяковского) практически не функционировало ночное освещение, на многих домах не были установлены таблички с указаниями номера дома и фамилии его владельца (хотя жителям их заранее заплатили за заказ подобных указателей) [6, л. 1–2].

В годы предвоенных пятилеток благодаря принятым руководством НКПС мерам условия быта железнодорожников постепенно стали улучшаться. Руководство НКПС и профсоюзные организации транспорта уделяли тогда повышенное внимание жилищно-коммунальному хозяйству дорог.

В соответствии с приказом НКПС № 636 от 27 марта 1924 г., руководством Наркомата и ЦК профсоюза железнодорожников намечались первоочередные задачи по активизации жилищного строительства на транспорте [7, с. 271].

Важную роль в обеспечении жильем железнодорожников сыграли Положение о жилищной кооперации, утвержденное ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР 19 августа 1924 г., и Положение о фондах улучшения быта рабочих и служащих, утвержденное ЦИК и СНК СССР 27 июня 1928 г. [8, с. 519]

Благодаря принятым мерам к концу 1934 г. жилой фонд на железнодорожном транспорте увеличился в сравнении с 1930 г. на 17,6% и составил 6,8 млн кв. метров. В ведомственных домах тогда проживало почти 349 тыс. человек. Тем не менее до 40% рабочих и служащих, связанных с движениями поездов, еще не имели жилой площади поблизости от своего места работы. Это особенно было характерно для рядового и младшего начальствующего состава служб движения и связи. Только 25% кадровых железнодорожников были обеспечены квартирами в многоквартирных домах НКПС [9, с. 89; 10, с. 226].

Но особо проблемным вопросом оставалось обеспечение жильем работников создаваемых с апреля 1936 г. путевых машинных станций (ПМС). Поскольку ПМС изначально организовывались как передвижные формирования, их работникам «по положению» предусматривалось жить «на колесах» – в товарных вагонах-теплушках [11, с. 13], не обеспеченных элементарными бытовыми удобствами.

Наиболее эффективным способом решения проблемы обеспечения жильем, использованным в массовом строительстве на железнодорожном транспорте, стало создание жилищно-строительных кооперативных товариществ (СЖКТ). Они создавались из числа добровольно объединявшихся железнодорожников различных специальностей.

В 1924 г. на землях, располагавшихся к юго-востоку от железнодорожного узла, объединенный жилищно-строительный кооператив товарищества служащих

станции Курск-I и Курск-II Московско-Курской и Московско-Киево-Воронежской железных дорог развернул строительство нового жилого поселка [5, с. 103]. Начавшееся строительство было обосновано близким расположением к месту службы жильцов и наличием здесь железнодорожных инженерных коммуникаций: водопроводной магистрали и электросетей, узловой электростанции.

Кварталы строящегося поселка планировались двух типов: 60х40 и 60х100 саженей. В центре поселка намечалось сформировать базарную площадь с учетом удобного подъезда крестьянских возов. На особой площади планировалось построить клуб и высадить общественный сад. Рядом с клубом предполагалось строить школу и спортивный стадион [12, с. 95].

Зимой 1926 г. первые поселенцы поселка, получившего после смерти В. И. Ленина наименование Владимирский, заселили 7 новых домов. Они представляли строения общей площадью более 80 кв. метров: по две квартиры с обособленными входами. Дома строились на шлакоблочном основании (цоколе) из сосновых бревен, оштукатуренных снаружи.

В 1927 г. строители передали жильцам еще 22 дома, приступив к закладке еще 8 жилых домов с надворными постройками. К 1928 г. в поселке были сформированы три продольных улицы: Союзная, Республиканская и Социалистическая, и 5 поперечных: Л. Толстого (с 1939 г. – ул. Кагановича), Ухтомского, Красное Знамя, Герцена и Волкова.

Большинство улиц получили названия, соответствующие господствовавшей в то время революционной тематике. Так, улица Ухтомского получила наименование в память машиниста депо Москва-Казанская А. В. Ухтомского (1876–1905), расстрелянного царскими карателями, который вывез из Москвы состав с дружинниками – участниками боев на Красной Пресне в декабре 1905 г. Улица Волкова была названа именем комсомольского активиста Ямской слободы, кочегара крейсера «Аврора» М. В. Волкова, умершего после службы в 1924 г. [13, с. 60–61; 14, л. 241–243]

По воспоминаниям жительниц бывшего Владимирского поселка А. М. Плёховой, М. В. Баранищевой, М. А. Паршиковой, А. В. Шубиной, улицы были прямыми, широкими, зелеными от обилия трав и кустарников. Несколько позднее появились тротуарные дорожки, засыпанные шлаком, оставшимся от сгорания угля в паровозных топках.

В 1930 г. на ул. Ухтомского, Красное Знамя, Герцена были высажены тополя [15, л. 93]. К концу 1930-х гг. на Владимирском поселке имелось 72 дома (по 2 квартиры в каждом) [16, л. 9].

Сохранились обрывочные сведения об организационной и финансовой деятельности Владимирского ЖСКТ. Так, в кооперативе количество пайщиков на 1 октября 1926 г. составляло 215 человек, к октябрю 1928 г. их число увеличилось до 231 человека [17, л. 52].

Общий паевой капитал общества достиг 45 386 рублей (т. е. увеличился более чем в 3 раза по сравнению с 1926 г.). Увеличение суммарного капитала происходило путем ежегодного прироста взносов на строительство жилых домов. Так, в 1927 г. размер паевых взносов увеличился на 7% (по сравнению с 1926 г.), а в 1928 г. – уже на 45%. По мнению руководства Владимирского жилищного товарищества, это позволило бы в 1928–1929 гг. развернуть сооружение многоквартирных домов с улучшенными удобствами. Но на самом деле это приводило к оттоку числа пайщиков и уменьшению финансового состояния кооператива на 10 000 рублей [17, л. 53].

Такая позиция руководства общества вызывало критику партийных и профсоюзных организаций Курского железнодорожного узла. Например, выступая на XVIII губернской партийной конференции (ноябрь 1927 г.), начальник общей части коммерческого отдела Управления

МКВ ж.д. В. В. Звонарёв отмечал, что «есть Владимирский железнодорожный кооператив. Если спросить у железнодорожников, то они скажут, что туда попадают бывшие рабочие и служащие, получающие приличную ставку и могущие сразу внести ссуду в сумме 300–400 рублей. Служащие, получающие пособие в 40 рублей, и должные платить за строящуюся квартиру 12–14 рублей, записаться в кооператив не могут…» [18, л. 150; 19, л. 7].

Выступая на IX Ямской районной партийной конференции (май 1929 г.), бригадир вагонного участка паровозного депо Курск-I И. И. Долженко заявил: «Многие из жилкооператива уходят потому, что туда легко поступить только людям, имеющим значительный заработок». Он призвал руководителей Ямского РК ВКП(б) добиваться снижения оплаты по строительству жилья [17, л. 53]. Его поддержал заведующий отделом агитации и пропаганды райкома партии С. М. Дурнев (Джамбровский). Он заметил, что «квартирному вопросу жилищного строительства мало уделяют внимания райисполком и райком партии» [17, л. 13].

Несколько неожиданно, с позиций партийного диктата и неприятия самостоятельности действий жилищно-строительного общества, прозвучало на конференции выступление секретаря Ямского РК ВКП(б) Я. Я. Тупина. «Райком партии неоднократно оказывал поддержку Владимирскому жилищному обществу. Товарищество в финансовом отношении значительно окрепло… но количество членов жилкооперации не увеличивается. Мы считаем недопустимым, когда определенные товарищи стремятся к развертыванию строительства индивидуальных домов. Мы дали директиву о том, что всякая постройка нового дома или аренда, которая часто практикуется, не должна проводиться без разрешения партийной организации» [17, л. 33].

Я. Я. Тупин далее развил мысль о том, что «если данному товариществу действительно необходимо приобрести свой домик, …тогда партийная организация ему разрешит. В противном случае всякое стремление к выходу из жилкооперации, всякое желание построить свой дом, не должно допускаться. Такая директива доведена до всех партийных ячеек…» [17, л. 34].

24 января 1931 г. бюро парткома Курского железнодорожного узла (секретарь – С. В. Васин) рекомендовал Владимирскому ЖСК постройку комбинированных домов, учитывая, что резкий переход к домам-коммунам явно преждевременен [15, л. 21].

Такая позиция Ямского райкома ВКП(б) и парткома узла вносила дезорганизацию в повседневную деятельность жилищного кооператива, вызывала озлобленность многих его активных членов. Ведь они несли основное бремя финансирования строительных расходов. Но актив Владимирского ЖСКТ в 1930 г. продолжал работать, правда, в условиях острого финансового дефицита. Не нашли поддержки обращения председателя Ямского поселкового Совета Н. А. Зеленцова[1], правления ЖСКТ в Центральный коммерческий банк НКПС, в ЦК профсоюза железнодорожников. Несмотря на данные обещания, выделить в 1931 г. кредит на сумму 240 тыс. рублей (для обеспечения строительства 2-х трехэтажных домов), указанные финансы получены не были. Это привело к уменьшению членов строительного товарищества на 12 человек с паевым капиталом в 3000 рублей, и к распродаже запасов водопроводных труб на строительство фабрики «Сетеснасть» [15, л. 92, 94].

Пришлось уменьшить объём профилактических работ по борьбе с домовым грибком, повредившим половые доски в 7 домах на улице Ухтомского и Красное Знамя. В докладной записке председателя

[1] Председатель Ямского поселкового Совета с 1929 года.

Владимирского ЖСКТ Ф. Д. Бабенкова, направленной 23 марта 1931 г. в партком при Ямском поселковом Совете, отмечалось, что в трудных условиях недофинансирования правлению кооператива все же удалось произвести внешнее и внутреннее оштукатуривание домов постройки 1929 г., произвести в них ремонт окон, дверей, полов, покрыть кровельным железом фундаментные отливы. С целью предотвращения разрушения наружной штукатурки была произведена ее побелка в 71 доме постройки 1926–1928 гг. На улицах Льва Толстого и Ухтомского произвели покраску железных крыш. Во многих домах железнодорожников были переложены печи [15, л. 93, 94].

В конце 1920-х гг. интерьер жилища основного числа железнодорожных рабочих и служащих был однообразным и ограниченным. Комнаты практически не имели мебельных гарнитуров. Их заменяли громоздкие комоды, в которых хранилась вся домашняя утварь: посуда, белье, постельные принадлежности. У большинства семей, где годовой доход составлял не более 900 рублей, имелись самодельные тумбочки, висячие резные шкафчики. Редко кто из семей железнодорожников покупал платяные шкафы. Гарнитур кухни был в основном представлен висячими шкафчиками с открывающимися дверцами. Комнатное освещение осуществляли матерчатые абажуры.

К началу 1930-х гг. стали улучшаться интерьеры жилых помещений, в которых проживали железнодорожники. Многие курские семьи обзаводились образцами новой мебели (диваны, венские стулья, платяные трехстворчатые шкафы, никелированные кровати с панцирной сеткой и др.) почти во всех домах были установлены радиоточки, позволявшие слушать радиопередачи из Москвы [5, с. 103, 106].

В начале 1930-х гг. возникла еще одна форма социальной заботы об улучшении жилищно-бытовых условий неработающих и тяжелобольных железнодорожников. Так, циркуляром НКВД и Наркомздрава РСФСР №27/15 от 13–19 января 1928 г. был установлен список болезней, дающий право на пользование дополнительной площадью (0,5 жилой нормы). Это касалось лиц, страдающих открытой формой туберкулеза легких, лепрой, длительно незаживающими гнойными ранами [20, с. 182]. Положения циркуляра также распространялись на лиц, проживавших в ведомственных (железнодорожных) домах.

Значимым шагом в организации социальной заботы об инвалидах I и II групп из числа железнодорожных рабочих и служащих, получивших инвалидность по наличию хронических заболеваний, стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 года[1]. За этими людьми пожизненно сохранилось право на пользование дополнительной жилой площадью в ведомственном фонде.

Жители Владимирского поселка постоянно участвовали в наведении порядка на придомовых территориях. Так, на ул. Кагановича, 112 находился двухэтажный дом, в котором проживали семьи начальника Курского кондукторского резерва К. И. Гладких, начальника вокзала ст. Курск П. М. Симеонова, старшего инженера паровозного отделения И. Т. Демидова, ст. теплотехника Д. И. Власова. По воспоминаниям ветеранов Курского узла В.К. Гладких, Н. И. Лялиной (дочери И. Т. Демидова), В. П. и Л. П. Симеоновых, под руководством управляющего домами 4-й Курской жилищно-ремонтной конторы ст. Курск М. И. Попова [21, л. 38; 22], проживающего в том же доме, во дворе был наведен идеальный порядок. Были организованы спортивные площадки, песочницы, футбольное поле, построены качели для детей разного возраста. Во дворе работал фонтан. М. И. Попов смог сплотить коллектив домохозяек, которые стали его помощницами в деле озеленения дворов. Вскоре такой же по-

[1] О праве пользования дополнительной жилой площадью: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февр. 1930 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1930. № 14, ст. 181.

рядок был наведен вокруг домов на ул. Северный парк [23, с. 48].

Несмотря на положительный эффект от развернувшегося жилищного строительства во Владимирском поселке, его жильцам постоянно приходилось преодолевать множество трудностей. На большинстве улиц Владимирского поселка г. Курска отсутствовал водопровод. Водозаборные колонки были установлены только на ул. Кагановича и Ухтомского. За водой жителям других улиц приходилось ходить более чем за полкилометра. Проблема с водоснабжением основных улиц Кировского района г. Курска была решена лишь в начале 1950-х гг.

Одной из важнейших бытовых проблем в районе являлось квартирное освещение. Если в Ямской слободе (т.е. в бывшей привокзальной части района. – *Авт*.) свет от электростанции, построенной в декабре 1926 г., подавался регулярно, то в завокзальной части, на территории Владимирского поселка, регулярными становились перебои с подачей электроэнергии в дома.

Как отмечал в 1939 г. начальник электросилового хозяйства Курского паровозного отделения В. С. Музылев, жители поселка часто обращались к ним с жалобами на то, что подача электроэнергии не удовлетворяет их, ибо постоянно в сети низкое напряжение. Специалисты-электрики понимали, что электрические сети поселка не способствовали тому, чтобы передавать достаточный объем электроэнергии. Поэтому объем подаваемой энергии был вдвое меньше потребного и люди часто коротали вечернее время без света [24, л. 192; 25, л. 43]. При таком положении со снабжением жилых домов электричеством не исключалась возможность неправильного начисления платы за подаваемую электроэнергию. Также встречались случаи хищения электроэнергии жильцами-абонентами [26, л. 57]. Даже частичное подключение в ноябре 1937 г. железнодорожных сетей и узловой электростанции к городской ЦЭС не помогло разрешить насущных бытовых проблем. Ведь подаваемый из города дополнительный объем энергии в 100 кВт лишь частично покрывал даже нужды паровозного хозяйства, а в передаче дизеля кирпично-трепельного комбината Курский облисполком отказал [27, л. 4].

Архивные документы дают представление и о злоупотреблениях некоторых руководителей транспортного жилищного кооператива (ЖАКТ). Так, в октябре 1937 г. к строгой партийной ответственности был привлечен председатель районного ЖАКТа Г. Е. Кругликов (бывший парторг железнодорожной школы № 42) [28, л. 46]. Вместе с бухгалтером ЖАКТа Артеменковым он истратил 1270 рублей на организацию коллективных попоек [29, л. 3, 13, 19].

Серьезные переживания бывшим членам (пайщикам) жилищно-строительных кооперативов железнодорожников принесло постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах». В соответствии с этим постановлением была проведена работа по приему дел и имущества жилищных кооперативов в ведение жилищных управлений городских Советов депутатов трудящихся [27, л. 4].

Таким образом, бывшие пайщики, регулярно выплачивавшие средства для приобретения в личную собственность построенного жилья, с ноября 1937 г. были лишены такой возможности.

Помимо развернувшегося жилищного строительства, в местах массового проживания курских железнодорожников проводились работы и по благоустройству уличных территорий. Так, значительная часть годового бюджета Ямского райисполкома (182 636 руб.) в 1928–1929 гг. была израсходована на благоустройство улиц Ямской слободы (11 215 руб.), постройку бани (22 358 руб.), пожарной каланчи (6 154 руб.). Благодаря вмешательству окружного исполкома в Ямскую слободу из города была проведена водопроводная магистраль. В 1929 г. намечалось развер-

нуть строительство линии трамвая от Московских ворот до железнодорожного вокзала [17, л. 52]. Но строительство трамвайной линии от Московских ворот до пассажирского вокзала станции Курск-I затянулось на несколько лет. Только 12 июля 1935 г. на этом участке пошли первые трамваи, когда линия была введена в эксплуатацию[1].

В мае 1938 г. Курский горисполком, планируя расширение сети городского трамвая, начал проектирование новой линии от вокзала в сторону построенной шпагатно-веревочной фабрики. Ее предполагалось проложить от Ямского вокзала, по ул. Юных Пионеров под северные мосты и далее по ул. Цурюпа, Парижская Коммуна, Герцена до ворот фабрики на пересечении улиц Краснознаменной и Республиканской [30, с. 38]. Прокладка новых трамвайных путей значительно улучшала бы бытовые условия жителей Владимирского поселка. В 1929–1930 гг. на территории Владимирского поселка было высажено большое количество тополей и других декоративных деревьев, начато установление придомовых штакетов, шлакование тротуаров [15, л. 94]. Но часто коллективные усилия партийных, советских и профсоюзных органов, направленные на улучшение быта железнодорожников, наталкивались на вопиющее равнодушие и явную бесхозяйственность некоторых железнодорожных руководителей.

Так, 6 июня 1937 г., выступая на I областной партийной конференции, председатель Кировского райисполкома г. Курска Г. И. Булгаков, привел пример о том, что «нечистая вода из депо от электростанции протекает по улицам поселка и, оставаясь, образует болото в сквере, на подготовленной детской культурно-оздоровительной площадке. «Оказывается легче Волгу повернуть в Москве, чем отработанную нечистую воду направить в канализацию, которая проведена рядом…» [31, л. 259].

Подобные прецеденты, на которые неохотно и неоперативно реагировали многие хозяйственные руководители Курского узла, создавали значительные бытовые трудности для повседневной жизни курских железнодорожников.

Выводы

В целом, на протяжении исследуемого периода руководство Народного комиссариата путей сообщения, Правлений и Управлений железных дорог своей первоочередной задачей считало увеличение жилищного фонда, предназначенного для улучшения бытовых условий транспортных рабочих и членов их семей. Деятельность жилищно-строительных кооперативов оказалась наиболее приемлема для расширения объемов жилищного фонда, чем индивидуальное строительство. Такая практика строительства коллективных домовладений получала поддержку и местных партийных органов. Целенаправленные меры, осуществляемые НКПС и руководством железных дорог, позволили значительно увеличить жилой фонд, переселить в новые дома тысячи железнодорожников и их семьи.

Существенное увеличение объёмов жилищного строительства, улучшение жилищно-бытовых условий семей железнодорожников, несомненно, положительно отражались на производственной и социально-политической активности работников железнодорожного транспорта.

Большой объем работ по улучшению жилищно-бытовых условий рабочих и служащих Курского железнодорожного узла позволил завершить строительство жилого массива во Владимирском железнодорожном поселке. Были проведены работы по благоустройству улиц и придомовых территорий. Но нерешенными остались проблемы с регулярной подачей электроэнергии в жилые дома от узловой электростанции и освещения улиц в ночные часы. Интерьер жилого помещения семей железнодорожников к 1930-м гг. претерпел существенные изменения по сравнению с началом XX столетия.

[1] Курская правда. 1935. 12 июля.

Список литературы

1. Железнодорожный транспорт. XX век / Г. М. Афонина [и др.]. М.: Железнодорожное дело, 2001. 187 с.

2. Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России / В. В. Агафонов [и др.]; под ред. В. В. Фортунатова. М.: Учебно-метод. центр по образованию на ж.д. транспорте, 2007. 289 с.

3. Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М.: УРСС, 2004. 573 с.

4. Ефременко С. Н. Слобода Ямская города Курска. Курск: Курск. губсовет Об-ва краеведения, 1928. 24 с.

5. Абросимов Д. А. Бытовые условия и интерьер жилища работников Курского железнодорожного узла (1920-1930-е годы) // Интерьер жилища как отражение психологической сущности человека: материалы 39-й Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16 мая 2016 г. / под ред. д. и. н., проф. С. Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2016. С. 101–106.

6. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 46.

7. Железнодорожный транспорт в восстановительный период / сост.: З. К. Звездин [и др.]. М.: Транспорт, 1979. 287 с.

8. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. Т. 2: 1929–1945 гг. М.: Госполитиздат, 1957. 888 с.

9. Железнодорожный транспорт между VI и VII съездами советов СССР: Основные цифры и графики. М.: Трансжелдориздат, 1935. 56 с.

10. История железнодорожного транспорта России. Т. 2: 1917–1945 / Н. Е. Аксенко, Ф. К. Бернгард, Г. И. Богданов [и др.]; под общ. ред. В. Е. Павлова, М. М. Уздина. СПб.; М.: Петерб. гос. ун-т путей сообщ., 1997. 414 с.

11. Пашинин С. 60 лет путевым машинным станциям. 1936–1996. История. Техника. Технологии. Люди. М.: Железнодорожное дело, 1996. 16 с.

12. Степанов В. Б. Курская Ямская слобода: от прошлого к настоящему. Путеводитель по городу Курску. Выпуск четвёртый. Курск: [Б.и.], 2012. 114 с.

13. Травина А. С. Улица Волкова в г. Курске // События и люди в документах курских архивов. Вып. 2. Курск: ЮМЭКС, 2003. С. 60–61.

14. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-1026. Оп. 7. Д. 182.

15. ГАОПИКО. Ф. П-1324. Оп. 1. Д. 14.

16. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 63.

17. ГАОПИКО. Ф. П-79. Оп. 1. Д. 110.

18. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 647.

19. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 3. Д. 124.

20. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940-1960-е годы (по материалам Курской области): монография / В. В. Коровин, Е. А. Масуфранова, А. В. Величко [и др.]. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2017. 298 с.

21. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 110.

22. Объединенный архив Московской ж.д. (ОА МЖД, г. Курск). Ф. 6. Оп. 1-ЛД. Д. 1411.

23. Этапы большого пути. Кн. 4: Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги / А. Н. Манжосов [и др.]. Курск: Курскинформпечать, 1997. 239 с.

24. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 38.
25. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 447.
26. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 449.
27. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 152.
28. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 30.
29. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 45.
30. Давыдов А. С. Городской электрический транспорт Центрального Черноземья накануне Великой Отечественной войны // «И мы забыть теперь не вправе ваш путь и ваши имена…»: Курский военно-исторический сборник. Вып. 22. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2022. С. 36–44.
31. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 767.

Reference

1. Afonina G. M., eds. Zheleznodorozhnyj transport. XX vek [Railway transport. XX century]. Moscow, Zheleznodorozhnoe delo Publ., 2001. 187 p.
2. Agafonov V. V., eds. Lyudi dela. Vklad zheleznodorozhnikov v social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii [People of business. Contribution of railway workers to the socio-economic development of Russia]; ed. by V. V. Fortunatov. Moscow, Uchebno-metod. centr po obrazovaniyu na zh.d. transporte, 2007. 289 p.
3. Senin A. S. Moskovskij zheleznodorozhnyj uzel. 1917–1922 gg. [Moscow railway junction. 1917–1922]. Moscow, URSS Publ., 2004. 573 p.
4. Efremenko S. N. Sloboda Yamskaya goroda Kurska [Yamskaya Sloboda of Kursk]. Kursk, Kursk. gubsovet Ob-va kraevedeniya, 1928. 24 p.
5. Abrosimov D. A. Bytovye usloviya i inter'er zhilishcha rabotnikov Kurskogo zheleznodorozhnogo uzla (1920-1930-e gody) [Living conditions and interior of the housing of workers of the Kursk railway junction (1920-1930s)]. *Inter'er zhilishcha kak otrazhenie psihologicheskoj sushchnosti chelovekaю Materialy 39-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 16 maya 2016 g.* [The interior of a dwelling as a reflection of the psychological essence of a person. Materials of the 39th International Scientific Conference]; ed. by S. N. Poltoraka. St. Petersburg, Nestor Publ., 2016, pp. 101–106.
6. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. P-2160, op. 1, d. 46.
7. Zvezdin Z. K., eds. Zheleznodorozhnyj transport v vosstanovitel'nyj period [Railway transport during the recovery period]. Moscow, Transport Publ., 1979. 287 p.
8. Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. Sb. dokumentov. T. 2. 1929–1945 gg. [Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues. Collection of documents. Vol. 2. 1929–1945]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, 888 p.
9. Zheleznodorozhnyj transport mezhdu VI i VII s"ezdami sovetov SSSR: Osnovnye cifry i grafiki [Railway transport between the VI and VII Congresses of the Soviets of the USSR: Basic figures and graphs]. Moscow, Transzheldorizdat Publ., 1935. 56 p.
10. Aksenko N. E., Berngard F. K., Bogdanov G. I., eds. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii. T. 2. 1917–1945 [History of railway transport in Russia. Vol. 2. 1917–1945]; ed. by V. E. Pavlov, M. M. Uzdin. St. Petersburg, Moscow, Peterb. gos. un-t putej soobshch. Publ., 1997. 414 p.
11. Pashinin S. 60 let putevym mashinnym stanciyam. 1936–1996. Istoriya. Tekhnika. Tekhnologii. Lyudi [60 years of track machine stations. 1936-1996. History. Technic. Technologies. People]. Moscow, Zheleznodorozhnoe delo Publ., 1996. 16 p.

12. Stepanov V. B. Kurskaya Yamskaya sloboda: ot proshlogo k nastoyashchemu. Putevoditel' po gorodu Kursku [Kursk Yamskaya Sloboda: from the past to the present. Kursk City Guide]. Is. 4. Kursk, 2012. 114 p.

13. Travina A. S. Ulica Volkova v g. Kurske [Volkova Street in Kursk]. Sobytiya i lyudi v dokumentah kurskih arhivov [Events and people in the documents of the Kursk archives]. Is. 2. Kursk, YUMEKS Publ., 2003, pp. 60–61.

14. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-1026, op. 7, d. 182.

15. GAOPIKO, f. P-1324, op. 1, d. 14.

16. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 63.

17. GAOPIKO, f. P-79, op. 1, d. 110.

18. GAOPIKO, f. P-65, op. 1, d. 647.

19. GAKO, f. R-307, op. 3, d. 124.

20. Korovin V. V., Masufranova E. A., Velichko A. V., eds. Social'no-politicheskie faktory razvitiya otechestvennogo zheleznodorozhnogo transporta v 1940-1960-e gody (po materialam Kurskoj oblasti) [Socio-political factors of the development of domestic railway transport in the 1940s-1960s (based on the materials of the Kursk region)]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2017. 298 p.

21. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 110.

22. Ob"edinennyj arhiv Moskovskoj zh.d. (OA MZHD, g. Kursk) [United Archive of the Moscow Railway (OA MZhD, Kursk)], f. 6, op. 1-ld, d. 1411.

23. Manzhosov A. N., eds. Etapy bol'shogo puti. Kn. 4: Iz istorii trudovyh tradicij zheleznodorozhnikov Kurskogo otdeleniya Moskovskoj zheleznoj dorogi [Stages of a long journey. Book 4: From the history of labor traditions of railway workers of the Kursk branch of the Moscow Railway]. Kursk, Kursk-inforpechat', 1997. 239 p.

24. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 38.

25. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 447.

26. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 449.

27. GAKO, f. R-3322, op. 1, d. 152.

28. GAOPIKO, f. P-2160, op. 1, d. 30.

29. GAOPIKO, f. P-2160, op. 2, d. 45.

30. Davydov A. S. Gorodskoj elektricheskij transport Central'nogo Chernozem'ya nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [Urban electric transport of the Central Chernozem region on the eve of the Great Patriotic War]. "I my zabyt' teper' ne vprave vash put' i vashi imena…". Kurskij voenno-istoricheskij sbornik ["And now we have no right to forget your path and your names ..." Kursk military historical collection]. Is. 22. Kursk, Universitetskaya kniga, 2022, pp. 36–44.

31. GAOPIKO, f. P-1, op. 1, d. 767.

Информация об авторе / Information about the Author

Коровин Роман Валерьевич, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Roman V. Korovin, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-232-245

(cc) BY 4.0

«Дела на благо развития городов»: об объединении деятелей искусства Иркутской губернии в 1880-1900-е годы

В. В. Ткачев[1] ✉

[1]Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, д. 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В 1880–1900-е годы деятели искусства стремятся создавать творческие объединения, деятельность которых была направлена на развитие общественной инициативы, городских пространств. Постепенное открытие новых фондов, источников в архивах, выявление сведений о деятелях искусства, истории комплектования музеев, создания выставок актуализируют процесс изучения объединения деятелей искусства на благо развития городов Иркутской губернии.*

Цель *– восстановить историю объединения деятелей искусства и дел в организации работы по развитию городов Иркутской губернии в 1880–1900-е годы.*

Задачи*: изучить документальные свидетельства о художественных событиях, чтобы понять принципы взаимодействия деятелей искусства с городским сообществом о построении работы по благоустройству пространств, развитию территорий; рассмотреть деятельность художников в рамках создания музейных коллекций, творческих объединений по организации передвижных выставок и экспозиций на основе проведённых исследований; определить роль художественных сообществ в работе по созданию выставочных, передвижных пространств, формирования представлений у посетителей о роли музеев в развитии городов Иркутской губернии.*

Методология. *В работе используется комплексный подход. Учитывается принцип историзма, объективности, научности, используются проблемно-хронологический и историко-генетический методы.*

Результаты. *В процессе разбора архивов Иркутска были обнаружены материалы, описывающие художественную работу деятелей искусства по развитию музеев Иркутской губернии. В 1880-1900-е годы возможно наблюдать процесс обращения жителей городов к сохранению художественного наследия, благоустройства культурных центров для привлечения внимания молодого поколения к работе творческих объединений по комплектованию региональных музейных собраний.*

Выводы. *Деятели искусства Иркутской губернии создают объединения для поддержания выставочных, передвижных пространств, которые существовали при музеях и общезначимых городских местах. Изменяется отношение жителей городов к известным художественным, образовательным центрам. Интерес художников к развитию городов подтверждает результативность взаимодействия с общественностью. Материалы о работе творческих объединений представляют события о становлении художественных пространств.*

Ключевые слова: *История Сибири; городская культура; городское общество; коллекционирование; художественная интеллигенция.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ткачев В. В. «Дела на благо развития городов» об объединении деятелей искусства Иркутской губернии в 1880-1900-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 232–245. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-232-245.

Поступила в редакцию 29.03.2023 Принята к публикации 30.05.2023 Опубликована 30.06.2023

© Ткачев В. В., 2023

"Deeds for the Benefit of the Development of Cities": About the Association of Artists of the Irkutsk Province in the 1880-1900s

Vitaliy V. Tkachev[1] ✉

[1]Irkutsk State University
1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

Relevance. *In the 1880s - 1900s, artists sought to create creative associations, whose activities were aimed at the development of public initiative, urban spaces. The gradual discovery of new funds, sources in the archives, the identification of information about artists, the history of acquisition of museums, the creation of exhibitions, update the process of studying the association of artists for the benefit of the development of cities in the Irkutsk province.*

The purpose *is to restore the history of the association of artists and deeds in the organization of work on the development of cities in the Irkutsk province in the 1880-1900s.*

Objectives: *to study documentary evidence of artistic events in order to understand the principles of interaction between artists and the urban community on the construction of work on the improvement of spaces, the development of territories; consider the activities of artists in the framework of the creation of museum collections, creative associations for the organization of traveling exhibitions and expositions based on the research; determine the role of art communities in the creation of exhibition, mobile spaces, the formation of visitors' ideas about the role of museums in the development of cities in the Irkutsk province.*

Methodology. *The work uses an integrated approach. The principle of historicism, objectivity, scientific character is taken into account, problem-chronological and historical-genetic methods are used.*

Results. *In the process of parsing the archives of Irkutsk, materials were found that describe the artistic work of artists in the development of museums in the Irkutsk province. In the 1880s-1900s, it is possible to observe the process of urban residents turning to the preservation of artistic heritage, the improvement of cultural centers to attract the attention of the younger generation to the work of creative associations in the acquisition of regional museum collections.*

Conclusions. *Artists of the Irkutsk province create associations to maintain exhibition, mobile spaces that existed at museums and generally significant city places. The attitude of urban residents to well-known artistic and educational centers is changing. The interest of artists in the development of cities confirms the effectiveness of interaction with the public. Materials about the work of creative associations represent events about the formation of art spaces.*

Keywords: *History of Siberia; urban culture; urban society; collecting; artistic intelligentsia.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tkachev V. V. "Deeds for the Benefit of the Development of Cities": About the Association of Artists of the Irkutsk Province in the 1880-1900s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 232–245. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-232-245.

Received 29.03.2023 Accepted 30.05.2023 Published 30.06.2023

***

Введение

Рассматривая систему современных взаимоотношений между разными категориями, слоями городского общества, необходимо знать основные принципы сотрудничества в рамках построения единой концепции развития пространства, которые существовали в прошлые временные периоды в окраинах Российской империи. Так историки определяют то, что постепенно отдалённые территории присоединяются к общеимперской

системе построения отношений в художественной среде при создании проектов по распространению знаний об отечественном искусстве в интеллектуальном сообществе.

Современное поколение историков убеждается в том, что использование традиционных подходов необходимо для развития городского пространства, которые активно использовались в 1880–1900-е гг. Так в обозначенный период исследователями были определены общественные организации, которые создавали общедоступные, выставочные площадки. Постепенно к процессу присоединялись разные категории населения: от состоятельных лиц, органов административной власти, до рабочих, служащих, интеллигенции.

Опыт, который приобретался десятилетиями в дореволюционный период, необходимо не только изучать, но и осваивать и применять на практике. Так в результате взаимодействия горожан с организаторами мероприятия, которое было зафиксировано в документах, возможно было определить трудности в создании площадок, неэффективность показа музейных и частных собраний. В процессе модернизации городов Иркутской губернии к концу XIX в., усиления экономического положения, совершенствования условий для обустройства быта его жителей важное значение в культурной среде имела работа образовательных и культурных центров как мест по изучению и сохранению художественного наследия. К началу нового столетия в городах Иркутской губернии деятели искусства объединяются в работе по созданию общества передвижных выставок. В соответствующих мероприятиях принимали участие разные специалисты, которые имели большой опыт включения произведений искусства в собрания музеев, понимали основные принципы построения пространства для показа уникальных предметов.

Развитие исторических исследований в культурной сфере предполагает выявление и подробный анализ документальных свидетельств о том, как организовывались отношения общества и власти. Для учёного важно знать, на каком этапе находились участники данного процесса. Трудности при составлении планов по совместной работе в разных культурных учреждениях влияли на будущее координирование всех направлений, действий специалистов. При рассмотрении исторических событий и деятельности сотрудников организаций, художников необходимо понимать, как складывалось сотрудничество в результате реализации идей, проектов. На протяжении многих лет историками собирался материал, который в настоящий момент публикуется в научных журналах [1].

В 1880–1900-е гг. коллекционерами, деятелями искусства, учёными выявлялись уникальные предметы, которые передавались в музейные собрания с целью их использования в рамках исследовательской работы. Так, по многим тематическим коллекциям были составлены каталоги и организованы выставки, а лучшие экспонаты были отправлены на международные и всероссийские выставочные конкурсы, которые оценивали известные специалисты в музейном деле, учёные, изучающие исторические, этнографические, экономические аспекты развития городской среды и исследователи других направлений. После участия в научных поисках в соответствии с графиком проводились встречи творческих сообществ с участием художников, музейных сотрудников и учёных. Деятели искусства не только понимали значимость развития городского пространства, но и непосредственно занимались разработкой планов благоустройства, оформления зданий и помещений, распространяли знания о новых подходах привлечения материалов для создания композиций, комплексов архитектурных сооружений и т.д. [2]

Таким образом, для раскрытия основных направлений работы деятелей ис-

кусства в процессе объединения художественных сообществ и восстановления процесса создания собраний в 1880–1900-е гг. необходимо на основе имеющихся архивных материалов представить историю участия исследователей в поиске и описании новых экспонатов для фондов и выявлении уникальных предметов для выставочных проектов. Представленное исследование направлено на то, чтобы изучить процесс объединения деятелей искусства и дела в организации работы по развитию городов Иркутской губернии в 1880–1900-е гг. Представленные утверждения, которые были обозначены в трудах историков, объясняют позицию деятелей искусства к преображению, развитию городского пространства, создании художественных центров, мест сосредоточения известных живописных школ в Иркутской губернии.

Стоит отметить, что на протяжении всего периода изучения отношений деятелей искусства и общественности Иркутской губернии прослеживается интерес исследователей к работе художников, которые постепенно стремились к благоустройству пространств. Историки публиковали результаты своих исследований, которые восстанавливали исторические сюжеты по формированию первых собраний, выставочной работе комиссий и комитетов при проведении мероприятий. Основные подходы в объединении сил деятелей искусства и коллекционеров Иркутской губернии в обществе передвижных выставок, формирование направления по развитию совместных научных исследований и представление результатов на общедоступных мероприятиях были изложены сибирскими историками. Особенности в развитии отношений горожан, роль государственных деятелей в данном процессе рассматриваются учёными. Участие купечества в поддержании работы художников по созданию выставочных пространств рассматривались историками [3, с. 15–17; 4, с. 249–254; 5]. Деятельность Иркутского городского головы В. П. Сукачева в рамках коллекционирования предметов искусства были представлены сотрудниками музеев Иркутска [6, с. 12–18; 7, с. 81–82; 8, с. 8–13]. История создания выставочных павильонов, процесс передачи знаний о существующих ведущих художественных школах, работа деятелей искусства в музеях и галереях подробно представляется иркутскими исследователями [9; 10, с. 38–42; 11; 12, с. 348–349; 13; 14]. Стоит отметить, что просветительскую работу учёных Иркутска изучали многие сибирские историки, которые постепенно, в разные десятилетия, издавали коллективные работы [15, с. 25–30; 16, с. 60–78].

Собранные в архивах материалы отражают с разных сторон просветительскую деятельность общественных, творческих, научных объединений, достижения деятелей искусства, что послужило основой для проведения отечественными историками более глубоких исследований. Так учёные подтвердили то, что музеи, музейное дело, коллекционирование становятся важными составляющими в городской среде для жителей Иркутской губернии. Постепенно можно было наблюдать процесс включения собирателей в состав экспертных комиссий, комитетов по определению ценности поступивших в музеи предметов [17, с. 19–20; 18, с. 12–13; 19, с. 51–54].

Наследие мастеров Иркутской губернии во второй половине XIX в. представлено подробно в научных работах [20, с. 35–38; 21]. В исследованиях приводится подробный разбор исторических источников, которые были выявлены в центральных и местных отечественных архивах. Настоящие материалы описывали традиционные и новые средства, методы, которые использовались в музеях при создании экспозиций, выставок, формировании фондов, и другие важные этапы просветительской деятельности. Документы, которые раскрывали с разных сторон музейную работу деятелей искусства и кол-

лекционеров, продолжает рассматривать автор настоящей статьи [22].

Представленные научные труды историков отражают разные аспекты просветительской работы, направленные на изучение истории образования художественных объединений на территории Иркутской губернии [23, с. 61–94]. Необходимо понимать то, что для складывания благоприятных отношений в обществе и формирования интересов к определённому направлению в живописи имеет значение создание общедоступных художественных центров: музеев, галерей, библиотек. Предметы искусства постепенно входили в жизнь горожан Иркутской губернии. Многие жители собирали и сохраняли свои собрания. Уникальную историю хранят в себе документы сибирских архивов, описывающие историю социокультурных процессов в городах Иркутской губернии в 1880–1900-е гг. В данный период проводились разнообразные исследования по сбору и сохранению материалов о природных, культурных богатствах отдалённых от центра территорий, окрестностей Байкала, Иркутской губернии. Пополнялись библиотеки и рукописные собрания изобразительными документами, которые создавали в период экспедиционной и музейной работы художники. Роль мастеров в создании коллекций, описании и их изучении важна для современного учёного, т. к. их заметки определяют традиционную культуру как ключевую составляющую всего государства.

Методология

В рамках подготовки статьи учтены основные подходы в организации исследований в области истории городов Сибири, по результатам которых возможно проследить деятельность художников Иркутской губернии в 1880–1900-е гг. Работа основана на принципах объективности и научности, что подтверждает значимость проведённого исследования для истории. В процессе написания статьи были сопоставлены содержательные стороны документальных материалов с известными художественными мероприятиями, в организации которых принимали участие творческие объединения. Так удалось проследить процесс создания первых выставок обществом передвижных выставок в Сибири, установить участников данных художественных мероприятий. Для того чтобы выяснить закономерности изменений в отношении деятелей искусства к развитию городского пространства, используется историко-генетический метод. В результате включения данного подхода возможно определить основные этапы привлечения горожан к художественным мероприятиям. В работе используется проблемно-хронологический метод, который объясняет основные причины влияния событий на отношение деятелей искусства, важности стимулирования процесса объединения, создания единых творческих организаций. Стоит отметить то, что представляемое исследование обращается к фронтирному подходу для восстановления исторических событий, который объясняет отличие в развитии разных населённых пунктов Иркутской губернии, их неравномерность в культурном, образовательном потенциалах.

Для изучения событий 1880–1900-е гг. использовались документальные материалы из Государственного архива Иркутской области (письма, воспоминания художников, городские афиши, протоколы и отчёты заседаний общества) непосредственно организатора художественных мероприятий – Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Также в работе использовались материалы личного фонда Н. С. Романова. В результате анализа источников, которые демонстрируют подходы деятелей искусства, появляются новые сведения о взаимодействии мастеров в делах общества передвижных выставок в Сибири. В процессе написания статьи были привлечены рукописные

материалы фондов деятелей искусства из архива художественного музея в Иркутске. Была выявлена переписка музейных специалистов и коллекционеров о становлении и появлении первых выставочных павильонов, в создании которых принимали участие известные учёные разных регионов Российской империи.

Результаты и их обсуждение

Вопросы, которые были связаны с созданием благоприятных условий в процессе взаимодействия деятелей искусства с другой частью городского общества, постоянно отражались в исторических материалах, которые сохранились в архивных и музейных собраниях. Данные документы необходимо выявлять и включать в исследования для понимания основных принципов сотрудничества мастеров с большой частью городского общества. Существуют сведения о том, что на интерес к объединению художников в рамках благоустройства, развития общедоступных пространств разных населённых пунктов Иркутской губернии влияло отношение местной власти, существующей обстановки и инициативы отдельных общественных деятелей и их позиции. К концу XIX в. появляются в художественных центрах мастера, которые не только занимались собственным творчеством, продвигали живописные школы, но и отстаивали свою точку зрения на происходящие процессы. Они описывали экономические трудности, с которыми сталкивались творческие объединения при создании выставочных пространств в музеях и галереях Иркутской губернии.

Примером может служить деятельность генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского (1809–1881). Николай Николаевич последовательно и разумно подходил к вопросам о поддержании творческого пространства. Существуют документы, которые подтверждают значимость работы генерал-губернатора в регионе. Материалы описывают, как Н. Н. Муравьёв-Амурский поддерживал развитие художественного образования, участие в выставках и многие другие мероприятия. В результате погружения в определённой области истории Сибири В. П. Сукачев описывал выдающиеся заслуги «дела на благо развития городов», которые были совершены в рамках укрепления отношений, сотрудничества между районами, населёнными пунктами: «Деятельность графа Муравьева в этой части империи ещё всем памятна. Присоединение Амурского края, борьба с откупщиками и золотопромышленниками, коренная реформа кяхтинской торговли, обуздание чиновников горного ведомства, преследование взяточничества – вот в чём, главным образом, выразилось его управление Восточною Сибирью. Достаточно взглянуть на карту Сибири до муравьёвского времени, чтоб убедиться в заслуге, оказанной им России присоединением Амурского края. Нужно, кроме того, иметь в виду, что это присоединение совершено Н. Н. Муравьёвым вопреки упорному и долгому противодействию, встреченному им в высших министерских сферах, совершено за свой страх и риск и, притом, одними только домашними, так сказать, средствами Восточной Сибири» [24, л. 16].

Н. Н. Муравьев-Амурский в период своей административной работы в Иркутске создавал постепенно художественную среду для жителей, приобщал их к историко-культурному наследию Российской империи. Николай Николаевич проводил встречи, организовывал торжественные приёмы и балы. Многие не только участвовали в важных светских событиях, но и знакомились с коллекциями живописи, графики, скульптуры. В административных зданиях: резиденции генерал-губернатора (Белый дом), домах губернаторов и купцов (В. Н. Баснин) и учебных заведениях (Иркутская мужская гимназия) – гости города Иркутска могли увидеть произведения отечественного и мирового искусства. В данный период создавались первые художественные цен-

тры, места взаимодействия деятелей искусства, где обсуждались вопросы объединения сибирских мастеров. Во время работы Н. Н. Муравьева-Амурского в должности генерал-губернатора Восточной Сибири (с 1847 по 1861 гг.) поддерживается проект по созданию ВСОИРГО и музея при обществе, в рамках научной деятельности которого организовывали индивидуальные и коллективные выставки сибирских художников – участников экспедиций.

Николай Николаевич развивал учебные заведения, направлял в Иркутск лучших представителей отечественных художественных школ, из состава Академии художеств. Талантливых учеников отправлял получать профессиональное образование в Петербург. Так по рекомендации Н. Н. Муравьева-Амурского иркутский художник М. И. Песков (1834–1864) был принят пенсионером в Академию художеств в 1855 г.

Роль руководящих лиц имеет важное значение для создания пространств, которые направляли деятелей искусства на участие в проектах по благоустройству городов, появлению необходимых условий. Творческие объединения, которые появлялись постепенно в течение второй половины XIX в., стремились к тому, чтобы каждый мастер занимался делом по оформлению помещений, организации выставок, разрабатывал проекты по совершенствованию и включению основных творческих приёмов демонстрации посетителям произведений искусства.

В 1880–1900-е гг. исторические источники сообщали сведения о том, как в Иркутске и Иркутской губернии благодаря деятельности художественных объединений проводились выставки, встречи с мастерами, на которых обсуждались вопросы по совершенствованию существующих систем обучения и включения в программы разделов по истории искусства. Также предлагалось создавать учебные заведения художественной направленности, в рамках которых происходил процесс подготовки специалистов для региона. В данный период создавались творческие объединения: общество передвижных выставок в Сибири, художественный кружок при обществе любителей музыки и литературы, общество распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Иркутское общество художников и т. д. Развивали творческие способности художники и при ВСОИРГО. В результате изучения собраний архивов были выявлены материалы о том, как художники участвовали в оформлении выставок, в процессе сотрудничества с выше обозначенными общественными объединениями, Товариществом передвижных выставок и многими другими.

Приведём в качестве примера то, как в работе по созданию выставочных пространств участвовали коллекционеры, такие как В. П. Сукачев (1849–1920). Благодаря деятельности Владимира Платоновича деятели искусства обращались к проблемам благоустройства городов.

В одном документе известный исследователь, член ВСОИРГО Дмитрий Даурский описывал следующее: «В страну холода и ссылки стали проникать лучи чистого искусства. За последние тринадцать лет в Иркутске было около десяти художественных выставок. В первой половине 1880-х гг. В. П. Сукачев в здании музея устроил выставку картин русских художников. Тут были произведения Судковского, Айвазовского, Маковского, Максимова, Орловского и других. Из сибирских художников на этой выставке фигурировал покойный Вронский со своими видами Тунки, писанными красками и карандашом. Под кистью Вронского суровая сибирская природа дышала мягкими тонами благодатного юга. На этой выставке хотя и не было картин на сибирские темы, за исключением Вронского, но зато иркутяне познакомились с некоторыми из корифеев русской живописи. Затем, через шесть лет В. П. Сукачев повторил эту выставку, дополнив её це-

лой серией новых картин – Верещагина, Трутовского, Вельца, Семирадского и других» [25, л. 10].

Исследователь в дальнейшем продолжил раскрывать подробности данного события: «Теперь на осьминой недели открылась у нас в Иркутске “первая сибирская передвижная выставка”. Эта выставка с полным правом может именоваться – сибирской, так как в ней громадное большинство картин писано на сибирские темы, и кроме того эта выставка может рассматриваться как “первая ласточка” сибирских передвижных выставок. Томское общество любителей художеств теперь занято вопросом о периодических передвижных выставках на почве объединения всех сибирских художников, а “пока что” эту идею уже реализовала группа томских художников, устроившая первую передвижную выставку сначала в Томске, а затем здесь, в Иркутске, в малом зале общественного собрания. Нельзя не приветствовать это доброе начинание, вносящее всё-таки луч света в сибирскую серую жизнь. Сибирь давно ждёт своих художников, и уже пора запечатлеть красками на полотне и природу, и человека этой обширной страны» [26, л. 23].

Газета «Сибирь» сообщала сведения о работе первых представителей художественной интеллигенции в процессе выставочной деятельности научных, творческих организаций. В номере рассматриваются особенности подбора и основные принципы демонстрации живописных полотен в разных городах Иркутской губернии, в которых принимали участие томские, иркутские, верхнеудинские художники [27, л. 11].

Документы объясняют то, как на выставках и других художественных мероприятиях появлялись работы начинающих мастеров, которые продолжительное время участвовали в научных экспедициях по изучению природных, культурных богатств всего региона. Приведём в качестве примера фрагмент описания предстоящих событий в Иркутской губернии: «После сукачевских выставок в 1900 г. была “сборная” выставка из наличных картин, имеющихся у кого-либо в Иркутске. На “сборной” выставке дебютировали любители-художники братья Шешуновы (сохранились каталоги с упоминаем работ, которые были показаны посетителям на выставках в Иркутске) с сибирскими пейзажами, порой недурными. В 1903 г. была передвижная выставка французских художников. Вслед за французской в 1904 г. была устроена передвижная выставка петербургских художников, организованная Педашенко-Третьяковой. В Рождество и святки за последние годы выставлял свои картины г. Вучичевич, а ранее выставлял картины его брат. В Пасху 1909 г. в музее фигурировали местные художники. И наконец, настоящей весной на пасхальной неделе было разом три художественные выставки: местных художников в музее, Лытнева в здании мужской гимназии и Г. И. Гуркина в здании 5-ти классного училища, последняя имела крупный и заслуженный успех» [27, л. 8].

На картинах сибирских передвижников главное место занял пейзаж, а затем жанр и портреты. Есть даже попытки исторической и декоративной живописи. Наибольшие по размерам картины принадлежат кисти Л. П. Базановой. У художницы замечается большое стремление к разнообразию. Она пишет портреты, жанр – пейзаж, ей не чужда историческая живопись и даже декоративная. Но не все её произведения заслуживают одинаково внимания. Бесспорно, хорошо написаны Л. П. Базановой портреты П. И. Макушина и Г. Н. Потанина, в особенности последнего. Этот портрет, помимо сходства, очень сочно написан по колориту, а по рисунку безукоризненно. Портрет Г. Н. Потанина можно считать центральным экспонатом выставки. Также профессионально был выполнен портрет П. И. Макушина. Обращает на себя внимание небольшая картина Л. П. Базановой «Осенняя пес-

ня», изображающая в осенних сумерках мечтательно настроенную женскую фигуру со скрипкой в руках.

В этой картине можно отметить то, что мягко передано настроение. Живописное полотно – одно из лучших произведений художницы. Как сообщают источники данного периода, которые сохранились в собрании архива Иркутска: «Недурно по тонам написана женщина-алтайка (№ 107) в шаманском костюме “пред камланием”. Очень интересно написаны – “Черневая тарса” и типы алтайцев в этнографическом отношении. Пожалуй, можно отметить “Степановский пруд”. Пейзаж, однако не её специальность. Например, церковь, № 21, недурно написана, а высящиеся за ней на заднем плане горы напирают на церковь. В картине нет воздуха. К числу неудачных картин следует отнести группу алтайцев, идущих со свадьбы (№ 5). На фоне алтайской природы мчатся на лошадях всадники и всадницы. Фигуры лошадей и людей скомпановы, но пейзаж вышел анемичным. Вместо залитого светом полугорья с рошкошной травой получилось что-то белесоватое, выцветшее. Про историческую картину “Съезд князей в Любече”, написанную в стиле постановки средней руки провинциальной оперы, без признака исторической правды, лучше умолчать. Также лучше не говорить и про кондитерское произведение “Мечта” (панно), ибо “замыслов отважные порывы имен, давний не стяжают”, как говорил принц Гамлет. Про две картины самоучки крестьянина Ложкина следует высказать пожелание, чтобы дарования из народа не зарывались в землю» [27, л. 22].

«Из массы картин художника З. А. Рокаческого обращает на себя особое внимание “Мыслитель” – бюст старика с характерной головой, написанный мягко и колоритно. Это произведение носит следы художественной и творческой кисти, заставляя зрителя задуматься над проникновенным выражением лица старика. Затем недурна картина “Начетчик” (№ 71), а в особенности этюды “Псаломщик” (№ 84) и “Мальчик” (№ 85). Из портретов кисти г. Рокачевского выделяется портрет проф. Махайловского, написанный рельефно и правдиво. Хорош портрет инженера Загорянского. Из пейзажей г. Рокачевского написана мягко и воздушно река Басандайка при летней, слегка хмурящейся, погоде. Симпатичен уголок сада (№ 110). Интересны рижские пейзажи (№ 90-93), а также пейзажи из окрестностей Томска № 94 и № 105.

Художник Ткаченко дал две сравнительно большие картины “Гроза” и “Сосновый лес”. Первая (№ 129) написана, по впечатлениям посетителей, достаточно хорошо, особенно воздух, дал, но сухо нарисован первый план – изба и береза тяжела, а также тяжелы и облака. Сосновый лес (№ 132) написан олеграфично. Но зато у Ткаченко хороши этюды № 137, 140, 141, 147, 148 и 150. Этюд № 141 дровяник особенно колоритен и правдив.

В картине П. Г. Тарасова подробно изображён овраг № 15. Этюд П. С. Тарского “Зимой в лесу” написан мягко и колоритно. “Почта на Иртыш” № 189 Н. П. Никифорова написана красочно, но оставляет желать лучшего. У В. И. Лукана с любовью написаны маньчжурские этюды. Из остальных его картин, пожалуй, можно отметить “Дорогу в университетский парк” № 34, стволы и маньчжурскую дичь. В общем выставка для посетителей произвела только положительное впечатление, и в ней мы приветствуем первые страницы сибирской художественной летописи» [28, л. 11].

В Иркутской губернии научные и общественные организации проводили уникальные и важные исследования природных богатств, истории, промышленности, торговых отношений с разными территориями, взаимоотношение с коренными народами и т. д. В результате экспедиционной работы учёными и художниками собирался исторический, эт-

нографический материал, который в дальнейшем передавался на хранение в фонды музеев. Выявленные в разных областях изучения предметы описывались, по ним составляли каталоги и публиковали статьи в местных журналах. Также по результатам экспедиций проводились конференции, круглые столы, лекции и отдельные встречи с учёными. При планировании международных и региональных мероприятий многие материалы отбирали для экспозиций, чтобы их продемонстрировать научному сообществу. Так уникальные и ценные экспонаты музеев можно было увидеть на площадках выставок. В процессе взаимодействия посетителей с музейными предметами, которые подробно представляли результаты наблюдений и исследований известных сибирских учёных, предполагалось формирование у жителей особого образа региона и определение направления развития художественного пространства городов Иркутской губернии.

Документы раскрывают основные сюжеты организации передвижных художественных выставок, в которых принимали участие мастера, исследователи художественного наследия региона. Рассматривают проблемы, с которыми сталкивались создатели павильонов, новых площадок, мест взаимодействия разных представителей городского общества в сфере искусства, образовании и науки.

Известно, что на картинах, которые демонстрировались жителям на сибирских передвижных выставках в данный период, были изображены пейзажи окрестных достопримечательностей, уникальных мест Байкала, Саян, Забайкалья, а затем разновидности жанров и портреты. Отмечают исследователи отечественного искусства и то, что были показаны историческая и декоративная живопись.

Живописцы, кто был свидетелем происходящих событий, писали в своих воспоминаниях положительные отзывы о мероприятиях, которые проводило Общество передвижных выставок в Сибири. Авторы отмечали результативность данной просветительской работы и возросший интерес посетителей к отечественным художественным школам [28, л. 14].

Выводы

В результате создания новых, благоприятных условий при построении художественных связей в городах между жителями, коллекционерами, художниками, появилась возможность сосредоточить внимание общественности на объединение сил по формированию творческих объединений, сотрудничество общества передвижных выставок с деятелями искусства в городах Иркутской губернии в рамках сопровождения научных исследований в 1880–1900-е гг. Представленная деятельность общества подтверждает то, что художники проявляли интерес к изучению и освоению художественного наследия региона. Выявленные материалы, которые сохранились в архивах Иркутска, представляют основные подходы в создании стабильных контактов между разными представителями художественной интеллигенции на протяжении всего периода существования Общества передвижных выставок. Удалось сопоставить известные сведения о выставках с документальными материалами, которые подробно показали участие деятелей искусства и других представителей общественности, которые входили в состав общественных объединений, в организации творческих пространств.

В 1880-1900-е гг. художественные центры становятся, по наблюдению известных учёных и общественных деятелей, местами сосредоточения деятельности творческих, научных организаций. В процессе продолжительной работы объединений создавались музеи и галереи, которые собирали уникальные исторические материалы, сохраняли художественное наследие городов и других населённых пунктов. Выявленные воспоминания сибирских мастеров в архивах Иркутска о выставках, которые проводились худож-

никами и коллекционерами, дают возможность понять, как внимание общественности сосредотачивалось на разработке новых форм выставочной деятельности, работы с посетителями по распространению знаний о важности существующих городов в развитии региона. В результате анализа и подробного изучения исторических источников было определено то, что работа деятелей искусства была направлена на расширение художественных связей между разными творческими объединениями, коллекционерами.

В дальнейшем необходимо продолжить раскрывать работу деятелей искусства в контексте истории развития городского пространства в Иркутской губернии в 1880–1900-е гг. Деятельность, которая была направлена на приобщение жителей к отечественному искусству, расширяла существующие собрания живописи и графики в музеях, привлекала на мероприятия образованных, профессиональных мастеров из других регионов, которые постепенно передавали знания о ведущих направлениях в художественных школах. Также становится доступным большое количество исторического материала из семейных архивов потомков мастеров, что даёт возможность проследить воспоминания о прошедших событиях, участии деятелей искусства в развитии городов Иркутской губернии.

Список литературы

1. Шахеров В. П. От простого собирательства к первым музеям (из истории становления музейного дела в дореформенной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2023. Т. 43. С. 26–40.

2. Шахеров В. П. Губернский городской социум: формирование общественного пространства и инициатив // Государственная власть и общество : на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 230–273.

3. Гаврилова Н. И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории / Иркутский национальный исследовательский технический университет. Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2017. 151 с.

4. Комлева Е. В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. 397 с.

5. Комлева Е. В. Освоение Северной Азии как сфера реализации социокультурных практик сибирского купечества // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 2. С. 107−112.

6. Гончаренко Н. В., Сукачев В. П. Сукачёвы. История одной семьи : науч. изд. Иркутск : Артиздат, 2019. 427 с.

7. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Т. 1. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2014. 813 с.

8. Завещано потомкам : художественная коллекция В. П. Сукачева в Иркутске : художественный альбом / Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева. Иркутск: Артиздат, 2009. 237 с.

9. Зуляр Ю. А. О периодизации истории Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (К итогам 160-летней деятельности ВСОРГО) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 1(2). С. 73–85.

10. Зуляр Ю. А. К истории музея ВСОРГО // Краеведческие записки. Вып. 7 / Иркут. обл. краев. музей. Иркутск, 2000. 105 с.

11. Зубрий Е. С. 150 лет Иркутскому областному художественному музею им. В. П. Сукачева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2020. № 1. С. 155–163.

12. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.

13. Кошман Л. В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX вв. К вопросу о креативности исторической памяти // Человек и культура. 2013. № 2. С. 42−115.

14. Колесник Л. М., Пушкина Т. Л., Свинин В. В. ВСОРГО и музейное дело в Иркутске // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2 (3), ч. 2. С. 44–56.

15. Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО. 1851–1931 гг. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, В. А. Левченко, Т. Л. Пушкина. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. 240 с.

16. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. 800 с.

17. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

18. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.

19. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 344 с.

20. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. 334 с.

21. Лыхин Ю. П. Хроника художественных событий в Иркутске (XVII век – 1899 год) // Известия Архитектурно-этнографического музея "Тальцы" Вып. 3 / отв. ред. Ю. П. Лыхин. Иркутск : Изд-во ИП «Макаров С. Е.», 2004. С. 51−91.

22. Ткачев В. В. «Музеи для общества»: о работе коллекционеров в городах Иркутской губернии во второй половине XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 175–188.

23. Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества / Обзор деятельности ВСОРГО за 75 лет. 1851-1926 гг. : юбилейный сборник. Т. 50, Вып. 1. Иркутск: Власть Труда, 1926. 143 с.

24. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 229.

25. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 39.

26. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 60.

27. Архив ИОХМ (Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева). Дело по истории Иркутского областного художественного музея.

28. Архив ИОХМ. Дело С. Е. Вронского.

References

1. Shakherov V. P. Ot prostogo sobiratel'stva k pervym muzeyam (iz istorii stanovleniya muzeynogo dela v doreformennoy Sibiri [From simple collecting to the first museums (from the history of the formation of museum business in pre-reform Siberia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of the Irkutsk State University. Series: History*, 2023, vol. 43, pp. 26–40

2. Shaherov V. P. Gubernskiy gorodskoy sotsium: formirovaniye obshchestvennogo prostranstva i initsiativ [Provincial urban society: the formation of public space and initiatives]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialah gorodov Irkutskoj gubernii XIX – nachala XX vekov [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 230–273.

3. Gavrilova N. I. Kupecheskiy rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii [Merchant family of Sibiryakovs: pages of history]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017. 151 p.

4. Komleva Ye. V. Sibirskoye kupechestvo: vklad v khozyaystvennoye osvoyeniye i izucheniye Severo-Vostochnoy Yevrazii (konets XVIII – XIX vek) [Siberian merchants: contri-

bution to the economic development and study of North-Eastern Eurasia (the end of the 18th – 19th centuries)]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2018, 397 p.

5. Komleva Ye. V. Osvoyeniye Severnoy Azii kak sfera realizatsii sotsiokul'turnykh praktik sibirskogo kupechestva [The development of North Asia as a sphere for the implementation of the socio-cultural practices of the Siberian merchants]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*, 2020, vol. 27, no. 2, pp. 107−112.

6. Goncharenko N. V., Sukachev V. P. Sukachovy. Istoriya odnoy sem'i [Sukachevy. The history of one family]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2019. 427 p.

7. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine arts of Siberia of the XVII – early XXI centuries]. Tobol'sk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2014, vol. 1. 813 p.

8. Zaveshchano potomkam : khudozhestvennaya kollektsiya V. P. Sukacheva v Irkutske [Bequeathed to descendants. Art collection of V. P. Sukachev in Irkutsk]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2009. 237 p.

9. Zulyar Yu. A. O periodizatsii istorii Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva (K itogam 160-letney deyatel'nosti VSORGO) [On the periodization of the history of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society (On the results of the 160-year activity of the VSORGO)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of the Irkutsk State University. Series: History*, 2012, no. 1(2), pp. 73–85.

10. Zulyar Yu. A. K istorii muzeya VSORGO [On the history of the ESORGO museum]. Krayevedcheskiye zapiski [Local history notes]. Is 7. Irkutsk, Irkutsk. obl. kraev. muzei, 2000. 105 p.

11. Zubriy Ye. S. 150 let Irkutskomu oblastnomu khudozhestvennomu muzeyu im. V. P. Sukacheva [150 years of the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukacheva]. *Izobrazitel'noye iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka = Visual arts of the Urals, Siberia and the Far East*, 2020, no. 1, pp. 155–163.

12. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 446 p.

13. Koshman L. V. Kul'turnoye prostranstvo russkogo goroda XIX – nachala XX vv. K voprosu o kreativnosti istoricheskoy pamyati [Cultural space of a Russian city in the 19th – early 20th centuries. To the question of the creativity of historical memory]. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*, 2013, no. 2, pp. 42−115.

14. Kolesnik L. M., Pushkina T. L., Svinin V. V. VSORGO i muzeynoye delo v Irkutske [VSORGO and museum business in Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of the Irkutsk State University. Series: History*, 2012, no. 2 (3), pt. 2, pp. 44–56.

15. Gimel'shtejn A. V., Dameshek L. M., Levchenko V. A., Pushkina T. L. Vystavki i krayevedcheskaya deyatel'nost' VSORGO. 1851–1931 gg. [Exhibitions and local history activities of the East Siberian Geographical Society. 1851–1931]. Irkutsk, VostSibkniga Publ., 2012. 240 p.

16. Irkutskiy kray. Chetyre veka : istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti) XVII-XXI vv. [Irkutsk region. Four centuries: the history of the Irkutsk province (region) of the XVII-XXI centuries]; ed. by L. M. Dameshek. Irkutsk, VostSibkniga Publ., 2012. 800 p.

17. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1995. 192 p.

18. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. Izdvo, 1967. 112 p.

19. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1990. 344 p.

20. Lykhin Yu. P. Khudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the 20th century)]. Irkutsk, AEM “Tal'tsy”, 2002. 334 p.

21. Lyhin Yu. P. Hronika hudozhestvennyh sobytij v Irkutske (XVII vek – 1899 god) [Chronicle of artistic events in Irkutsk (XVII century – 1899)]. Izvestiya Arhitekturno-etnograficheskogo muzeya "Tal'cy" [News of the Architectural and Ethnographic Museum "Taltsy"]; ed. by Yu. P. Lyhin. Irkutsk, IP Makarov S. E. Publ., 2004, Is. 3, pp. 51−91.

22. Tkachev V. V. “Muzei dlya obshchestva”: o rabote kollektsionerov v gorodakh Irkutskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka [“Museums for society” about the work of collectors in the cities of the Irkutsk province in the second half of the 19th century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 175–188.

23. Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society]. *Obzor deyatel'nosti VSORGO za 75 let. 1851-1926 gg. Yubileynyy sbornik* [Overview of the activities of the VSORGO for 75 years. 1851-1926. Anniversary collection]. Irkutsk, Vlast' Truda, 1926, vol. 50, is. 1. 143 p.

24. GAIO (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti) [State Archives of the Irkutsk Region], f. 293, op. 1, d. 229.

25. GAIO, f. 480, op. 1, d. 39.

26. GAIO, f. 480, op. 1, d. 60.

27. Arkhiv IOChM (Arkhiv Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya im. V. P. Sukacheva) [Archive of the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukachev]. Delo po istorii Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya [Case on the history of the Irkutsk Regional Art Museum], d. 18.

28. Arkhiv IOChM. Delo S. Ye. Vronskogo [The case of S. E. Vronsky], d. 9.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Tkachev V. Vitaliy, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1]Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
>
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**